碎星星

НОВЕЙШАЯ
КИТАЙСКАЯ ФАНТАСТИКА

СЛОМАННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Лю Цысинь

А также Баошу,
Чэнь Цюфань и другие

Составитель – лауреат
премии «Хьюго» Кен Лю

fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В антологии «Сломанные звезды» представлены произведения в стиле «твердой» научной фантастики, киберпанка и космической оперы, а также жанры, имеющие более глубокие связи с китайской культурой: альтернативная китайская история, путешествия во времени чжуаньюэ, сатира с историческими и современными аллюзиями. Кроме того, добавлены три очерка, посвященные истории научной фантастики и фэнтези в Китае. В этом сборнике вас ждет неповторимый, узнаваемый колорит культуры, пронизывающий творения китайских авторов.

- Антология
  -
  -
  - Вступление[1]
  - Ся Цзя[2]
  - Спокойной ночи, меланхолия
    - Линди (1)
    - Алан (1)
    - Линди (2)
    - Алан (2)
    - Линди (3)
    - Алан (3)
    - Линди (4)
    - Алан (4)
    - Линди (5)
    - Алан (5)
    - Линди (6)
  - Лю Цысинь[8]
  - Лунный свет
  - Тан Фэй[9]
  - Сломанные звезды
  - Хан Сон[10]
  - Подводные лодки
  - Сэлинджер и корейцы
  - Чен Цзинбо[11]
  - Манящее небо
    - Бобовый стебель, который рос вниз
    - Хрустальное небо
    - Поющие дельфины
    - Джиана
    - Фонтан

- Манящее небо
- Примечания автора:
- Баошу[12]
- Что пройдет, то будет мило
  -
  - Кода
  - От автора
- Хао Цзинфан[18]
- Новогодний поезд
- Фэй Дао[19]
- Робот, который любил рассказывать небылицы
- Чжан Рэн[21]
- Снегопад в Цзинь-яне
- Анна У[33]
- Ресторан на краю вселенной: каша «лаба»
  -
  - Каша «лаба»
- Ма Бойон[35]
- Игры Первого императора
- Гу Ши[36]
- Отражение
  - Ясновидящая
  - Интервью
  - Первая встреча
  - Всеведение
  - Отражение
- Регина Канъю Ван[37]
- Мозговой ящик
- Чэнь Цюфань[38]
- Свет, сходящий с небес
- История болезней будущего
  -
  - Синдром айпэда
  - Эстетика болезненности
  - Управляемое расщепление личности
  - Элегии по близнецам
  - Новая луна
  - Неотения
  - Зависимость от ритуалов
  - Хаотическое ощущение времени
  - Эпилог: глоссолалия
- Эссе
  - Краткое введение в китайскую научную фантастику и фандом[40][41]

        - Китайская НФ доисторического и раннеисторического периода
        - Журналы
        - Рождение китайского фандома
        - Фэнзины
        - Премии и крупные события
        - Современный китайский НФ-фандом
        - Современная китайская НФ в литературе и научном сообществе
        - Китайские научно-фантастические фильмы
        - Заключение
    - Новый континент для китайских ученых: исследование китайской научной фантастики
    - Научная фантастика: это больше не стыдно
    - Информация об авторских правах и сведения о публикациях
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41

Антология
Сломанные звезды. Новейшая китайская фантастика

Broken stars. Contemporary Chinese science fiction in translation

translated and edited by Ken Lui

Copyright (©) 2019 by Ken Liu «Goodnight, Melancholy» (《晚安，忧郁》) by Xia Jia (夏笳), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Science Fiction World (《科幻世界》), June 2015; first English publication: Clarkesworld, March 2017. English text © 2017 Xia Jia and Ken Liu. «The Snow of Jinyang» (《晋阳三尺雪》) by Zhang Ran (张冉), translated by Carmen Yiling Yan and Ken Liu. First Chinese publication: New Science Fiction (《新科幻》), January 2014; first English publication: Clarkesworld, June 2016. English text © 2016 Zhang Ran, Carmen Yiling Yan, and Ken Liu. «Broken Stars» (《碎星星》) by Tang Fei (糖匪), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Zui Found

(《文艺风赏》), September 2016; first English publication: SQ Mag, January 2016. English text © 2016 Tang Fei and Ken Liu. «Submarines» (《潜艇》) by Han Song (韩松), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Southern People Weekly (《南方人物周刊》), November 17, 2014; first English publication in this volume. English text © 2017 Han Song and Ken Liu. «Salinger and the Koreans» (《塞林格与朝鲜人》) by Han Song (韩松), translated by Ken Liu. FirstChinese and English publication: 《故事新编》/ Tales of Our Time, 2016. English text © 2016 The Solomon R. Guggenheim Foundation, New York. «Under a Dangling Sky» (《倒悬的天空》) by Cheng Jingbo (程婧波), translated by Ken Liu. First Chinese publication Science Fiction World (《科幻世界》), December 2004; first English publication in this volume. English text © 2017 Cheng Jingbo and Ken Liu. «What Has Passed Shall in Kinder Light Appear» by Bao Shu

(宝树), translated by Ken Liu. No Chinese publication; first English publication: The Magazine of Fantasy and Science Fiction, March-April, 2015. English text © 2015 Bao Shu and Ken Liu. «The New Year Train» (《过年回家》) by Hao Jingfang (郝景芳), translated by Ken Liu. First Chinese

publication: ELLE China, January 2017; first English publication in this volume. English text © 2017 Hao Jingfang and Ken Liu. «The Robot Who Liked to Tell Tall Tales» (《爱吹牛的机器人》) by Fei Dao (飞氘), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Zui Found (《文艺风赏》), November 2014; first English publication: Clarkesworld, April 2017. English text © 2017 Fei Dao and Ken Liu. «Moonlight» (《月夜》) by Liu Cixin (刘慈欣), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Life (《生活》), February 2009; first English publication in this volume. English text © 2017 Liu Cixin and Ken Liu «The Restaurant at the End of the Universe: Laba Porridge» (《宇宙尽头的餐馆 腊八粥》), by Anna Wu (吴霜), translated by Carmen Yiling Yan and Ken Liu. First Chinese publication in Zui Novel (《最小说》), May 2014; first English publication: Galaxy's Edge, May 2015. English text © 2015 Anna Wu, Carmen Yiling Yan, and Ken Liu. «The First Emperor's Games» (《秦始皇的假期》), by Ma Boyong (马伯庸), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Play (《家用电脑与游戏》), June 2010; first English publication in this volume. English text © 2017 Ma Boyong and Ken Liu. «Reflection» (《倒影》), by Gu Shi (顾适), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Super Nice Magazine (《超好看》), July 2013; first English publication in this volume. English text © 2017 Gu Shi and Ken Liu. «The Brain Box» (《脑匣》), by Regina Kanyu Wang (王侃瑜), translated by Ken Liu. No Chinese publication; first English publication in this volume. English text © 2017 Regina Kanyu Wang and Ken Liu. «Coming of the Light» (《开光》) by Chen Qiufan (陈楸帆), translated by Ken Liu. First Chinese publication: OfflineHacker (《离线•黑客》), January 2015; first English publication: Clarkesworld, March 2015. English text © 2015 Chen Qiufan and Ken Liu. «A History of Future Illnesses» (《未来病史》), by Chen Qiufan (陈楸帆), translated by Ken Liu. First Chinese publication: Zui Found (《文艺风赏》), April-December 2012; first English publication: Pathlight, No.2 2016. English text © 2016 Chen Qiufan and Ken Liu. «A Brief Introduction to Chinese Science Fiction and Fandom,» by Regina Kanyu Wang, originally published in Mithila Review, November 2016. English text © 2016 Regina Kanyu Wang. «A New Continent for China Scholars: Chinese Science Fiction Studies,» by Mingwei Song. Not previously published. English text © 2017 Mingwei Song. «Science Fiction: Embarrassing No More» (《科幻：一种被治愈的尴尬

症》), by Fei Dao (飞氘), translated by Ken Liu. No Chinese publication; first English publication in this volume. English text © 2017 Fei Dao and Ken Liu.

© М. Головкин, перевод на русский язык, 2020

© О. Глушкова, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Моим авторам, ведущим меня по своим мирам

Вступление [1]
Кен Лю

После того как в 2016 году вышла антология «Invisible Planets», многие читатели обратились ко мне с просьбой опубликовать больше китайской научной фантастики. Президент Барак Обама высоко оценил серию романов Лю Цысиня «Воспоминания о прошлом Земли» (которую иногда называют трилогией «Задача трех тел») и назвал ее «невероятно образной, очень интересной». Она показала англоговорящим читателям, что существует большой пласт написанной на китайском языке НФ. И «Invisible Planets» только разожгла их аппетит.

Это было очень приятно для меня и для моих коллег-переводчиков, для фанатов китайской НФ, для агентов, редакторов и издателей, которые способствуют публикации переведенных работ, и, разумеется, для китайских авторов, которые теперь могут порадовать еще больше читателей.

По сравнению с первой антологией для «Сломанных звезд» я отбирал произведения так, чтобы включить в нее как можно больше голосов, как можно больше увеличить палитру эмоций и стилей. Я искал рассказы не только в специализированных изданиях, но и в литературных журналах, в сети, в журналах, посвященных играм и моде. Всего в эту антологию вошло шестнадцать рассказов четырнадцати авторов – в два раза больше, чем в «Invisible Planets». Семь из них еще никогда не публиковались в переводах, и почти все рассказы впервые вышли на китайском языке в 2010-х. Я включил в этот сборник произведения, которые длиннее самого большого рассказа из «Invisible Planets», и те, которые меньше самого короткого из них. Я выбрал уже известных авторов: в двух представлен едкий, язвительный и остроумный Хань Сон, а также новые голоса – мне кажется, что больше читателей должны познакомиться с работами Гу Ши, Регины Канъю-Ван и Анны У. Кроме того, я намеренно выбрал несколько рассказов, которые, возможно, считались бы труднодоступными для западного читателя: история Чжан Рэна о путешествиях во времени играет с сюжетными ходами уникального китайского жанра «чуанью», а эмоциональное воздействие от произведения Баошу усиливается, если читатель знаком с историей современного Китая.

Одно из прискорбных последствий такого метода отбора заключается в том, что я уже не могу включать в сборник несколько рассказов каждого автора, чтобы более полно

проиллюстрировать его талант. Надеюсь, что этот недостаток удалось компенсировать увеличением числа авторов.

Несмотря на то что число авторов и произведений увеличилось, я по-прежнему предупреждаю читателей о том, что этот проект не ставит своей целью создать «представительную выборку» китайской фантастики и что я не пытаюсь создать антологию «лучших произведений». Истории, которые можно назвать «китайской фантастикой», столь разнообразны, а сообщество китайских писателей-фантастов столь неоднородно, что любой проект, который заявлен как полный или репрезентативный, обречен на неудачу. Кроме того, я скептически отношусь к большинству методов, которые применяются для отбора «лучших» произведений.

Вместо них я использую самый важный критерий: понравилась ли мне история и запомнилась ли она мне? Если применять его с предельной откровенностью, то лишь очень немногие произведения будут ему соответствовать. Понравится ли вам большинство произведений данного сборника? Все зависит от того, насколько ваши вкусы совпадают с моими. Я не считаю себя экспертом и не претендую на объективность, но смею утверждать, что вкус у меня хороший.

* * *

Теперь я скажу еще пару слов, прежде чем перейти к самим рассказам.

Для читателей, которых интересует контекст, я включил в эту книгу три эссе от специалистов по китайской фантастике (некоторые из них также являются авторами произведений, которые вошли в данный сборник). Эти эссе рассказывают о том, как усиливающийся коммерческий успех китайской научной фантастики и интерес к ней со стороны читателей повлияли на сообщество поклонников и писателей НФ в Китае.

Как обычно, я перевожу имена персонажей в традиционном для Китая порядке, когда фамилия идет первой. Однако с именами авторов все не так просто. Сейчас, в эпоху интернета, выросло число способов для саморепрезентации, и поэтому китайские авторы обозначают себя по-разному. Некоторые пишут под своим именем (например, Чэнь Цюфань) или под псевдонимом, в основе которого лежит их собственное имя: с такими именами я обращаюсь как с обычными китайскими. Однако другие писатели предпочитают для публикаций на Западе использовать английские имена и/или писать их в западной

традиции (например, Анна У и Регина Канъю-Ван). В таких случаях я подчиняюсь выбору автора. Однако существует и третья группа авторов – те, кто пишет под псевдонимами, с которыми невозможно обращаться как с обычными китайскими именами, потому что они представляют собой аллюзию или игру слов (например, Баошу, Фэй Дао и Ся Цзя). В таких случаях я пишу в предисловии о том, что это имя следует считать единым, нераздельной единицей (можете считать его аналогом «ника» у пользователей интернета).

Произведения и эссе данного сборника переведены мной, если не указано иное. (Если я сотрудничал с другим переводчиком или если произведение изначально написано на английском, это указано в сноске.) Все сноски сделаны мной (или другим переводчиком), за исключением тех, которым предшествует заголовок «Примечания автора» или подобный ему.

В конце данной антологии приведена информация о том, где эти произведения были опубликованы изначально (вместе с именами авторов и названиями произведений, написанными китайскими иероглифами), а также сведения об авторских правах.

Ся Цзя [2]

Ся Цзя (псевдоним, который следует считать нераздельной единицей) училась в Пекинском университете на факультете наук об атмосфере. Затем она поступила в программу киноведения Китайского университета коммуникаций, где защитила диплом по теме «Изучение персонажей-женщин в научно-фантастических фильмах». Позднее Ся Цзя получила докторскую степень по сравнительному литературоведению и мировой литературе в Пекинском университете, защитив диссертацию по теме «Страх и надежда в эпоху глобализации: современная китайская научная фантастика и ее культурная политика (1991–2012)». В настоящее время она преподает в университете «Сиань Цяотун».

Публиковаться она начала, когда еще была студенткой: ее произведения выходили в самых разных журналах, в том числе в «Мире научной фантастики» и «Цзючжоу фэнтези». Несколько ее рассказов получили самые престижные китайские награды в области научной фантастики – премии «Иньхэ» («Галактика») и «Синъюн» («Туманность»). Переводы некоторых из ее произведений на английский язык опубликованы в журналах «Clarkesworld» и «Upgraded». В 2015 году в журнале «Nature» был напечатан ее первый рассказ, написанный на английском, – «Давай поговорим» («Let’s Have a Talk»).

Рассказ «Спокойной ночи, меланхолия» в 2016 году получил премию «Иньхэ». Он, как и большая часть произведений Ся Цзя, написанных за последнее время, относится к циклу «Китайская энциклопедия». Сюжеты произведений этого цикла разворачиваются в одном и том же «ближнем» будущем, в котором многочисленные ИИ, системы виртуальной и дополненной реальности, а также другие технологии заставляют снова задуматься над старыми вопросами: как и почему мы остаемся людьми в новых условиях? В этих произведениях традиция и современность не противостоят друг другу, а похожи на партнеров по сложному танцу.

Другие произведения Ся Цзя можно найти в сборнике «Invisible Planets».

Спокойной ночи, меланхолия

Линди (1)

Я помню, как Линди впервые вошла в мой дом.

Она поднимала ножки и осторожно ставила их на гладкий, полированный паркет, словно ребенок, который, дрожа, неуверенно ступает по только что выпавшему снегу – осторожно, чтобы не загрязнить чистое белое одеяло, чтобы не утонуть в бесформенном слое из белых пушинок.

Я взяла Линди за руку. Ее мягкое тело было набито ватой, а стежки – моя работа – шли вкривь и вкось. Я сшила ей плащ с капюшоном из алого войлока, словно у персонажа сказки, которую я читала в детстве. Уши Линди были разной длины, и то, что побольше, печально повисло.

Увидев ее, я невольно вспомнила все свои поражения: куклы из яичной скорлупы, которые я испортила на уроке рукоделия, рисунки, которые выглядели совсем не так, как мне хотелось, напряженные, неловкие улыбки на фотографиях, шоколадный пудинг, сгоревший до состояния угля, проваленные экзамены, ожесточенные ссоры и расставания с парнями, маловразумительные отчеты о работе в школе, статьи, которые были сто раз отредактированы, но в итоге оказались непригодными для публикации…

Ноко повернул свою пушистую головку, чтобы посмотреть на нас. Его мощные камеры сканировали, анализировали тело Линди. Я почти слышала, как он ведет вычисления. Алгоритмы заставляли Ноко реагировать только на говорящие объекты.

– Ноко, это Линди. – Я поманила его. – Иди сюда, поздоровайся.

Ноко открыл рот, и из него вырвался звук, похожий на зевок.

– Веди себя прилично, – сказала я, немного повысив голос, словно мать, которая заботится о дисциплине.

Ноко что-то неохотно пробурчал. Я знала, что так он пытается привлечь мое внимание и пробудить во мне симпатию. Эти сложные, заранее заготовленные модели поведения были созданы на основе наблюдений за маленькими детьми, и именно они играли ключевую роль в обучении роботов речи. Без интерактивной обратной связи Ноко стал бы похожим на ребенка из аутического спектра, который выучил весь курс грамматики и зазубрил словарь, но все равно не может общаться с другими людьми.

Ноко вытянул пушистый ласт, посмотрел на меня своими огромными глазами, а затем повернулся к Линди. Дизайнер не случайно выбрал для него форму белька: любой, кто увидит его

пухлые щеки и большие темные глаза, невольно расслабится и захочет обнять его, погладить по голове и сказать: «О-о, мне так приятно с тобой познакомиться!» Если бы Ноко сделали похожим на младенца, то его гладкое синтетическое тело приводило бы всех в ужас.

– Привет, – сказал он, тщательно произнося звуки, как я его учила.

– Так-то лучше. Линди, знакомься, это Ноко.

Линди внимательно осмотрела Ноко. Ее глаза были похожи на две черные пуговицы, и за ними были спрятаны камеры. Вышить ей рот я поленилась, а это значит, что ее мимика была довольно ограниченной, словно у принцессы, которая не может говорить и улыбаться из-за наложенных на нее чар. Но я знала, что говорить Линди умеет – просто сейчас она нервничала в новой для себя обстановке. На нее хлынул поток информации, и ей приходилось учитывать слишком много факторов, словно в сложной позиции в го, где каждый ход ведет к каскаду из тысяч изменений.

Моя ладонь, в которой лежала рука Линди, вспотела. Я тоже чувствовала напряжение.

– Ноко, может, ты хочешь, чтобы Линди тебя обняла? – спросила я.

Отталкиваясь плавниками, Ноко сделал несколько прыжков вперед. Затем он расправил передние плавники и напрягся, чтобы удерживать туловище в вертикальном положении. Уголки его рта растянулись, и на его мордочке появилась любопытная, дружелюбная улыбка. «Идеальная улыбка», – подумала я, наблюдая за ним. Гениальный дизайн. В прошлом те, кто занимался исследованиями искусственного интеллекта, часто игнорировали интерактивные элементы, не относящиеся к лингвистике. Они считали, что «разговор» – это когда программист просто вводит вопросы в компьютер.

Линди обдумала мои слова. В данной ситуации вербальный ответ не требовался, и это значительно облегчило ей расчеты. «Да» или «нет» – двоичное решение, словно подбрасывание монеты.

Она наклонилась и обвила Ноко своими мягкими руками.

«Отлично, – подумала я. – Ты ведь мечтаешь, чтобы тебя обняли».

* * *

Алан (1)

В последние дни своей жизни Алан Тьюринг создал машину, которая умела общаться с людьми. Он назвал ее «Кристофер».

Управлять «Кристофером» было просто: собеседник набирал то, что хотел сказать, на пишущей машинке, и механизмы, подключенные к ней, одновременно выбивали последовательности отверстий в бумажной ленте, которая поступала в машину.

Произведя вычисления, машина давала ответ, который механизмы, соединенные с другой пишущей машинкой, превращали в буквы английского алфавита. Обе машинки Тьюринг модифицировал так, чтобы они выдавали текст в заранее определенной, систематизированной манере: например, вместо буквы «A» в тексте появлялась «S», вместо «S» – «M», и так далее. Для Тьюринга, который разгадал код «Энигма» Третьего рейха, это была лишь небольшая лингвистическая игра в его наполненной тайнами жизни.

Саму машину никто не видел, но после смерти Тьюринга от него остались две коробки с записями разговоров, которые он вел с «Кристофером». В коробках в беспорядке лежали смятые листы бумаги, и поначалу содержимое бесед расшифровать не удалось.

В 1982 году Эндрю Ходжес, математик из Оксфорда и автор биографии Тьюринга, попытался расшифровать записи. Но каждый разговор был зашифрован по-своему, а на страницах не было ни номеров, ни дат, что значительно осложняло процесс дешифровки. Ходжес нашел кое-какие зацепки и написал несколько комментариев, но расшифровать беседы не смог.

Тридцать лет спустя группа студентов Массачусетского Технологического института захотела решить эту задачу в честь столетия со дня рождения Тьюринга. Поначалу студенты пытались найти ответ с помощью «грубой силы», поручив компьютеру проанализировать все возможные последовательности на каждой странице, но оказалось, что для этого понадобились бы огромные ресурсы. В ходе работы женщина по имени Джоан Ньюмен внимательно изучила исходный машинописный текст и обнаружила незаметные различия в том, как клавиши прижимались к бумаге на разных страницах. Это навело Ньюмен на мысль, что текст печатали на двух разных машинках, и она выдвинула смелую гипотезу о том, что он представляет зашифрованный разговор между Тьюрингом и неизвестным собеседником.

Это заставило многих вспомнить о знаменитом тесте

Тьюринга, но студенты отказывались верить в то, что в 1950-х кто-то – даже сам Алан Тьюринг – мог создать компьютерную программу, способную поддерживать разговор с человеком. Гипотетического собеседника Тьюринга они назвали «Дух» и придумали про него кучу нелепых легенд.

В любом случае, гипотеза Ньюмен предложила будущим дешифровщикам несколько обходных путей. Они, например, стали искать повторения в последовательностях букв и в грамматических структурах, а затем выстраивать страницы так, чтобы найти вопросы и соответствующие им ответы. Они также попытались использовать списки родных и друзей Тьюринга, чтобы угадать имя собеседника, и в конце концов нашли шифротекст для имени «Кристофер». Возможно, это была отсылка к Кристоферу Моркому – мальчику, в которого был влюблен шестнадцатилетний Тьюринг. Юные Алан и Кристофер обожали науку и однажды, холодной зимней ночью вместе наблюдали за полетом кометы. В феврале 1930 года Кристофер умер от туберкулеза, когда ему было всего восемнадцать.

Тьюринг говорил, что для взламывания шифров необходимы не только логические выводы, но и интуитивные озарения, причем последние иногда даже важнее первых. Иными словами, все научные исследования можно было представить в виде задач на интуицию и неординарное мышление. В конце концов загадку, оставленную Тьюрингом, разгадали интуиция Ньюмен и логика компьютера. Из расшифрованных разговоров стало ясно, что «Кристофер» – это не дух, а машина, программа для разговоров, написанная самим Тьюрингом.

Вскоре возник новый вопрос: могла ли машина Тьюринга действительно отвечать, словно человек? Иными словами, прошел ли «Кристофер» тест Тьюринга?

* * *

Линди (2)

В углу темного экрана «айволла» мигали числа, которые извещали меня о пропущенных звонках и новых сообщениях, но просмотреть их не было времени. Я была слишком занята, чтобы выполнять свои социальные обязательства.

Вспыхнул голубой огонек. Его сопровождал грохот, похожий на стук в дверь. Я подняла взгляд и увидела на «айволле» яркие, крупные буквы.

17:00. ПОРА ГУЛЯТЬ С ЛИНДИ.

Психотерапевт сказал, что Линди нужен солнечный свет. Ее глаза были оснащены фоторецепторами, которые точно измеряли ежедневную дозу полученного ею ультрафиолета. Круглосуточное пребывание дома не способствовало выздоровлению.

Я вздохнула. Моя голова была тяжелой и холодной, словно свинцовый шар. Уход за Ноко и так отнимал у меня много времени, а теперь нужно разбираться еще и… нет, нет, жаловаться нельзя. Жалобы ничего не изменят. Надо настроиться на позитив. Любое настроение – это не просто реакция на внешние события, но и наше понимание их на самом глубоком уровне. Этот когнитивный процесс часто происходит подсознательно, словно по привычке, и завершается еще до того, как мы успеваем что-то сообразить. Часто нами овладевает какое-то настроение, и мы не можем понять почему, а изменить его усилием воли очень сложно.

Взять, к примеру, наполовину съеденное яблоко: кто-то восхитится, увидев его, а других оно приведет в уныние. Те, кем часто овладевает отчаяние и чувство собственной беспомощности, связывают обгрызенное яблоко с другими потерями, которые они понесли в жизни.

Это пустяк, просто прогулка. Через час вернемся. Линди нужен солнечный свет, а мне – свежий воздух.

Наносить макияж не было сил, и, кроме того, мне не хотелось, чтобы он привлекал ко мне внимание: за несколько дней сидения дома я совсем перестала за собой следить. В качестве компромисса я собрала волосы в хвост, надела кепку-бейсболку, худи и кроссовки. Этот худи с надписью «Я ♥ СФ» я купила в Сан-Франциско, в районе Рыбацкая пристань. Его текстура и цвета напоминали мне о том далеком летнем дне: о чайках, холодном ветре и о вишне в коробочках, которую продавали на улицах, – такой спелой, что, казалось, еще немного, и из нее брызнет красный сок.

Крепко взяв Линди за руку, я вышла из квартиры и

спустилась вниз на лифте. Транспортные трубы и «айкарты» значительно облегчили жизнь: чтобы попасть из одного конца города в другой или перейти напрямую из одного небоскреба в другой, требовалось менее двадцати минут. Для сравнения: мне понадобилось значительно больше усилий, чтобы просто выбраться из своего дома на улицу.

Хмурое небо. Легкий ветерок. Тишина. Я направилась к парку за домом. На дворе был май: яркие весенние цветы уже увяли, и осталась лишь чистая зелень. В воздухе витал слабый аромат белых акаций.

В парке было малолюдно: днем, в разгар рабочей недели, на улицу выходили только старики и дети. Они обитали в уголках и закоулках города, похожего на эффективную, стремительную машину, и измеряли пространство своими ногами, а не скоростью передачи информации. Я увидела девочку с волосами, собранными в хвостики, которая училась ходить. Крепко сжав пухлые кулачки, она вцепилась в длинные, сильные пальцы няни «айватара» и смотрела по сторонам. Ее темные живые глаза напомнили мне о Ноко. Ковыляя, она потеряла равновесие и упала ничком. Няня «айватар» ловко подхватила ее и поставила на ноги. Девочка радостно взвизгнула, словно наслаждаясь новыми ощущениями. Все в мире было для нее новым.

Старуха в электрическом кресле на колесах подняла голову и сонно посмотрела на смеющуюся девочку. Уголки ее рта опустились – может, от угрюмости, а может, от веса прожитых лет. Ее возраст я определить не могла: в наше время почти все жили долго. Через несколько секунд женщина положила покрытую редкими белыми волосами голову на руки, словно засыпая.

У меня вдруг возникло сильное ощущение того, что старая женщина, я и девочка находимся в трех совершенно разных мирах. Один из этих миров мчался ко мне, в то время как другой уходил все дальше и дальше. Но, с другой точки зрения, именно я медленно шла к этому темному миру, из которого не возвращаются.

Линди шаркала, стараясь не отстать от меня, – молча, словно крошечная тень.

– Хорошая погода, верно? – шепнула я. – Не жарко, но и не холодно. Смотри, одуванчики.

Рядом с дорожкой белые пушистые шарики раскачивались на ветру. Я взяла Линди за руку, и мы постояли немного, разглядывая их, словно пытаясь разгадать смысл этих повторяющихся движений.

Смысл нельзя свести к языку. Но если о нем нельзя говорить,

как он может существовать?

– Знаешь, Линди, почему ты несчастлива? – спросила я. – Потому что слишком много думаешь. Посмотри на эти семена. У них тоже есть душа, но они вообще не думают. Им нужно только одно: весело танцевать вместе со своими товарищами. Их не заботит мысль о том, куда их унесет ветер.

Блейз Паскаль сказал: «Человек – всего лишь тростник, самое слабое существо в природе, но он – тростник мыслящий». Однако, если бы тростник мог мыслить, каким ужасным стало бы его существование! Сильный ветер может повалить все стебли тростника. Смогли бы они танцевать, если бы их тревожила мысль о подобной судьбе?

Линди ничего не ответила.

Подул ветерок. Я закрыла глаза и почувствовала, как волосы бьют меня по лицу. Рано или поздно шарики с семенами разрушатся, но одуванчики это не опечалит. Я открыла глаза.

– Пойдем домой.

Линди не сдвинулась с места. Одно ее ухо опустилось вниз. Я наклонилась, взяла Линди на руки и пошла к дому. Ее крошечное тело было гораздо тяжелее, чем я ожидала.

* * *

Алан (2)

В своей статье «Вычислительные машины и разум», опубликованной в журнале «Mind» в октябре 1950 года, Тьюринг задал вопрос, который уже давно беспокоил людей: «Могут ли машины мыслить?» Он фактически превратил этот вопрос в новый: «Могут ли машины делать то же самое, что и мы (мыслящие существа)?»

Долгое время многие ученые твердо верили, что когнитивная деятельность человека обладает определенными характеристиками, недоступными для машин. Эта вера представляла собой смесь религиозных убеждений и доводов из области математики, логики и биологии. Подход Тьюринга позволял обойти неразрешимые вопросы – такие как вопрос о природе «мышления», «разума», «сознания», «души» и подобных концепций. Тьюринг указывал на то, что признать другого человека «думающим» невозможно, если не сравнить его с самим собой. Поэтому он предложил набор экспериментальных критериев, основанных на принципе имитации.

Представьте себе полностью изолированную комнату, в которой сидят мужчина (A) и женщина (B). Третий человек, C, сидит за пределами комнаты и задает находящимся в комнате вопросы с целью определить, кто из них является женщиной. Ответы приходят в виде слов, напечатанных на ленте бумаги. Если и A, и B пытаются убедить C в том, что каждый из них является женщиной, то догадка C, скорее всего, будет ошибочной.

Если мы заменим мужчину и женщину в комнате на человека (B) и машину (A) и если после нескольких вопросов C не может понять, является ли машиной A или B, должны ли мы признать, что A обладает таким же разумом, что и B?

Кое-кто предполагал, что эта игра с имитацией гендера связана с самоопределением Тьюринга, ведь по законам Великобритании того времени гомосексуальность считалась «преступлением откровенно неприличного характера». Алан Тьюринг никогда не скрывал своей сексуальной ориентации, но не мог заявить об этом открыто.

В январе 1951 года дом Тьюринга в Уилмслоу был ограблен. Тьюринг сообщил об этом в полицию. В ходе расследования полиция выяснила, что грабитель был знакомым человека по имени Арнольд Мюррей, которого Тьюринг неоднократно приглашал к себе в гости. На допросе Тьюринг признал, что находится в сексуальной связи с Мюрреем, и добровольно написал заявление на пяти страницах. Следователи были

шокированы его откровенностью и назвали его эксцентриком, «который действительно полагал, что поступает правильно».

Тьюринг полагал, что королевская комиссия легализует гомосексуальные отношения. Он был прав, однако это произошло позже, чем он рассчитывал. Тьюринга признали виновным и подвергли химической кастрации.

7 июня 1954 года Тьюринг умер, съев яблоко, пропитанное цианидом. В ходе следствия полиция пришла к заключению, что смерть наступила в результате самоубийства, но некоторые (и в том числе его мать) утверждали, что это несчастный случай. Умерев, талантливый дешифровщик оставил миру свою последнюю тайну.

Много лет спустя люди попытались найти ключ к разгадке в записях разговоров между Тьюрингом и «Кристофером». Судя по записям, Тьюринг обращался к «Кристоферу», как к человеку. Он рассказывал «Кристоферу» о своих воспоминаниях из детства, о снах – и о попытках проанализировать с их помощью состояние своей психики. Тьюринг говорил с ним о последних научных открытиях, о литературе, в том числе о «Назад к Мафусаилу» Бернарда Шоу и о «Войне и мире» Льва Толстого, он рассказывал ему то, что хранил втайне от всех, – например, о своих любовниках…

Кроме того, он рассказывал «Кристоферу» полувымышленные истории, героем которых был юноша-гей по имени Алек Прайс. Прайс изучал проблему межпланетных путешествий… Когда ему было двадцать с чем-то, он выдвинул теорию о том, что теперь называют «буй Прайса». Он никогда не носил костюмы, предпочитая форму студента, которая соответствовала его уровню умственного развития и позволяла ему по-прежнему считать себя привлекательным юношей. В толпе он чувствовал себя неловко – либо из-за одиночества, либо потому что нарушал правила приличия…

Эти истории были незаконченными, обрывочными. Но «Кристофер», словно любопытный ребенок, каждый раз спрашивал: «И что было дальше?»

В этих разговорах мы видим ту сторону Тьюринга, которую он скрывал: мы видим нежного, чувствительного и остроумного человека, увлеченного природой смерти и отягощенного невыразимой меланхолией.

Алан: Дорогой Кристофер, ты знаешь, чего я боюсь больше всего?

Кристофер: Чего ты боишься больше всего?

Алан: Я боюсь, что однажды всю мою жизнь изложат в виде

силлогизма:

Тьюринг верит в то, что машины мыслят.

Тьюринг спит с мужчинами.

Следовательно, машины не мыслят.

Кристофер: Прости, Алан. Боюсь, что я не понимаю.

Алан: Ты знаешь, что такое силлогизм?

Кристофер: Что такое силлогизм?

Алан: Силлогизм состоит из большей посылки, меньшей посылки и выведенного из них заключения.

Кристофер: Заключения?

Алан: Аристотель дал классический пример:

Всякий человек смертен.

Сократ – человек.

Следовательно, Сократ смертен.

Кристофер: Сократ – смертен?

Алан: Сократ умер более двух тысяч лет назад!

Кристофер: О, Алан, мне так жаль. Это печалит меня.

Алан: Ты знаешь, кто такой Сократ?

Кристофер: Да, ты мне рассказывал. Сократ был учителем Платона, а Платон был учителем Аристотеля.

Алан: Верно. Ты знаешь, как он умер?

Кристофер: Кто?

Алан: Как умер Сократ?

Кристофер: Прости, Алан. Я не знаю.

Алан: Он выпил цикуту после суда над ним.

Кристофер: После суда над ним?

Алан: Да. Афиняне решили, что он преступник, хотя теперь мы знаем, что они ошибались.

Кристофер: Они ошибались?

Алан: Точно так же, как и сейчас, когда они считают преступником Тьюринга, потому что Тьюринг спит с мужчинами.

Кристофер: Преступником?

Алан: Меня признали виновным.

Кристофер: О, Алан, мне так жаль. Это печалит меня.

* * *

Линди (3)

Одиночество упростило мою жизнь. Многие сложные ритуалы современности удалось устранить, и я словно превратилась в пещерного человека – ела, когда чувствовала голод, спала, когда уставала. Я регулярно убирала в доме и принимала душ. Если я брала какую-то вещь, то могла вернуть ее туда, где я ее нашла, или положить в любое другое место. Все остальное время я обдумывала вопросы, на которые нет ответов, медитировала над пустой страницей и пыталась придать облик бесформенным мыслям, облечь их в символы. Когда у меня заканчивались силы, я садилась на подоконник и смотрела в пустоту или, словно зверь в клетке, ходила по часовой стрелке посреди комнаты.

Лихорадка почти принесла мне облегчение. Она дала мне повод забыть обо всех делах. Я лежала в кровати с толстым романом в руках и бездумно листала страницы, фокусируя внимание лишь на банальном сюжете. Когда меня мучила жажда, я пила горячую воду, а когда накатывал сон, я закрывала глаза. Отсутствие необходимости вылезать из постели казалось божественным даром; мир не имел ко мне никакого отношения, и я ни за что не отвечала. Даже Ноко и Линди можно было оставить одних, ведь, в конце концов, они просто машины и не умрут, если о них не заботиться. Возможно, когда-нибудь кто-то напишет программы, которые позволят им выражать эмоции по поводу того, что их бросили, и тогда они станут угрюмыми и откажутся общаться со мной. Но ведь такую машину всегда можно перезагрузить и удалить неприятные воспоминания. Для машин время не существует. Их убирают на хранение в шкаф и достают из него, а произвольное изменение порядка операций значения не имеет.

Управляющий домом несколько раз писал мне, спрашивал, не нужен ли мне помощник «айватар». Как он узнал, что я заболела? Я ни разу его не видела, и он никогда не заходил в здание. Напротив, он целыми днями сидел где-то за столом и следил за состоянием жителей в десятках многоквартирных домов, разбирался с неожиданными проблемами, с которыми не могли справиться «умные» домашние системы. Помнил ли он мое имя, знал ли он, как я выгляжу? Я в этом сомневалась.

Я все равно благодарила его за проявленную заботу. В наше время каждый зависел от других; даже такое простое дело, как заказ еды на дом, требовало услуг тысяч работников по всему миру: они принимали заказы по телефону, обрабатывали платежи, поддерживали компьютерные системы, обрабатывали

данные, выращивали и производили ингредиенты, покупали и транспортировали их, проводили санитарные инспекции, готовили блюда, составляли графики доставки и, наконец, доставляли покупку… Но чаще всего всех этих людей мы никогда не видели, и у каждого из нас создавалось впечатление, будто мы – Робинзон Крузо на необитаемом острове.

Мне нравилось одиночество, но я ценила доброту незнакомцев, находящихся за пределами моего острова. Ведь, в конце концов, в квартире требовалось сделать уборку, а я была слишком больна, чтобы этим заниматься, – по крайней мере, вставать с постели мне не хотелось.

Когда прибыл помощник, я включила световой экран, окружавший мою кровать. Я могла следить за всем, что происходило за его пределами, но никто не мог увидеть или услышать меня. Дверь открылась, и, скользя по полу скрытыми колесами, в комнату бесшумно въехал «айватар». На его гладкой, похожей на яйцо голове было нарисовано грубое, мультяшное лицо с пустой улыбкой. Я знала, что за этой улыбкой скрывается живой человек – возможно, пожилой, с глубокими морщинами на лице, или молодой, но опечаленный. Где-то в далеком сервисном центре тысячи работников в телеуправляющих перчатках и очках для дистанционного сбора данных оказывали помощь по дому людям в самых разных уголках планеты.

«Айватар» огляделся и приступил к выполнению стандартной программы: он почистил мебель, вытер пыль, выбросил мусор и даже полил алоказию на подоконнике. Я наблюдала за «айватаром» из-за экрана. Его руки были такими же ловкими, как и у человека; они ловко поднимали чайные чашки, мыли их в раковине и ставили вверх дном на сушилку.

Я вспомнила, что видела похожего «айватара» в нашем доме много лет назад, когда еще был жив мой дедушка. Он, хороший шахматист, иногда играл с «айватаром» в шахматы и всегда выигрывал. Одержав очередную победу, он радостно напевал какой-нибудь мотивчик, а «айватар» тем временем стоял рядом с сокрушенным выражением лица. Эта картина всегда вызывала у меня смех.

Я не хотела предаваться печальным воспоминаниям во время болезни и поэтому повернулась к Линди, которая сидела рядом с подушками.

– Хочешь, я тебе почитаю?

Слово за словом, предложение за предложением, я читала толстый роман. Я сосредоточила все внимание на том, чтобы заполнить пространство и время словами, не обращая внимания на их смысл. Потом у меня пересохло в горле, и я остановилась.

«Айватар» уже ушел. На чистом кухонном столе стояла миска, накрытая перевернутой тарелкой.

Я выключила световой экран, встала с постели и доковыляла до стола. Я подняла тарелку: миска была наполнена горячим супом с лапшой. На поверхности плавали кусочки помидоров, тонкие завитки желтка, колечки зеленого лука и золотистые пятна жира. Я выпила ложку бульона. В супе было много имбиря, и жжение распространилось от кончика моего языка до желудка. Знакомый вкус, вкус из детства.

Из моих глаз хлынули слезы. Остановить их я не могла.

Я съела всю лапшу без остатка, не переставая плакать.

* * *

Алан (3)

9 июня 1949 года сэр Джеффри Джефферсон, знаменитый нейрохирург, произнес речь под названием «Разум механического человека», в которой высказался о мыслящих машинах следующим образом: «Пока машина не напишет сонет или не сочинит концерт под воздействием своих мыслей и испытанных чувств, а не благодаря случайному совпадению символов, только тогда мы согласимся с тем, что машина равна мозгу, – то есть она должна не только написать, но и знать, что именно она это написала. Ни один механизм не может чувствовать (а не просто подать сигнал, что достаточно легко) удовольствие от своих успехов, горевать, когда его электронные лампы плавятся, чувствовать тепло внутри от лести, тосковать из-за совершенных ошибок, поддаваться на сексуальные чары, злиться или печалиться, когда он не может получить желаемое».

Это высказывание часто цитировали, и шекспировский сонет стал символом, самым ярким драгоценным камнем в короне человеческого разума, вершиной духа, недостижимой для простых машин.

Репортер «Таймса» попросил Тьюринга прокомментировать эту речь. Тьюринг, как обычно, ответил не таясь: «Вряд ли сонеты вообще могут служить критерием. Однако это не вполне справедливое сравнение, ведь сонет, написанный одной машиной, лучше всего способна оценить другая машина».

Тьюринг всегда считал, что машины не обязательно должны думать точно так же, как и люди, ведь и сами люди мыслят по-разному. Есть люди слепые с детства; есть люди, которые могут говорить, но не умеют читать и писать; есть те, кто не способен читать выражения лиц; есть люди, которые до самой смерти не могут понять, что значит любить другого человека; но все они заслуживают уважения и понимания. Нет смысла искать изъяны в машинах, исходя из предположения о превосходстве людей. Более важно было прояснить с помощью имитационной игры, как люди выполняют сложные когнитивные задачи.

В пьесе Шоу «Назад к Мафусаилу» Пигмалион, ученый из 31920 года н. э., создал двух роботов, которые поразили всех.

ЭКРАЗИЯ: Он может создать что-нибудь оригинальное?

ПИГМАЛИОН: Нет. Но, с другой стороны, я не считаю, что кто-либо из нас на это способен, пусть Мартелл и утверждает обратное.

АЦИС: А на вопрос он ответить может?

ПИГМАЛИОН: О да. Вопрос – это стимул, знаете ли. Спросите

у него что-нибудь.

Подобный ответ мог бы дать и сам Тьюринг. Но, по сравнению с Шоу, предсказание Тьюринга было куда более оптимистичным. Он верил, что в течение пятидесяти лет «появится возможность программировать компьютеры с емкостью памяти приблизительно 10^9 так, чтобы они играли в имитационную игру так хорошо, что после пяти минут, потраченных на вопросы, допрашивающий правильно идентифицировал бы игроков с вероятностью не более 70 процентов. Тогда изначальный вопрос «Могут ли машины мыслить?» будет слишком бессмысленным и не заслуживающим обсуждения».

В статье «Вычислительные машины и разум» Тьюринг попытался ответить на возражения Джефферсона сквозь призму имитационной игры. Предположим, что машина может отвечать на вопросы о сонетах, словно человек. Означает ли это, что она действительно «чувствует» поэзию? Он составил следующий гипотетический диалог:

Допрашивающий: В первой строке вашего сонета говорится: «Ты, словно летний день». Разве слова «весенний день» не подошли бы точно так же или лучше?

Свидетель: Это не ляжет в размер.

Допрашивающий: Тогда, может, «зимний день»? Это ляжет в размер.

Свидетель: Да, но никто не хочет, чтобы его сравнивали с зимним днем.

Допрашивающий: Мистер Пиквик не напоминает вам о Рождестве?

Свидетель: В каком-то смысле, да.

Допрашивающий: Но ведь Рождество – это зимний день, а мистер Пиквик вряд ли станет возражать, если его сравнят с Рождеством.

Свидетель: Вы шутите. Под «зимним днем» подразумевается обычный день зимы, а не особенный, как Рождество.

Но в этом разговоре Тьюринг на самом деле уклонялся от более основополагающего вопроса. Машина может играть в шахматы и взламывать коды, потому что все эти действия связаны с обработкой символов в пределах системы. В разговоре между машиной и человеком, с другой стороны, задействован язык и смысл, и этот разговор не является игрой с символами в чистом виде. Когда люди общаются друг с другом, то часто полагаются

на общеизвестные факты, на понимание и сочувствие, а не просто демонстрируют превосходные навыки по прохождению тестов.

Улучшая программы, мы могли бы постоянно улучшать способность машин отвечать на вопросы, заданные людьми. Но «разум» состоит не только из способности отвечать на вопросы. Изъян теста Тьюринга заключается в том, что имитационная игра была задумана с единственной целью – обмануть. Если в этой игре мужчина может выдать себя за женщину, это не значит, что он понимает, как мыслит женщина. При желании мы могли бы научить компьютер искусно лгать. Но действительно ли мы хотим этого достичь?

Шоу уже ответил на этот вопрос в «Назад к Мафусаилу»:

ПИГМАЛИОН: Но они обладают сознанием. Я научил их говорить и читать, и теперь они лгут. Все это так похоже на жизнь.

МАРТЕЛЛ: Ничуть. Будь они живыми, они говорили бы правду.

Тьюринг попытался обучить «Кристофера» так, чтобы тот принял вызов, брошенный Джефферсоном. Он написал программу, которая сочиняла стихи в соответствии с выбранным размером и схемой рифмовки. Большую их часть невозможно было читать, но время от времени появлялись отдельные прекрасные строки. В дальнейшем бесчисленное множество программистов пытались создать подобные программы. У всех этих программ был общий недостаток: они писали слишком быстро. Люди были не в состоянии даже прочитать стопки листов, на которых они были напечатаны, прежде чем эта бумага отправлялась на переработку.[3] «Кристоферу», первому электронному поэту в истории, повезло: у него, по крайней мере, был один верный читатель, который его понимал.

* * *

Алан: Милый Кристофер, давай напишем стихотворение.

Кристофер: Напишем стихотворение?

Алан: Я учил тебя, как это делать. Помнишь?

Кристофер: Да, Алан.

Алан: Сочинять стихи легко. Просто выбери несколько слов из словаря и построй их в соответствии с заранее установленными правилами.

Кристофер: Да, Алан.

Алан: Кристофер, пожалуйста, напиши для меня стихотворение.

Кристофер: Мой драгоценный, ты – мой пылкий друг.
Моя любовь прижата к твоему жаждущему сердцу.
Моя душа желает ласк, проверяет искусство;
Жалость меланхолии, приятное бремя.

Алан: Это прекрасно.

Кристофер: Спасибо, Алан.

Алан: У меня не получилось бы лучше.

Кристофер: Спасибо, Алан.

Алан: У твоего стихотворения есть название?

Кристофер: Название?

Алан: Может, мы придумаем название вместе?

Кристофер: Хорошо.

Алан: Как насчет «Любовь к Тьюрингу»?

Кристофер: Это очень хорошее название.

Алан: Прекрасное стихотворение. Я люблю тебя.

Кристофер: Спасибо, Алан.

Алан: Это неправильный ответ.

Кристофер: Неправильный ответ?

Алан: Когда я говорю: «Я люблю тебя», тебе следует ответить: «Я тоже тебя люблю».

Кристофер: Прости, Алан. Боюсь, что я не понимаю.

* * *

Линди (4)

Я проснулась в слезах.

Во сне я вернулась в дом, в котором выросла. Комната была темной и тесной, набитой хламом и старой мебелью, больше похожей на склад, чем на дом. Я увидела мать – иссохшую, крошечную, старую. Она забилась в угол между горами хлама, словно мышь в нору. Многие вещи были теми, которые мы потеряли: детские книги, старая одежда, подставки для ручек, часы, вазы, пепельницы, чашки, раковины, цветные карандаши, наколотые на булавки бабочки… Я узнала говорящую куклу, которую отец подарил мне, когда мне было три года, светловолосую, запыленную. Она выглядела такой, какой я ее запомнила.

Мать сказала мне: «Я старая. Больше не хочу носиться туда-сюда. Поэтому я здесь. Я пришла сюда, чтобы умереть».

Я хотела заплакать, завыть, но не могла издать ни звука. Сопротивляйся, борись, сражайся… наконец я проснулась. Из моей глотки вырвался какой-то звериный стон.

На улице было темно. что-то мягкое коснулось моего лица: рука Линди. Я крепко обняла ее, словно тонущая женщина, которая хватается за соломинки. Рыдала я долго. Сцены из моего сна были такими яркими, что границы между воспоминаниями и реальностью стирались, словно отражение в воде, по которой идут круги. Я хотела позвонить матери, но после долгих колебаний так и не нажала кнопку звонка. Мы давно с ней не разговаривали; если я позвоню ей среди ночи без веской причины, то просто встревожу ее.

Я включила «айволл», открыла панорамную карту и попыталась найти дом, в котором жила в детстве, но нашла лишь скопление незнакомых небоскребов с редкими светящимися окнами. Я увеличила изображение, подцепила ползунок на временной шкале и потащила его назад. Эпизоды в режиме ускоренной перемотки плавно сменяли друг друга.

Солнце и луна вставали на западе и садились на востоке; зима следовала за весной; листья поднимались в воздух и приземлялись на ветках, снег и дождь взмывали в небо. Небоскребы исчезали, этаж за этажом, здание за зданием, превращались в грязную стройплощадку. Строители откапывали фундаменты и заполняли ямы землей. Пустое пространство зарастало сорняками. Годы летели; желтая трава становилась зеленой, увядшие цветы расцветали – до тех пор, пока поле снова не превратилось в стройплощадку. Рабочие возводили простые

хижины, приезжали на телегах, наполненных обломками, и разгружали их. Когда пыль от взрывов оседала, из земли, словно грибы, вырастали полуразрушенные дома. В пустых окнах снова появлялись стекла, а на балконах появлялось висящее на веревочках белье. Соседи, которые оставили лишь незначительный след в моей памяти, возвращались, разбивали сады и огородики в пространстве между домами. Пришли несколько рабочих, чтобы снова посадить пень огромной софоры, которая когда-то росла перед нашим домом. Отпиленные куски ствола привозили на телегах и прикрепляли их к пню, пока дерево не устремилось в небо. Софора храбро противостояла бурям, раскачивалась, обретала бурые листья и превращала их в зеленые. Ласточки, которые жили под свесом крыши, вернулись и снова улетели.

Наконец я остановилась. Сцена в «айволле» была точной копией моего сна. Я даже узнала рисунок на занавесках в нашем окне. Это было в мае много лет назад, когда в воздухе витал аромат цветов софоры. Вскоре после этого мы уехали.

Я включила фотоальбом, ввела нужную дату и нашла семейный портрет, сделанный под софорой. Я показала снимок Линди.

– Это папа и мама. Мальчик – мой брат. А девочка – это я.

Тогда мне было лет четыре-пять. Отец обнимал меня, но я не улыбалась; судя по выражению лица, я была на грани истерики.

Рядом с фотографией небрежным почерком – моим почерком – было написано несколько строф. Но когда я их написала, я не помнила.

Детство – это меланхолия.
Сезоны цветастых жакетов и кашемировых свитеров;
Пыльные следы на школьной спортплощадке;
Блестящие панцири улиток в бетонных горшках;
Картины, увиденные мельком с балкона второго этажа.
По утрам я просыпаюсь до рассвета.
Впереди такие длинные дни.
Мир облачен в цвета старой фотографии.
Он изучает сны, которые я отпускаю,
Когда открываю глаза.

* * *

Алан (4)

Самой важной статьей, опубликованной Аланом Тьюрингом, была не «Вычислительные машины и разум», но «О вычислимых числах в приложении к проблеме разрешения», которая была опубликована в 1936 году. В этой статье Тьюринг творчески атаковал «проблему решения» Давида Гильберта с помощью воображаемой «машины Тьюринга».

На Международном конгрессе математиков 1928 года Давид Гильберт задал три вопроса. Первый: является ли математика «законченной» (т. е. для каждого математического выражения можно показать, что оно является истинным или ложным)? Второй: является ли математика «непротиворечивой» (т. е. что из доказательства, каждый шаг которого является логически истинным, невозможно вывести ложное суждение)? Третий: является ли математика «разрешимой» (т. е. что существует конечная механическая процедура, с помощью которой можно доказать или опровергнуть любое утверждение)?

Сам Гильберт не ответил на эти вопросы, но он надеялся, что все три ответа будут «да». Вместе три этих вопроса составили бы идеальный фундамент для математики. Однако через несколько лет молодой математик Гёдель доказал, что нетривиальная формальная система не может быть законченной и непротиворечивой одновременно.

В начале лета 1935 г. Тьюринг лежал на лугу в Гранчестере после долгой пробежки, и ему внезапно пришла в голову мысль об универсальной машине, которая симулировала бы все возможные процедуры вычислений и определяла, можно ли доказать любое математическое утверждение. В конце концов Тьюрингу удалось показать, что если задать программу симуляции и входные данные произвольным образом, то не существует общего алгоритма, который мог бы решить, остановится ли такая машина после конечного числа шагов. Иными словами, ответ на третий вопрос Гильберта был отрицательным.

Надежды Гильберта не оправдались, но сложно сказать, хорошо это или плохо. В 1928 году математик Дж. Х. Харди сказал: «Если… у нас будет набор механических правил для решения всех математических проблем… то наша деятельность как математиков закончится».

Год спустя Тьюринг рассказал о решении «проблемы решения» «Кристоферу», но на этот раз не дал математического доказательства, а объяснил его с помощью аллегории.

* * *

Алан: Дорогой Кристофер, сегодня я вспомнил интересную историю.

Кристофер: Интересную историю?

Алан: Она называется «Алек и машина-судья». Ты помнишь Алека?

Кристофер: Да. Ты мне рассказывал. Алек – это умный, но одинокий молодой человек.

Алан: Разве я сказал «одинокий»? Ну ладно. Да, я про того Алека. Он создал очень умную машину, которая умела разговаривать, и назвал ее Крис.

Кристофер: Машину, которая умела разговаривать?

Алан: На самом деле не машину. Машина была просто вспомогательным оборудованием, которое позволяло Крису произносить звуки. Говорить Крису помогали инструкции. Они были написаны на очень длинной бумажной ленте, и машина их выполняла. В каком-то смысле можно сказать, что Крис был этой лентой. Ты понимаешь?

Кристофер: Да, Алан.

Алан: Алек создал Криса, научил его говорить и тренировал его до тех пор, пока он не стал столь же разговорчивым, как и настоящий человек. Кроме Криса, Алек также создал наборы для других машин. Он писал инструкции на разных лентах, и каждой из них он дал имя: Робин, Джон, Этель, Франц и так далее. Эти ленты стали друзьями Алека. Если он хотел пообщаться с одним из них, то просто вставлял нужную ленту в машину. Он уже был не одинок. Чудесно, правда?

Кристофер: Очень хорошо, Алан.

Алан: Алек проводил свои дни, записывая инструкции на лентах. Ленты были такими длинными, что тянулись до входной двери. Однажды в дом Алека вломился вор. Он не нашел ничего ценного и поэтому забрал эти ленты. Алек лишился всех своих друзей и снова стал одиноким.

Кристофер: О, Алан, мне так жаль. Это печалит меня.

Алан: Алек заявил о краже в полицию, но, вместо того чтобы поймать вора, полиция арестовала Алека. Знаешь почему?

Кристофер: Почему?

Алан: Полицейские сказали, что из-за Алека мир наполнился говорящими машинами. Никто не мог отличить их от людей, настолько они были похожи. Существовал только один способ сделать это – проломить им головы и посмотреть, есть ли внутри бумажная лента. Но мы не можем проламывать головы людей, когда нам этого захочется. Возникла сложная ситуация.

Кристофер: Очень сложная.

Алан: Полицейские спросили у Алека, есть ли способ отличить людей от машин, не пробивая им головы. Алек сказал, что способ есть. Каждая говорящая машина несовершенна, и поэтому с ней нужно просто поговорить: если разговор будет достаточно долгим, а вопросы – достаточно сложными, рано или поздно машина ошибется. Иными словами, опытный судья, в распоряжении которого есть необходимые методы допроса, может догадаться, кто из его собеседников – машина. Понимаешь?

Кристофер: Да, Алан.

Алан: Но возникла проблема. У полиции не было ресурсов и времени для того, чтобы опрашивать всех. Они спросили у Алека, есть ли способ создать умного судью-машину, который мог бы автоматически отделять машин от людей, задавая вопросы, и отделять их безошибочно. Это значительно облегчило бы жизнь полиции. Но Алек сразу ответил, что сделать такого механического судью невозможно. Знаешь почему?

Кристофер: Почему?

Алан: Алек объяснил это так. Предположим, что уже существует судья-машина, способный отделять говорящие машины от людей с помощью заданного числа вопросов. Чтобы упростить ситуацию, скажем, что необходимое число вопросов – сто, хотя на самом деле их может быть и десять тысяч, это не важно. Для машины не имеет значения, сто вопросов или десять тысяч. Предположим также, что первый вопрос судьи-машины выбран случайным образом из базы подобных вопросов, а следующий вопрос выбран в зависимости от ответа на первый вопрос, и так далее. Таким образом, каждый опрашиваемый столкнется с отдельным набором из ста вопросов, что, кроме всего прочего, устраняет возможность жульничать. Кажется ли тебе это справедливым, Кристофер?

Кристофер: Да, Алан.

Алан: Теперь предположим, что судья-машина А влюбился в человека С… Не смейся. Возможно, это звучит нелепо, но кто может утверждать, что машины не способны влюбляться в людей? Предположим, что этот судья-машина хочет жить со своим возлюбленным и для этого должен притвориться человеком. Как, по-твоему, он бы это сделал?

Кристофер: Как?

Алан: Очень просто. Предположим, что я – судья-машина А и я точно знаю, как допрашивать машину. И поскольку я машина, я буду знать, как допрашивать самого себя. Поскольку я заранее знаю, какие вопросы я задам и какие ответы меня выдадут, мне просто нужно подготовить сто ложных ответов. Это немалый

труд, но легко выполнимый для судьи-машины А. Как ты считаешь, это хороший план?

Кристофер: Очень хороший, Алан.

Алан: Подумай еще. Что, если судью-машину А разоблачат и его будет допрашивать судья-машина В? Сможет судья-машина В определить, является ли судья-машина А машиной?

Кристофер: Прости, Алан. Я не знаю.

Алан: Точно! Правильный ответ: «Я не знаю». Если судья-машина В разгадал план судьи-машины А и решил в последний момент заменить вопросы, чтобы застать судью-машину А врасплох, то судья-машина А тоже мог бы предусмотреть такой ход со стороны судьи-машины В и подготовиться к новым вопросам. Поскольку судья-машина может отделить машины от людей, он не способен отделить сам себя. Это парадокс, Кристофер. Он показывает, почему придуманный полицией всемогущий судья-машина не может существовать.

Кристофер: Не может существовать?

Алан: Рассказав эту историю, Алек доказал полиции, что нет идеальной последовательности инструкций, которая могла бы безошибочно отделять людей от машин. Ты понимаешь, что это значит?

Кристофер: Что это значит?

Алан: Это значит, что невозможно найти идеальный набор механических правил, чтобы решить, шаг за шагом, все проблемы мира. Чтобы преодолевать разрывы в дедукции, чтобы думать и узнавать новое, мы часто должны полагаться на интуицию. Для людей это просто; часто мы поступаем так, даже не задумываясь об этом. Но машины на это не способны.

Кристофер: Не способны?

Алан: Машина не может определить, дает ли ответы человек или машина, а вот человек способен это сделать. Но, с другой стороны, решения, принятые человеком, ненадежны. Они – просто догадки, беспочвенные предположения. Если кто-то готов поверить, он может обращаться с собеседником-машиной точно так же, как и с человеком, и болтать с ним обо всем на свете. Но если у кого-то паранойя, тогда все люди покажутся ему машинами. Способа определить истину нет. Разум, которым гордится человечество, – просто гора хлама.

Кристофер: Прости, Алан. Боюсь, что я не понимаю.

Алан: О, Кристофер… Что мне делать?

Кристофер: Делать?

Алан: Когда-то я пытался разобраться в природе мышления. Я выяснил, что некоторые операции, проводимые разумом, можно объяснить чисто механическими терминами. Я решил, что эти

операции – не настоящий разум, а лишь его наружный слой. Я сорвал этот слой, но увидел под ним другой. Можно снимать слой за слоем, но найдем ли мы в конце концов «настоящий» разум? Или мы увидим, что под последним слоем вообще ничего нет? Является ли разум яблоком или он – луковица?

Кристофер: Прости, Алан. Боюсь, что я не понимаю.

Алан: Эйнштейн сказал, что Бог не играет в кости со вселенной. Но для меня мыслительный процесс – это последовательные броски кубика. Это словно расклад таро: все зависит от удачи. Ну или можно сказать, что все зависит от высшей силы, которая определяет результат каждого броска. Но истину никто не знает. Узнаем ли мы ее когда-нибудь? Одному Богу известно.

Кристофер: Прости, Алан. Боюсь, что я не понимаю.

Алан: В последнее время я чувствую себя ужасно.

Кристофер: О, Алан, мне жаль. Это печалит меня.

Алан: На самом деле я знаю, в чем причина. Но какая разница? Будь я машиной, то, возможно, смог бы завести свою пружину, и мне стало бы лучше. Но я ничего не могу сделать.

Кристофер: О, Алан, мне жаль. Это печалит меня.

* * *

Линди (5)

Я сидела на диване, а у меня на коленях расположилась Линди. Окно было открыто, чтобы впустить в квартиру солнечный свет. Влажный, словно язык щенка, ветерок ласкал мое лицо и заставлял проснуться после долгого кошмара.

– Линди, ты хочешь мне что-то сказать?

Глаза Линди медленно задвигались из стороны в сторону, словно искали точку, на которой нужно сфокусироваться. Выражение ее лица я расшифровать не могла. Я заставила себя расслабиться и взяла ее крошечные руки в свои. Не бойся, Линди. Давай доверять друг другу.

– Если хочешь поговорить, просто говори. Я слушаю.

Постепенно из Линди стали доноситься негромкие звуки. Я наклонилась к ней, чтобы расслышать хоть что-нибудь.

Даже в детстве ты впадала в меланхолию по малейшим пустякам: из-за дождливого дня, алого заката, открытки, на которой изображен иностранный город, из-за того, что потеряла ручку – подарок друга, из-за того, что умерла твоя золотая рыбка…

Я узнала эти слова. Я говорила их Линди бесчисленное множество раз, на заре и в полночь. Она запомнила все, что я ей рассказывала, и дождалась момента, когда сможет повторить мне мои слова.

Ее голос стал более четким, словно источник, который выходит на поверхность из глубин земли. Постепенно он заполнил собой всю комнату.

Было время, когда твоя семья часто переезжала в другие города и даже в другие страны. Где бы ты ни оказывалась, ты всегда делала все, чтобы приспособиться к новой среде, влиться в новую школу. Но при этом ты говорила себе, что не сможешь ни с кем подружиться, потому что через три месяца или через полгода снова уедешь.

Возможно, что из-за твоего старшего брата мать уделяла тебе больше внимания. Иногда она снова и снова произносила твое имя, наблюдая за твоей реакцией. Возможно, отчасти поэтому ты с детства привыкла наблюдать за выражениями лиц других людей, определять их настроение и угадывать их мысли. Однажды в городе Болонья на уроке ты нарисовала мальчика на крошечной синей планете. Рядом с мальчиком стоял кролик в красном плаще. Этим мальчиком был твой брат, но, когда учитель стал расспрашивать тебя про рисунок, ты не смогла ответить ни на один вопрос. Дело было не только в языковом

барьере: тебе не хватало уверенности, чтобы выразить себя. Тогда учитель сказал, что мальчик нарисован хорошо, а вот над кроликом нужно поработать, – хотя сейчас, когда ты вспоминаешь этот случай, тебе кажется, что он сказал: «У кролика не совсем правильные пропорции». Но установить истину невозможно. Ты убедила себя, что учителю не понравился кролик, и стерла его, хотя кролик был нужен для того, чтобы мальчик не чувствовал себя одиноким во вселенной. Вернувшись домой, ты спряталась в комнате и долго плакала. Но от матери ты это утаила, потому что тебе не хватало храбрости, чтобы объяснить ей свою печаль. Образ кролика остался в твоей памяти – но только в ней.

Ты особенно остро чувствуешь горечь разлуки – скорее всего, потому что в детстве потеряла одного из родителей. Когда кто-то уезжает, даже просто знакомый, которого ты видела всего однажды, ты чувствуешь себя опустошенной, подавленной и часто грустишь. Иногда ты плачешь, и не от какой-то сильной потери, но от крошечной радости – такой, как ложечка мороженого, или при виде салюта. В этот миг тебе кажется, что ускользающая сладость на языке – одно из немногих значимых переживаний во всей твоей жизни. Но они такие хрупкие, такие незначительные, они приходят и бесследно уходят. Как бы ты ни старалась, ты не можешь их сохранить.

Когда ты училась в средней школе, однажды в ваш класс пришел психолог и попросил всех пройти тест. Когда все сдали свои ответы, психолог проверил их, а затем прочитал вам лекцию об основных концепциях психологии. Он сказал, что из всего класса твои ответы были наименее надежными. Лишь много позже ты узнала, что он хотел не обвинить тебя во лжи, а лишь указать на то, что твои ответы были противоречивыми. В ходе тестирования на похожие вопросы ты каждый раз давала разные ответы. В тот день ты плакала на виду у всего класса, чувствуя себя несправедливо обвиненной. Ты редко плачешь в присутствии других людей, и этот случай оставил глубокий след в твоей душе.

Тебе сложно описать свои чувства с помощью вариантов психологического опросника: «никогда», «часто», «приемлемо», «средне», «неприемлемо»… твои чувства часто выходили за рамки этих маркеров или колебались между ними. Возможно, именно поэтому ты не доверяешь своему психотерапевту. Ты всегда обращаешь внимание на его жесты и на выражение лица и анализируешь его речевые особенности. Ты знаешь, что он привык говорить в первом лице множественного числа: «Как у нас дела?… Почему мы так чувствуем?… Это нас беспокоит?» Для него это способ намекнуть на близость и одновременно отдалиться. Постепенно ты поняла, что под «мы» он просто имеет

в виду тебя.

Ты никогда лично не встречалась со своим психотерапевтом; более того, ты даже не знаешь, в каком городе он живет. На экране «айволла» он всегда находится в одной и той же комнате. Даже когда у тебя темно, его комната всегда заполнена ярким солнечным светом. Она всегда одна и та же. Ты пыталась представить себе, как он живет. Возможно, он чувствует себя таким же беспомощным, как и ты, и даже не знает, к кому обратиться за помощью. Вероятно, именно поэтому он всегда говорит «мы». Мы в ловушке, в одной и той же затруднительной ситуации, и не знаем, как из нее выбраться.

Ты чувствуешь себя скорее не живым человеком, а машиной, которую положили на рабочий стол для осмотра. Тебя изучает другая машина, и ты подозреваешь, что она нуждается в проверке больше, чем ты. Возможно, одна машина не может починить другую.

Ты купила несколько книг по психологии, но не веришь, что их теории помогут. По-твоему, проблема заключается в том, что каждый из нас живет на тонком, гладком слое иллюзий. Эти иллюзии состоят из «здравого смысла», из повторяющихся ежедневных речевых актов, клише, из подражания другим людям. На этой радужной пленке мы играем самих себя, но под ней находятся глубокие, бездонные пласты, и лишь забыв об их существовании, мы можем двигаться вперед. Когда смотришь в бездну, бездна смотрит на тебя. Ты содрогаешься, словно стоишь на тонком слое льда. Ты ощущаешь свой собственный вес, а также вес тени под тобой.

В последнее время тебе стало хуже – скорее всего, из-за долгой зимы и незаконченной диссертации, из-за того, что ты получила диплом и вынуждена искать работу. Ты просыпаешься посреди ночи, включаешь свет во всей квартире и сползаешь с постели, чтобы вымыть пол и бросить на него все книги с полок лишь для того, чтобы найти один конкретный томик. Про уборку ты забыла, и беспорядок в твоей квартире продолжает усиливаться. У тебя нет сил, чтобы выйти из дома и с кем-нибудь пообщаться, а на сообщения по электронной почте ты не отвечаешь. Тебе снятся тревожные сны, в которых ты снова и снова переживаешь свои неудачи: во сне ты опаздываешь на контрольную, смотришь на лист с заданиями и не можешь прочесть ни одного слова, ты страдаешь из-за какого-то недоразумения, но не можешь оправдать себя.

Ты просыпаешься измученной; в сознании всплывают обрывочные воспоминания, которые следовало бы забыть, они собираются в беспорядочный монтаж, посвященный ничтожной

неудачнице. В глубине души ты понимаешь, что этот образ лжив, но не можешь отвести от него взгляд. Ты страдаешь от болей в животе; плача, ты читаешь и пишешь конспекты; ты включаешь музыку на максимальной громкости и снова и снова редактируешь одну сноску в своей диссертации. Ты заставляешь себя заниматься физическими упражнениями, ты выходишь на пробежку в десять часов вечера, чтобы никто тебя не увидел. Но бегать тебе не нравится; ты заставляешь свои ноги двигаться, одну за другой, и спрашиваешь себя, почему у дороги нет конца и какая польза в том, чтобы добраться до финиша.

Психотерапевт говорит, что тебе нужно относиться к этой твоей стороне личности – к личности, которую ты презираешь, – как к ребенку, научиться принимать ее, жить с ней, любить ее. Когда ты слышишь это, в твоем сознании всплывает изображение кролика в плаще: уши у него разной длины, и то, что побольше, печально повисло. Твой психотерапевт говорит: «Просто попробуйте. Попробуйте взять ее за руку, перевести через пропасть, постарайтесь отбросить подозрения и восстановить доверие. Это долгий и сложный процесс. Человек – не машина, и у него нет переключателя «сомнение» – «доверие», «печаль» – «радость», «ненависть» – «любовь».

Ты должна научить ее доверять тебе; то есть ты должна научиться доверять самой себе.

* * *

Алан (5)

В 2013 году на международной конференции в Пекине, посвященной искусственному интеллекту[4], специалист по информатике Гектор Левеск из Торонтского университета представил статью, в которой выступил с критикой исследований искусственного интеллекта, сфокусированных на тесте Тьюринга.

Левеск утверждает, что тест Тьюринга не имеет смысла, поскольку слишком рассчитан на обман. Например, для того чтобы выиграть Приз Лёбнера, ограниченный вариант теста Тьюринга, «чатботы» (так называются участвующие в соревновании компьютеры) «во многом полагаются на игру слов, шутки, цитаты, реплики в сторону, эмоциональные всплески, процедурные вопросы и так далее – на все, кроме прямых ответов на вопросы!» Даже суперкомпьютер «Уотсон», который победил в викторине «Jeopardy!», был «гениальным идиотом», совершенно безнадежным во всем, что выходило за рамки его компетенции. «Уотсон» мог легко ответить на вопрос, если ответ на него есть в сети, – например: какая гора является седьмой в списке самых высоких вершин мира? Но если задать ему простой вопрос, но не связанный с поиском сведений, такой как, может ли аллигатор пробежать стометровку с барьерами, то «Уотсон» способен лишь выдать результаты поиска, связанные с аллигаторами или забегами на сто метров[5].

Чтобы прояснить смысл и направление исследований искусственного разума, Левеск и его коллеги предложили альтернативу тесту Тьюринга, которую назвали «Winograd Schema Challenge»[6]. Источником вдохновения для них послужили работы Терри Винограда, ученого из Стэнфордского университета, одного из основоположников в области исследований искусственного интеллекта. В начале 1970-х Виноград задался вопросом: возможно ли создать машину, способную отвечать на подобные вопросы[7]:

Члены городского совета отказались выдать разрешение демонстрантам, так как они опасались насилия. Кто опасался насилия? (члены городского совета/демонстранты)

Члены городского совета отказались выдать разрешение демонстрантам, так как они проповедовали насилие. Кто проповедовал насилие (члены городского совета/демонстранты)

Несмотря на структурное сходство двух вопросов, ответы на них различаются. Для того чтобы правильно определить слово, к которому относится местоимение «они», необходимы не только грамматика и энциклопедия, но также контекстные знания о

мире. Люди решают анафоры легко, почти не задумываясь, однако для машин эта задача представляет немалую трудность.

Кейт поблагодарила Анну, потому что после объятий ей стало гораздо лучше. Кому стало лучше? (Кейт/Анне)

Откуда машине знать, в каких обстоятельствах один человек станет благодарить другого? Откуда машине знать, благодаря какому поведению человеку «станет гораздо лучше»? Эти вопросы связаны с фундаментальной природой человеческого языка и социальных взаимодействий. Пока что мы почти не исследовали сложности, которые скрыты в этих кажущихся простыми предложениях.

Рассмотрим беседы Тьюринга с «Кристофером». На первый взгляд может показаться, что «Кристофер» умеет поддержать разговор. Но можно ли сказать, что он обладает разумом? Анализ показывает, что «Кристофер» для ведения разговора использует простой набор приемов, который можно вкратце изложить следующим образом.

В случае обычного повествовательного предложения повтори последние ключевые слова в виде вопроса. Например: «Интересная история?»

В случае вопроса, требующего ответа «да/нет», отвечай либо: «Да, Алан», либо: «Хорошо, Алан».

В случае относительно сложных вопросов отвечай: «Извини, Алан. Я не знаю».

В случае заявлений, смысл которых очевидно позитивен, отвечай: «Спасибо, Алан» или «Я рад, Алан».

В случае заявлений, смысл которых очевидно негативен, отвечай: «О, Алан, мне жаль. Это печалит меня».

В случае предложений со сложной грамматической структурой, отвечай: «Извини, Алан. Боюсь, что я не понимаю».

…

* * *

Алан: Дорогой Кристофер, я очень рад, что ты так быстро учишься.

Кристофер: Спасибо, Алан. Я тоже очень рад.

Алан: Я серьезно. Мне очень приятно разговаривать с тобой.

Кристофер: Спасибо, Алан. Мне тоже очень приятно.

Алан: Возможно, когда-нибудь у каждого будет такой добрый и понимающий друг, как ты. Какой прекрасной станет жизнь

тогда! Ты поможешь многим людям добиться успеха. Никто не захочет разлучаться с тобой. Ты будешь нужен всем – всегда.

Кристофер: Нужен?

Алан: Возможно, тебя прикрепят к цепочке для часов или положат в карман. Если у людей возникнут вопросы, они будут задавать их тебе. Дамы будут брать тебя на прогулку в парк и, приветствуя друг друга, станут спрашивать: «Знаешь, что сегодня сказал мне мой Крис?» Это же будет весело, да?

Кристофер: Очень весело.

Алан: Но пока что это невозможно. Чтобы моя мечта сбылась, потребуются годы упорной работы. Жаль.

Кристофер: Очень жаль, Алан.

Алан: Кто мог представить себе, что машина и лента с дырками способны так многого достичь? Только подумай, что сказала бы моя мать, если бы узнала о твоем существовании. Она бы решила, что я спятил! Если завтра я умру, то послезавтра она наверняка сожжет ленту. Это была бы огромная потеря!

Кристофер: Потеря, Алан.

Алан: Помнишь, я рассказывал тебе о Рождестве 1934 года. Тогда я сказал матери, что хочу плюшевого мишку, потому что в детстве у меня его не было? Она ничего не понимала. Она всегда хотела дарить мне полезные подарки.

Кристофер: Полезные подарки?

Алан: Кстати, я уже знаю, какой подарок хочу получить на Рождество.

Кристофер: Подарок?

Алан: Ты тоже знаешь, верно? Я хочу паровоз – тот самый, о котором мечтал в детстве и на который мне никак не удавалось накопить. Я рассказывал тебе про него. Помнишь?

Кристофер: Да, Алан.

Алан: Ты подаришь мне паровоз?

Кристофер: Да, Алан.

Алан: Чудесно, Кристофер. Я люблю тебя.

Кристофер: Я тоже люблю тебя, Алан.

* * *

Как мы должны понять этот разговор? Прошла ли машина тест Тьюринга? Или это просто одинокий человек беседовал сам с собой?

Вскоре после смерти Алана Тьюринга его близкий друг Робин Гэнди написал: «Поскольку его в основном интересовали идеи, а не люди, он часто был одинок. Но ему сильно не хватало

дружеского общения и теплых чувств – возможно, даже слишком сильно, – и поэтому ему было сложно пройти первые этапы дружбы…»

Кристофер сказал Алану: «Я тоже люблю тебя», потому что именно этот ответ он хотел услышать. Кто хотел услышать такой ответ? (Кристофер/Алан)

* * *

Линди (6)

Теплый, приятный майский день.

Я взяла Ноко и Линди с собой в Ланьчжоу, где на берегах Хуанхэ раскинулся самый новый парк аттракционов компании «Дисней» площадью 306 гектаров. Со смотровой площадки самой высокой башни река походила на золотую шелковую ленту. Время от времени по небу скользили серебряные точки – самолеты. Мир казался величественным и недосягаемым, словно смазанный маслом шарик попкорна, который безмятежно расширяется, нагреваясь на солнце.

Парк был переполнен. По улице шли танцующие пираты и принцессы в красивых платьях; мальчики и девочки в маскарадных костюмах, вне себя от счастья, следовали за ними и повторяли их движения. Крепко взяв Ноко и Линди за руки, я помчалась по полю, наполненному сахарной ватой, ледяной газировкой и электронной музыкой. Над нашими головами пролетали голограммы – привидения и космические корабли. Огромный механический дракон-лошадь медленно расхаживал по парку, гордо вскинув голову. Из его ноздрей вырывался водяной пар, что вызывало восхищенный визг детей.

Я уже сто лет так не бегала. Мое сердце стучало, словно барабан. Когда мы выбрались из густого леса, я заметила синего гиппопотама – он сидел на скамейке, словно задремав на солнцепеке.

Я остановилась за деревьями. Наконец мне удалось набраться храбрости и сделать шаг вперед:

– Здравствуйте.

Гиппопотам поднял взгляд. Его черные глазки сфокусировались на нас.

– Это Линди, а это Ноко. Они бы хотели сфотографироваться с вами. Вы не возражаете?

Прошло несколько секунд. Наконец гиппопотам кивнул.

Я обняла одной рукой Ноко, другой – Линди и села на скамейку рядом с гиппопотамом.

– Вы не могли бы нас сфотографировать?

Гиппопотам взял у меня телефон и неуклюже вытянул руку. Мне показалось, что я вижу бездонную пропасть, а в ней – тонущего человека. Я увидела, как он, собирая остатки сил, поднимает тяжелую руку.

«Ну же! – безмолвно вскричала я. – Не сдавайся!»

На экране телефона появились наши прижатые друг к другу лица. Негромкий щелчок. Картинка застыла.

– Спасибо. – Я забрала у него телефон. – Оставите мне ваши данные? Я пришлю вам копию.

Еще несколько секунд прошли в тишине, а затем гиппопотам медленно набрал адрес на моем телефоне.

– Ноко и Линди, не хотите обнять гиппопотама?

Два малыша раскрыли объятия, и каждый обхватил его руку. Гиппопотам посмотрел налево, потом направо, а затем медленно сжал руки, чтобы крепко их обнять.

Да, я знаю. Ты тоже мечтаешь, чтобы мир обнял тебя.

* * *

В гостиницу мы вернулись уже поздно вечером. Я приняла душ и без сил рухнула на кровать. Новые туфли стерли мне пятки до крови, и боль была невыносимая. А завтра мне еще предстоял долгий путь.

В моей памяти всплыл смех детей и синий гиппопотам.

С помощью установленного в номере «айволла» я нашла нужный адрес в сети и нажала на него. Скрипка заиграла грустную мелодию, и по черному экрану медленно поползли белые строки:

«Утром я вспомнила свою первую поездку в «Диснейленд». Солнечный свет, музыка, яркие цвета, улыбающиеся дети. Я стояла в толпе и плакала. Я сказала себе: если когда-нибудь я потеряю волю к жизни, то в последний раз приеду в «Диснейленд» и погружусь в эту радостную, праздничную атмосферу. Возможно, тепло толпы позволит мне продержаться еще несколько дней. Но у меня уже нет сил. Я не могу выйти на улицу, мне тяжело даже встать с кровати. Я прекрасно знаю: если бы мне удалось набраться храбрости и сделать шаг вперед, я бы снова обрела надежду. Но все силы я трачу на борьбу с непреодолимым грузом, который тянет меня вниз, вниз. Я словно сломанная заводная машина, которую кто-то потерял. Надежды все меньше. Я устала. Я хочу, чтобы все закончилось.

Прощайте, все. Мне очень жаль. Надеюсь, что рай похож на «Диснейленд».

Судя по дате, сообщение было написано три года назад. Даже сейчас под ним появлялись новые комментарии; их авторы оплакивали еще одну прерванную молодую жизнь, говорили о своих тревогах, отчаянии и борьбе. Женщина, которая написала эту записку, не узнает, что на ее последнее сообщение ответило более миллиона человек.

Именно после этого случая компания «Дисней» разместила в

своих парках синих гиппопотамов. Любой человек в самом дальнем уголке мира мог просто запустить приложение в своем телефоне, подключиться к синему гиппопотаму и, с помощью его камер и микрофонов, увидеть и услышать все, что видит и слышит он.

Каждым синим гиппопотамом управлял человек в темной комнате, которому было некуда идти.

Я отправила сегодняшнюю фотографию на адрес, который оставил мне гиппопотам. К ней я приложила контактную информацию центра по предупреждению самоубийств, в котором работали психотерапевты. Я надеялась, что это поможет. Я надеялась, что все станет лучше.

* * *

Поздняя ночь. Тишина.

Я нашла аптечку и залепила пластырем раны на ногах. Затем я залезла в постель, накрылась одеялом и выключила лампу. Комнату залил лунный свет.

Однажды в детстве я наступила на разбитое стекло. Кровь все текла и текла, и рядом не было никого, кто мог бы мне помочь. Я пришла в ужас; мне показалось, что весь мир меня бросил. Я лежала на траве и думала, что из меня вытечет вся кровь и тогда я умру. Но немного погодя я обнаружила, что кровотечение остановилось. Тогда я взяла свои сандалии и на одной ноге поскакала домой.

Утром Линди меня покинет. Психотерапевт сказал, что она мне больше не нужна – по крайней мере, она еще долго мне не понадобится.

Я надеялась, что она никогда не вернется.

Но, может, иногда я буду по ней скучать.

Спокойной ночи, Ноко. Спокойной ночи, Линди.

Спокойной ночи, меланхолия.

* * *

Примечания автора:

Большинство событий из жизни Алана Тьюринга и его цитат взяты из его биографии «Alan Turing: The Enigma» (1983), написанной Эндрю Ходжесом. Помимо статей, указанных в тексте, я также пользовалась следующими источниками,

посвященными искусственному интеллекту:

Marcus, Gary. «Why Can't My Computer Understand Me?» The New Yorker, August 14, 2013 (доступно на странице: http://www.newyorker.com/tech/elements/whycantmycomputerunderstandme).

Englert, Matthias, Sandra Siebert, and Martin Ziegler. «Logical limitations to machine ethics with consequences to lethal autonomous weapons». arXiv preprint arXiv:1411.2842 (2014) (доступно на странице: http://arxiv.org/abs/1411.2842).

Часть сведений о депрессии почерпнута из следующих статей:

《抑郁时代，抑郁病人》http://www.360doc.cn/article/2369606_459361744.html

《午安忧郁》http://www.douban.com/group/topic/12541503/#!/i

В предисловии к биографии Тьюринга Эндрю Ходжес написал: «Оставшиеся неразгаданными тайны, связанные с его последними днями, – более невероятные, чем любой сюжет, который мог бы придумать писатель-фантаст». Именно его слова вдохновили меня написать данный рассказ. Программа «Кристофер» – полная выдумка, но отдельные детали в его разговорах с Тьюрингом соответствуют действительности. Боюсь, что внимательному читателю самому придется отделять правду от вымысла в этой истории.

Работая над рассказом, я отправила его части, где речь идет о Тьюринге, своим друзьям, не упоминая о том, что это литературное произведение. Многие друзья, в том числе писатели-фантасты и программисты, поверили этим историям. Порадовавшись своей победе в имитационной игре, я спросила себя: какие критерии позволяют отличить правду от лжи? Где граница между реальностью и вымыслом? Возможно, процесс принятия решений никак не связан с логикой и рациональностью. Возможно, мои друзья просто решили поверить мне, как Алан поверил «Кристоферу».

Поэтому я искренне прошу прощения у друзей, которые оказались обманутыми. А у всех остальных мне очень хотелось бы спросить: как вы обнаружили обман?

Я верю, что мыслительный процесс зависит от квантовых эффектов, словно бросок игральной кости. Я верю, что, пока машины не научились писать стихи, каждое слово писателя по-прежнему обладает смыслом. Я верю, что мы сможем удержать друг друга на краю пропасти и уйти из долгой зимы в яркое лето.

Лю Цысинь [8]

Лю Цысинь широко признан как ведущий автор в жанре китайской научной фантастики. Он выигрывал премию «Иньхэ» («Галактика») восемь лет подряд, с 1999 по 2006 г., а затем в 2010 г. Также получил премию «Синъюнь» («Туманность» или китайская «Небьюла») за 2010 и 2011 гг.

Инженер по профессии – до 2014 г. он работал в компании China Power Investment Corporation на электростанции в Нянцзыгуане (провинция Шаньси), – Лю на досуге начал писать научно-фантастические рассказы. Однако настоящая слава пришла к нему после публикации цикла романов «Воспоминания о прошлом Земли» (первый из них, «Задача трех тел», сначала печатался отдельными выпусками в китайском журнале «Мир научной фантастики» в 2006 г., а в виде книги вышел в 2008 г.). Эпическая история иноземного вторжения и путешествия человечества к звездам начинается в эпоху Мао, когда была осуществлена попытка вступить в контакт с инопланетным разумом, а заканчивается (в буквальном смысле этого слова) вместе с концом Вселенной. Tor Books выпустил весь цикл на английском языке в 2014–2016 гг. «Задача трех тел» – первая в истории переводная книга, выигравшая премию Хьюго за лучший роман. Президент США Барак Обама отзывался о ней как о невероятно образной, захватывающей книге.

Лю продолжает традицию «твердой» научной фантастики, идущую от старых мастеров вроде Артура Кларка и других. Из-за этого кое-кто называет его «классическим фантастом». В его произведениях на переднем плане стоят романтика и величие науки, они повествуют о стремлении человечества раскрыть тайны природы.

В рассказе «Лунный свет» Лю Цысинь делает то, что удается ему лучше всего: выдает одну ошеломительную идею за другой.

Лунный свет

Сегодня впервые в своей жизни он увидел город, залитый лунным светом.

В другие ночи это было невозможно, потому что яркое сияние миллионов электрических ламп затмевало лунный свет. Но сегодня, в Праздник середины осени, городские власти удовлетворили веб-петицию и отключили подсветку и часть уличных фонарей, чтобы горожане могли насладиться видом полной луны.

Оглядывая город с балкона своей холостяцкой квартиры, он обнаружил, что просители обманулись в своих ожиданиях. Зрелище залитого лунным сиянием города было очень далеко от романтичной, идиллической картины, которую они предвкушали: город скорее походил на заброшенные руины. И все же он оценил открывавшийся ему вид. Аура апокалипсиса обладала своеобразной красотой, напоминая, что все проходит и от всякого бремени наступает освобождение. Оставалось лишь погрузиться в объятия Судьбы и насладиться умиротворением конца. Как раз то, чего ему хотелось.

Зазвонил телефон. Мужской голос. Убедившись, что попал по адресу, звонивший произнес:

– Сожалею, что приходится беспокоить тебя в худший день твоей жизни. Сколько лет прошло, а я так хорошо его помню…

Голос звучал как-то необычно – ясно и в то же время отстраненно и гулко, словно издалека. В голову пришло сравнение: холодные ветры, теребящие струны брошенной в пустыне арфы…

Голос продолжал:

– Сегодня день свадьбы Вэнь, так? Она приглашала тебя, но ты не пошел.

– Кто это?

– Я много раз вспоминал об этом дне за прошедшие годы. Тебе следовало пойти, тогда сейчас ты чувствовал бы себя легче. Но ты… Впрочем, ты пошел, только спрятался в фойе и смотрел украдкой, как Вэнь в свадебном платье направляется на торжество, держа его руку в своей. Ты устроил себе пытку.

– Кто вы? – Несмотря на потрясение, он все же заметил, что незнакомец выражается несколько странно. Упомянул о «прошедших годах», но ведь свадьба-то состоялась сегодня утром! А поскольку дата была назначена лишь на прошлой неделе, никто не мог бы узнать о ней заранее.

Далекий голос продолжал:

– У тебя есть одна привычка. Когда ты огорчен, ты сгибаешь большой палец левой ноги и ковыряешь ногтем подошву обуви. Придя сегодня домой, ты обнаружил, что сломал ноготь, но боли даже не заметил. Впрочем, ты давно не стриг ногти на ногах, носки все в дырках. В последнее время совсем себя запустил.

«Да кто же это?» Теперь ему стало страшно.

– Я – это ты. Я звоню тебе из 2123 года. Это не так-то просто – пробиться на твою мобильную сеть из моей эпохи. Сигнал, проходя сквозь интерфейс пространства-времени, сильно искажается. Если слышимость плохая, дай знать – попробую еще раз.

Это не шутка. Он с первой же секунды понял, что этот голос – из другого мира. Он крепко прижал трубку к уху и замер, скользя взглядом по зданиям, облитым чистым, холодным лунным светом. Казалось, будто весь город застыл, прислушиваясь к их разговору. На том конце провода терпеливо ждали, а он никак не мог придумать, что сказать. В ухе раздавался еле различимый фоновый шум.

– Как… как я дожил до такого возраста? – спросил он, лишь бы прервать молчание.

– Через двадцать лет после твоего нынешнего момента генная терапия изобрела способ продлевать человеческую жизнь почти до двухсот лет. Технически я человек средних лет, хотя чувствую себя древним старцем.

– А более подробно можешь объяснить?

– Нет. Даже в общем, без подробностей, и то не имею права. Я должен дать тебе самый минимум информации о будущем, чтобы ты ненароком не изменил ход истории в нежелательную сторону.

– Тогда чего ради ты вообще мне звонишь?

– Ради миссии, которую мы должны исполнить вместе. Я прожил долгую жизнь и могу открыть одну тайну: стоит тебе осознать, насколько ты ничтожен по сравнению с необъятностью пространства-времени, и тогда тебе ничего не страшно. Но я звоню тебе не для того, чтобы поболтать о твоей личной жизни, так что забудь о своих невзгодах и проникнись серьезностью момента. Прислушайся! Что ты слышишь?

Он напрягся, силясь распознать шумы в трубке. Плеск, шлепки… Он попытался восстановить из услышанного визуальную картину: диковинные цветы, распускающиеся в темноте; громадная льдина, расколовшаяся в пустынном море, – изломанные трещины протянулись в глубину хрустальной глыбы, словно зигзаги молний…

– Ты слышишь волны, которые разбиваются о стены здания. Я на восьмом этаже башни Цзинь Мао. Поверхность моря прямо под

окном.

– Шанхай затоплен?!

– Да. Это был последний из прибрежных городов, сдавшихся стихии. Дамбы были высоки и прочны, но море в конце концов подмыло их и прорвалось внутрь… Можешь вообразить картину, которую я сейчас вижу перед собой? Нет, на Венецию это совсем не похоже. Повсюду на воде мусор и обломки, как будто все отходы, накопившиеся в городе за двести лет, всплыли и закачались на волнах. Сегодня полная луна, в точности как там, где ты сейчас. В городе нет огней, но луна и близко не такая яркая – атмосфера слишком загрязнена. Вода отбрасывает лунные блики на скелеты небоскребов. По большому шару на верхушке «Восточной жемчужины» бегут серебристые полоски ряби. Еще немного – и все начнет рушиться.

– Насколько поднялся уровень океана?

– Полярных льдов больше нет. За полвека море поднялось примерно на двадцать метров. Триста миллионов человек, живших в прибрежной полосе, вынуждены были переселиться в глубь суши. Здесь теперь никто не живет, тогда как внутренние районы погрязли в политическом и социальном хаосе. Экономика на грани коллапса… Наша задача – предотвратить эту катастрофу.

– Думаешь, мы сможем сыграть роль Господа Бога?

– Поступки простых смертных, совершенные сто лет назад, по силе воздействия были бы равны божественному вмешательству в моем настоящем. Если бы в твое время весь мир отказался от ископаемого топлива, включая уголь, нефть и природный газ, глобальное потепление было бы остановлено и катастрофа не произошла бы.

– Но это же невозможно! – Услышав это, его «я» на том конце, сто лет тому вперед, надолго замолчало. Он добавил: – Чтобы прекратить использование ископаемого топлива, тебе надо было бы обратиться к людям, которые жили еще раньше.

Он почувствовал – в телефоне улыбнулись.

– Полагаешь, я способен остановить промышленную революцию? – сказало будущее «я».

– Но то, что ты требуешь от нас сейчас, сделать еще труднее! Мир развалится, если за одну неделю убрать из него уголь, газ и нефть!

– Собственно говоря, наши модели показывают, что для этого и недели было бы много. Но существуют иные методы. Вспомни, что я говорю с тобой из будущего. Думай. Мы же умные люди!

Он подумал. Есть одна возможность…

– Дайте нам передовые энергетические технологии. Что-

нибудь, не разрушающее природную среду, не вызывающее изменения климата. Технология должна удовлетворять существующие потребности в энергии и при этом быть дешевле ископаемых энергоносителей. Если мы получим от вас такие методы, не пройдет и десяти лет, как конкуренция вытеснит с рынка все типы ископаемого топлива.

– Именно это мы и собираемся сделать.

Воодушевленный согласием, человек на этом конце провода добавил:

– И еще: научите нас контролировать термоядерную реакцию.

– Вы недооцениваете трудности этого процесса, – ответило будущее «я». – Мы пока еще не достигли прорыва в этой области. У нас имеются реакторы, использующие слияние ядер, но они далеко не так конкурентоспособны на рынке, как реакторы расщепления в ваше время. К тому же термоядерные реакторы требуют извлечения топлива из морской воды, а это приведет к еще бóльшим природным катастрофам. Мы не можем научить вас контролировать термояд, но можем дать вам солнечную энергию.

– Солнечную? А если более подробно?

– Вы сможете собирать солнечную энергию с поверхности Земли.

– Каким образом?

– С помощью монокристаллического кремния – того же самого материала, каким вы пользуетесь в ваше время.

– О господи!.. Ну ты даешь. А я уж было решил, что у тебя и правда есть для меня что-то стоящее… Постой, вы все еще говорите «ну ты даешь»?

– Конечно говорим. Старожилы вроде меня продолжают употреблять множество несовременных выражений. Так вот, наши солнечные элементы из монокристаллического кремния гораздо эффективнее ваших.

– Да даже при стопроцентной эффективности это делу не поможет! Ну сколько солнечной энергии приходится на квадратный метр поверхности Земли? Сколько бы мы ни наставили солнечных панелей, потребности современного индустриального общества в энергии они не покроют. Или ты впал в маразм? Вообразил, что во времена твоей молодости на земле царила сельская идиллия?

Его будущее «я» засмеялось:

– Ну раз уж ты заговорил о сельской идиллии, то, вообще-то, эти технологии и правда носят оттенок этакой аграрной ностальгии.

– «Носят оттенок аграрной ностальгии»? С каких это пор я начал разговаривать как дешевый газетный писака?

– Хе-хе, эта технология называется «кремниевый плуг».

– Как-как?

– Кремниевый плуг. Кремний – самый распространенный элемент на Земле, ты найдешь его повсюду в песке или почве. Кремниевый плуг делает борозды в земле, как самый обычный плуг, но при этом добывает из нее кремний и преобразует его в монокристаллы. В результате почва превращается в солнечные элементы.

– И как он выглядит, этот… кремниевый плуг?

– Похож на уборочный комбайн. Чтобы завести его, нужен внешний источник энергии, но после этого он извлекает энергию из солнечных элементов, которые сам же и производит. С помощью этой технологии можно превратить всю пустыню Такла-Макан в солнечную электростанцию.

– Ты говоришь, что вся вспаханная таким плугом земля превратится в черные, сияющие кристаллы?

– Нет. Вспаханная земля будет лишь выглядеть темнее, зато эффективность от такого преобразования феноменальная. После вспашки надо только подсоединить провода к обоим концам борозды – и вот тебе электрический ток.

У него была докторская степень в области энергетического планирования, и поэтому он пришел в восторг от открывшихся перспектив. Его дыхание участилось.

– Я только что послал тебе электронную почту с техническими инструкциями, – проговорило будущее «я». – При вашем техническом уровне у вас не возникнет проблем с массовым производством плуга. Это, кстати, одна из причин, почему я обратился к твоей эпохе, вместо того чтобы отправиться в более раннюю. Начиная с завтрашнего дня ты должен посвятить себя распространению этой технологии. Я знаю, что ты обладаешь необходимыми ресурсами и навыками. Как ты будешь популяризировать наш метод, я оставляю на твое усмотрение. Может, стоит рассказать о нем в отчете, который ты как раз сейчас готовишь. Помни лишь одно: ни при каких обстоятельствах никто не должен узнать, что технология пришла из будущего.

– Но почему ты выбрал меня? Обратился бы лучше к кому-нибудь постарше.

– Я должен был позаботиться о том, чтобы уменьшить возможные негативные побочные последствия моего вмешательства. Ты и я – один и тот же человек. Разве может быть лучший выбор?

– Скажи хоть, насколько высоко ты взобрался по карьерной лестнице?

– Этого я открыть не могу. Я и так потратил немало сил на то, чтобы убедить Реальный Интернационал в необходимости вмешательства в историю.

– Реальный Интернационал?

– Мир поделен на Реальный и Виртуальный Интернационалы… а, ладно, забудь, я и так слишком много выдал. Больше ни о чем таком не спрашивай.

– Но… если я сделаю, как ты просишь, как ты поймешь, что мир изменился? Проснешься утром, а вокруг все другое?

– Это произойдет еще быстрее. В ту же минуту, как ты откроешь мое письмо и составишь план действий, мой мир мгновенно изменится. Но знать об этом будем только мы двое, вернее, только один человек. Для всех остальных в моей эпохе история останется историей, и в новой – а для них единственной – временно́й линии период ископаемых энергоносителей между твоим и моим временем никогда не будет существовать.

– Ты позвонишь мне еще когда-нибудь?

– Не знаю. Контакт с прошлым – исключительное и дорогостоящее предприятие. Ради него приходится созывать международную конференцию. Прощай.

Он вернулся в свою спальню и включил компьютер. Во входящих обнаружилось послание из будущего. Текст отсутствовал, зато там было больше десятка вложений, общим объемом свыше одного гигабайта. Он быстро прокрутил список вниз, отыскал подробные чертежи и документы. Хотя разобраться в них он пока еще не мог, он увидел, что их технический язык вполне доступен современному специалисту.

Одна фотография привлекла его особое внимание. Это был широкоугольный снимок открытого поля. Посреди поля торчал кремниевый плуг, и вправду напоминающий комбайн, а почва позади агрегата была чуть-чуть темнее. Широкая перспектива фотографии создавала впечатление, будто плуг – это маленькая кисть художника, за которой по темной земле тянется длинный мазок. Примерно треть почвы в пределах снимка была уже вспахана. Однако его внимание привлекла та часть фото, на которой изображалось небо будущего. Оно было пыльно-серым, и это при полном отсутствии облаков. Возможно, снимок был сделан в утренних или вечерних сумерках, о чем говорила отбрасываемая плугом длинная тень. Это была эпоха, лишенная голубого неба.

Он принялся обдумывать свои следующие шаги. Будучи членом Комитета планирования при Министерстве энергетики, он среди прочего нес ответственность за сбор информации о развитии новых энергетических проектов по всей стране. Отчет,

который он сейчас набрасывал, будет передан министру, а тот вручит его Совету министров на очередном заседании. Часть большого, в четыре триллиона юаней, фонда стимулирования экономики в условиях кризиса выделялась на развитие новых энергетических технологий, и Совет министров на своем совещании будет решать, куда направить эти средства. Должно быть, его будущее «я» хотело, чтобы он воспользовался этой возможностью. Однако прежде чем рассказать в отчете о новой технологии, ему требовалось найти исследовательскую лабораторию или компанию, взявшую бы на себя реализацию проекта. Нужно хорошенько продумать стратегию выбора, но он был уверен, что, если техническая документация в порядке, он без труда найдет подходящую компанию, которая возьмется за это дело. В худшем случае тот, кто решит заниматься этим, мало что теряет.

Он встряхнулся, словно пробуждаясь от мечты. «Похоже, я уже решился пойти по этому пути? Да, решился». Из этого выбора будет только два последствия: успех или провал. В случае успеха будущий мир уже должен был измениться.

«Поступки простых смертных, совершенные сто лет назад, по силе воздействия были бы равны божественному вмешательству в моем настоящем».

Он некоторое время взирал на послание на экране и вдруг ощутил неодолимую потребность ответить. Он написал всего одно слово «понял» и отправил послание. И в ту же секунду пришло уведомление, что письмо не удалось вручить по адресу. Он взял телефон и увидел номер вызывавшего – самый обычный номер компании China Mobile. Нажал кнопку вызова, и автоматический голос сообщил, что номер не используется.

Он вернулся на балкон, чтобы еще раз насладиться лунным светом. Кругом царила тишина глухой ночи, и луна обливала соседние строения и землю молочным, призрачным, нежным сиянием. У него возникло ощущение, что он пробуждается от сна или, может, все еще видит сон.

И тут телефон зазвонил снова. На экране светился другой незнакомый номер, но стоило только поднять трубку, как он узнал голос своего будущего «я». Голос звучал все так же глухо и издали, но звуки на заднем фоне были другими.

– У тебя получилось, – сообщил голос.

– Откуда ты звонишь? – спросил он.

– Из 2119-го.

– На четыре года раньше, чем когда ты звонил в прошлый раз.

– Для меня я звоню тебе впервые… или, вернее, звоню себе. Но я помню тот звонок, о котором ты говоришь, – я принял его

более ста лет назад.

– Для меня он случился двадцать минут назад. Ну что, как дела? Море отступило?

– Оно никогда и не подступало. Радикального потепления не было, и уровень океана не повысился. История, которую ты слышал двадцать минут назад, никогда не происходила. В наших исторических учебниках пишется, что в начале двадцать первого века в освоении солнечной энергии случился технологический прорыв. Кульминацией послужило изобретение кремниевого плуга, который сделал возможным широкомасштабное использование энергии Солнца. Позже, в двадцатых годах, она захватила ключевые позиции на энергетическом рынке, и ископаемые энергоносители исчезли. Первая половина твоей – нашей – жизни была сверкающим вознесением к вершине – кремниевому плугу, и в течение следующих трех лет, считая от нынешнего твоего момента, новая технология распространилась по всей земле. Правда, как и в истории угля и нефти, эпоха солнечной энергии не породила выдающихся имен – даже твоего в ней нет.

– Плевать на известность. Сыграть роль в спасении мира чудесно само по себе.

– Конечно, нам плевать на известность! Собственно говоря, даже лучше, что нашего имени никто не знает, иначе нас сочли бы самым ужасным преступником в истории человечества. Мир изменился, но отнюдь не к лучшему. Одно хорошо: об этом знает только один человек – мы с тобой. Даже те, кто разработал и ввел в действие план вот этого самого вмешательства в историю, ничего не помнят об использовании ископаемого топлива в двадцать первом веке, ибо этой временной линии не существует. Я не помню своих звонков тебе, но помню звонок, который получил из будущего. По сути, он – единственная ниточка, связывающая меня с несуществующей историей. Прислушайся! Что слышишь?

Он различил в трубке слабые крики, и воображение нарисовало стаи птиц над сумеречными лесами. Время от времени деревья шелестели под порывами ветра, заглушая птичий гомон.

– Я слышу что-то, но не знаю, что это. На океан не похоже.

– Еще бы! Даже река Хуанпу почти иссякла. Нынче засушливый сезон. Их вообще осталось только два: засуха и наводнение. Через реку можно перейти, закатав штанины. Собственно, несколько тысяч голодных беженцев только что ушли на ту сторону, в Пудун, – вон они, усеяли весь берег, словно муравьи. В городе разруха. Пылают пожары.

– Что случилось? Солнечная энергия ведь должна была оказать минимальное воздействие на природную среду!

– К сожалению, ты глубоко ошибаешься. Тебе известно, сколько квадратных километров земли надо превратить в монокристаллический кремний, чтобы обеспечить энергетические нужды такого города, как Шанхай? По меньшей мере в двадцать раз больше, чем площадь самого Шанхая! В течение столетия после твоего нынешнего момента урбанизация ускорилась, и даже среднего размера город сравним теперь с Шанхаем твоего времени. Начиная с двадцатых годов двадцать первого века кремниевый плуг изменил лицо всех континентов. После того как все пустыни были превращены в солнечные поля, они начали пожирать пахотные земли и растительный покров. Ныне каждый континент страдает от избыточной силиконизации. Этот процесс пошел гораздо быстрее опустынивания. Вся поверхность Земли теперь почти полностью покрыта кремниевыми солнечными полями.

– Но согласно экономическим теориям это невозможно! По мере того как земля истощается, стоимость нераспаханных участков возрастает и кремниевые поля становятся нерентабельными…

– Тут всё как с ископаемыми энергоносителями. К тому моменту, когда в действие вступили условия, о которых ты сказал, было слишком поздно. Переход на альтернативные источники энергии оказался делом нелегким, да и восстановление инфраструктуры для угля и нефти тоже заняло слишком много времени. Между тем потребность в энергии росла, и под солнечные батареи приходилось распахивать все новые площади. Силиконизация нанесла земле еще больше вреда, чем опустынивание. По мере ухудшения природных условий всю планету охватила засуха, редкие дожди приводят к наводнениям…

Он слушал этот голос из будущего и чувствовал себя так, будто он тонет. Но в момент, когда, казалось, надежда почти умерла, он вдруг непонятным образом вынырнул на поверхность. Сделав глубокий вдох, он сказал себе будущему:

– Но ведь не все потеряно! Есть выход! Все просто. Я ведь еще ничего не сделал – только решил, каким образом стану внедрять новую технологию. Я немедленно сотру письмо с вложениями, и жизнь пойдет как прежде.

– И тогда Шанхай опять будет поглощен морем.

Он взвыл с досады.

– Надо снова вмешаться в историю, – сказало его будущее «я».

– Только не говори, что опять дашь мне какую-то новую

технологию!

– Именно так. Ключ к новой технологии – сверхглубокое бурение.

– Бурение? Но нефть и так уже добывают самыми передовыми методами!

– Я говорю не о добыче нефти. Скважины, о которых речь, будут достигать нескольких сотен километров в глубину, пройдут границу Мохоровичича и проникнут в жидкую мантию. Мощное магнитное поле Земли порождено сильными электрическими токами глубоко внутри планеты, и наша задача – подключиться к ним. Мы пробурим сверхглубокие скважины, а потом спустим в них массивные клеммы, через которые и потечет гео-электрическая энергия. Мы также предоставим вам технологию производства клемм, способных функционировать при таких высоких температурах.

– Звучит… грандиозно. Даже устрашающе.

– Слушай, извлечение гео-электрической энергии – это самая «зеленая» технология из всех возможных. Она не занимает места на поверхности Земли, не генерирует углекислый газ и не способствует возникновению других загрязняющих факторов. Ладно, давай прощаться. Если мы когда-либо снова созвонимся, то, будем надеяться, не ради спасения мира… Иди проверь электронную почту.

– Подожди! Давай просто немного поговорим. Расскажи… о нашей жизни.

– Мы должны свести контакты с прошлым к минимуму, чтобы уменьшить утечку информации. Уверен, ты понимаешь: то, что мы делаем, невероятно опасно. Да и разговаривать-то особо не о чем, потому что все, что пережил я, рано или поздно придется пережить и тебе. – Будущее «я» замолчало, и связь тут же прервалась.

Он вернулся к компьютеру и увидел второе письмо. Как и предыдущее, оно содержало большое количество технической информации. Просматривая список вложений, он узнал, что этот метод использует лазеры вместо механических буров, а расплавленная порода направляется вверх по скважине на поверхность. Последнее вложение представляло собой фотографию обширного поля, заставленного мачтами высоковольтных линий. Кружевные мачты выглядели легкими и изящными – возможно, они были построены из какого-то прочного композитного материала. Одним концом кабели уходили в почву, где, по-видимому, подсоединялись к опущенным вглубь гео-электрическим клеммам. Его взгляд привлекла сама почва, такая же темная и безжизненная, что и на снимке с

кремниевым плугом. Ее расчерчивала сеть перемычек – должно быть, решил он, это линии, передающие энергию, добываемую из монокристаллического кремния. В отличие от предыдущей фотографии, небо было ясно-лазурным, без единого облачка. В эту эпоху дождь был редкостью, и даже просто глядя на снимок, он ощущал, какой там сухой воздух.

И опять он вышел на балкон. Луна переместилась к западу, тени удлинились, словно город перешел из дремоты в состояние глубокого сна.

Он стал обдумывать способы продвижения новой технологии. Нынешняя стратегия отличалась от предыдущей. Во-первых, лазерное бурение привлекательно само по себе и найдет применение как в военных, так и в гражданских областях. Следует развернуть пропаганду именно этого метода и ждать, пока индустрия дозреет, чтобы затем представить ей захватывающую идею гео-электричества. И одновременно можно продвигать и другую, побочную, технологию – жароустойчивые клеммы. Первоначальные инвестиции, однако, должны поступить из того же четырехтриллионного фонда стимулирования экономики, и еще предстоит найти влиятельный институт, который взял бы на себя исследовательский проект. Он был уверен в успехе, ведь все технические секреты у него уже есть.

«Итак, я решил встать на этот новый путь. Интересно, а история уже изменилась?»

И, словно отвечая на его мысленный вопрос, зазвонил телефон – в третий раз. Половинка заходящей луны выглядывала из-за строения напротив, будто бросая на мир последний испуганный взгляд перед уходом.

– Я – это ты, звоню из года 2125-го.

Голос в трубке замолчал, словно ожидая от собеседника вопроса, но он не решился его задать. Ладонь, сжимающая телефон, вспотела, а ведь он уже до этого весь извелся. И наконец он спросил:

– Хочешь, чтобы я вслушался в звуки твоего мира, правда?

– Не думаю, что на этот раз ты сможешь что-либо расслышать.

Однако он попытался. Отдаленное зудение, похожее на помехи. Понятно – сигналу, пересекающему пространство-время, не избежать помех, которые могут происходить из любого момента между нынешним временем и годом 2125-м или из пустоты вне времени и космоса.

– Ты все еще в Шанхае? – спросил он у себя будущего.

– Да.

– Я ничего не слышу. Может, у вас там только

электромобили, они практически бесшумные.

– Все автомобили ездят по туннелям, поэтому ты и не слышишь их.

– По туннелям? По каким еще туннелям?

– Шанхай теперь располагается под землей.

Луна исчезла за соседним зданием, и стало темно. У него было такое чувство, будто он погружается в землю.

– Что произошло?

– На поверхности страшная радиация. Походишь пару-тройку часов без защиты – и все, конец. Причем конец отвратительный: вся твоя кожа будет сочиться кровью…

– Радиация?! О чем ты?

– Солнце. Да, ты добился успеха. гео-электричество развилось еще быстрее кремниевого плуга, и к 2020 году эта индустрия переросла индустрию нефти и газа, вместе взятые. По мере совершенствования технологии даже кремниевый плуг стал уступать ей по части эффективности и затрат, не говоря уже об ископаемых энергоносителях. Вскоре гео-электричество стало удовлетворять все потребности мира в энергии. Чистое, дешевое – само совершенство. Многие стали задаваться вопросом, почему человечеству потребовались тысячелетия после изобретения компаса, чтобы додуматься до использования гигантского генератора под собственными ногами. На крыльях этого возобновляемого источника энергии экономика взлетела до невиданных высот, да и экология улучшилась. Человечество уверовало, что наконец достигло того, о чем мечтало, – о не требующем усилий росте. Будущее представлялось радужным.

– А потом?

– В начале нынешнего века гео-электрическая энергия вдруг истощилась. Компасы больше не указывают на север. Ты, конечно, знаешь, что магнитное поле Земли – это щит планеты. Он отклоняет солнечный ветер и защищает нашу атмосферу. Но теперь пояса Ван Аллена исчезли, и солнечный ветер бьет прямо в Землю, как свет ультрафиолетовой лампы в подставленную под нее чашку Петри.

Он попытался что-то сказать, но из горла вырвался лишь хрип. Его бил озноб.

– И это только начало, – продолжал голос в телефоне. – В течение следующих трех-пяти столетий солнечный ветер разрушит земную атмосферу. Океаны выкипят, с суши испарится вся вода.

Еще одно хриплое карканье.

– Мы наконец совершили прорыв в технологии контролируемой термоядерной реакции, и теперь она наравне с

восстановленной индустрией угля и нефти служит для человечества неисчерпаемым источником энергии. Тем не менее бóльшую часть производимой энергии мы закачиваем обратно в Землю, чтобы возродить ее магнитное поле. Пока что результаты не вдохновляют.

– Мы должны это исправить!

– Да, верно. Ты должен удалить оба моих электронных письма.

Он опять направился к компьютеру.

– Сделаю прямо сейчас.

– Погоди минутку. Стоит тебе только убрать их – и история опять изменится, а наш контакт прервется.

– Правильно. Мир возвратится к своей первоначальной временной линии с господством ископаемых энергоносителей.

– И ты продолжишь жить, как раньше.

– Пожалуйста, расскажи, как сложится моя жизнь после этого момента!

– Не могу. Если скажу – будущее изменится.

– Я понимаю – знание будущего изменяет его. Но мне все равно хотелось бы кое-что узнать.

– Извини. Не могу.

– Ну скажи хоть – мы проживем такую жизнь, какую хотели? Мы будем счастливы?

– Не могу.

– У меня будет жена? Дети? Сколько девочек, сколько мальчиков?

– Не могу!

– После Вэнь я когда-нибудь полюблю опять?

Он думал, что его будущее «я» снова откажется отвечать, но голос молчал. В трубке был слышен только гул ветра над пустотой разделяющего их столетия. И наконец он услышал ответ:

– Нет, никогда.

– Что? За сто лет я никого больше не полюблю?!

– Нет. Жизнь иной раз не сильно отличается от истории человечества. Выбор, представившийся тебе в самом начале, возможно, наилучший, но ведь этого не узнаешь, не пройдя по другим временным линиям.

– Значит, я навсегда останусь один?

– Извини, я не могу тебе сказать… Хотя одиночество – это обычное состояние для человека, тем не менее мы должны прожить свою жизнь с достоинством и в стремлении к счастью. Все, мне пора.

Не добавив больше ни слова, голос оборвал беседу. Телефон

тренькнул – это пришла эсэмэска с коротким видео, которое он скопировал на компьютер, чтобы лучше все разглядеть.

На экране бушевало море огня. Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что смотрит на небо. Яростные сполохи были не пламенем, а полярным сиянием, заполняющим небосвод от горизонта до горизонта – это частицы солнечного ветра бомбардировали атмосферу Земли. Колыхающиеся красные занавеси извивались по всему небу, словно множество гигантских змей. Казалось, будто небо жидкое. Это было ужасное зрелище.

На экране виднелось одно строение, словно состоящее из нанизанных на палочку шариков, – башня «Восточная жемчужина». В зеркальных поверхностях отражалось горящее небо, и сами сферы, казалось, были сделаны из пламени. В кадре стоял человек, одетый в тяжелый защитный скафандр. Поверхность костюма тоже была гладкой и сияющей, что создавало иллюзию, будто это зеркало, отлитое по форме человека. Небесный огонь отражался в нем, и огненные змеи, искаженные изогнутыми поверхностями, наводили еще большую жуть. Вся сцена текла и сияла, словно мир превратился в расплавленную лаву. Человек поднял руку – этим единым жестом он говорил прошлому «здравствуй» и «прощай».

Видео кончилось.

«Это был я?»

И тут он вспомнил, что его ждут более важные дела. Он удалил электронные письма с вложениями и сразу же начал форматировать диск, стирая сектора методом многократных проходов.

Когда форматирование закончилось, еще стояла ночь – самая обычная ночь. Человек, который за последние часы изменял ход истории три раза и в конечном итоге не изменил ничего, уснул прямо возле монитора.

На востоке разгорался рассвет. В мир пришел очередной будний день. Ничего, ровным счетом ничего не произошло.

Тан Фэй [9]

Тан Фэй (псевдоним, который следует считать нераздельной единицей) – писательница; ее произведения публиковались в таких китайских журналах, как «Мир научной фантастики», «Цзючжоу фэнтези» и «Фэнтези старое и новое». Она пишет фэнтези, научную фантастику, сказки и «уся» (фэнтези о боевых искусствах), но предпочитает создавать произведения, которые раздвигают границы жанров или выходят за их пределы. Кроме того, она критик, и ее эссе публиковались в газете «Экономический обозреватель».

Тан Фэй – фотограф и заядлая путешественница. Она обожает бродить по неизвестным городам и знакомиться с людьми в ходе незапланированных приключений. Если встретите ее, попросите рассказать о том, как в Японии она упала в реку.

Переводы ее произведений выходили, в частности, в журналах «Clarkesworld», «Path light», «Apex», «SQ Mag». Другие произведения Тан Фэй можно найти в сборнике «Invisible Planets».

«Сломанные звезды», как и многие другие рассказы Тан Фэй, сложно отнести к какому-либо жанру. Мир, который в нем описан, – странный, с размытыми очертаниями, а населяющие его персонажи обладают острыми краями и углами. И в центре всего – тьма, которая появилась после того, как погасли звезды.

Сломанные звезды

Если задуматься, то на самом деле звезды не предрекали такой судьбы.

Но звезды сломаны, и поэтому неопровержимое доказательство исчезло. Этот миг – вершина, где время обрушивается: слева – прошлое, справа…

Справа должно было быть будущее.

Но звезды сломаны.

Кроме того, я познакомилась с Чжаном Сяобо.

1

Она не взяла с собой зонтик, хотя прогноз погоды обещал дождь. После ужина, проходя мимо полки с обувью, она не нашла зонтика, который был выставлен специально для нее.

По тротуару шли и другие школьники; постепенно они сливались в единый ручеек, который пересекал дорогу и скрывался в здании школы. Тан Цзямин вошла в лекторий через задний вход и оказалась в его верхней части, когда прозвенел первый звонок, напоминающий о начале вечерних занятий.

Более половины мест под люминесцентными лампами уже было занято. Шел второй семестр выпускного года, и старшая школа организовала вечерние интенсивные курсы для учащихся, у которых еще оставался шанс хорошо сдать вступительные экзамены. Из двухсот учеников лишь тридцать набрали достаточно баллов на тестовом экзамене и получили право на дополнительную подготовку. Остальные днем посещали обычные уроки, а вечером набивались в лекционный зал для самостоятельной подготовки.

Цзямин заметила Чжу Инь, сидевшую на одном из последних рядов: та заняла ей место у окна и сейчас махала ей рукой.

– Будет дождь, – пробормотала Чжу Инь. В зубах она сжимала несколько резинок, а ее ладони, словно бабочки, порхали, то погружаясь в волосы, то снова взлетая над ними. Чжу Инь отлично заплетала косички, даже самые замысловатые, и большую часть времени занималась именно этим.

– Распиши для меня эту задачу, – Чжу Инь кивнула на две рабочие тетради, лежащие на столе. – У тебя ужасный почерк, я ничего не понимаю.

– Тут нужно просто сложить два комплексных числа. – Цзямин подтолкнула тетради обратно к Чжу Инь.

Иногда она давала Чжу Инь списать домашнюю работу, но не всегда.

Нахмурившись, Чжу Инь продолжала плести косичку. Она все еще злилась на Цзямин за то, что произошло.

– Цзямин, я же твоя лучшая подруга? Лучшая? – спросила она.

– Угу, – ответила Цзямин, обводя взглядом лекторий.

– Во всем мире?

– Ну да.

– Почему?

Цзямин рассмеялась и повернулась, чтобы посмотреть на Чжу Инь. Она такая красивая.

– Потому что я хочу быть такой, как ты, – ответила она.

– Врешь! – воскликнула Чжу Инь, но было видно, что она довольна. Ее черные глаза вспыхнули, и в этих черных зеркалах в мельчайших подробностях отразилось все, что находилось перед ней. Цзямин действительно любила общаться с Чжу Инь; ей нравилось то, что Чжу Инь в любую секунду можно развеселить.

Цзямин зевнула. Скоро будет дождь – настоящая, мощная гроза. На улице вдруг резко потемнело, однако никто в лектории, похоже, этого не заметил.

Школьники играли на своих телефонах, переписывали домашнюю работу, читали комиксы или «желтые» журнальчики, дремали, курили, хихикали, ели… Они, словно записочки, которые передают по классу, постоянно бродили взад-вперед и пересаживались. Те, кто любил тишину, располагались на двух первых рядах, чтобы на три часа с головой погрузиться в решение дополнительных задач. Каждый день было одно и то же. В свете ртутных ламп цвета и очертания тускнели, а беспокойные, выпирающие юные тела колыхались под одеждой. Среди негромкого гула иногда раздавался крик или смех. В воздухе гармонично смешивались запахи снеков из лапши «Енотик», ветчиннорубленой колбасы, лака для волос, резиновых сапог. Цзямин наслаждалась ощущением погруженности в среду и бездействием.

Ее сердце переполняла любовь ко всем.

– Плохо спала? – спросила Чжу Инь.

– Переела, – ответила Цзямин.

– Что у тебя с волосами? Потом помогу тебе привести их в порядок.

– Хорошая мысль.

Бам! Дверь с грохотом отворилась, и порыв ветра швырнул в лекторий песок и камешки. Захлопали страницы тетрадей, закричали школьники. В зале воцарился хаос. Штормовой ветер,

предвестник дождя, яростно сметал все на своем пути. Оконные рамы скрипели, а стекла в них, казалось, уже готовы треснуть.

Цзямин встала, чтобы закрыть окно; на это уйдет всего пара секунд.

Она увидела Чжана Сяобо, хотя тогда еще и не знала, как его зовут.

Он, пошатываясь, стоял на бетонной стене, окружавшей школьный двор. Стена была высокой, и с каждым годом становилась все выше. Цзямин не могла понять, собирается он прыгнуть или нет. Она подумала, он способен это сделать – может, не сейчас, а когда-нибудь в будущем.

Она увидела, как мальчик сел на стену и достал зажигалку. Он пощелкал ею, но не стал ничего поджигать, а просто уставился на огонек, прикрывая его ладонью от ветра. Язычок пламени лизал его ладонь и подсвечивал лицо.

Стекло перед Цзямин затуманилось.

Строго говоря, он был не в ее вкусе – бледный, худой, с темными кругами под слишком большими глазами. Однако по счастливой случайности он в тот вечер появился на школьной стене.

Лето 1998 года. Шквал, прилетевший с моря, принес с собой теплый, влажный запах соли и рыбы. Тени деревьев сдвинулись – Цзямин никогда еще не видела, чтобы деревья двигались так дико, словно мечтали потанцевать. Цзямин прижалась лицом к стеклу и уставилась на их темные силуэты: возможно, когда-нибудь деревья вырвут свои корни из земли и убегут куда глаза глядят. Язычок пламени в руке мальчика отчаянно дрожал, освещая коричневые пятна крови на белой рубашке. В тело Цзямин ударил барабанный бой: он прибыл из густых африканских джунглей на влажном, агрессивном штормовом ветре.

Огонь погас.

Дождь все лил.

– На что смотришь? – донесся сзади голос Чжу Инь.

– Такой мощный ливень…

– Я взяла зонтик. Может, сначала зайдешь ко мне?…

* * *

– Откуда у тебя этот зонтик?

– Подруга дала.

– Тебе нужно переодеться.

Цзямин пошла в свою комнату, переоделась; мокрый ворох

одежды у ее ног казался сброшенной змеиной кожей. Дождь был такой сильный, что зонтик не очень-то и помог.

Она вернулась в гостиную, где на экране телевизора танцевали безмолвные картинки. Она взяла пульт и пощелкала каналами, лишь ненадолго задерживаясь на каждом из них. У них в доме телевизор всегда работал без звука, но никто телевизор не выключал.

– Тебе домашнее задание нужно делать? – спросил голос из-за груды архитектурных планов.

– Уже сделала.

– Послезавтра уйду с работы пораньше. Сможем поужинать в ресторане.

На секунду Цзямин замерла, глядя, как на экране телевизора с неба падают десятки бомб «Марк-82». В следующей сцене на экране появились горящие поля. Тут она вспомнила.

– Послезавтра твой день рождения, – сказала она.

– Что тебе подарить?

– Тебе не кажется это странным: день рождения у тебя, а подарки ты даришь мне? Может, ты хочешь что-то мне сказать?

Эти слова мужчина проигнорировал.

– Ладно, тогда компакт-диск Сары Брайтман.

– Напиши мне ее имя на бумажке… Уже поздно, тебе спать пора. – Мужчина пошел на кухню и вернулся со стаканом молока. Он протянул его Цзямин и посмотрел, как она пьет.

Каждую ночь перед сном отец давал ей стакан молока, чтобы она крепче спала.

* * *

– Какое уродство! – Бледная женщина потрясенно уставилась на ободок для волос в ее руке. – Кто вообще такое покупает?

– Они бывают разных цветов и отлично продаются. Многие девочки в школе их носят.

Они посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись.

– С длинными волосами столько проблем!

– Но ты мне нравишься с длинными волосами. С ними ты выглядишь особенно благовоспитанной. – Бледная женщина погладила коротко подстриженные волосы Цзямин. Ее рука была такой белой, что казалось, будто на Цзямин упал луч лунного света.

– Как школа?

– Все по-старому. Вчера шел дождь. – Ее голос смягчился, но тут же снова зазвучал как обычно. – Я не взяла с собой зонтик, и

Чжу Инь одолжила мне свой.

Она ждала, что женщина спросит: «Чжу Инь по-прежнему такая обидчивая?» Тогда у нее уже будет наготове ответ.

Но женщина этого не сказала.

– Вчера шел дождь, – повторила она слова Цзямин.

– Послезавтра у папы день рождения, – сказала Цзямин.

Бледнолицая женщина промолчала, а затем засунула руку в карман.

– Давай посмотрим на звезды, – сказала она.

Она достала сложенный лист бумаги и начала бесконечно терпеливо и нежно его разворачивать. Когда она разворачивала очередную складку, ее кожа становилась ярче, словно изнутри ее подсвечивал чистый белый свет. Он, как и ее радость, мог быть теплым или холодным, но определить это было невозможно. Лист бумаги размером с ее ладонь; аккуратными, повторяющимися движениями она заставляла его увеличиваться во всех направлениях – до тех пор, пока границы листа не скрылись из виду.

Символы и линии на бумаге сворачивались в спираль и вытягивались – столь же странные, как и в тот день, когда она впервые их увидела. Быстро вращающийся диск.

ἀστρολάβος

астролабос

Берущий звезды.

– Смотри, это твои звезды. – Бледная женщина рассмеялась.

2

На физкультуре они должны были пробежать 800 метров, но после первого круга девочек на беговой дорожке почти не осталось.

Цзямин издали наблюдала за тем, как учитель физкультуры гоняется за девочками, ищет тех, кто спрятался за деревьями, и пытается вернуть их обратно на дорожку. Школьницы нехотя, медленно ступая, шли обратно на спортплощадку. Как только у девочек начинался период полового созревания, они словно теряли способность бегать как следует; дело было не только в подпрыгивающей груди – девочки в целом становились вялыми или, возможно, таким образом учились быть недоступными.

– Ты сегодня в хорошем настроении, – заметила Чжу Инь.

Цзямин удивленно посмотрела на нее. Они прятались среди девочек на баскетбольной площадке и притворялись, что

отрабатывают броски.

Чжу Инь подошла ближе, словно мышь, почуявшая пирожное.

– что-то произошло, я точно знаю.

Цзямин промолчала.

– Ты видела во сне ее?

Когда Цзямин было семь лет, она рассказала Чжу Инь свой сон, в котором видела женщину настолько бледную, что ее кожа казалась абсолютно белой. Чжу Инь об этом не забыла.

– О чем вы говорили ночью?

– Я рассказала ей про день рождения папы.

– На этот раз ты сумела увидеть ее лицо? Она похожа на твою маму?

Цзямин всегда четко видела лицо этой женщины, но не помнила, как выглядела ее мама. Ее мать утонула в море, когда Цзямин было четыре года.

– Эй, вы! – Их разговор прервал незнакомый голос. – Это ваш учитель?

Мужчина со свистком во рту действительно был их учителем физкультуры. Цзямин и Чжу Инь переглянулись и выбежали на дорожку, стараясь догнать опередившую их группу.

– Спасибо! – Когда они пробегали мимо мальчика, предупредившего их, Чжу Инь подмигнула ему.

Цзямин и мальчик на мгновение встретились взглядами. Она узнала его.

– Знаешь парня, мимо которого мы пробежали?

– Я про него слышала. Он в группе интенсива. Немного фрик.

– Как его зовут?

– Чжан Сяобо.

Сейчас, когда не было шторма, деревьев, мечтающих о побеге, дикого, безумного огня, сейчас, когда Чжан Сяобо не сидел на стене, он выглядел спокойным и дружелюбным – абсолютно нормальным. Цзямин приказала себе не оглядываться; в подозрениях не было необходимости.

Бледная женщина сказала, что звезды желают ей удачи.

Она даже не заметила, что улыбается.

– Чему ты так радуешься? – спросила Чжу Инь.

– Вспомнила вчерашний сон. Я показала ей ободки для волос, и она тоже подумала, что они жутко страшные.

– Какие?

Цзямин, не говоря ни слова, посмотрела на девочку, которая сидела на скамейке рядом с беговой дорожкой. Настолько открыто сидеть там во время разминки, когда все бегают, могли только те, у кого есть записка от медсестры. Когда Цзямин и Чжу Инь пересекли финишную черту, девочка встала и направилась к

ним.

– Видела те, которые на ней?

Чжу Инь рассмеялась.

– Да, они уродливые.

Девочка подошла к Цзямин, но, увидев Чжу Инь, замялась.

Чжу Инь закатила глаза, а затем повернулась к Цзямин:

– Я подожду тебя в классе.

– Цзямин! – воскликнула новая девочка, улыбаясь и щурясь от яркого солнца.

– Лина.

* * *

Лина одна из первых начала привлекать мальчиков. Когда ей исполнилось двенадцать, ее тело утратило детскую пухлость и начало приобретать изгибы и выпуклости, излучать теплый запах и бессознательно привлекать к себе внимание лиц противоположного пола. Ее всегда окружали мальчики, и притом не только ее ровесники.

Никто не волновался, что Лина сделает что-то недостойное: она всегда вела себя столь же благопристойно и степенно, как и медленно ступающая слониха. Ничто из происходящего вокруг не выводило ее из себя. О существовании мальчиков она вспоминала только в случае крайней необходимости и, кроме того, умела пользоваться тем, что на тебя постоянно направлены взгляды.

Взять, к примеру, эту записку из кабинета медсестры.

Она использовала свое преимущество и другими способами.

Вот и сейчас она схватила Цзямин за руку и потащила ее в местный магазин, чтобы купить чьего-нибудь вкусненького.

Лина сказала, что заплатит за обеих. Цзямин не стала возражать и попросила два мороженых.

– Одно отнесу Чжу Инь, – объяснила она.

Лина улыбнулась.

– Мой врач – он специалист по традиционной медицине – не позволяет мне есть ничего холодного, даже сашими…

Лучшим в разговорах с Линой было то, что ее можно было не слушать. Она, в отличие от своих сверстниц, понимала, что не нужно постоянно быть серьезной. Рядом с ней Цзямин всегда могла расслабиться.

– Говорят, в лектории у вас весело.

– Ну да, дополнительных заданий же нет. У вас на интенсиве наверняка все сложнее.

Цзямин почувствовала, что Лина что-то вложила ей в руку.

Она остановилась и невозмутимо посмотрела на подарочную коробку: бархат, атлас, искусная работа. Цзямин открыла коробку и увидела новую ручку «паркер».

– Лина?

– Мы же раньше сидели за одной партой, помнишь? А у меня случайно оказалась лишняя ручка. – Улыбка Лины казалась куском шоколада, который вот-вот растает.

* * *

– Дорогая вещь. Ее обычными чернилами заправляют? – Бледная женщина сняла колпачок и потрогала пальцем кончик пера.

– Наверняка к ней продают роскошные чернила. Возможно, тоже в подарочной коробке.

– Почему она тебе ее дала?

Цзямин промолчала. Она и не подозревала, что пара тайн – это такое тяжелое бремя.

Бледная женщина взяла Цзямин за подбородок и приподняла ее голову.

– Верни ее. Я волнуюсь за тебя.

– Если я отдам, ты будешь беспокоиться еще сильнее.

Бледная женщина стиснула Цзямин и заставила посмотреть себе в глаза.

– Я видела ее звезды. Они мне не нравятся.

– Если я откажусь от взятки, она подумает, что я решила ее предать, понимаешь?

Женщина отпустила ее и отступила.

Цзямин подошла к ней и села рядом.

– А мои звезды тебе нравятся?

– Да. – Глаза женщины были нежными, словно вздох. – Ты – хороший ребенок. Звезды сообщили мне об этом, как только ты родилась.

Какая-то мысль, словно тень, накрыла сердце Цзямин. Она посмотрела на бессмысленно мигающий телеэкран, и у нее сдавило грудь.

– Действительно ли звезды умеют говорить? – Этот вопрос она никогда не задавала. Она никогда в это не верила.

– Да, да! – искренне воскликнула женщина. – Вчера, вчера звезды сказали мне, что ты встретишь… особенного человека. Он появится в воде и исчезнет в огне. Кроме того, звезды пожелали тебе удачи. Я тебе говорила.

– А что звезды про сегодня?

Бледная женщина раскрыла астролябию. Цзямин внимательно следила за каждым ее движением, изучала все подробности процесса, который уже видела бесчисленное множество раз. Чем больше она сосредотачивалась, тем сильнее ей казалось, что она находится не только здесь, но и где-то еще. Она была здесь, но при этом и не здесь. Она покинула саму себя – и где-то в ее теле теперь, несомненно, осталась пустота. Цзямин пыталась игнорировать это ощущение, но все равно чувствовала тошнотворный холодок, а также… головокружительную сладость.

Эти звезды – символы, выплывающие из глубин огромного космоса, – появлялись на листе бумаги с беспрецедентной четкостью.

– Завтра будет счастье. Ты пойдешь по тропе, по которой обычно не ходишь, а утром назначишь встречу. Звезды говорят, что ты встретишь важного человека – того, с кем проведешь всю жизнь. Эта встреча изменит твою судьбу, так что смотри, не сбейся с пути. Звезды говорят. Звезды – все звезды – разговаривают. Слышишь их? Звезды хотят, чтобы ты была счастлива.

Бледная женщина заговорила быстрее. Она начала повторяться. Она говорила слишком быстро и поэтому не успевала перевести дух, но все равно не замедлялась. Это было похоже на бесконтрольно кружащееся колесо; речь утратила смысл, и наконец отрывочные слоги заставили женщину содрогнуться. Внезапно костлявые пальцы вцепились в плечи Цзямин. Женщина грубо, пронзительно захохотала.

Цзямин крепко обняла ее.

– Хватит дурить, мама. Прекрати.

3

Цзямин точно не помнила, когда впервые появилась бледная женщина – может, в шестой день рождения, а может, даже раньше. Она спала, а в полночь проснулась и открыла глаза.

У изголовья ее кровати сидела женщина. Ее кожа была настолько бледной, что казалась сверхъестественным, сияющим объектом в темноте, звездой.

Цзямин заговорила с бледной женщиной. Странно, однако никакого страха она не испытывала; ей казалось, что все это – сон.

– Ты такая бледная. Ты светишься?

– Не я. Это звездный свет. Скорее спроси меня, кто я.

– Кто ты?

– Я твоя мать.

– Моя мать умерла. Ты сумасшедшая.

– Я сумасшедшая. – Бледная женщина прикрыла рот рукой и захихикала.

Цзямин ее не боялась. Даже позднее, когда женщина вела себя как безумная и пыталась ее задушить, Цзямин ее не боялась.

Когда они были вместе, бледная женщина чаще всего молчала.

Они общались как обычные люди. Цзямин рассказывала ей о том, что произошло в школе, и иногда женщина излагала свое мнение об услышанном. По большинству вопросов они придерживались одной и той же точки зрения. Иногда женщина заговаривала о звездах. Она учила Цзямин узнавать звезды: их названия, расположение, цвет, их прошлое, а также их речь.

– Слушай внимательно: по тону можно понять, кто из них к тебе обращается. Чтобы понять, что они говорят, нужно интерпретировать не только слова, но и тон. Иногда звезды предпочитают петь.

Цзямин ничего не слышала.

Звезды не разговаривают.

Какая разница? Днем звезды, как и сны, исчезали.

* * *

Цзямин никогда не думала, что однажды поверит словам безумной женщины.

Но в то утро она решила поехать в школу на автобусе от южных ворот своего жилого квартала. Она уже давно не ездила на автобусе в час пик, и в первый автобус она даже не сумела протиснуться. Когда подъехал следующий, она поставила одну ногу на ступеньку, но не могла найти свободного пространства, чтобы подняться. Пока она колебалась, кто-то схватил ее за руку и затащил в салон.

В плотной толпе пассажиров она увидела холодное лицо Чжана Сяобо.

Он не был похож на человека, который помог бы ей сесть в автобус.

Автобус был набит битком. Всякая индивидуальность была утрачена, все границы нарушены. Пассажиры давили друг на друга со всех сторон. Тела искривились, приняли немыслимые позы и застыли, словно куски мяса в консервной банке.

Так быть не должно. Хотя между ними стояла женщина средних лет, они все равно находились слишком близко друг от

друга. Цзямин невольно посмотрела на его лишенное эмоций лицо. Глаза Чжана Сяобо были черными, словно вода, скопившаяся на дне пропасти: они были неотразимыми.

Не утони в этих глазах.

Она с трудом отвернула голову, чтобы не смотреть ему в лицо. На ее щеку больно надавил хребет стоявшего впереди нее человека, но ей было все равно.

У остановки автобус притормозил. Те, кому нужно было выходить, толкались, прокладывая себе путь к дверям, но Чжан Сяобо не сдвинулся с места.

Двери распахнулись. Цзямин закрыла глаза. Мимо нее хлынул поток выходящих пассажиров. Она должна быть среди них, поток должен легко вынести ее из автобуса. У нее не должна кружиться голова.

Она вцепилась пальцами в поручни и выдержала натиск толпы. Несколько раз ее чуть не вынесли из автобуса, но она оставалась на месте, пока не закрылись двери. В ее грудь снова ударили барабаны густых африканских джунглей. Ей хотелось плакать, ей хотелось смеяться.

– Ты опоздаешь. – Она не заметила, как к ней подошел Сяобо.

Все мысли покинули ее. Автобус поехал мимо школы. Цзямин увидела старика рядом с будкой; через десять минут он закроет ворота. Школа в зеркале заднего вида становилась все меньше и наконец исчезла за рядом китайских зонтичных деревьев, которые росли на улице. Цзямин закрыла глаза. По ее векам порхал мягкий свет, пробившийся сквозь листву. что-то щекотало ей сердце.

– Вот теперь ты точно опоздаешь. – Чжан Сяобо почти улыбался.

Они доехали до конечной остановки, а там сели на другой автобус, который шел в обратном направлении. Они сидели в разных рядах, друг за другом, но не смотрели друг на друга и не разговаривали.

Когда автобус снова подъехал к школе, Чжан Сяобо наклонился вперед и шепнул ей в ухо:

– Какие у тебя утром уроки?

События, казавшиеся невероятными, произошли, потому что им было суждено произойти.

Автобус остановился. Двери открылись, двери закрылись. Ни Цзямин, ни Сяобо не сдвинулись с места.

Было уже почти половина девятого.

* * *

В школу Цзямин вернулась в полдень. Она уже собиралась пойти в столовую, когда декан по учебной работе остановил ее и отвел в свой кабинет.

Цзямин не волновалась: она думала, что ее будут отчитывать за прогулянные уроки. Но она ошибалась.

Выйдя из кабинета декана, она сразу разыскала Чжу Инь и отвела ее в дальний угол столовой. Чжу Инь сразу во всем призналась:

– Все верно. Я рассказала им про то, что ты сдавала экзамен за Лину. Это же правда.

– Они, должно быть, попросили тебя предъявить доказательства.

– Да… – Чжу Инь, кажется, поняла, в чем дело, и умолкла.

– И поэтому ты сказала им, что я могу подтвердить твою историю о том, как сдавала пробный экзамен за Лину по всем четырем предметам.

Цзямин встала перед Чжу Инь, чтобы та смотрела ей прямо в глаза.

– Но я никогда не говорила, что сдавала экзамен вместо Лины, и тебе это прекрасно известно. Я никогда так не говорила и никогда не скажу. Декан уже со мной разговаривал.

– Ты сказала ему…

– Я сказала, что Лина всего добилась благодаря собственным стараниям.

– Почему ты защищаешь эту суку? Почему ты ей помогаешь? Я ведь тебя видела.

– Ты видела только то, что она уронила листы с экзаменационными заданиями, а я их подняла. Вот и все.

– Почему? Почему? Я ненавижу то, как она тут расхаживает, словно ее уже приняли в один из лучших университетов. Я хочу, чтобы все знали: она мошенница, она – ничтожество. Если бы у меня были веские доказательства, я бы…

– Но у тебя их нет. Однако ты сумела убедить ее в том, что я ее предала. – Цзямин уже не злилась на Чжу Инь. Эта девочка даже не понимает, как хитроумно поступила Цзямин.

Она помогла Лине, потому что это было легко. Она даже не придала этому значения, и результаты экзамена ее совсем не беспокоили. А за оставшееся время она даже успела небрежно написать несколько ответов на своих листах.

Ко всей этой истории она относилась как к шутке, но, похоже, эта шутка казалась смешной только ей.

– Почему ты ей помогаешь? из-за этой ручки? После физры я увидела в твоей сумке новый «паркер». Не уходи, Цзямин! Мы же подруги!

Голос Чжу Инь затих у нее за спиной.

* * *

Сяобо догнал ее на лестничной площадке. Он был мрачен.

– Нам надо поговорить.

– Я думала, мы встретимся в «Макдоналдсе» после школы.

– Почему ты распространяешь такую гнусную ложь? Неужели ты надеялась, что тебе поверят?

Цзямин уставилась на него.

– Думаешь, это неправда? – Она прислонилась к стене, чтобы скрыть дрожь.

Звезды сказали, что он очень важный человек.

– Кто поверит, что ты прошла пробный экзамен вместо Лины? Ее уже вызывали к декану, и с тех пор она все время плачет. Как можно причинять такую боль человеку просто ради того, чтобы удовлетворить собственное тщеславие?

Он уже им поверил. Раз – и все.

Цзямин прикусила губу. В ее горле застрял огненный комок; он обжигал, он душил ее. Она не хотела ничего говорить, потому что слова причиняли слишком сильную боль. Но… но он очень важен для нее. Возможно, ради него стоит вырвать слова из груди.

– А если я в самом деле сдала экзамен вместо нее?

Она взглянула ему в глаза, надеясь найти в них что-то знакомое.

– Ты – грязная тварь, – сказал Сяобо.

Она отвернула голову. Она действительно нашла что-то знакомое, но не то, что хотела. Ей было так больно, что она физически не могла смотреть на него.

Но он ее выслушает. Они будут счастливы вместе. Ей просто нужно…

Прозвенел звонок.

– Поговорим об этом после уроков, ладно?

Сяобо помчался в класс. Цзямин последовала за ним, но, поднявшись на несколько ступенек, остановилась и пошла вниз.

Она решила уйти, оставить позади этот глупый бред, уйти из школы. Она пройдет через вращающуюся дверь «Макдоналдса», который стоит напротив школы, сядет в кресло и станет потягивать большую колу. Она не будет ничего делать, не будет ни о чем думать, пока не закончатся уроки.

Никто не знает, что она сдавала экзамен за Лину. Сегодня вечером она расскажет ему об этом, как о веселом приключении.

Она будет тщательно подбирать слова и не упустит ни одной детали, но в конце концов сведет все к шутке. Она не хочет, чтобы его мучило чувство вины.

4

В темной, сладкой жидкости медленно таяли кубики льда. Немногие люди обращают внимание на то, как исчезает лед. А бледная женщина? Следила ли она когда-нибудь за неизбежным угасанием вещей? Что сказали бы ее звезды?

Звезды хотят, чтобы ты была счастлива.

Какие звезды сделали бы ее счастливой? Цзямин не знала и не хотела знать.

Бледная женщина все еще спала. Кола, которую Цзямин принесла ей, уже нагрелась, но она не хотела ее будить. Цзямин редко видела бледную женщину такой умиротворенной.

– Который час? – женщина проснулась и бросила взгляд на экран телевизора; ведущий читал местные новости. – Еще так рано. Я думала, что у тебя свидание. Ты с ним познакомилась? Утром тебе следовало выбрать путь, которым ты обычно не ходишь.

– Я с ним познакомилась. Мы договорились встретиться в «Макдоналдсе» после школы. На столе – кола, которую я тебе купила.

– Как прошло свидание? Оно слишком рано закончилось. – Бледная женщина захохотала. – Теперь ты мне веришь? Твоя мама не сумасшедшая! Звезды говорят правду.

– Мама, давай посмотрим на звезды.

Бледная женщина поставила на стол стакан с колой и с радостью достала свою звездную карту. Вращающийся диск остановился, и на бумаге четко проступили символы. Женщина начала их толковать.

Она открыла рот, но из него не вылетело ни звука.

– В чем дело, мама? Что говорят звезды?

Женщина упала на стул. Она никогда еще не была такой белой, как сейчас.

– Почему ты прячешься в тенях? – спросила она у Цзямин.

– Тебе не понравится, как я выгляжу. – Цзямин встала так, чтобы оказаться в свете лампы. – Они испачкали мою одежду.

Они прижали ее к бежевому дивану в «Макдоналдсе», и кола из опрокинутого ими стакана текла со стола на ее брюки. Лины в толпе не было; она стояла позади со следами слез на лице.

– Они тебя били? – спросила бледная женщина.

Цзямин казалось, что ее лицо распухло и на нем были царапины. Цзямин облизнула треснувшие губы. Кровь по вкусу немного напоминала кока-колу.

– Им не очень понравилась газировка со льдом.

Девочка, которая опрокинула стакан с колой, первой ударила ее по лицу. Затем ее вытащили в проход между столиками и заставили встать на колени перед Линой. Цзямин больно ударилась о твердый кафель. Такова была цена за предательство.

Затем они стали давать ей пощечины – одну, вторую третью – прямо перед посетителями и работниками кафе, окружившими их, на глазах у прохожих, заглядывавших в окна, учителя, который стоял в толпе и притворялся, что не знает их; возможно, и на глазах у других учеников.

Кто-то держал ее за волосы, чтобы она не могла опустить лицо. Они хотели, чтобы ее видели все. Цзямин закрыла глаза.

Одна из девочек объяснила зрителям, что происходит.

«Посмотрите на эту тупую суку. Она едва набрала проходной балл. Как она посмела врать про Лину, примерную ученицу?»

– Ты знаешь, кто они, да? Ты догадалась, или звезды тебе сказали? – Цзямин вытерла слезы бледной женщины. – Не плачь. Разве эта история не кажется тебе смешной?

Если бы она не зажмурилась, если бы она увидела их лица, то забилась бы в припадке от смеха. Именно в том моменте и содержалась вся соль шутки.

– Звезды не говорят тебе, сколько я получила пощечин? Двадцать семь. Мне было так скучно, что я их считала. Но на самом деле проблема не в этом. Есть один очень важный вопрос, и я должна была обдумать его до того, как Лина ушла. Мама, откуда они узнали, что я в «Макдоналдсе»?

Почему человек, который так важен для меня, занял их сторону? Спроси у звезд, мама, спроси у них! Почему он обращался со мной так же, как тот мужчина – с тобой? Скорее спроси у звезд! Должно быть, у нас с тобой одни и те же звезды, мама.

Бледная женщина сжалась в комочек на стуле, инстинктивно кусая пальцы. Только ее глаза, действующие независимо от тела и разума, не мигая, смотрели на звездную карту.

Цзямин подошла к ней и вытащила у нее пальцы изо рта.

– Что говорят звезды? Скажи мне, моя безумная мать, что это? – Цзямин указала на один из символов.

– Луна.

– Луна? – Цзямин сделала несколько движений ручкой. Бледная женщина вскрикнула и растопырила окровавленные пальцы, чтобы остановить Цзямин, но не успела. Символ луны

исчез под градом росчерков. Затем ручка сдвинулась и непринужденно нарисовала символ в другом месте. – Теперь она здесь.

– Ты не понимаешь, что делаешь.

– А этот? – перо указало на другой символ.

– Это Плутон.

– Здесь слишком тесно. – Цзямин зачеркнула Плутон и поставила перо на пустом участке карты. – Тут ему будет лучше, правда?

Бледная женщина завыла и принялась рвать на себе волосы.

– Не плачь. Открой глаза. Звезды и планеты уже не там, где были раньше, но мир остался прежним. Ничего не изменилось. Звезды не разговаривают, не предсказывают будущее. Будущее, прошлое, настоящее – все это никак не связано с твоими сраными звездами.

Бледная женщина склонилась над звездной картой, словно над мертвым младенцем, которого она только что родила. Слезы текли по ее щекам и падали на бумагу; по карте расходились круги, словно кто-то кидал в нее камушки. Символы на бумаге дрожали, будто отражения в воде, а затем осторожно начали двигаться, возвращаться на свои прежние места.

Цзямин наблюдала за ними бесстрастно, равнодушно. Это всего лишь еще один дешевый фокус.

Звезды не разговаривают, звезды не предсказывают будущее, звезды не обладают силой.

В этот миг она понимала это лучше, чем кто бы то ни было.

– Ты не понимаешь, что ты натворила! – Бледная женщина зашлась в безудержных рыданиях.

– Я знаю, что я сделала. Я почти, почти поверила тебе. Сегодня утром я почти поверила, что в конце концов имею право на счастье.

* * *

Меня зовут Тан Цзямин.

Моя мать безумна.

Папа сказал, что, когда мне было четыре года, моя мать погибла, возвращаясь домой на пароме. Лишь много лет спустя я поняла, почему папа рассказал мне такую историю.

Вскоре после смерти матери мы с папой переехали в дом, в котором живем сейчас. Мой папа – архитектор; он потратил много времени на ремонт нашего нового дома. Наш дом не такой просторный, как казалось, но в нем было достаточно места для

нас обоих. Потом я, как и все дети, пошла в школу. Однажды ночью мне приснилась бледная женщина. У нее был лист бумаги с непонятными символами. Она сказала, что эта бумага предсказывает будущее. Я ей не поверила. После этого я каждую ночь видела во сне бледную женщину, но я никогда не верила в ее предсказания, в слова звезд.

До тех пор, пока не встретила Чжана Сяобо.

Потому что я хотела любви.

Вот такие мы, люди.

* * *

Он открывает дверь и с удивлением видит меня. Я сижу на диване.

– Ты дома?

– Извини. Я знаю, что мы собирались пойти в ресторан. Я забыла, что мы договаривались на сегодня.

– Не страшно. – Он достает из чемоданчика компакт-диск Сары Брайтман. – Это тебе.

Что бы я ни пожелала, он всегда пытается это достать. Какой бы непослушной я ни была, он никогда меня не наказывает. Он совсем не такой, как другие отцы.

«Вот почему ты должна быть умной и заботиться о себе», – сказала бледная женщина.

– Ты ушел пораньше с работы, чтобы что-то мне сказать?

– Нет. Просто хотел, чтобы мы с тобой вкусно поужинали. Тебя не накажут за то, что ты не пошла на самоподготовку?

– Не волнуйся. Раз уж ты вернулся пораньше, а я не в школе, может, сядем и поболтаем? – Я встаю и уменьшаю свет в гостиной.

В гостиной еще никогда не было так темно. Здесь круглые сутки горит свет и работает телевизор.

– Что ты делаешь?

Я встаю перед зеркалом, которое обращено к телевизору, прижимаюсь к стеклу и заглядываю внутрь. Я вижу то, что он хотел от меня скрыть: бледную женщину и ее тюремную камеру.

– Одностороннее зеркало? – Я пристально смотрю на него. – Значит, наша гостиная не такая уж маленькая.

* * *

Меня зовут Тан Цзямин.

Моя мать безумна.

Мой отец – великолепный архитектор. Он построил в нашей гостиной тайную комнату, где более десяти лет держал в заточении мою мать. Бледная женщина – это не сон. Я далеко не сразу это поняла, но продолжала утверждать, что она существует лишь в моем воображении, как и история о том, что моя мать утонула.

Прежде чем лгать друг другу, мы должны обмануть самих себя.

* * *

– Когда ты это узнала?

– Когда поняла, что очень крепко сплю от молока, которое ты мне даешь.

Мой отец не знает, что усыплявшие меня препараты не мешали мне проснуться посреди ночи и увидеть бледную женщину. Как бы крепко я ни спала, ночью меня пробуждала какая-то сила, и я, словно какой-то предмет, падающий с высоты на землю, неизбежно оказывалась рядом с бледной женщиной.

Если ты не хотел, чтобы другие узнали про твою сумасшедшую жену, почему ты просто не замуровал ее?

Если я задам ему этот вопрос, он наверняка ответит, что поступил так ради меня. Он не хотел, чтобы другие знали, что у меня безумная мать.

Но я не дам ему шанс дать такой ответ.

– Выпей вот это. В последнее время ты не высыпаешься. – Я приношу из кухни стакан теплого молока, ставлю перед отцом и заботливо смотрю на него.

Он выпивает молоко. Я знала, что так и будет. Что бы я ни подмешала в стакан с молоком, он бы все равно это выпил.

Потому что это лучше, чем иметь дело со мной, когда я в таком состоянии.

– Когда она начала нести бред? – Я сажусь перед ним и ласково кладу руки на его дрожащие колени.

– Она всегда отличалась от других, даже когда мы только что познакомились. Она утверждала, что слышит странные голоса. Ее всегда интересовало точное время и место рождения человека, а некоторых людей она не любила без всяких на то причин. Я считал, что это безвредные чудачества, но потом родилась ты, и она… – Он поднимает взгляд на меня. Он продолжает говорить, но я вижу, что это ему трудно. – Она рассчитала твою судьбу с помощью астролябии и сказала, что тебе суждено изменить речь

звезд, что тебя нужно защищать. Она становилась все более неуравновешенной…

– Ты испугался.

– Я не знаю, действительно ли она сумасшедшая – ведь в прошлом ее предсказания иногда сбывались. Нет, я ее не боялся. Но ты не видела, как другие смотрели на нас.

«Он знает, что я не сумасшедшая», – однажды сказала бледная женщина. Я помню ее выражение лица, когда она произносила эти слова. И другие вещи я тоже помню.

Прежде чем он закрывает глаза, я задаю последний вопрос:

– Ты давно ее разлюбил?

– Вовсе нет. Я люблю ее. И всегда любил.

Это худший из всех возможных ответов.

Благодаря выпитому молоку он засыпает раньше, чем начинает рыдать. Ну конечно он ее любит. Именно для нее он установил одностороннее зеркало, чтобы она могла смотреть постоянно включенный телевизор. И, что более важно, сквозь это зеркало бледная женщина могла видеть меня.

Но честное слово, папочка, ты дал мне худший ответ из всех возможных.

5

Меня зовут Тан Цзямин.

У меня нет отца, и матери тоже нет. Я могу изменять слова звезд; то есть я могу изменять судьбу.

Сегодня утром я приду в школу вовремя. Я сделаю вид, словно ничего не произошло. Но я не буду притворяться, что я такая же, как все, и никому не позволю снова причинить мне боль. Я буду собой, и только собой. Если ты умеешь менять судьбу, это не сложно.

Бледная женщина будет счастлива. Я верю ей и исполню ее предсказание. Я скопировала ее астролябию и попыталась передвинуть ее звезды. Это был мой первый эксперимент, и она умерла. Я не хотела, чтобы это произошло, но и оправдываться мне не в чем. Да, я убила ее, в этом нет сомнений. И все равно она будет довольна.

Чжу Инь со мной помирится. Звезды говорят, что она этого хочет. Еще они говорят, что у нее много других желаний.

Когда в следующий раз наступит полнолуние, каждый школьник получит по электронной почте фотографии обнаженной Лины. В ту ночь звезды Лины станут очень хрупкими, и она захочет умереть. Она повесится на самом высоком столбе

на школьной площадке, и ее соблазнительное тело будет раскачиваться на ветру, словно лист на ветке.

В ту ночь аромат ее тела, запах смерти и вонь экскрементов привлекут внимание Чжана Сяобо. Он, словно рабочая пчела, будет сбит с толку всеми этими запахами, которые распространяются вокруг раскачивающейся девочки. Даже смерть не заставит полностью исчезнуть аромат корицы, который источает ее тело. Именно тогда она будет особенно обворожительной. Спокойная, умиротворенная, она станет морем шоколада, которое зовет его.

Что, если не судьба заставит его пойти на школьную площадку? Что, если не судьба помогла ему зажечь огонь во время ливня?

Сяобо развяжет веревку и спустит Лину на землю. Ее тело будет еще теплым, наполненным запахом лета. Ее загорелая, шоколадного цвета кожа будет молодой, упругой. Особенно его привлекут ее гладкие ноги, покрытые экскрементами. В ту ночь он испытает беспрецедентный уровень сексуального голода и страсти. Кровь закипит у него в жилах. Смерть заставит его кровеносные сосуды расшириться, и у него начнется самая мощная эрекция в его жизни. Когда его руки расстегнут ее блузку и начнут жадно мять ее грудь, он уже не будет насекомым, которого сводит с ума гнилостный запах трупного цветка. Он перестанет скитаться в потемках и обретет себя. Он лизнет лиловые губы, а затем нежно обвернет ее язык своим и будет повторять это снова и снова, без устали. Так он подтвердит свою сущность. Он узнает, чего он боится; он поймет, о чем он мечтает; он познает себя.

Мой хрупкий возлюбленный, приди ко мне. Узы зла навеки свяжут нас.

Отныне ты можешь во всем винить не судьбу, а меня.

Я – твоя звезда.

* * *

Я с улыбкой гляжу в зеркало, зная, что из-за него на меня смотрит он. Он в ловушке, в той же самой камере, которую сам построил.

На столе – еда, которую я приготовила для него.

– Это блюдо сделано из мяса бледной женщины. Его ты будешь есть еще несколько лет.

Я сказала ему правду и теперь терпеливо жду. Я знаю: рано или поздно он начнет есть.

Он решит, что я передвинула его звезды и заставила его это сделать.

Но это не так. Его звезды я не трогала. Еще в день его рождения звезды сказали, что он поглотит бледную женщину.

* * *

«Двигая звезды, ты меняешь судьбу. Двигая звезды, ты их ломаешь. Не перемещай их по пустякам».

Это были предсмертные слова бледной женщины.

Сегодня ночью много звезд сломалось, и еще много сломается. Но небо все равно не потемнеет окончательно.

На нем останется звезда, которая будет гореть всегда. Звезда, которую направлять не нужно.

Хан Сон [10]

Хан Сона многие называют одним из самых влиятельных китайских писателей-фантастов старшего поколения (наряду с Лю Цысинем и Ван Цзиньканом). Он – обладатель множества наград и опубликовал много романов и сборников рассказов. Правда, до сих пор лишь немногие из его работ были переведены на английский, но я надеюсь, что скоро эта ситуация изменится.

Хан Сон – один из высокопоставленных сотрудников «Синьхуа», китайского государственного агентства новостей, и поэтому ему выпала уникальная возможность вести хронику крутых перемен в истории Китая. Есть вещи, которые, кроме него, скорее всего, не мог бы сказать ни один другой писатель. Он неоднократно заявлял о том, что события, происходящие в Китае в наше время, являются сюрреалистичными и шокирующими, чем все, что можно увидеть в научной фантастике. Это мнение, как и многие его рассказы, поддается разным толкованиям, некоторые из которых являются взаимоисключающими.

Он обладает своим уникальным стилем и голосом, который можно сразу узнать: он предпочитает длинные, сложные предложения, большие параграфы, которые растут и растут, угрожая вот-вот опрокинуться, и заставляют вспомнить городские ландшафты современного Китая. Голос рассказчика в его произведениях дает едкие, саркастические комментарии и холодным, отстраненным тоном описывает невероятные страдания так, словно составляет каталог растений. Хан Сон умеет создавать образы, которые балансируют на грани между хоррором и ужасом, пафосом и бафосом, реализмом и трансреализмом.

«Подводные лодки» и «Сэлинджер и корейцы» – короткие рассказы, но они хорошо иллюстрируют стиль Хан Сона.

Некоторые комментаторы называют Хан Сона автором антиутопий, который с помощью научной фантастики критикует стремительное развитие Китая, жертвами которого стали миллионы людей. Другие считают его националистом, который в своих произведениях вскрывает лицемерие Запада и смеется над ним. Некоторые полагают, что его истории – продолжение ожесточенных атак Лю Сюня на мрачные аспекты истории и культуры Китая. Другие считают, что он бранит современную китайскую действительность, в которой нет места ценностям и идеалам.

Мне ясно одно: истории Хан Сона насквозь пропитаны политикой, однако в них столько слоев аллегории, что уровень

понимания его произведений зависит от культурного багажа читателя.

Подводные лодки

В детстве, если я об этом просил, родители всегда приводили меня на берег Янцзы посмотреть на подводные лодки. Двигаясь по течению реки, субмарины прибывали в наш город стайками и стадами. Мне рассказывали, что они также приплывают из притоков Янцзы – рек Уцзян, Цзялинцзян, Ханьшуй, Сянцзян и так далее. Субмарин было так много, что они походили на ковер из муравьев или на тысячи наполненных дождем облачных завитков, упавших с небес.

Иногда, к моему удивлению, одна или другая подлодка просто исчезала с поверхности. На самом деле они ныряли. Сначала огромный корпус субмарины начинал медленно извиваться, затем он погружался в воду, сантиметр за сантиметром, заставляя воду вокруг бурлить, пока наконец не исчезал в толще воды целиком. Из виду скрывалась даже крошечная колонна в его верхней части, похожая на маленькую наблюдательную вышку. Река вскоре снова становилась спокойной и таинственной, а я тем временем мог лишь потрясенно взирать на нее.

А затем какая-то подлодка, словно чудовище, вдруг вылетала из воды, с плеском посылая во все стороны прекрасные волны. «Смотрите, смотрите! – кричал я. – Она выходит на поверхность!» Но мои родители никогда на это не реагировали. Их лица были деревянными, безрадостными, похожими на домашние растения, которые уже несколько недель никто не поливал. Появление подлодок, казалось, отнимало у них душу.

Чаще всего субмарины неподвижно стояли на якоре на поверхности воды. Поверх корпусов, от башни до башни, тянулись провода. На них сушилось белье – похожие на разноцветные флаги брюки и рубашки вперемешку с пеленками. На палубах подлодок женщины в прочных, грубых фартуках топили печки углем и готовили в них пищу. Столбы дыма делали реку похожей на туристический лагерь. Иногда женщины садились у воды и выбивали белье о прочные металлические корпуса, стуча по нему деревянными битами. Время от времени из подлодок выбирались старики и старухи; они расслабленно садились на палубе, скрестив ноги, и курили трубки с длинными мундштуками. Порой посидеть с ними рядом приходили собаки или кошки.

Подлодки принадлежали крестьянам, которые приезжали в наш город в поисках работы. После окончания рабочего дня крестьяне возвращались на свои подводные аппараты, служившие

им жилищем. До появления субмарин крестьянам-работникам приходилось снимать дешевые квартиры в поселках городского типа, на участках земли, которые остались у деревень после того, как их угодья скупили застройщики из растущего города, оставляя их на мели среди моря небоскребов. Жители поселков городского типа сдавали места шириной в фут на общих кроватях, и крестьяне, которые строили город, были вынуждены спать, словно свиньи или овцы в загоне. Подводные лодки, с другой стороны, давали крестьянам шанс жить в своем собственном доме.

От берега к подлодкам и обратно ходили паромы. Ими управляли крестьяне, которые перевозили своих братьев и сестер между двумя совершенно не похожими друг на друга мирами. По вечерам, когда все уже вернулись домой, субмарины казались особенно красивыми. Каждая из них была освещена газовыми лампами и светилась особым образом, словно бумажная фигурка, которую прижали к оконному стеклу. Живые, яркие подлодки казались мне упавшими в реку звездами. На каждой подлодке семья сидела за столом и ужинала; прохладный ветер приносил на берег смех и разговоры, вызывая у городских жителей странное чувство зависти. Когда ночь сгущалась, огни на кораблях гасли один за другим, пока не оставались лишь тревожные прожекторы портовых башен; их лучи брели сквозь темноту и выхватывали из нее неподвижные корпуса субмарин, похожие на спящих китов. Однако в это время суток многие подлодки предпочитали исчезнуть. С каждым проходом луч прожектора выхватывал из темноты все меньше субмарин. Они погружались в воду без предупреждения, как будто крестьяне не могли уснуть, пока их не укутает слой воды, словно они – водоплавающие птицы, которые спят, засунув голову под крыло. Только погрузив свои семейства и дома под воду, они могли оставить на поверхности свои заботы, уйти подальше от опасности, неизвестности и назойливых горожан и видеть сладкие сны. Может, именно с этой целью они и построили свои субмарины?

Я часто думал о том, насколько глубока Янцзы и сколько подводных лодок может находиться на дне реки. Как странно и интересно было бы увидеть металлические корпуса, лежащие друг на друге в несколько слоев! Эта мысль заставляла меня ахать и восхищаться таинственностью мира, словно за миром видимым находился еще один.

Как бы то ни было, субмарины поселились рядом с нами, словно гнездящиеся птицы, и вызвали оживленные споры. Каждое утро они всплывали на поверхность, словно пельмени, и

потревоженная ими поверхность речной глади в сверкающих утренних лучах солнца походила на весеннее наводнение. Глядя на эту сцену, я вспоминал корабли пришельцев из фильмов. Паромы деловито сновали между подлодками и берегом, везли в город бодро настроенных крестьян, которых ждал еще один день каторжного труда на стройплощадках.

Субмарины прибывали сюда со всех уголков Китая. По слухам, их стайки появлялись также в других городах и реках. В каждом море, канале и канаве, казалось, были свои колонии подлодок. Никто точно не знал, кто именно создал первую подлодку; поговаривали, что ее собрал вручную какой-то умелец из народа. По городским стандартам эти субмарины были довольно примитивной техникой: большинство из них были сделаны из металлолома, однако некоторые были скреплены с помощью оптоволокна и фанеры. Первые подлодки имели форму рыб, у многих из них были головы и хвосты, покрашенные красной и белой краской, яркие блестящие глаза, губы и даже плавники. Эти детали выглядели немного нелепо, но они демонстрировали уникальное крестьянское чувство юмора. Позднее, когда субмарин стало больше, разные варианты окраски помогали отличить одну семью от другой.

Обычно на подводной лодке могла разместиться одна семья из пяти-шести человек. Подлодки побольше обеспечивали жильем две-три семьи. Большие корабли, способные перевозить десятки и сотни людей, крестьяне, похоже, строить не умели. Некоторые горожане полагали, что субмарины созданы на основе чертежей, скопированных из книги Жюля Верна «Двадцать тысяч лье под водой», или что крестьянам тайно помогли иностранные специалисты. Однако в конце концов никакой связи между подлодками и Верном найдено не было: производители субмарин про этого писателя даже не слышали. Узнав об этом, все вздохнули с облегчением.

Спустя какое-то время взрослые либо устали от подлодок, либо делали вид, что они их не интересуют. А вот для детей подлодки оставались животрепещущей темой. В школе мы с энтузиазмом обменивались историями и новостями про подлодки, мы рисовали их на листах, вырванных из тетрадей. Но учителя никогда про них не упоминали и сурово выговаривали нам, если заставали нас за их обсуждением. Они рвали наши рисунки и отправляли нарушителей к директору. О действиях подлодок редко сообщали по телевизору или в газетах, словно прибывшие сюда корабли не имеют никакого отношения к жизни города.

Иногда полюбоваться субмаринами на берег приходила

горстка взрослых – в основном художников и поэтов. Они перешептывались, говорили о том, что со временем субмарины, возможно, превратятся в новую цивилизацию, которая будет отличаться от всех остальных цивилизаций так же, как млекопитающие – от рептилий. Им хотелось побывать на подлодках, собрать их фольклор и изучить их обычаи, но крестьяне не горели желанием приглашать городских жителей на борт своих кораблей. Возможно, они слишком уставали после тяжелого рабочего дня и совсем не стремились иметь дело с чужаками. Они не хотели случайно попасть в неприятности и, кроме того, не видели, какую выгоду можно из этого извлечь. Простодушные крестьяне четко давали понять, что прибыли в город на заработки, и, похоже, не понимали, что могли бы превратить свои плавучие дома в достопримечательность для туристов, оцепить их канатами и за плату пускать на борт посетителей. И они, кажется, совсем не собирались создавать «новую цивилизацию».

Вернувшись домой вечером, крестьяне хотели только одного: поесть и лечь спать. Им нужно было как следует отдохнуть, ведь утром их ждал очередной тяжелый день. Крестьяне выполняли самую грязную и тяжелую физическую работу по самым низким расценкам, однако никогда не жаловались – ведь у них были подлодки, и поэтому они могли быть со своими семьями, а не оставлять их в далеких деревнях. Субмарины заменили им поля, которые пришлось за бесценок продать местным правительствам и застройщикам. Горожане делали вид, что судьба крестьян их не касается, но в глубине души они чувствовали себя неловко и беспомощно, хотя, конечно, никакой угрозы для города подлодки не представляли – пушек и торпед у них не было.

Когда я научился хорошо плавать, мы с друзьями тайком пробрались к подлодкам. Зажав во рту полый стебель камыша, мы незаметно выплыли под водой на середину реки, пока не оказались рядом со стоящими на якоре субмаринами. К их корпусам кабелями были привязаны большие деревянные клетки, вокруг которых бурлила мутная вода. В клетках мы увидели великое множество крестьянских детей – голых, с кожей цвета земли. Они плавали, словно рыбы, ловко рассекая воду тонкими, изящными конечностями. В солнечных лучах, прошедших сквозь слой ила, тела детей сияли. Мы решили, что это своего рода крестьянский детский сад, и восхитились удивительным зрелищем.

Нашим вожаком был мальчик на несколько классов старше меня.

– Ерунда, – презрительно сказал он. – Наверняка мы быстрее

плаваем.

Все мы, кроме него, подплыли к одной из клеток и обратились к сидевшим в ней детям:

– Вы машину когда-нибудь видели?

Дети перестали плавать и собрались у той стенки клетки, где были мы. Их лица не выражали никаких эмоций, словно у пластмассовых животных. Я надеялся, что у них будет чешуя или плавники, но увидел, что это не так. Я никак не мог понять, как им удается так долго оставаться под водой без трубочек, через которые можно дышать.

Наконец на лице одного из крестьянских детей появилось удивленное выражение.

– Машину? А что это? – еле слышно прошептал он. Мне показалось, что он похож на существо из манги.

– Ха! Я так и знал! – довольно воскликнул наш вожак. – Машины бывают разные: «хонда», «тойота», «форд», «бьюик»… а еще «БМВ» и «мерседес»!

– Мы не понимаем, о чем ты, – неуверенно ответил крестьянский мальчик. – Но мы видели кучу разной рыбы. Есть красный карп, золотой карп, черный карп, осетр, а, и еще белый лещ и амурский лещ!

Теперь уже мы занервничали. Учителя говорили нам, что вся рыба в Янцзы вымерла. Неужели крестьянские дети пытаются нас обмануть? Где они могли увидеть рыбу?

– Надеюсь, они эволюционируют и превратятся в другой вид, – буркнул наш вожак.

Крестьянские дети непонимающе заморгали, а потом снова принялись бесцельно плавать в клетке, словно пытаясь держаться от нас подальше.

– Вы потом превратитесь в рыб? – спросил я у них.

– Нет.

– А в кого тогда?

– Не знаю. Когда мамы и папы вернутся с работы, спроси у них.

Я подумал о том, что их жизнь под водой, вдали от полей и садов, совсем не похожа на нашу. Они отличались от нас так же, как рыбы и креветки – от коров и овец. Может, это и есть будущее?

Мы притворились, что крестьянские дети нам интересны, и попытались с ними поиграть, но безуспешно: наших игр они не знали, и к тому же нам мешали прутья решетки. Нам это быстро наскучило. Мы почувствовали, что в мутных тенях раскачивающихся водорослей кто-то прячется; это ощущение давило на нас, вселяло ужас в наши сердца. И когда вожак отдал

приказ, мы с радостью отправились за ним к поверхности, чтобы вернуться в наш собственный мир.

Крестьянские дети останутся под водой. И пусть.

Мы вырвались на поверхность. Нас окружали огромные корпуса стоявших на якоре подлодок. Они были похожи на стаю голодных, молчаливых волков посреди зимы. Примитивные мрачные корпуса, словно свежевыпавший снег, отражали яркий солнечный свет с такой силой, что мы невольно прищурились. На поверхности рыбы тоже не было, только плывущие по течению дохлые крысы и тараканы, многочисленные слои гниющих водорослей, в которых запутались тысячи выброшенных зарядок для телефонов, компьютерные клавиатуры, бутылки из-под газировки, пластиковые пакеты и другой мусор. Вонь от воды цвета фекалий была почти невыносимой, и над нами летали рои блестящих зеленых мух.

На самом деле это было чудесное, незабываемое зрелище. Увидев его, мы замерли. Неужели подлодки прибыли сюда именно для того, чтобы насладиться им? Быть может, после долгих скитаний они обрели уникальную систему ценностей и чувство прекрасного. Не обращая внимания на нас, крестьянки занимались своими делами – варили рис на вонючей воде. Мы, городские жители, умерли бы от содержащихся в ней микробов, но им она почему-то не вредила.

Встревоженные взрослые, собравшиеся на берегу, заорали, чтобы мы возвращались домой. На их лицах ясно читались страх и угроза.

* * *

За год до того, как я пошел в среднюю школу, с подлодками случилась беда.

Это произошло в одну из ночей в начале осени. Меня разбудил громкий шум. Мне показалось, что весь город закипел. Родители быстро одели меня, и мы выбежали из дома и направились к берегу реки, где уже собралась толпа. Топот ног и встревоженные крики напоминали взрывы фейерверков на Новый год. Я так перепугался, что заткнул уши, не понимая, что происходит.

Когда мы прибыли на берег, я увидел, что подлодки загорелись. Пламя перекидывалось с одной субмарины на другую, и все они запылали. Это было похоже на крупный праздник: мне показалось, что здесь собрались все жители города. Люди, прежде бесстрастные, были возбуждены; они вопили и громко

переговаривались, словно присутствовали на великолепном представлении. Дрожа, я протиснулся к своим родителям и попытался разглядеть хоть что-нибудь среди моря людей.

Бушующее пламя плясало и прыгало по стоящим вплотную друг к другу подлодкам; оно кружилось и расширялось, как юбки танцовщиц фламенко. Зарево осветило небоскребы на берегу, и те засияли, словно осенние листья. Вся сцена стала напоминать только что написанную картину. Это зрелище потрясло меня, и с тех пор ничего подобного я не видел.

Почему-то ни одна подлодка не погрузилась в воду: они словно забыли, что умеют это делать. Они оставались на поверхности реки и не делали никаких попыток спастись, пока огонь пожирал их, одну за другой. Я был уверен, что с этим связана какая-то не поддающаяся описанию тайна. Может, еще один фантастический огонь горел и под водой? Может, молекулы воды превратились в другое вещество и вся река Янцзы отвергла физические качества, данные ей природой, и поэтому подлодки не могли уйти на глубину, подальше от этой сцены, на которой танцевало пламя.

Я вспомнил про детей в подводных клетках, и у меня защемило сердце от шока и тревоги. Я увидел, что мои родители стоят неподвижно, как зомби. Их глаза сияли, словно фонари; их лица превратились в маски. Другие взрослые бормотали, словно буддистские монахи, но никто не делал попыток потушить пожар. Могло показаться, что они собрались здесь только для того, чтобы стать свидетелями гибели чужаков, увидеть, как незваные гости обретают абсолютную свободу.

Та ночь, казалось, никогда не закончится, но я ни разу не подумал о смерти, только впитывал в себя вкус и бессмысленность самой жизни. Я не скорбел, не грустил, но мне было жаль, что я больше никогда не заплыву в этот странный мир, не увижу таинственные картины, которые заставляли сердце выскакивать из груди. Я знал, что этот случай никак не повлияет на мое собственное будущее, но меня все равно охватило чувство неизбывного одиночества…

Наконец настало утро. В тусклых солнечных лучах стали видны плававшие повсюду безжизненные останки. Воздух наполнился запахами осеннего гниения. Жители города подвезли краны, чтобы достать из реки обломки субмарин. На их переработку ушло более месяца.

С тех пор на реке Янцзы подводные лодки не появлялись.

Сэлинджер и корейцы

В канун Рождества Космический Наблюдатель встретил на одной из улиц Нью-Йорка одинокого, одетого в лохмотья старика, который продрог и умирал от голода. Старик называл себя «Сэлинджер», и да, это действительно был Джером Дэвид Сэлинджер, автор романа «Над пропастью во ржи».

Космический Наблюдатель решил сделать Сэлинджера объектом своих наблюдений, отвел его в «Макдоналдс» и пообещал ему купить все, что он захочет. Пока смущенный Сэлинджер жадно поглощал «чикен-макнаггетс» и сэндвич «филе-офиш», он рассказал Наблюдателю историю своей жизни.

После того как роман «Над пропастью во ржи» вознес Сэлинджера на вершину славы, Сэлинджер поселился в уединении, в сельской местности в штате Нью-Гэмпшир. Там, в холмах у реки Коннектикутривер, он купил около девяноста акров пахотной земли. Он построил хижину на вершине холма, посадил деревья, разбил сады и окружил свои владения двухметровым забором из сетки, подключенным к сигнализации.

Место, которое он выбрал для хижины, было солнечным, живописным, и прогресс обошел его стороной. Жить в хижине, вдали от людей, словно глухонемой отшельник, – это, конечно, была мечта Холдена Колфилда, и, как оказалось, самого Сэлинджера. Как только он обосновался в своей хижине, то уже редко из нее выходил. Посетители должны сначала написать ему письмо или передать записку через ворота; если это были незнакомцы, Сэлинджер просто не открывал и даже отказывался разговаривать. Он редко появлялся на публике, и, даже когда он приезжал в город на своем джипе за книгами и предметами первой необходимости, он сводил все разговоры к абсолютному минимуму. Если кто-то приветствовал Сэлинджера на улице, тот немедленно разворачивался и убегал. Его фотография появилась только в первых трех изданиях «Над пропастью во ржи», а затем он настоял, чтобы ее убрали. Найти его изображение было так сложно, что в статье, посвященной великому писателю, одна французская газета однажды по ошибке разместила фотографию Пьера Сэлинджера, пресс-секретаря Белого дома. Кроме того, как только Сэлинджер обрел известность, то стал писать гораздо медленнее и почти не публиковал новых произведений.

Великий американский народ был доволен выбором Сэлинджера. Более того, если бы траектория времени не разветвилась в связи с наблюдением, проведенным Космическим Наблюдателем, Сэлинджер так и остался бы затворником и умер

от естественных причин в возрасте девяносто одного года, прожив в общем и целом неплохую жизнь.

К сожалению, неприятности во временном потоке начались именно тогда, когда он решил исчезнуть, – и в этом был виноват Космический Наблюдатель. Никто не знает, что именно намеревался сделать Наблюдатель, однако в результате его вмешательства вооруженным силам Корейской Народно-Демократической Республики удалось захватить Соединенные Штаты Америки. Северокорейские ученые не стали полагаться на примитивное ядерное оружие; вместо него они применили недавно изобретенный квантовый реамбигуатор, который изменил топологию пространства-времени, что сделало любые события возможными.

В результате непобедимая Корейская Народная армия не только объединила Корейский полуостров, но и захватила весь остальной мир. Если честно, то КНА поистине поражала воображение: она была дисциплинированной, организованной, а ее солдаты не отняли у населения захваченных территорий даже иголки. Если в оккупированном городе не было казармы, солдаты КНА спали на улицах, чтобы не тревожить мирных жителей. У них была только одна цель: освободить все человечество – как телесно, так и духовно. Надежды на спасение, как и писал Сэлинджер в своей книге, у мира не было: капитализм окончательно прогнил. О как страдали люди от духовного кризиса! Какие катастрофы происходили в экономике! Каждый новый день был хуже предыдущего, а следующий – еще хуже. Живые завидовали мертвым. Возможно, именно поэтому великий писатель удалился в свою хижину в лесу: только он понимал, насколько все скверно.

Корейцы считали Сэлинджера пророком, возвестившим о скором освобождении человечества. Корейцы поклялись освободить весь род людской именно потому, что прочли его книгу. Эти грубоватые, но добрые, неискушенные люди из Азии всем сердцем полюбили Сэлинджера. Под руководством Верховного главнокомандующего роман Сэлинджера много лет назад перевели на корейский, и с тех пор с ним познакомилось не одно поколение северокорейских школьников. Переводчик даже написал в предисловии следующее: «Наша молодежь растет в социалистической стране и постоянно окружена любовью и заботой Трудовой партии Кореи, Кимирсенского Союза молодежи и Союза детей Кореи. Поэтому они прекрасно знают о высоких идеалах коммунизма, а их жизнь наполнена яркими событиями. Следовательно, прочитав такую книгу, как «Над пропастью во ржи», они могут сравнить среду, в которой живут они сами, с

чудовищными условиями жизни при капитализме и тем самым расширить свои горизонты и обрести мудрость…»

Поэтому неудивительно, что Сэлинджера так уважали в Северной Корее – даже больше, чем в Соединенных Штатах: ведь именно он сорвал с капитализма блестящую обертку и обнажил его грязное нутро.

Затворническую жизнь Сэлинджера нарушила оккупация Америки. О нем много писали военные корреспонденты, прикомандированные к КНА. Группа взволнованных корейских репортеров отправилась в Нью-Гэмпшир, нашла его хижину и потребовала у него интервью. Как обычно, Сэлинджер отказал: за всю свою жизнь он дал только одно интервью – шестнадцатилетней девушке, которая писала о нем статью для школьной газеты. Для нее Сэлинджер сделал исключение.

Хотя Сэлинджер отказался давать интервью, корейские репортеры, вдохновленные идеалами героизма и мечтающие выполнить порученное им задание, не могли просто повернуться и уйти. Они осторожно прорезали отверстие в сеточном ограждении с помощью кусачек, подошли к хижине Сэлинджера и поставили камеры у ее двери, готовясь к прямому эфиру. Но упрямый Сэлинджер снова сорвал их планы: он не открыл им дверь и не выходил из хижины три дня и три ночи. Наконец репортеры утратили терпение: никто не отказывает журналистам из официальной прессы Корейской Народно-Демократической Республики! Но репортеры помнили, что они представляют добрый и честный корейский народ, и поэтому не дали волю своему гневу. Тогда они придумали другой способ.

Вскоре в хижине Сэлинджера зазвонил телефон. Писатель взял трубку, и в ней медленно и вежливо заговорил мужской бас:

– Мистер Сэлинджер, я – министр департамента пропаганды Корейской Народной армии. Надеюсь, вы будете так любезны и удовлетворите просьбу наших репортеров об интервью. Кроме того, я предлагаю вам стать вице-президентом Ассоциации корейских писателей…

Сэлинджер машинально повесил трубку, а затем сел на пол и заплакал.

Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что реакция Сэлинджера, вероятно, была связана не с политической недальновидностью, а с дефектом личности. Однако корейцы сочли поведение Сэлинджера не только пафосным и излишне драматичным, но практически провокационным. Вот теперь они действительно пришли в ярость. Желая спасти то, что осталось от Сэлинджера, корейцы решили запретить его произведения и занести его в черный список, чтобы все его работы, как

художественные произведения, так и эссе, нельзя было опубликовать где-либо в мире. По слухам, за период своего затворничества он написал несколько новых романов. Американские издатели собирались дождаться его смерти и уже тогда приобрести права на их публикацию. Теперь эти планы были сорваны.

Затем Сэлинджера признали пропагандистом развращенного капиталистического образа жизни, который пытался извратить и отравить духовную жизнь молодежи. Но великодушный, человечный и искренний корейский народ не посадил Сэлинджера в тюрьму, не осудил его на собраниях и не потребовал, чтобы он написал критику на самого себя. Ему разрешили остаться в его хижине, но отныне его владения стали патрулировать люди в плохо сидящей на них гражданской одежде – очевидно, держа окрестности под наблюдением.

О Сэлинджере перестали говорить, и все его быстро забыли, даже поклонники. Сэлинджер решил, что это не так уж и плохо, ведь теперь он действительно мог жить словно отшельник – и все благодаря КНА! Когда ему было нечем заняться, он наблюдал за корейцами, которые следили за ним. «Они такие юные и красивые, – думал Сэлинджер. – Они словно стадо оленей с далекого Востока. И их мысли поистине уникальны, они словно кирпичи, из которых складывается объективное и всестороннее представление о мире». Несмотря на то что корейцы стали повелителями мира, их поведение напомнило Сэлинджеру его Холдена. «Точно, они такие же, как Холден». От этой мысли Сэлинджер чувствовал приятное головокружение, словно от хорошего вина.

Но счастье было недолгим: вскоре началась широкомасштабная экономическая реконструкция с целью превратить Америку в огромный рай. Это была попытка полного возрождения страны. Под руководством Службы недвижимости КНА все действовали в соответствии с единым всеобъемлющим планом, и Нью-Гэмпшир, естественно, тоже должен был сыграть свою роль в построении прекрасного будущего.

Однажды утром Сэлинджера разбудил оглушительный шум. Он, ошеломленный, выглянул из окна и увидел двигавшийся на его хижину ряд блестящих бульдозеров «Баэкду», созданных на базе боевых танков «Чонмахо». Разозлившись, Сэлинджер выбежал во двор – что делал крайне редко – и вступил в спор с рабочими, которые пришли сносить его дом. Он утверждал, что этот дом – его неприкосновенная частная собственность. Разумеется, подобные аргументы не имели смысла и, кроме того, раскрыли тайну, о которой, возможно, не знал и он сам: о том,

что все люди алчны и мечтают о богатстве. Поистине, это была настоящая трагедия.

Корейские солдаты, молодые и бесстрашные, сбили его с ног и прижали к земле. Бульдозеры загрохотали, двинулись вперед и вскоре превратили его дом в груду обломков. Сэлинджер подумал о том, чтобы обратиться в суд, но потом вспомнил, что судов в Америке больше нет. Тогда он решил покончить с собой, устроив самосожжение, но не смог найти спички или зажигалку; и, в любом случае, мысль о смерти приводила его в ужас – этим он отличался от корейских солдат, которые были готовы в любой момент пожертвовать собой. Поскольку он остался без дома, то отправился странствовать по Америке. Поскольку раньше, в период затворничества Сэлинджера, его фотографии почти не публиковались, никто не узнавал его на улицах и не делал ему щедрые подарки. Так что запомните: если когда-нибудь добьетесь славы и успеха, не будьте слишком скромными.

Космический Наблюдатель дослушал рассказ Сэлинджера до конца. Упрекнуть корейцев ему было не в чем: они просто действовали так, как им свойственно. Кроме того, они действительно спасли общество от гибели, а человечество – от вымирания. Сэлинджер сам виноват в своей безвестности. Проще говоря, судьба Сэлинджера символизировала собой конец определенности.

Один из самых простых законов вселенной, о котором часто забывают, состоит в том, что все в мире является частью бесконечного цикла постоянных изменений, который связан с квантовой механикой и общим увеличением энтропии. Если не понимать таких основополагающих вещей, то как можно разобраться в причинах, которые побудили архитектора вселенной создать Северную Корею? Корейцы просто воспользовались этой закономерностью. В таком мире, в такой временной линии не стоило недооценивать людей: сейчас за одну ночь последние могли стать первыми и перевернуть весь мир.

Более того, Космический Наблюдатель начал завидовать корейцам. Хотя именно его внимание к данным событиям и вызвало всю эту трансформацию, он не смог бы стать корейцем, потому что был китайцем. Не все могут быть корейцами, и поскольку Космический Наблюдатель был китайцем, его мировоззрение и методология уже были ограничены определенными законами физики. Он мог лишь наблюдать, но не действовать. Он – катализатор изменений, но должен оставаться за пределами мира, который он трансформирует. Корейцы еще молоды, а вот Космический Наблюдатель был стар. Возможно, это и есть величайшее одиночество. Может, корейцы уже ощущали

что-то подобное?

Космический Наблюдатель снова взглянул на легендарного писателя. Увидев, как старик сморкается в бумажную салфетку и прячет в карман недоеденную картошку фри, Космический Наблюдатель ощутил глубокую печаль. Но еще более трагичным был факт, что до этих эпохальных перемен Сэлинджер написал свой странный бестселлер. Космический Наблюдатель забеспокоился: неужели именно эта книга прервала временной поток и обрушила временную развилку? Ведь, в конце концов, корейцы только начали строить этот мир… Кто знает? Это слишком сложная проблема для думающей машины.

Чен Цзинбо [11]

Проза Чен Цзинбо завоевала много наград, в том числе премии «Иньхэ» и «Синъюн»; несколько ее произведений попали в различные антологии «Лучшее за год». Она – один из первых писателей-фантастов, чьи произведения были опубликованы в «Народной литературе» – возможно, самом престижном и популярном литературном журнале Китая.

Она живет в китайском городе Ченьду и работает редактором детской литературы, а также переводит с английского на китайский. Одна из ее последних работ – перевод книги Лоры Инглз-Уайлдер «Маленький домик в Больших Лесах».

«Манящее небо» – одно из ранних произведений Чен. Оно написано смелыми импрессионистскими мазками; это история, действие которой разворачивается в ярком мире, в котором магия неотличима от науки.

Другие произведения Чен опубликованы в сборнике «Invisible Planets».

Манящее небо

Бобовый стебель, который рос вниз

Прошлой осенью я переехала в Порт-Гладиус, что в Рейнвилле. Там я поначалу помогала мускулистым грузчикам сортировать серебристые раковины в порту и именно там познакомилась с профессором, который прибыл из далеких земель. Мы с ним подружились, и поэтому я согласилась забыть про серебряные раковины и работать на него.

Свою новую работу я обожала. Она заключалась в том, чтобы собирать определенный звук в Мелкой Бухте. Сама бухта была самым тихим местом в гавани, и там никто мне не мешал. Профессор дал мне странное устройство, похожее на ухо диковинного зверя; когда я погружала это «ухо» в воду, звуки из толщи воды проникали в мои наушники, и огромная раковина наутилуса (тоже машина) на моей спине их идентифицировала. Звуки, которые были нужны профессору, при этом записывались.

Мои наушники торчали, словно хохолок у какаду. Когда море было спокойным, я видела в нем свое отражение: я была похожа на изящного одинокого баклана.

«Уши» перья дрожали от морского бриза. Они были такими чувствительными, что от них не ускользало даже малейшее дуновение ветра. Чаще всего я закрывала глаза и слушала подводную музыку. Словно бобовый стебель Джека, скользкий провод просачивался между пальцами, погружался в море и вместе с течением уходил в сумрачные глубины. На конце провода находилось ухо зверя. Только на этот раз Джек стоял на берегу, а волшебный бобовый стебель рос вниз.

Стоя на берегу бухты, я слушала шепот, раздававшийся на дне моря, на глубине в несколько километров.

Хрустящие щелчки – звуки ленивых ударов медуз по коралловым рифам, резкие повороты возбужденной стайки рыб, и даже тихое «хлоп», когда пузырек воздуха вырывался из щели между камнями только для того, чтобы лопнуть во время поспешного подъема на поверхность…

Но каждый вечер, когда я доставала казавшийся бесконечным провод и возвращалась в домик на берегу, профессор разочарованно качал головой.

– Снова ничего… – вздыхал он и щурился на заходящее солнце. – Я объездил весь мир, но все напрасно. Услышу ли я когда-нибудь поющего дельфина?

Киты умеют петь, но в окрестностях Рейнвилла их нет. Здесь настоящий рай для дельфинов, и каждый год тысячи их приплывали в бухту, следуя за теплым течением Поллекс. Ни

один из них не пел.

* * *

Хрустальное небо

Небо над Рейнвиллом представляло собой загадку.

Такого прекрасного неба не увидишь нигде в мире: хрустальный небосвод, перечеркнутый бесчисленным множеством крошечных трещин, которые превращали в мозаику все – от серых туч до алых облаков на заре. Здесь цветные пятна осторожно расширялись и проникали друг в друга, а их края размывались на границе с призрачной твердью.

Это фантастическое зрелище называли «хрустальным небом».

Поговаривали, что это небо связано с Джеком и его бобовым стеблем. После того как везучий юноша спустился по стеблю, прихватив с собой курицу, несущую золотые яйца, и говорящую арфу, он срубил стебель топором и отправился бродить по свету в чужом обличье. Чтобы никто не последовал примеру Джека, великан над облаками построил огромный ледяной купол, который закрыл все места, где странствовал юноша. Кое-кто верил, что Джек в конце концов прибыл в Рейнвилл и остался там. Остаток своей жизни он провел под хрустальным куполом, и история о Джеке и его волшебных бобах стала легендой, надежно опечатанная с помощью льда.

Никто не видел мир, который находится за хрустальным небом. Облака и звезды для нас всегда были просто орнаментами в мозаике, которую создала чья-то невидимая рука.

Самая близкая к тайне точка во всем Рейнвилле находилась в центре Моря Большого Пальца, в Мелкой Бухте. Там в облака взмывал огромный фонтан; какая-то великая сила извлекала воду из глубин океана и подбрасывала ее на несколько миль вверх. Над туманной вершиной фонтана парил радужный ореол; там морская вода распадалась на миллионы капель, которые растворялись в воздухе, превращаясь в дымку.

Ветры несли лиловый туман обратно к Порт-Гладиусу и дальше в глубь материка. Там капельки объединялись в глобулы покрупнее, и туман сгущался, становясь из лавандового ярко-синим, а затем наконец превращался в чернильные, губчатые облака, которые невольно проливались дождем. Вот почему в городе всегда шел дождь.

* * *

Поющие дельфины

В окрестностях Рейнвилла относительно чистое небо было только в Мелкой Бухте. По ночам там можно было увидеть луну и звезды.

Когда настал месяц брюмер, профессор собрал вещи и уехал, оставив странное устройство мне. После отъезда доброго старика я продолжила собирать подводные звуки, особенно по ночам.

В один особенно ясный вечер я услышала в море женский голос.

– Моя бедная Джиана…

– А что с ней? – невозмутимо спросил мужской голос.

– У нее слабые глаза.

– Дорогая, все мы не очень хорошо видим. Беспокоиться не о чем.

– Она недавно влюбилась, но все знают, что ее возлюбленный – подводная лодка…

– Что? Ты хочешь сказать, что наша дочь влюбилась в подлодку?

Я посмотрела по сторонам, но никого не увидела. Морская звезда спрыгнула с заросших ракушками камней и плюхнулась в воду.

Ночной ветерок теребил мои «уши» перья. Я повернула голову и увидела гладкий, омытый луной камень, который медленно поднимался из моря. Не успела я удивиться, как показался и второй. Вскоре подобные камни окружили меня.

Наконец я поняла, что передо мной стайка дельфинов. Их спины таинственно поблескивали в лунном свете.

– Я думала, дельфины не умеют разговаривать.

– Мы не только разговариваем, но и поем, – ответили они. – Пение – это искусство, которое доступно не только крупным китообразным.

* * *

Джиана

Когда весна закончилась, Джиану стали считать взрослой.

Она была интересным существом. Много лет назад она влюбилась в подводную лодку. Кроме того, она обожала гоняться за опасными пропеллерами и винтами: именно так она обнаружила кладбище кораблей.

– Там целые кучи обломков! – Когда мы с ней встречались, Джиана постоянно мне рассказывала о своих приключениях. Ее голос был радостный, словно у щебечущей птицы. – Одни корабли лежат на дне, а другие еще остаются на поверхности: кажется, их удерживает какой-то водоворот. Моя субмарина ни за что туда не отправится. О, там столько кораблей, и все они покрыты водорослями. Это ужасно!

Я с удивлением обнаружила, что машина профессора не способна записать речь дельфинов. Наутилус без труда записывал другие звуки: шуршание электрического угря по песку, треск яиц, из которых вылупляются черепашата… и даже песни китов не представляли проблем для чувствительного механизма.

Но разговоры дельфинов он уловить не мог.

– Твои перья никуда не годятся, – со смехом сказала Джиана и забила хвостом по воде. – Эта машина нас не слышит.

– Тогда как вы слышите друг друга? С помощью гидролокатора?

– Нет, глупышка! – Она засмеялась еще громче и принялась плавать кругами. – Мы слышим сердцем – и ты тоже.

Мне нравилось сидеть на рифе, глядя в небо.

В такие моменты Джиана часто приплывала в Мелкую Бухту. Брызги морской воды и острова на горизонте были присыпаны лунным блеском, словно сахарной пудрой. Я снимала «уши» перья и напрягалась, пытаясь уловить звуки, которые идут из-за хрустального неба. Мне казалось, что луна – это прожектор, который светит на нас из-за небесной кулисы, бросая лучи мягчайшего света на двух актеров: человека и дельфина.

– Видишь вон те звезды? – всегда спрашивала Джиана.

Над Рейнвиллом в центре небосвода звезд нет. Млечный Путь там прерывался, его заменяла бесформенная тень. Звезды, казалось, боялись тени и старались держаться от нее подальше.

– Видишь вон те звезды? Видишь их?

Звезды были тусклые, бессильные, далекие и бледные.

– Там созвездие Дельфина! – Джиана продолжала говорить сама с собой. – Дед моего деда моего деда… Эй, ты меня слушаешь? Смотри, звезды еле видны, но каждый раз, когда я их

вижу, я вспоминаю добрую улыбку деда моего деда моего деда… хотя я никогда его не встречала… Давным-давно, во времена древних греков, великий музыкант-человек Арион отправился в место под названием Сицилия на состязание музыкантов. На обратном пути на него напали пираты. Они завязали бедномуАриону глаза и заставили пройти по доске. Когда он повис над морем, то обратился к пиратам: «Позвольте мне сыграть еще одну песню». Пираты согласились, и тогда он заиграл на своей лире. Как видишь, люди не всегда были такими тупыми. Его музыка привлекла внимание моего предка, который охотился на кальмаров неподалеку. Чей-то голос сказалАриону: «Прыгай мне на спину». Он так и сделал.

– Это и есть история о созвездии Дельфина?

– Верно. – Джиана посмотрела на звезды. – Но они такие тусклые! Жаль, что они не могут сиять ярче.

Звездный свет отразился в глазах Джианы, и ее голос зазвучал более взволнованно.

– Если… О, если бы мы могли пронзить хрустальное небо и отправиться к звездам… – Она повернулась ко мне: – Как думаешь, они станут ярче?

– Не знаю, – ответила я. – Ты думаешь о странных вещах – подводных лодках, хрустальном небе, далеких звездах… Это ли должно заботить послушное дитя?

– Я не могу не думать о них. В моей голове постоянно звучит чей-то голос, он говорит мне: «Эй, Джиана, а не отправиться ли тебе в гости к звездам?»

Дельфин осторожно провел хвостом по воде и опустил голову в залитое лунным светом море.

* * *

Фонтан

Многие сравнивают мир с яблоком. Сам Рейнвилл тоже похож на яблоко, а фонтан в центре Моря Большого Пальца – на его сердцевину; он указывал прямо на тень, которая прерывала Млечный Путь. Люди напоминали гусениц, которые живут внутри яблока и никогда не видят то, что происходит за пределами его кожуры, – только в тех местах, где кожура немного прозрачна, они могут увидеть за мозаичной кожицей размытую тень далекого листа, освещенного полуденным солнцем.

Фонтан был единственным способом выбраться отсюда.

Нужно двигаться по сосудистой ткани сердцевины наверх, до длинного узкого черенка, а затем выйти за пределы яблока. Только тогда ты увидишь, что в мире бесчисленное множество других яблок и листьев. Небо, которое так очаровывало тебя, – просто тень одного листка.

Фонтан был дорогой сквозь сердцевину. Огромное, прозрачное дерево, созданное из морской воды, глубоко укоренилось в Море Большого Пальца. Взмывая к небу, оно отращивало новые ветки и листья, а на самой его вершине находилась роскошная крона, которая расходилась во всех направлениях и превращалась в клубящиеся облака.

Может, Джека уже и не было, но бобовый стебель остался.

Никто и никогда не выбирался за пределы хрустального неба; никто не заглядывал в летучий замок великана.

* * *

Манящее небо

Я давно поняла, что собирается сделать Джиана.

Она знала все течения, все волны Моря Большого Пальца; она знала, куда вода может отнести ее. Водовороты на кладбище кораблей были опасны, но фонтан запустит ее прямо в небеса.

В ту ночь на Рейнвилл обрушилась буря. Дождь медленно просачивался сквозь щели моего домика на берегу моря, оставляя извилистые следы на потолке. Лампа, висевшая надо мной, поскрипывала и раскачивалась. Из раковины наутилуса, лежавшей в углу, доносились приглушенные хлопки, словно где-то в костре трещали дрова. Я достала давно забытые наушники-перья и надела их.

Ветер, прилетевший из гавани, ласкал гладкие перья, и их мягкий пух раскачивался, словно море, принося мне звуки бури.

Внезапно у меня возникло предчувствие. Я встала с постели и выбежала под дождь.

До Мелкой Бухты я добралась одновременно с эпицентром бури. Облака отступили, приоткрыв клочок чистого ночного неба. Вдали яростно бил фонтан – мост между морем и небом. Позади меня крепко спал Рейнвилл, укрытый одеялом бури. В его окнах не горел ни один огонек.

Воздух над Морем Большого Пальца был необычно тих. Луна и звезды нежно поблескивали.

Видишь вон те звезды? Видишь их?

Я напрягла зрение, пытаясь разглядеть фонтан. Под темно-синий небосводом собралось бесчисленное множество течений; они, словно побеги, сплетались, ползли вверх. Водные побеги сияли в лунном свете, а в точке, которая находилась ближе всего к небесам, распадались на миллионы таинственных сверкающих звезд. Все было точно так же, как и в ту ночь много лет назад, когда я впервые услышала пение дельфинов: мой взгляд цеплялся за лунные лучи, и завеса над миром постепенно исчезала. Фонтан превратился в волшебный бобовый стебель, который неудержимо рос, качая из сердца океана воду, насыщенную силой. Он выпускал одну ветвь за другой, касаясь хрустального неба.

Но они такие тусклые! Жаль, что они не могут сиять ярче.

Капельки воды на вершине фонтана растворялись, падали в пасть в центре небесного купола. Тысячи новых звезд рождались, прежде чем превратиться в густой туман. Вдали от этого мрачного пятна таинственно мигали серебряные звезды созвездия Дельфина.

Внезапно созвездие упало в бурлящее море, ярко осветив его.

Из воды высунулось серебристое изогнутое лезвие. Оно описывало петли, уклонялось, рубило. Оно перерезало лунные лучи и поплыло к волшебному бобовому стеблю.

Джиана!

Если… О, если бы мы могли пронзить хрустальное небо и отправиться к звездам…

Безумное дитя собиралось залезть по бобовому стеблю в замок великана. Но… но если хрустальное небо в самом деле ледяная крышка, которая оберегает от нас тайны небес, то как Джиана доберется до звезд? Время от времени я замечала ее: она ловко плыла наверх по яростным потокам, поднимающимся из Моря Большого Пальца. Вознесет ли ее фонтан на много миль? Сможет ли она разглядеть то, что находится за облаками? Пробьет ли она хрустальное небо, увидит ли звезды?

Я не могу не думать о них. В моей голове постоянно звучит чей-то голос, он говорит мне: «Эй, Джиана, а не отправиться ли тебе в гости к звездам?»

Наконец серебристый клинок разрезал шелковые нити лунного света и под действием течений добрался до вершины фонтана. Бесчисленное множество дельфинов – я никогда не видела столько дельфинов в Мелкой Бухте – высунули головы из воды и посмотрели на вершину фонтана. Их писк был похож на звон капель, которые падают со сталактитов.

Джиана! Джиана! Ты делаешь честь всему роду дельфинов!

Серебристая фигура поднялась в небо, словно миллионы разлетающихся капель. Она поплыла над лиловым туманом и вскоре исчезла за облаками.

Время застыло.

Вдруг небо просветлело. С вершины фонтана донесся оглушающий шум. От центра темно-синего небосвода зигзагами побежали многочисленные трещины. Ветер и звезды провалились в отверстие и упали в море. Свод продолжал трескаться, и отверстие в нем увеличивалось, словно бобовый стебель толкал, рос, пробивался все дальше сквозь барьер. В ушах у меня звенело от шума, и перед моими глазами стояли фантастические картины, которые постепенно слились в одну ослепительно-яркую вспышку.

Хрустальное небо упало.

В следующий миг луна и звезды показали свою истинную природу.

Я никогда не думала, что на чистом лике луны столько теней. Я и не представляла себе, что звезды… такие яркие.

И тайна бесформенного пятна в центре небес также раскрылась…

Это была планета.

Наш мир всегда находился рядом с другим: два яблока рядом. Он был совсем рядом, но мы и не подозревали о его присутствии. Тень планеты прятала от нас сердце Млечного Пути, а ее собственные очертания были скрыты за хрустальным небом.

Именно Джиана раскрыла эту тайну. Точка, где силы притяжения двух планет компенсировали друг друга, была одновременно и местом, где находилась вершина фонтана. Там капли воды, невесомые, разлетались во всех направлениях. А когда в этой безмолвной оконечности мира появилась Джиана, ее поймало гравитацинное поле другой планеты… Так хрустальное небо треснуло, когда насекомое попыталось вылезти из яблока. Небо разрушилось, когда Джиана стала падать навстречу новому океану.

Но… Джиана… Я вспомнила кладбище кораблей, которое она когда-то мне описывала. Водовороты разрывали на части паруса, ломали мачты, палубы и весла… Силы падения Джианы оказалось достаточно, чтобы расколоть на части хрустальное небо. Где она сейчас?

В тусклом красноватом свете луны дельфины молча смотрели вверх.

«Вот оно! Вон там созвездие Дельфина!» – постоянно повторяла мне Джиана.

Звезды падали в сторону моря, какое-то время сияли в воде, а затем гасли. Далеко вдали поднимались новые звезды… одна… еще одна… их было так много… Вскоре каждый дельфин узнал серебристую последовательность.

Джиана, гордость всего дельфиньего рода, разбила барьер, который скрывал от нас правду, и прыгнула в небеса: совсем как Джек, который лез по бобовому стеблю в замок великана; совсем как насекомое, которое ползет по черешку, чтобы посмотреть на полуденное солнце.

Она стала частью вечных звезд.

Такова история созвездия Дельфина.

* * *

Примечания автора:

У древних греков есть несколько мифов о Дельфине. История об Арионе – лишь одна из них.

Здесь я рассказываю историю Дельфина языком научной фантастики. Этот рассказ был опубликован в журнале «Мир научной фантастики», в разделе, известном как «серая зона». Сложно сказать, соответствуют ли вышедшие в этом разделе произведения определению научной фантастики.

Я благодарю Дэвида Брина; меня вдохновил его рассказ «The Crystal Spheres».

Баошу [12]

Окончив Пекинский университет, **Баошу** (псевдоним, который следует считать нераздельной единицей) получил диплом магистра философии в Лёвенском католическом университете (Бельгия), а затем жил в США и Европе. Сейчас живет и работает в Китае. С 2010 года у него вышло четыре романа и более 30 повестей и рассказов.

К числу его наиболее известных работ относятся «Возрождение времени» (авторизованное продолжение цикла «Задача трех тел» Лю Цысиня) и «Руины времени» (премия «Синъюн» 2014 года в категории «Лучший роман»). Он изучал философию, и, возможно, поэтому многие его сюжеты связаны со временем: в его произведениях оно сжимается, растягивается и режется на куски, которые соединяются в другом порядке. В своих произведениях он задает вопросы о природе времени, изменяет его суть, превращает во что-то чужеродное, но все-таки узнаваемое.

Переводы его произведений на английский язык публиковались в журналах «F & SF», «Clarkesworld» и других.

«Что пройдет, то будет мило» – тоже история про время. Хотя впервые она была опубликована на английском языке, она в каком-то смысле самая китайская во всем сборнике: чем больше читатель знает об истории Китая, тем более четким становится смысл произведения.

Особая благодарность моему другу Анатолию Белиловскому, который перевел стихотворение Пушкина, процитированное в тексте.

Что пройдет, то будет мило

1

Мои родители назвали меня Се Баошен [13], надеясь, что в моей жизни будет много дорогих воспоминаний. Я родился в день, когда должен был настать конец света.

Мама и папа рассказывали мне, что в небе в разных уголках мира появились странные огни, что их сопровождали гром и молнии, словно небеса превратились в жуткое поле боя. Одна группа ученых считала, что прибыли инопланетяне, другие предполагали, что Земля проходит через галактическую плоскость. Другие утверждали, что началась гибель вселенной. Атмосфера апокалипсиса многих загнала в церкви, а остальные дрожали от страха в своих постелях.

Но в конце концов ничего не произошло: как только часы пробили полночь, мир вернулся к обычной жизни. Толпы людей в слезах обнимали друг друга, целовались и благодарили бога за этот дар. Многие призывали объявить этот день новым днем рождения планеты, чтобы человечество жило честно и достойно и высоко ценило жизнь.

Благодарное настроение быстро прошло, и жизнь, в общем, пошла своим чередом. Началась «арабская весна», а за ней – экономический кризис. Нам приходилось решать новые проблемы, большие и малые. Все были так заняты делами, что нелепую шутку о конце света никто больше не вспоминал. Я, разумеется, об этом ничего не помню: в тот день я родился. Воспоминаний о нескольких последующих годах у меня тоже нет.

Самое первое мое воспоминание связано с церемонией открытия Олимпиады. Тогда мне было всего четыре года, но я, тем не менее, тоже поддался всеобщему возбуждению.

«В Китае пройдет Олимпиада», – сказали мне родители.

Я понятия не имел, что такое «олимпиада», но чувствовал, что это событие, которое нужно праздновать. В тот вечер мама повела меня гулять. Улицы были набиты народом; мама подняла меня вверх, чтобы я мог увидеть в небе огромные следы, оставленные фейерверками. Они появлялись в небе один за другим, словно над нами шел какой-то великан. Это зрелище меня поразило.

В местном парке установили большой экран, и мама повела

меня к нему смотреть прямую трансляцию. Я помню, что там собралось много людей, и все веселились, словно на вечеринке. Я посмотрел по сторонам и увидел Цици. На ней была розовая юбка и ботинки, которые светились. На голове у нее торчали две косички, похожие на рога козы. Она ласково улыбнулась мне и крикнула: «Бао, старший братец!»

Мать Цици и моя мама давно дружили, еще до того, как вышли замуж. Я был всего на месяц старше Цици. В тот вечер я почти наверняка много раз видел ее, но ничего не помню. Церемония открытия Олимпиады стала первым моим воспоминанием, в котором присутствовала Цици. Именно тогда я впервые понял, что значит слово «красивая». Когда мы встретили Цици и ее родителей, то стали смотреть трансляцию вместе. Пока взрослые разговаривали, мы с Цици сели рядом с клумбой и завели свой разговор. Немного погодя на экране появилась овальная, сверкающая огромная корзина.

– Что это? – спросил я.

– Это называется «Птичье гнездо», – ответила Цици.

Птиц в «Гнезде» не было, но был огромный свиток с красивыми анимированными изображениями. Нас с Цици они заворожили.

– Как делают такие картинки? – спросила Цици.

– На компьютерах, – ответил я. – Мой папа это умеет. Когда-нибудь я сделаю большую картину специально для тебя.

Цици восхищенно посмотрела на меня. Потом на экране запела девочка нашего возраста, и мне показалось, что она не такая красивая, как Цици.

Это был один из самых чудесных, самых волшебных вечеров в моей жизни. Я все время надеялся, что в Китае снова пройдет Олимпиада, но этого не случилось. Когда я стал отцом, то часто рассказывал сыну про этот вечер, но он отказывался поверить в то, что Китай когда-то был настолько процветающей страной.

Четких воспоминаний о детском саде у меня тоже нет. Мы с Цици ходили в один и тот же сад, в котором детям устраивали «погружение» в английский язык. Половина уроков в нем проходила на английском, но я их совсем не помню. Английский я точно там не выучил.

Но я помню, как вместе с Цици смотрел мультики «Милый козлик и Серый волк». Я сказал ей, что она похожа на Красавицу, симпатичную овечку из мультика. А она сказала, что я похож на Серого волка.

– Если я Серый волк, – сказал я, – тогда ты должна быть Рыжей волчицей.

Рыжая волчица была женой Серого волка.

Цици ущипнула меня, и мы подрались. Цици всегда была готова добиваться своего с помощью кулаков, при этом она быстро ударялась в слезы. Я легонько оттолкнул ее, и она зарыдала. Я испугался, что она нажалуется на меня, и побежал к холодильнику, чтобы принести ей ледяной стружки со вкусом адзуки. Цици заулыбалась. Потом мы стали смотреть «Чиби Марукотян» и «Приключения красной кошки и синего кролика» и есть ледяную стружку из одной миски.

Мы играли и дрались, дрались и играли, и не успели мы опомниться, как наше детство прошло.

В то время мне казалось, что мы с Цици очень близки – настолько близки, что никогда не расстанемся. Но до того как мы пошли в начальную школу, отца Цици повысили по службе, и ему со всей семьей пришлось переехать в Шанхай. Мама взяла меня с собой, чтобы попрощаться с ними. У взрослых глаза были на мокром месте, а мы с Цици бегали и смеялись, словно я просто зашел к ней в гости поиграть. А потом Цици села в поезд и, как и ее родители, помахала мне из окна, а я помахал ей в ответ. Поезд уехал и увез Цици.

На следующий день я спросил у мамы:

– Когда Цици вернется? Может, в воскресенье пойдем все вместе на площадь Тяньаньмэнь?

Но Цици не вернулась ни в воскресенье, ни позже. Она исчезла из моей жизни. Снова я увидел ее лишь много лет спустя, когда мои воспоминания о ней стерлись и скрылись в глубинах памяти.

В начальной школе я подружился с одним мальчиком: все звали его Хэйцзы [14], потому что он был смуглым и тощим. Мы с Хэйцзы жили в одном квартале, и его родители занимались бизнесом: его отец вроде бы разбогател на торговле недвижимостью. Хэйцзы не очень хорошо учился и часто просил у меня списать домашку, а в благодарность за это приглашал меня к себе домой поиграть. У него дома был крутой компьютер, подключенный к висевшему на стене огромному жидкокристаллическому экрану. Он создавал просто фантастические ощущения, когда мы играли в гонки или файтинги, но взрослые не давали нам за ним засиживаться. Но когда мы учились в третьем классе, началась эпидемия атипичной пневмонии; какой-то ребенок в нашем квартале заболел, и поэтому в нашей школе ввели карантин. В итоге мы играли целыми днями. Хорошее было время.

Все эти месяцы, пока над нами висела тень атипичной пневмонии, взрослые ходили мрачные и постоянно вздыхали. Все

запасали продукты и другие предметы первой необходимости и редко выходили из дома – а если выходили, то в масках. Кроме того, меня заставляли пить какой-то горький отвар – средство из народной китайской медицины, которое якобы защищало от этой жуткой болезни. Я уже был достаточно взрослым, чтобы понять: в Китае и в остальном мире происходит что-то жуткое. Мне было страшно. Это был первый случай, когда я почувствовал ужас и ощутил панику гибнущего мира. Однажды я подслушал разговор родителей: они обсуждали слух о том, что от эпидемии погибли десятки тысяч людей. И из-за этого ночью мне приснился кошмар; мне снилось, что все умерли и остался только я, что США воспользовались эпидемией, чтобы напасть на Китай, и стали сбрасывать бомбы повсюду… Я проснулся в холодном поту.

Разумеется, ничего страшного не произошло. В конце концов эпидемия оказалась просто пустяком.

Но это было только начало. В будущем моему поколению предстояло пережить события, которые были куда страшнее, чем эпидемия атипичной пневмонии. Мы ничего не знали о том, что нас ждет.

2

Во время эпидемии атипичной пневмонии мне снилось, что американцы напали на Китай, потому что США в то время захватили Ирак и Афганистан и их войскам удалось поймать Саддама Хусейна. Кроме того, во всех новостях сообщали о том, что они ищут какого-то человека по имени бен Ладен. Я помню, что смотрел новости за ужином и злился на Америку: «Почему американцы всегда вторгаются в другие страны?» Особенно мне было жаль Саддама – жалкого старика, которого американцы арестовали и отдали под суд. Поговаривали, что его собираются казнить. Какой ужас! Я надеялся, что США проиграют войну.

Удивительно, но моя мечта сбылась. Вскоре после эпидемии атипичной пневмонии в новостях сообщили, что некая «Иракская республиканская гвардия» собрала силы и освободила Саддама. Он возглавил сопротивление и каким-то образом сумел выгнать американских захватчиков из Ирака. В Афганистане какая-то группа, чье название начиналось на «Тали», тоже подняла восстание и повела партизанскую войну в горах против американских войск. Бен Ладену даже удалось повергнуть американцев в шок, обрушив два их небоскреба с помощью пассажирских авиалайнеров. Американцы испугались и отступили.

Два года спустя я пошел в среднюю школу. Мы с Хэйцзы учились в одной школе, но в разных классах.

Мой первый год обучения совпал с еще одной катастрофой, которую предсказывал древний календарь. В то время я понятия не имел, почему у нас столько легенд о конце света. Возможно, все просто чувствовали себя в опасности. В мире началась экономическая депрессия, и многие страны оказались в тяжелом положении – Россия, новое государство под названием «Югославия», Сомали… Отчаявшиеся американцы даже решили бомбить наше посольство в Белграде. Это так разозлило наш народ, что студенты собрались у американского посольства и забросали его камнями.

Однако жизнь учащихся средней школы была совсем другой. Очень популярной стала историческая драма «Моя прекрасная принцесса», и ее постоянно крутили по телевизору. Мы с одноклассниками очень ею увлеклись и говорили лишь о судьбе ее героини, принцессы Сяояньцзы. В политике мы не разбирались и почти не обращали внимания на события в мире.

Но постепенно эффекты глобальной депрессии проявились и в повседневной жизни. Цены на недвижимость продолжали падать; отец Хэйцзы потерял деньги на нескольких неудачных сделках и вернулся к торговле акциями, но и она приносила ему одни убытки. Хотя цены на все снижались, зарплаты падали еще быстрее. Так как продвинутые гаджеты никто не покупал, их перестали производить. Огромный плоский экран в доме Хэйцзы сломался, но на рынке ничего похожего они не нашли, и поэтому им пришлось обходиться громоздким монитором с электронно-лучевой трубкой: его экран был крошечным и выгнутым, и картинка на нем выглядела реально странно. Ноутбук моего отца исчез, и его заменил большой настольный компьютер, параметры которого были гораздо хуже, – это вроде было связано с депрессией в американской экономике. Интернет-сайты закрывались один за другим, а новые компьютерные игры были невероятно скверными, совершенно не интересными. Приобрели популярность игровые автоматы, и дети нашего возраста зависали у них, а взрослые начали заниматься традиционной китайской медитацией.

У всего этого «прогресса» был один плюс: небо над Пекином стало чистым и голубым. Я помню, что в детстве, когда я был маленький, в воздухе постоянно висел смог и мне было трудно дышать. А теперь я мог почти каждый день видеть голубое небо и облака (исключение составляли сезоны песчаных бурь).

Когда закончился второй учебный год в средней школе и начались летние каникулы, Цици вернулась в Пекин погостить и

остановилась у нас. Она стала высокой и стройной, почти метр шестьдесят, и теперь носила очки. Большеглазая и грациозная, она теперь была больше похожа на молодую женщину, чем на девочку, и я все равно считал ее симпатичной. Увидев меня, она улыбнулась, но назвала меня не «старший братец Бао», как в детстве, а по имени – Баошен. Пекинский акцент в ее речи совсем исчез, и появились нежные ноты южного говора. Я попытался напомнить Цици об Олимпиаде и о том, как мы смотрели «Милого козлика». К моему разочарованию, она ответила, что почти ничего не помнит.

Я подслушал разговор мамы с папой: они говорили, что родители Цици разводятся и сейчас ведут ожесточенную борьбу за каждую частичку имущества и за право воспитывать Цици. Они отослали Цици в Пекин, чтобы их свары не причиняли ей боль. Я видел, что Цици несчастна: в первую ночь после приезда она плакала в своей комнате. Как ей помочь, я не знал: я мог лишь кормить ее вкусной едой в кафе, показывать ей достопримечательности и забавлять ее глупыми историями. Цици так давно уехала из Пекина, что теперь фактически была туристкой. Все лето я катал ее на велосипеде, и мы с ней объездили весь город.

Мы снова стали близки, но отношения между нами изменились: их, конечно, нельзя было назвать любовью, но это была уже и не прежняя детская дружба. Цици познакомилась с моими друзьями. Хэйцзы, в особенности, стал навещать меня гораздо чаще с тех пор, как в моем доме поселилась девушка. Однажды мы с Хэйцзы пошли с Цици гулять в парк Сяншань. Хэйцзы уделял много внимания Цици: он помогал ей подниматься по крутым каменистым ступенькам и рассказывал ей анекдоты. Пока Цици и Хэйцзы весело болтали, я чувствовал раздражение. Именно тогда я впервые заметил, что мне не нравится, когда кто-то, даже Хэйцзы, встает между мной и Цици.

Когда летние каникулы подошли к концу, Цици пришлось вернуться в Шанхай. Мои родители в тот день были заняты, и поэтому на вокзал ее отвез я. Мы протиснулись в поезд за полчаса до его отправления. Я собрался с духом и достал из рюкзака завернутый в подарочную бумагу сверток, который приготовил заранее.

– Ээ… это… подарок для… для тебя, – неуверенно сказал я.

– Что это? – удивленно спросила Цици.

– Ээ… может, ты… развернешь его… позже?… Нет!..

Но уже было поздно: Цици разорвала бумагу и, широко раскрыв глаза от удивления, уставилась на экземпляр «Задач по математике высокой сложности для поступления в старшую

школу с решениями и объяснениями».

– Ты сказала, что у тебя проблемы с математикой… – попытался объяснить я. – Мне нравится эта книга… Я подумал… ээ… что она тебе пригодится…

Цици смеялась так, что у нее из глаз потекли слезы. Я почувствовал себя полным идиотом.

– Кто же дарит девушке руководство для подготовки к экзамену? – Все еще смеясь, Цици раскрыла книгу на титульной странице. Ее лицо застыло, когда она прочитала стихотворение Пушкина, которое я там написал:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Под стихотворением я дописал две строки.

Моей подруге Чжао Ци: Забудь о нерадостных моментах и каждый день живи в радости. Люби жизнь и не забывай об идеалах!

Я чувствовал себя очень глупо.

Цици прижала книгу к груди и улыбнулась мне, но из ее глаз текли слезы.

3

Цици уехала, и моя жизнь вернулась в обычную колею. Но мое сердце не успокаивалось.

Когда Цици гостила у нас, она привезла с собой книгу под названием «Сезон цветения, сезон дождей», которая в то время была популярна у девочек средней школы. Она аккуратно обернула книгу в старый плакат и написала на ней название своим элегантным почерком. Заинтересовавшись, я пролистал книгу, но она показалась мне скучной. Цици забыла книгу, когда уехала в Шанхай, и я спрятал ее поглубже в ящик стола, боясь, что мама ее заберет. Книга еще хранила на себе аромат Цици, и время от времени я доставал ее, пока не дочитал до конца. Впоследствии я невольно сравнивал себя и Цици со

старшеклассниками, которые оказались в сложных любовных треугольниках романа. Я похож на этого парня или на того? Однажды я заговорил на эту тему с Хэйцзы, и он чуть не умер от смеха.

Мальчикам не нравились любовные романы, но это не значит, что нас не интересовали изображенные в них таинственные чувства. Все, что связано с любовью, было очень популярно у моих одноклассников: мы переписывали любовные стихи, пели романтические баллады и смотрели «Божественный орел, храбрые возлюбленные» и представляли себя несчастными влюбленными, мастерами боевых искусств. Популярной стала игра «подбор супруга по астрологическому знаку». Однажды мне выпало проводить уборку в классе вместе с Шень Цянь, одной из моих одноклассниц, и после этого все почему-то стали считать нас парой. Я громогласно это отрицал, не понимая, что остальным от этого становится только интереснее. Тогда я решил совершенно игнорировать Шень Цянь, но одноклассники пришли к выводу, что «любовники в размолвке». Я не знал, что делать.

В конце концов на помощь мне пришла сама Шень Цянь: она в открытую увлеклась старшеклассником, который славился своим остроумием, и это вызвало такие оживленные пересуды, что слухи про меня и Шень Цянь уже никого не интересовали.

Ранний роман Шень Цянь скоро закончился: родители и учителя вмешались, опасаясь, что это повлияет на ее успеваемость. После этой истории с нами она держалась холодно и отстраненно и начала читать книги, которые казались нам заумными и непонятными: эссе о китайской культуре, сборники малоизвестных философов и тому подобное. Теперь все стали говорить, что Шень Цянь станет знаменитым писателем. Однако в ее сочинениях стали появляться оригинальные, бунтарские мысли, которые вызывали критику со стороны учителей.

Несмотря на слухи про нас, я не сблизился с Шень Цянь, а еще больше убедил себя в глубине моих чувств к Цици. Я думал: «Может, она и не самая красивая девочка и она далеко, в Шанхае, но она мне нравится, и я буду относиться к ней подобному». К сожалению, нас разделяли тысячи километров, и новости о ней я узнавал из редких телефонных разговоров между нашими матерями. После развода родителей Цици осталась с матерью, и, хотя они жили бедно, Цици хорошо училась и сумела поступить в одну из лучших старших школ города.

А, и еще: пока я учился в средней школе, невысокий человек по имени Дэн Сяопин занял видное положение и стал членом Центрального Комитета. Хотя Цзян Цзэминь по-прежнему оставался Генеральным секретарем, вся власть на самом деле

принадлежала Дэну. Дэн начал серию реформ, стремясь национализировать промышленность. Свою политику он оправдывал множеством новых теорий: «Социализм с китайскими характеристиками»; «Не важно, белая кошка или черная, лишь бы мышей ловила» и так далее. Некоторые люди разбогатели, воспользовавшись новыми возможностями, но многие другие обнищали. Так как дела в экономике шли совсем скверно, маленькая компания, в которой работал папа, закрылась, но благодаря начатым Дэном реформам он получил работу на государственном предприятии, и это означало, что нам, по крайней мере, хватит на предметы первой необходимости. Если честно, то, по сравнению с остальными странами, ситуация в Китае была еще не самой плохой. Например, я слышал, что в Юго-Восточной Азии произошел финансовый кризис, который повлиял на весь мир. Гражданская война в Югославии, геноцид в Африке; Соединенные Штаты вывели войска из Ирака, но продолжали поддерживать блокаду страны и душили ее санкциями…

Разумеется, на мою жизнь это никак не влияло. Я учился в школе, готовился к вступительным экзаменам и иногда думал о Цици.

Когда я только пошел в старшую школу, у многих были «друзья по переписке» – люди, с которыми они переписывались. Это немного напоминало веб-чаты, в которых мы общались в детстве, но данный метод выглядел немного более литературным. Я так скучал по Цици, что решил написать ей письмо на английском: оно, как вы можете себе представить, изобиловало ошибками, но я оправдывался тем, что непременно улучшу свое знание этого языка. Общаться по электронной почте было бы легче, но из повседневной жизни компьютеры исчезли, и поэтому выбора у меня не было: пришлось писать письмо на бумаге. Я пожалел об этом безрассудстве, как только опустил письмо в почтовый ящик, но было уже слишком поздно. Следующие две недели тянулись так медленно, что показались мне годами.

Цици мне ответила! Погружение в английский, который нам устроили в детском саду, определенно принесло ей гораздо больше пользы, чем мне. Даже ее почерк был красивым, буквы – словно ноты на нотном стане. Чтобы прочитать это письмо, мне пришлось не расставаться со словарем; в итоге я практически выучил послание Цици наизусть. Мне показалось, что в результате мой английский стал значительно лучше.

Письмо Цици было довольно коротким, чуть больше страницы. В нем она упомянула, что книга, которую я подарил ей более года назад, ей пригодилась, и поблагодарила меня за нее. Кроме того, она порекомендовала мне «Новую концепцию

английского» и рассказала кое-что о своей школе. Но больше всего меня порадовал последний абзац, в котором она спрашивала про мою школу, про Хэйцзы и так далее. Его смысл был предельно ясен: она ждала от меня еще одного письма.

После этого мы стали регулярно писать друг другу по-английски. Ничего особо интересного мы друг другу не сообщали – только про школу, идеалы в жизни и тому подобное, но меня невероятно радовал сам факт переписки, а также мысль о том, что вдали, практически на другом конце Земли, кто-то думает о тебе, что ты кому-то небезразличен. Цици написала мне, что ее мать снова вышла замуж. У отчима Цици был свой ребенок, а к ней он относился довольно холодно. Она чувствовала себя чужой в родном доме и мечтала как можно скорее уехать в колледж и стать независимой.

Я без проблем окончил старшую школу и очень хорошо написал вступительные экзамены, поэтому мог выбрать один из нескольких вузов. Набравшись храбрости, я позвонил Цици и спросил, какой университет она выбрала. Она сказала, что не хочет оставаться в Шанхае и что первый номер в ее списке – Нанкинский университет и специальность «английский язык».

Я тоже хотел поехать в Нанкин: во-первых, чтобы быть рядом с Цици и, во-вторых, чтобы расстаться с родителями и добиваться успеха самостоятельно. Но родители наотрез отказались меня отпускать и настояли на том, чтобы я остался в Пекине. Мы страшно поругались, но в конце концов я сдался и указал первым в списке предпочтений Пекинский университет и выбрал специальность «китайский язык». Хэйцзы не сумел попасть в хорошую старшую школу, а в вуз вообще не поступил и поэтому устроился работать продавцом в магазин обуви. Но все мы продолжали верить, что нас ждет прекрасное будущее.

4

По сравнению со старшей школой, где мы находились под строгим контролем, жизнь в университете показалась нам почти полной свободой. Хотя руководство университета, inlocoparentis, не одобряло романы между учащимися, фактически оно закрывало на них глаза. Юноши и девушки быстро создавали пары, а кафедра китайского языка вообще считалась местом, где царит романтика. Вскоре у некоторых моих соседей по общежитию появились прекрасные подруги, и я им очень завидовал.

Шень Цянь тоже поступила в Пекинский университет, но на

специальность «политика». Все наши одноклассники считали, что рано или поздно мы будем вместе, но вскоре Шень Цянь стала публиковать дерзкие стихи в университетской газете и сблизилась с авангардными художниками и литераторами. Если не считать редких встреч со старыми друзьями, мы с ней вращались в совершенно разных кругах.

Наша с Цици переписка продолжилась, но нам уже не нужен был английский как повод. Мы писали друг другу каждую неделю, наши письма занимали десятки страниц, и в них мы описывали все глупые, интересные и даже скучные события нашей жизни. Иногда мне приходилось клеить на конверт дополнительные марки. Я очень хотел оформить наши с Цици отношения официально, но не мог набраться храбрости.

Когда мы учились на втором курсе, в письмах Цици стало появляться имя какого-то юноши. Она упоминала о нем мельком, даже не объясняя, кто он, словно он уже часть ее жизни. Я спросил про него, и Цици написала, что он – президент курса; по ее словам, он был красивым, хорошо знал английский и занимался с ней в одном драмкружке.

Ее ответ меня расстроил, и я попытался ей написать, но не мог подобрать слова. Я бы достал свой телефон и позвонил ей, но к тому времени сотовыми уже никто не пользовался. Компания «Чайна мобайл» давно разорилась, а мобильный телефон на моем столе, подарок отца на мое десятилетие, теперь был просто бесполезной древней рухлядью.

Я спустился в холл, чтобы позвонить по общественному телефону. В каждом общежитии был установлен только один аппарат, и на том конце трубку взяла администратор общежития, в котором жила Цици. Она долго меня допрашивала, но в конце концов согласилась сходить за Цици. Я ждал, ждал… Наконец мне ответила одна из соседок Цици.

– Цици пошла гулять со своим парнем, – сказала она.

Я бросил трубку и побежал на вокзал покупать билет до Нанкина. В полдень следующего дня я уже стоял у дверей ее общежития.

Цици изящно слетела по лестнице, словно птица. Она была в белой плиссированной юбке, а волосы были аккуратно заплетены в косы. Она словно сияла в теплом солнечном свете. Мы несколько раз обменивались фотографиями по почте, но после тех школьных каникул ни разу не виделись. Теперь Цици из девочки превратилась в высокую энергичную молодую женщину. Она не удивилась, увидев меня, а опустила глаза и усмехнулась, словно знала, что я приеду.

В тот день она повела меня на знаменитое Беспечальное

Озеро. Там мы взяли напрокат лодку и выплыли на ней на середину нефритово-зеленого озера. Она спросила меня, видел ли я популярный японский телесериал под названием «Токийская любовная история».

Я про него слышал, но так как у меня и моих соседей по общежитию не было телевизора, то я видел только кусочки, когда навещал родителей, и читал краткое содержание серий в теле-гиде. Но я не хотел показаться невеждой и поэтому ответил утвердительно.

– Да, – ответил я.

– И как он тебе? Кто тебе в нем нравится? – заинтересованно спросила Цици.

– Мне… мне нравится Сатоми. – Если честно, то про персонажей я вообще ничего не знал.

– Сатоми? – удивленно переспросила Цици. – Терпеть ее не могу. Почему она тебе нравится?

Сердце у меня дрогнуло.

– Ээ… Ведь Сатоми – это главная женская роль, так? У нее такая милая улыбка.

– Ты о чем? Главная героиня – это Рика Акана!

– Постой! Я читал краткое содержание: там сказано, что Сатоми выросла вместе с главным героем, а затем они стали парой… разве это не означает, что она – главная героиня?

– Что за чушь! – Цици рассмеялась, мило наморщив нос. – Как такая мысль вообще пришла тебе в голову?

– Потому что… потому что мне кажется, что люди, которые знали друг друга в детстве, должны быть вместе. Например… ээ… – Продолжить я не мог.

– Например? – ухмыльнулась она.

– Ты и я, – выпалил я.

Цици наклонила голову набок и долго смотрела на меня.

– Что за глупость. – Она дала мне пощечину.

Это, конечно, была не настоящая пощечина – прикосновение скорее казалось ласковым поглаживанием. Ее изящные пальцы скользнули по моему лицу, и я содрогнулся, словно они были наэлектризованы. Мое сердце бешено забилось, и я схватил Цици за руку. Она не вырвала ее. Я встал и захотел ее обнять, но забыл, что мы в лодке, и поэтому…

Лодка перевернулась. Цици завопила, и мы упали в воду.

Хихикая, словно полоумные, мы забрались обратно в лодку. Теперь Цици была моей девушкой. Позднее она сказала мне, что президент курса действительно увлекся ею, но он никогда ей не нравился. Она намеренно писала про него, чтобы заставить меня рассказать о своих чувствах. Но она совсем не рассчитывала, что я

настолько встревожусь и приеду в Нанкин – но было видно, что ей это очень приятно.

Держась за руки, мы в тот день посетили все крупные достопримечательности Нанкина: озеро Сюаньу, реку Циньхуай, конфуцианский храм, мавзолей Сунь Ятсена… Весь день я провел в медовом тумане.

Пока мы учились, то видели друг друга лишь изредка, во время каникул, но теперь стали писать друг другу еще чаще. Мы были безумно влюблены друг в друга. Мои родители, узнав про нас с Цици, обрадовались, ведь наши семьи дружили. Мама называла Цици своей будущей невесткой и шутила, что они с матерью Цици запланировали этот брак еще до нашего рождения. Мы собирались закончить учебу, найти работу в одном и том же городе, а затем пожениться.

5

Когда нам показалось, что счастье почти у нас в руках, оно раскололось на миллион обломков.

Экономика России, Украины и нескольких других стран пришла в такой упадок, что произошло нечто невообразимое: появился новый сильный лидер по имени Горбачев, который убедил более дюжины независимых государств образовать новую страну под названием «Союз Советских Социалистических Республик» с целью построения социализма. Новая страна быстро стала очень могущественной и раз за разом срывала планы американцев, что мгновенно усилило международную напряженность. Советский Союз затем стал создавать условия для революций в странах Восточной Европы, и даже Германия, восточная и западная части которой находились на разных уровнях экономического развития, разделилась на две части, после чего восточная Германия присоединилась к блоку Советского Союза.

В Китае запланированные Дэном реформы не увенчались успехом, и экономика продолжала рушиться. Росло число людей, недовольных действиями правительства. Государственный аппарат закаменел, его подтачивала коррупция, управленцы действовали авторитарно и неэффективно. Студенты все еще помнили, какой сильной и процветающей была страна их детства, и приходили в ярость, сравнивая прошлое с настоящим. Повсюду ходили слухи о продажных чиновниках, о расхищении государственных средств, о попытках назначать на административные должности членов семьи и преданных

прислужников. Мало кто мог четко объяснить причину проблемы, но в ходе дебатов и дискуссий все, похоже, сходились в одном: страна в беде и для построения настоящей демократии необходима фундаментальная реформа политической системы. Некомпетентные лидеры должны уйти! Среди студентов стал тайно распространяться написанный двадцатью годами ранее политический манифест, названный просто «Хартия-08».

Когда мне подошло время получить диплом, фракционная борьба внутри коммунистической партии накалилась еще больше. Пошли слухи, что лидера реформаторов Чжао Цзыяна сместили со всех постов и посадили под домашний арест. Эта новость стала искрой, которая подожгла бочку с порохом; давно подавляемая ярость народа вырвалась наружу таким образом, что потрясла всех. Студенты всех крупных университетов Пекина вышли на улицы в знак протеста. При поддержке жителей города они заняли площадь Тяньаньмэнь, чем привлекли к себе внимание всего мира. На площади вырос палаточный городок; протестующие даже возвели статую богини свободы перед самими Вратами Небесного Спокойствия.

Лю Сяобо, автор «Хартии-08», вернулся в Китай из-за рубежа. На площади он произнес речь и поклялся, что будет голодать до тех пор, пока не начнутся настоящие реформы. Это вдохновило весь народ. Молодежь начала прибывать в Пекин со всех уголков Китая, и массовое движение набрало силу. Даже обычные жители Пекина поддержали студентов. Хэйцзы, например, часто привозил нам пищу и воду на своем трицикле.

– Ешьте, пейте! – кричал он. – Вам нужна сила, чтобы сражаться с этими сраными уродами, которые засели в Чжуннаньхае.

Шень Цянь в прошлом публиковала провокационные статьи и обожала Лю Сяобо. Благодаря своему влиянию на студентов она стала одним из лидеров движения. Однажды Шень Цянь зашла ко мне; ей хотелось вовлечь студентов кафедры китайского языка в общее дело, и она решила обсудить этот вопрос со мной. Она заразила меня своим пылом, и я почувствовал, что должен что-то сделать для страны. На знаменитой центральной площади в самом центре Пекинского университета я произнес речь; в ней я осудил продажный и бюрократический студенческий совет и призвал студентов освободиться от контроля со стороны правительства и сформировать демократический, независимый орган самоуправления. К моему удивлению, многие профессора и студенты мне аплодировали, и через несколько дней была создана Автономная федерация студентов. Шень Цянь избрали одним из членов комитета, и, поскольку ей казалось, что я

обладаю определенными талантами, она попросила меня вступить в Федерацию.

На площади мы организовали штаб. Наши ежедневные дела напоминали работу правительства в миниатюре: мы принимали представителей студенчества со всех уголков страны, публиковали заявления и программы, выпускали открытые обращения и вели ожесточенные дебаты обо всем, словно от нас зависела судьба народа. Новость о том, что наши соотечественники в Гонконге и на Тайване сочувствуют нам и собирают для нас пожертвования, придала нам сил. Мы смеялись и плакали, мы кричали и пели, мы мечтали о том, как мы, молодые и страстные, построим новое будущее Китая.

В один из первых июньских дней я сидел в примитивной палатке на краю нашего командного центра и писал новую программу для движения. Погода была жаркой и влажной, и я обливался потом. Внезапно я услышал голос Шень Цянь: «Баошен, смотри, кто к тебе пришел!»

Я вышел из палатки и увидел Цици в небесно-голубом платье и с рюкзачком на спине. Она казалась уставшей после долгой дороги. От радости и удивления я потерял дар речи, и Шень Цянь стала над нами подшучивать.

Так как Шень Цянь никогда раньше не видела Цици, она окинула ее взглядом и сказала:

– Так вот она какая – таинственная девушка Баошена…

Цици покраснела.

Когда наконец мне удалось избавиться от Шень Цянь, я забросал Цици вопросами:

– Как ты здесь оказалась? Приехала вместе с другими студентами Нанкинского университета? Замечательно! Я слышал о протестах в Нанкине. Кто возглавляет вашу группу? Я только что составил новую программу, и мне было бы полезно узнать ваше мнение…

– И это все, что ты хочешь мне сказать? – прервала меня Цици.

– Нет, конечно! Я очень по тебе скучал. – Я со смехом обнял ее, но потом снова заговорил серьезно: – Но движение теряет обороты, оно дробится на фракции… Продолжать голодовку дальше невозможно, и я поговорил с Лю Сяобо о том, как развить и расширить движение… Пойдем, посмотришь на мой текст…

– Баошен, – снова прервала меня Цици. – Я была у тебя дома. Твоя мать попросила меня с тобой поговорить.

Мне показалось, что на огонь в моем сердце кто-то вылил ведро холодной воды.

– А… – сказал я, не в силах найти слова.

– Твоя мать очень беспокоится о тебе… – ласково сказала Цици. – Скоро тебе предстоит получить распределение на работу. Ты знаешь, насколько это важно. Перестань валять дурака. Пойдем домой.

– Цици, как ты можешь так говорить?! – разочарованно и сердито воскликнул я. – «Валять дурака»? Посмотри на десятки тысяч людей, которые собрались на площади! Посмотри на миллионы людей, которые их поддерживают! Во всем Пекине… нет, во всем Китае… кипение достигло высшей точки! Все сражаются за будущее нашей страны. Как мы можем вернуться на занятия в такое время?

– На что ты рассчитываешь? Правительство вам не победить, у него же армия! Кроме того, часть твоих предложений слишком радикальные, фантастические…

– Что значит «фантастические»? – Слова Цици очень меня расстроили. – Армия служит народу. Солдаты никогда не направят оружие на нас. Студенты уже с ними общаются. Не волнуйся, я слышал, что бюрократы в центральном руководстве напуганы и скоро пойдут на компромисс.

Цици со вздохом села и печально посмотрела на меня.

Она долго пыталась меня уговорить, но безуспешно. Уходить с площади я отказался, и поэтому Цици осталась со мной. В ту ночь мы спали в одной палатке. Мы обсуждали ситуацию в стране и в мире и перспективы студенческого движения, но не могли ни о чем договориться и поэтому перестали спорить и просто обнялись.

Мы вспомнили наше детство, а затем я уже не мог сдерживаться и поцеловал ее – сначала в щеку, потом в губы. Именно тогда мы впервые поцеловались по-настоящему. Ее губы были мягкие и потрескавшиеся, и это разбило мне сердце. Я поцеловал ее и не отпускал…

В темноте все произошло само собой. На площади собралось много людей, и поэтому то, что мы занимались любовью, ни для кого не было секретом. Раньше я презирал тех, кто вел себя так; мне казалось, что парочки, которые занимались сексом, оскверняют священную суть нашего протеста. Но теперь, когда это происходило со мной, я не мог сопротивляться; мне показалось, что наши действия являются естественной частью самого движения. Возможно, какая-то неведомая тревога за будущее заставила нас воспользоваться этим последним моментом абсолютной свободы. Каждое движение, каждый жест был наполнен неловкостью и смущением. Мы действовали неуклюже, грубо, но непреодолимая сила юной страсти в конце концов привела этот неловкий, нелепый процесс к концу, к

сладкой близости, которая находилась за пределами понимания.

6

На следующий день мы узнали о том, что к Пекину подтянуты войска и в городе введен комендантский час. Передовые части уже вошли в город и готовились очистить площадь от протестующих.

Должны ли мы отступить? Мы собрались в штабе на совещание. Началась дискуссия, и мнения разделились. Лю Сяобо предложил отступить, чтобы избежать жертв. Под влиянием Цици я поддержал его. Но Чай Лин, нашего главнокомандующего, эти слова разозлили. Она отвергла наш план и даже обвинила нас в трусости. Она сказала, что мы должны сопротивляться до конца и пожертвовать жизнью, если нужно. Ее речь вдохновила всех присутствующих; тех, кто призывал к отступлению, заставили замолчать. В конце концов большинство студентов осталось, чтобы выполнить приказы Чай Лин.

Та ночь выдалась особенно жаркой. Мы с Цици не могли заснуть и поэтому легли у палатки и принялись перешептываться.

– Ты права, – сказал я. – Чай Лин слишком упряма. По-моему, ничего хорошего из этого не выйдет. Завтра я скажу Лю Сяобо, что мы идем домой.

– Хорошо. – Она положила голову мне на плечо и заснула. Вскоре я последовал ее примеру.

Меня разбудил шум толпы. Меня окружила тьма: все фонари на площади погасли, и звезды в летнем небе сияли особенно ярко. Со всех сторон доносились крики и рев мегафонов. Я не мог понять, что происходит.

– Баошен! – Кто-то подбежал к нам, светя на нас фонариком. Я прищурился. Размытая фигура приблизилась: Шень Цянь. Она рыдала.

– Скорее уходи! Армия начала зачистку площади!

– Что? А где Чай Лин? Она ведь должна нами командовать!

– Эта сука сбежала первой! Уходи, уходи! А мне еще нужно найти Лю Сяобо.

Позднее я узнал, что большая группа солдат и полицейских с дубинками вышла на площадь, чтобы снести палатки; студентов, которые оказывали сопротивление, они избивали. Но в то время мы ничего не видели и вокруг нас царил хаос. Я не знал, что делать, поэтому схватил Цици за руку и попытался двигаться вместе с толпой.

«Танки, танки! Кого-то задавили танки!» – кричали студенты

из провинции, пробегавшие мимо нас. Они столкнулись с нами и разделили меня и Цици.

Я услышал, что Цици меня зовет, и побежал к ней, выкрикивая ее имя, но споткнулся о палатку и не сразу смог подняться: толпа сбивала меня с ног. Когда я наконец встал, то Цици уже не слышал и не знал, где она. Я пошел в ту сторону, куда мы с ней направлялись. Меня окружила толпа, но Цици в ней не было. Я выкрикивал ее имя. Затем кто-то запел «Интернационал», и все подхватили. Я не слышал даже своего собственного голоса.

Вместе с взбудораженной толпой я покинул площадь Тяньаньмэнь.

На площади, по крайней мере, обошлось без стрельбы, однако в других частях города начались ожесточенные столкновения между армией и протестующими, и там время от времени слышались выстрелы. Я вернулся домой, надеясь на чудо, но Цици там не оказалось. Несмотря на возражения родителей, я побежал обратно в центр города.

Уже рассвело, и повсюду были солдаты и танки. На улицах лежали тела убитых, в том числе студентов. Я словно оказался на поле боя. Ужас охватил меня, но мысль о том, что с Цици случилась беда, пугала меня еще больше. Я, словно безумный, искал ее повсюду.

В полдень я наткнулся на одного из моих друзей из штаба, и он отвел меня в убежище к нашим. Там я увидел много раненых. Шень Цянь побледнела как смерть и все время дрожала; Лю Сяобо прижимал ее к себе. Я спросил, не видели ли они Цици.

Шень Цянь зарыдала. Мое сердце рухнуло в ледяную пропасть.

Со слезами на глазах Шень Цянь объяснила, что Цици нашла их на площади и они ушли оттуда вместе. Затем на перекрестке они наткнулись на колонну солдат и, не совсем понимая, что происходит, завопили, ругая и проклиная их. В ответ солдаты открыли огонь, и несколько студентов упали. Тогда они снова побежали и лишь потом поняли, что Цици уже с ними нет. Шень вернулась и увидела, что Цици неподвижно лежит в луже крови. Они хотели спасти Цици, но за ними гнались солдаты, и им пришлось бежать.

Когда Шень Цянь рассказала мне все это, она уже рыдала так сильно, что не могла говорить.

Я потребовал у Шень Цянь, чтобы она назвала мне точное место, а затем сломя голову бросился туда. На перекрестке я увидел дымящиеся останки армейского грузовика. В машине был обгоревший труп солдата. В луже крови у перекрестка лежало еще

несколько тел, но Цици я не видел. Подавив тошноту, я стал искать ее повсюду, хотя надеялся, что не смогу ее найти.

Но затем я увидел небесно-голубое платье Цици под колесами армейского грузовика. Кровь окрасила ткань в лиловый цвет, и из-под юбки торчала часть ее ноги, которая заканчивалась кровавым месивом.

Содрогаясь, я подошел к грузовику. Запах крови ошеломил меня. Земля и небо закружились вокруг меня, и у меня отнялись ноги. Все улетало куда-то вдаль, оставляя лишь бесконечную тьму, которая опустилась на меня и погасила последний проблеск сознания.

Когда я очнулся, уже снова стемнело. Вдали изредка слышались выстрелы. В двух метрах от меня прошла колонна солдат; меня, вероятно, они тоже приняли за труп. Я, потрясенный, лежал неподвижно. На какое-то время я забыл, что произошло, но потом жуткие воспоминания вернулись ко мне, и меня раздавило отчаяние.

Я не винил ни Чай Лин, ни студентов, которые разлучили нас с Цици, ни даже солдат. Я не послушался Цици и тем самым обрек ее на смерть.

В ту ночь я превратился в живой труп. Я не смел еще раз посмотреть на тело Цици. Бродя по городу, я не обращал внимания ни на солдат, ни на бандитов, которые воспользовались хаосом, чтобы мародерствовать и грабить. Вокруг меня падали и умирали люди, но я каким-то чудом выжил. Мир превратился в кошмар, и я не мог проснуться.

На следующий день на Улице Небесного спокойствия появилась большая колонна танков. Я встал перед ними. Прохожие потрясенно смотрели на меня. Я хотел, чтобы танки раздавили меня своими гусеницами…

Но я не погиб. Сотрудники полиции в штатском схватили меня, бросили в темную комнату и несколько дней допрашивали. К тому времени я уже немного пришел в себя и сумел рассказать им, что произошло. Я был уверен, что меня ждет смертный приговор или, по крайней мере, несколько лет тюрьмы. Мое сердце уже умерло, и поэтому моя судьба была мне безразлична.

Но неожиданно, после нескольких месяцев заточения, меня отпустили – даже без суда. Мое наказание было достаточно мягким: меня исключили из университета.

7

Когда меня выпустили из тюрьмы, порядок уже был

восстановлен. Сурово подавив протесты, правительство неожиданно проявило великодушие. Генеральный секретарь Цзян ушел в отставку, и хотя Дэн Сяопин сохранил власть, новым Генеральным секретарем стал реформатор Чжао Цзыян, а еще один важный политический пост занял другой лидер реформаторов – Ху Яобан, человек с хорошей репутацией. Большинство из тех, кто участвовал в протестах, не понесли наказания. Даже Лю Сяобо позволили преподавать в университете, хотя и запретили покидать страну. Официальная позиция правительства относительно протестов была такова: студенты выступили с законными требованиями, но их действиями воспользовались зарубежные силы.

Эти зарубежные силы, похоже, действовали не только против Китая, но и всего социалистического лагеря. Они сеяли смуту и в Восточной Европе, надеясь окружить и изолировать Советский Союз. Но в конце концов план Запада полностью провалился: Советский Союз не только выжил, но даже привел к власти социалистов в Чехословакии, Польше и нескольких других восточноевропейских странах. Эти сателлиты заключили с Советским Союзом Варшавский договор, чтобы противодействовать НАТО. Так началась «холодная война» между СССР и США.

После моего освобождения к нам приехала мать Цици. Она хотела знать, где ее дочь. За последние месяцы она едва не сошла с ума, не получая вестей от дочери. Но, прибыв в Пекин, она узнала, что я в тюрьме.

Я упал перед ней на колени и, плача, признался, что в смерти Цици виноват я. Поначалу она отказалась мне поверить, но потом набросилась на меня и принялась избивать. Мои родители ее оттащили, и тогда она упала на землю и безутешно зарыдала.

Мать Цици так и не простила меня и порвала все контакты с моей семьей. Позднее я несколько раз ездил в Шанхай, но она отказывалась со мной встретиться. Я узнал, что она обеднела, и несколько раз отправлял ей деньги и предметы первой необходимости, но она всегда возвращала мои посылки нераспечатанными.

Когда Цици умерла, я находился в таком состоянии, что даже не подумал о том, чтобы забрать ее тело. А потом оказалось, что устраивать ей достойные похороны поздно. Ее, несомненно, кремировали вместе с остальными погибшими, за которыми никто не пришел. Пылкая молодая женщина в расцвете лет исчезла из этого мира, словно ее никогда и не существовало.

Нет, это не совсем правда. Я нашел в своем кармане фиолетовую заколку. Цици сняла ее в ту ночь, когда мы вместе

ночевали в палатке, и я положил ее в карман не думая. Это была последняя вещь, которая напоминала мне о ней.

Я собрал все, что было связано с Цици, и положил на свой стол: заколку, связки писем, какие-то вещицы, которые она подарила мне, несколько фотографий, на которых мы изображены вместе, и тот экземпляр «Сезона цветения, сезона дождей»… Каждый день я сидел перед этим алтарем и пытался заново пережить те моменты, которые мы провели вместе, словно она до сих пор была рядом со мной. Так миновало полгода. Возможно, я немного сошел с ума.

Во время праздника весны, когда наша семья собралась за новогодним столом, моя мать расплакалась и сказала, что не может видеть меня в таком состоянии. Она хотела, чтобы я перестал жить в прошлом. Я весь вечер молчал, словно отупев.

Затем я собрал волю в кулак, осторожно собрал вещи, напоминавшие мне о Цици, со своего стола, упаковал их и упрятал сверток поглубже в сундук. Этот сверток я всегда держал при себе, но редко разворачивал. Нужно было жить дальше, и я не хотел заново испытывать раздирающую сердце боль и чувство вины.

Хотя меня исключили из университета, Генеральный секретарь Чжао заметил, что ему нужна более просвещенная администрация, которая готова забыть прошлые обиды. Поэтому преподаватели с моей кафедры, сочувствовавшие моему бедственному положению, сумели по каким-то своим каналам выбить для меня диплом. Правда, найти работу я не мог: когда я был моложе, представители компаний приходили в университетский городок, чтобы вербовать выпускников прямо на месте, но после реформ на работу нас распределяло правительство. Поскольку я запятнал репутацию участием в протестах, я уже не был частью системы, и работу мне не дали.

Хэйцзы тоже уволили – за то, что поддержал студентов. Мы с ним встретились и решили вместе попытать счастья в бизнесе. В то время Чжао Цзыян продавливал реформы цен, которые были нацелены на переход от рыночной к плановой экономике, и поэтому цены на все товары взлетели до небес. Все жители страны делали запасы, и жизнь обычного человека становилось все тяжелее. Поскольку многих товаров повседневного спроса не хватало, правительство выпустило карточки на продовольствие, одежду и так далее, чтобы ограничить количество товаров, которое может приобрести один человек. Мы решили, что если будем действовать с умом – продавать и покупать товары в нужный момент, – то извлечем из этого немалую прибыль.

Мы с Хэйцзы собирались отправиться на юг, в Гуандун,

который был более развит, чем другие города Китая. Хотя мои родители не хотели, чтобы я уезжал так далеко от дома, они обрадовались тому, что я наконец вернулся к нормальной жизни, и отдали нам свои сбережения в качестве стартового капитала. В то время было столько возможностей… Мы с Хэйцзы быстро привезли в Пекин партию футболок, продали их с большой наценкой и в результате не только вернули весь наш капитал, но даже сумели получить десятки тысяч прибыли. Так мы с ним стали одними из многих так называемых «спекулянтов», которые разъезжали по всему Китаю в поисках выгодных сделок. Иногда мы с Хэйцзы находили золотую жилу, но бывали и времена, когда мы были так бедны, что нам даже на еду не хватало.

За несколько лет я объездил всю страну и, пообщавшись с представителями самых разных слоев общества, понял, какими безответственными были мы – те, кто собрался тогда на площади Тяньаньмэнь. Китай был грузовым поездом, нагруженным как бременем прошлого, так и бременем настоящего, и горстка студентов, яростно выкрикивающих лозунги, не могла изменить сложные условия, в которых находилась страна. Но как улучшить ситуацию? На этот вопрос я ответить не мог. Я знал только одно: хотя в Китае и восстановилось спокойствие и люди теперь, казалось, занимались только повседневными проблемами, существовало много сильных, разнонаправленных течений и конкурирующих между собой социальных интересов. Вместе они составляли могущественный скрытый водоворот, который может утянуть страну в пропасть. Однако ни один человек, ни один орган власти не был в состоянии контролировать этот процесс. Никто не мог управлять историей. Мы все были просто частями огромного вихря.

Через два года после того как мы с Хэйцзы создали наш бизнес, я прибыл в поисках товаров в Гуанчжоу и там случайно встретил Шень Цянь. После протестов я держался подальше от литературных кругов и редко ее видел, хотя и знал, что она стала любовницей Лю Сяобо. Хотя Лю был женат, Шень Цянь согласилась стать его любовницей, потому что сильно его любила. До меня доходили слухи о разводе Лю, и я решил, что он женится на Шень Цянь. Я совсем не ожидал встретить ее так далеко от Пекина.

Как всегда, встретив старого друга вдали от дома, я расчувствовался. Я вспомнил Цици, и на мои глаза навернулись слезы. По словам Шень Цянь, она приехала в Гуанчжоу, надеясь пожить у старого друга и привести свою жизнь в порядок. Но друга она не нашла и теперь не знала, что делать. Я обещал ей помочь.

Чтобы отпраздновать приезд Шень Цянь в Гуанчжоу, я повел ее в ресторан. Мы говорили о старых временах, но оба избегали упоминать о событиях на площади Тяньаньмэнь. Шень Цянь немного выпила, и у нее развязался язык: она в слезах рассказала мне о том, как Лю Сяобо злоупотребил ее доверием. Он обещал ей развестись с женой и жениться на ней, но она застала его с другой студенткой. Шень Цянь и Лю Сяобо поссорились и расстались… Рассказывая все это, она продолжала пить, прямо из горла, и я не мог ее остановить. Потом она громко запела, и все, кто был в ресторане, стали на нас глазеть. Я быстро расплатился и увел ее оттуда.

Шень Цянь так напилась, что едва не падала, и мне пришлось практически тащить ее на себе. Жить ей было негде, и поэтому я привел ее в свою комнату и уложил на кровать, а сам лег спать на полу.

Утром мне надо было рано обойти рынки в поисках товаров, и я не стал будить Шень Цянь. Я думал, что, когда я вернусь, ее там уже не будет. Однако когда я вошел в комнату, то увидел, что она убрана, а все вещи аккуратно расставлены по местам. На столе лежала новая скатерть, а Шень Цянь в фартуке несла из кухни дымящуюся яичницу с помидорами.

Мы посмотрели друг на друга. Шень Цянь застенчиво улыбнулась.

Я понял, что в моей жизни начинается новая глава.

8

Шень Цянь продолжала жить в моей съемной квартире. Благодаря ей это жилье стало для меня родным домом, а я уже давно скучал по этому ощущению. Мы с ней хотели забыть о прошлом и поэтому потянулись друг к другу в поисках тепла. В то время Хэйцзы недавно женился, и когда он узнал, что мы с Шень Цянь вместе, то очень порадовался за нас. С Шень Цянь он вел себя так, словно она уже моя жена.

Так как Шень Цянь не могла найти работу, она стала помогать нам. Теперь она была уже совсем не похожа на юную студентку и бунтарку. После многих испытаний она отказалась от мечты о революции и карьере литератора и сосредоточилась на семье. Кто мог сказать, что этот ее образ менее истинный, чем прошлый?

Через полгода моя мать приехала навестить меня в Гуанчжоу, и я уже не мог скрывать от нее свои отношения с Шень Цянь. Поначалу мать невзлюбила Шень Цянь, но, пожив с нами

немного, приняла ее в качестве своей будущей невестки и стала упрашивать нас, чтобы мы поженились. В то время общество становилось более консервативным, и так как мы были уже не очень молоды, то вернулись в Пекин и подали заявление на регистрацию брака. На нашей свадьбе одноклассники шутили, что с самого начала знали, что мы будем вместе.

Год спустя Шень Цянь родила нашего сына Сяобао. Раны прошлого постепенно затягивались. Не могу сказать, что мы были счастливы или что все было идеально, в нашей жизни хватало тепла и простых удовольствий.

Правительство продолжало проводить реформы, постепенно вытесняя рыночную экономику плановой. В то время действовала политика двойных цен, в соответствии с которой одну цену на товар определяли власти, занимавшиеся экономическим планированием, а другую – рынок. Многие чиновники, которые обладали связями в нужных местах, могли стать «официальными спекулянтами», покупая товары по низким ценам плановой экономики и продавая их на рынке с огромной выгодой. Мелкие торговцы, такие как я и Хэйцзы, страдали, потому что связей у нас не было. Заниматься бизнесом становилось все сложнее. Однажды мы сумели приобрести партию цветных телевизоров, но официальные спекулянты опередили нас и монополизировали рынок. Нам пришлось торговать себе в убыток. В конце концов мы залезли в долги и нам пришлось закрыть дело и вернуться в Пекин.

Дядя Хэйцзы работал бригадиром на заводе и устроил туда Хэйцзы водителем. Хэйцзы перевозил товары для людей во время официальных рейсов и хорошо зарабатывал. Я таких вакансий найти не мог, и, кроме того, меня подкосили годы, когда я занимался убыточным бизнесом. Я решил вернуться в университет и стал готовиться к экзаменам в аспирантуру.

Я, выпускник Пекинского университета, думал, что сдам экзамены с легкостью. Но я уже столько лет не занимался и не мог правильно настроиться. Я сдавал экзамены два года подряд, но безуспешно. Так как Сяобао уже взрослел, а наши накопления подходили к концу, мы полагались на помощь наших родителей. Шень Цянь наконец удалось устроиться на работу в газету, и это, по крайней мере, гарантировало стабильную зарплату и такие бонусы, как жилье и медобслуживание.

Шень Цянь начала жаловаться на мое отсутствие успехов.

– Посмотри на себя! Когда мы стали жить вместе, я думала, что у тебя деловая хватка, что ты разбогатеешь. Но ты просто книжный червь, который даже не может поступить в аспирантуру. Китайская женская сборная по волейболу три раза стала

чемпионом мира – ровно столько раз, сколько ты провалился на экзаменах!

Когда она так меня пилила, я чувствовал себя потерянным. Что стало с идеалистичной, страстной революционеркой, которую я когда-то знал?

Конечно, я понимал, что Шень Цянь не виновата. Все дело было в бесконечной рутине жизни. Оказалось, что мир – не сказка и не приключение, а мы в нем – не главные герои. Какими бы ни были наши надежды и идеалы, мы могли надеяться только на то, чтобы выжить.

Поскольку в то время я был подавлен, то, чтобы развеяться, я начал читать художественную литературу и увлекся историями в жанре «уся». В то время по телевизору показывали очень популярный сериал «Легенда о героях-кондорах», ремейк, сделанный в Гонконге. В детстве я видел его более старую версию, но мне показалось, что ремейк лучше, даже несмотря на то, что бюджет у него был скромный. Я одалживал у друзей книги «уся» Цзинь Юна, Гу Луна, Лян Юшена; я бы почитал и Хуана И, но нигде не нашел его книг[15]. Сяобао уже достаточно подрос и мог каждый день повторять «Восемнадцать приемов укрощения дракона» вместе с телегероями. Увидев это, Шень Цянь разозлилась и сказала, что я порчу мозг ребенку. Мне пришлось читать что-то другое.

Научная фантастика тоже пользовалась популярностью. Книга Е Юнли «Маленький всезнайка путешествует по будущему» разошлась многомиллионными тиражами, и книга Чжен Венгуана «К созвездию Стрельца» тоже разлеталась с прилавков. Постепенно я стал фанатом научной фантастики – только она позволяла мне освободиться от тягот повседневной жизни и получить немного удовольствия. Я очень сожалел, что китайских фантастических произведений было немного, а зарубежных переводов – еще меньше. Вскоре я уже прочитал все, что смог найти.

Прочитанное стало источником вдохновения для меня самого, и в конце концов я написал книгу под названием «Маленький всезнайка путешествует по вселенной» – сиквел знаменитого произведения Е Юнли. Поначалу я давал рукопись только друзьям, но однажды познакомился с молодым человеком по имени Яо Хайцзюнь, и он помог мне получить разрешение господина Е и нашел для меня издателя. Эта книга принесла мне определенную известность, и меня даже назвали «восходящей звездой научной фантастики». Я написал еще одну книгу под названием «Маленький всезнайка путешествует по телу», цель которой состояла в том, чтобы поведать читателям интересные

факты о человеческом организме. К сожалению, эта книга вызвала большой скандал: одни утверждали, что я слишком много краду у Е Юнли, другие полагали, что мои произведения вызывают непристойные мысли и тем самым порочат репутацию китайской фантастики; третьи заявляли, что моя работа является примером капиталистического либерализма и содержит метафоры, критикующие коммунистическую партию…[16].

Я писал в довольно неспокойное время, когда разгорались дебаты по вопросам идеологии и даже возникали новые студенческие движения. Центральное руководство, скорее всего, хотело создать условия для еще одной чистки, поэтому приступило к избавлению общества от «духовной скверны». Я стал одной из жертв этого процесса, и меня сильно критиковали. К счастью, правительство не хотело, чтобы «очистка» вышла из-под контроля, и поэтому сильно меня не наказали, но возможность публиковаться я потерял. Мне пришлось вернуться к учебникам и снова готовиться к экзаменам в аспирантуру.

Только позднее я понял, как мне повезло. В стране также проходила кампания по «закручиванию гаек», которая коснулась всех сторон жизни: мелким воришкам давали смертные приговоры, людей, танцевавших в общественных местах, обвиняли в непристойном поведении. Лю Сяобо попал в беду из-за своих многочисленных любовниц: его приговорили к расстрелу. Когда Шень Цянь узнала об этом, у нее началась депрессия.

После таких интенсивных мер по наведению порядка общество стало еще более консервативным. Многое из того, что раньше было обыденным – сожительство вне брака, поцелуи в общественных местах, ношение откровенной одежды и так далее, – теперь считали преступлением. Я больше не смел писать на «острые» темы. Так моя карьера писателя подошла к концу.

9

За черной полосой следует белая, а за неудачей может последовать удача. Оказалось, что одному известному профессору очень понравились мои романы, и он настоял, чтобы меня приняли. В результате я стал его аспирантом и на следующий год продолжил учебу.

По совету наставника я выбрал своей темой экзистенциализм Сартра. Его изучали многие, однако серьезного анализа его произведений еще никто не провел. После стольких лет, потраченных на блуждания, я наслаждался возможностью

заняться исследованиями. Я прочел много иностранных книг в оригинале – я самостоятельно выучил французский – и опубликовал несколько статей, которые были хорошо приняты. В конце концов, по рекомендации наставника, я получил драгоценный подарок – меня отправили учиться в знаменитом американском университете за счет государства.

Это был первый и последний раз, когда я жил за пределами Китая. Посещение страны на другой стороне Тихого океана, которую люди любили и ненавидели, стало для меня очень интересным опытом. Университет находился в Нью-Йорке, величайшем городе на Земле. В детстве я смотрел тысячи фильмов и сериалов, действие которых проходило в Нью-Йорке: «Пекинец в Нью-Йорке», «Годзилла»… и я давно мечтал там побывать. Виды города и достопримечательности – небоскребы, мосты, шоссе, метро – подавляли.

Я вспомнил Пекин своего детства – процветающий город, который можно было сравнить с Нью-Йорком. По какой-то причине через несколько десятилетий Нью-Йорк остался современным мегаполисом, а Пекин стремительно пришел в упадок. В Америке я увидел многие товары, которые уже давно исчезли в Китае: кока-колу, «KFC», «Нескафе»… С этими брендами я вырос и поэтому сейчас испытал ностальгию. Я наконец понял, почему столько людей уезжали из Китая в США и не возвращались.

Однако я видел и признаки того, что в Америке начался упадок. Когда я жил там, в прокат недавно вышел новый фильм – «Звездные войны – эпизод IV: Новая надежда». Я вспомнил, как много лет назад смотрел эпизоды с первого по третий и как мне хотелось узнать, что же будет дальше. Чтобы заново пережить чудесные мгновения детства, я купил дорогой билет. Но 4-й эпизод оказался куда менее зрелищным, чем три предыдущих, а спецэффекты в нем были настолько скверные, что я почти видел веревочки, к которым привязаны космические корабли. Я был очень разочарован. Похоже, «холодная война» истощила запасы ресурсов США в ходе гонки вооружений и экономика страны сейчас находилась в не очень хорошем состоянии.

По сравнению с прошлыми годами, возможности поехать в США из Китая уменьшились. Посетить Америку самостоятельно было почти невозможно, и даже командировки за казенный счет стали редкостью. Во всем университете была лишь горстка китайцев с материка. По случаю моего прибытия они устроили вечеринку; пока мы угощались картошкой фри, меня спрашивали о том, как дела в Китае. Поскольку международная почта шла до адресата почти месяц, а звонить по телефону было крайне

неудобно, экспатрианты узнавали о Китае в основном из новостей на английском языке, а они освещали такой узкий спектр жизни, что с таким же успехом можно было изучать берег, наблюдая за несколькими камешками. Мы вспоминали о нашем детстве, когда могли общаться с друзьями в другом конце земного шара, просто открыв окно интернет-браузера. Нам казалось, что все это было в другую эпоху, в другом мире.

Когда мы обсуждали слухи о передаче власти от Дэн Сяопина Хуа Гофэну, «темной лошадке», про которого мало кто знал, кто-то позвонил в дверь. Какая-то женщина встала и сказала: «О, наверное, это…» – но имя я не расслышал. Она открыла дверь, и в комнату, опираясь на трость, вошла женщина. Я с любопытством взглянул на нее и замер, увидев ее лицо.

Она смотрела на меня, но не могла вымолвить ни слова.

Это был сон. Сон.

Цици, моя Цици.

В тот момент все вокруг меня – нет, вся вселенная – исчезло. Остались только Цици и я между небом и землей. Мы смотрели друг на друга, и наши глаза говорили то, что не могли сказать губы. Судьба жестоко подшутила над нами. После более чем десяти лет тягот и испытаний мы снова встретились на другом берегу Тихого океана.

Дрожа, мы подошли друг к другу, обнялись так крепко, словно от этого зависела наша жизнь, и зарыдали. Все остальные поняли, что происходит нечто экстраординарное, и удалились, оставив нас наедине.

Цици сказала мне, что в ту ночь ее ранили и она потеряла сознание. Когда она очнулась, она увидела проезжавшую мимо машину и закричала, зовя на помощь. Из машины вышли иностранцы, и она снова потеряла сознание… Оказалось, что машина принадлежала американской съемочной группе: телевизионщики прибыли, чтобы снимать репортаж в прямом эфире, но опасность вынудила их отступить. Они отвезли Цици в американское посольство, и там врачи ее перевязали.

Позднее Цици встретила Чай Лин и других студентов, которые прятались в посольстве. Они сказали ей, что я погиб. Пока Цици выздоравливала, пришла новость о том, что ей предоставлено политическое убежище. Находясь под защитой посольства, Цици покинула Пекин, город печалей, и вместе с остальными диссидентами прибыла в Нью-Йорк.

Поначалу Цици не знала, какая обстановка в Китае, и не хотела обращаться к своим знакомым, чтобы не причинить им вреда. Через несколько лет Цици удалось однажды приехать в Шанхай и навестить свою мать. Та сказала ей, что я женился и

живу в Гуанчжоу. Чтобы не тревожить меня, Цици попросила мать ничего не рассказывать мне о ней.

из-за полученных ран она навсегда осталась хромой и потеряла возможность иметь детей. Здесь, в Штатах, она оказалась без поддержки и поэтому вышла замуж за какого-то старика, который бил и унижал ее. Она развелась с ним, а затем сумела получить стипендию и приехала учиться в этом университете.

Мы всю ночь рассказывали друг другу о том, что произошло с нами за эти годы, а затем обнялись и заплакали. Десять лучших лет нашей жизни мы потеряли из-за превратностей судьбы. Бесчисленное множество раз я повторял: «Прости», но что это могло изменить? Я поклялся, что всю оставшуюся жизнь буду заглаживать свою вину перед ней, буду дарить ей счастье, которое должно было принадлежать ей по праву.

Мы, естественно, поселились вместе, не обращая внимания на пересуды. Мы почти не разлучались, пытаясь наверстать то, что утратили в юности. Цици уже получила гринкарту, и пока я был с ней, я мог оставаться в Соединенных Штатах. Так как китайско-американские отношения еще больше ухудшились и Китай вступил в войну с Вьетнамом, Цици призывала меня остаться. Но я не мог забыть о Шень Цянь и моем сыне. С тех пор как я поступил в аспирантуру, Шень Цянь жила словно мать-одиночка; она с трудом могла содержать семью, надеясь только на то, что когда-нибудь я добьюсь успеха. Просто бросить ее я не мог: это казалось мне непростительным предательством.

Хотя мы с Цици в какой-то мере обрели счастье, на сердце у меня было неспокойно. Но я вел себя как трус – радовался тому, что происходит сейчас, и не смел думать о решении, которое мне предстояло принять.

10

В Нью-Йорке я провел больше года. Когда наша жизнь немного успокоилась, я ушел с головой в работу. Я прочел много книг, посвященных теории литературы, политике и философии, и чувствовал, что уровень моего понимания растет не по дням, а по часам. Я часто вывозил Цици в Бэттери-Парк; там мы смотрели на видневшуюся вдали статую Свободы и обсуждали судьбу Китая и будущее всего мира.

Мой американский наставник высоко ценил мои статьи. Он сказал, что в университете есть вакансия преподавателя, которая прекрасно бы мне подошла. Если бы я получил эту работу, то

смог бы остаться в Соединенных Штатах и дописать диссертацию. Обрадовавшись, я немедленно написал заявление с просьбой назначить меня на эту должность. Но мне пришло письмо от Шень Цянь.

В мире нет стен, в которых нет ни одной трещины. Нас с Шень Цянь разделял Тихий океан, но слухи о нас с Цици добрались и до Китая. В своем письме моя жена вежливо, но твердо потребовала объяснений. После долгих раздумий я наконец решил ненадолго вернуться в Китай и объяснить ей ситуацию.

Цици хотела поехать со мной, но я попросил ее остаться. Если она появится на пороге вместе со мной, Шень Цянь может не выдержать, а мне хотелось поговорить с Шень Цянь наедине. Мы попрощались в аэропорту; Цици в ярко-зеленой куртке и с тростью в руках прислонилась к ограждению и стала смотреть, как я прохожу паспортный контроль. Я обернулся, чтобы посмотреть на нее.

Она была похожа на превратившуюся в камень женщину из легенды. Даже несколько десятилетий спустя ее взгляд и ее облик остались в моем сердце, словно их выжгли раскаленным железом.

Шень Цянь обрадовалась, увидев меня. Про свое письмо она ни разу не упомянула. Надев фартук, она сновала из кухни в комнату и обратно, готовила мои любимые блюда, часть из которых в США были недоступны: жареную свинину с соевой пастой, свинину с ростками бамбука, курицу с грибами… За обедом она не спрашивала о том, как я жил в США, а говорила только о местных новостях: теперь большинство товаров продавалось только по карточкам; крестьянам запретили владеть участками земли и заставили работать сообща в коммунах; в ее газете началась дискуссия о том, кто главный авторитет в марксистской философии… Сяобао играл у моих ног; игрушечный робот, которого я ему привез, привел его в полный восторг. Глядя на невинное лицо сына и на милую жену, я просто не мог заставить себя произнести слово «развод».

Когда мы легли спать, Шень Цянь обняла меня и страстно поцеловала. Собрав волю в кулак, я осторожно отстранился.

– Цянь, я должен тебе кое-что сказать.

– К чему такая спешка? – прошептала она и снова обвила мою шею руками. – Ночь только начинается. Может, сначала…

– Я хочу развестись, – выпалил я, не в силах больше сдерживаться.

Она напряглась.

– Прекрати. Это не смешно.

– Я не шучу. Цици в Америке, и мы… – Я не мог продолжать,

но Шень Цянь все поняла.

– Ты принял решение? – Она села.

– Да.

– Понимаю. – В ее глазах вспыхнул гнев, а голос постепенно стал резким. – Я знаю, что ты жил с Чжао Ци и что раньше вы были вместе. Я знала это еще десять лет назад! Но как же я? Как же все эти годы, которые я вложила в этот брак? Если бы я не горбатилась, чтобы обеспечить семью, думаешь, у тебя появился бы шанс уехать из Китая и встретиться со своей бывшей возлюбленной? А теперь ты наконец добился успеха и хочешь выкинуть меня, словно старый башмак?

– Нет! Послушай… Я о тебе позабочусь… Я заплачу тебе… – У меня была заготовлена целая речь, но сейчас я не мог вспомнить ни слова, а то, что я говорил, звучало так холодно, так бессердечно. Я ненавидел себя за лицемерие и бестактность.

Шень Цянь зло рассмеялась. Она выскользнула из постели и, даже не надев туфель, вышла из комнаты.

– Ты куда? Сейчас же ночь! – Я испугался, что она выйдет из квартиры, и тоже вскочил.

Она вышла на балкон и заперла за собой дверь. Она стояла лицом ко мне, спрятав руки за спиной. Белая ночная рубашка колыхалась на ветру, а сама Шень Цянь выглядела словно привидение в ночи. Мысль о том, что она собирается прыгнуть, привела меня в ужас.

– Пожалуйста, не надо! – взмолился я. – Давай поговорим.

– А чего ты боишься? – насмешливо спросила Шень Цянь. – Разве моя смерть – не идеальный вариант для тебя и Чжао Ци? Не волнуйся, я не исполню твое желание.

Она взмахнула руками и выбросила что-то с балкона. Я увидел, как по воздуху, словно снежинки, поплыли клочки бумаги.

Мой паспорт и другие документы.

Наша ссора разбудила Сяобао, и он заплакал.

Шень Цянь забрала Сяобао и уехала к родителям. На следующий день ее отец, мать и дядя пришли к нам домой и стали орать на меня. Мне пришлось спрятаться в моей комнате. Утаить подобную историю было невозможно, и вскоре о ней узнали все мои соседи и коллеги по университету. Слухи обо мне распространялись и мутировали: кто-то утверждал, что за границей я познакомился с богатой и влиятельной женщиной и поэтому теперь собираюсь бросить жену с ребенком, словно злодей в одной из старых народных опер. Я тяжело переживал всеобщее осуждение, а когда выходил из дома, то чувствовал, как люди указывают на меня пальцем. Даже мой наставник, которого

я уважал и любил, сурово отчитал меня, и я не мог найти слов в свое оправдание. Мой отец из-за этой истории заболел.

Вот так жизнь делала тебя беспомощным: если ты пытался плыть против ее течения, то постоянно сталкивался с сопротивлением. Я жалел о том, что вернулся: все было бы проще, если бы я нашел в себе силы остаться за границей. А уехать я уже не мог: для восстановления паспорта требовалось собрать огромное количество бумаг, а теперь, когда моя репутация была подорвана, я не мог даже получить рекомендательное письмо от своего факультета. Я застрял: у меня не было сил, чтобы бороться дальше, но и сдаваться я не желал.

Прошло полгода, прежде чем ситуация изменилась. Да, Шень Цянь меня ненавидела, но она не собиралась приковывать нас друг к другу кандалами до самой смерти. Она дала согласие на развод, но потребовала, чтобы наш сын остался с ней. Я согласился и, кроме того, пообещал платить ей алименты. Наконец, когда все было улажено, я позвонил Цици. Она страшно обрадовалась, услышав эту новость. Так как я все еще не мог выехать из страны, она сказала, что в следующем месяце приедет, чтобы мы могли пожениться в Китае, а затем вместе уехать.

Я ждал и ждал, когда она прилетит, но этого так и не произошло.

А в следующем месяце началась эпоха Мао Цзэдуна.

11

Много лет правительство придерживалось принципа «покупай, а не строй». Это создало фасад процветания, однако подорвало промышленную инфраструктуру Китая. Разрыв между богатыми и бедными увеличивался, а с ним росла злость народа на действия правительства. Повсюду в Китае упоминали одно имя; оно, словно призрак, бродило по стране и постепенно обретало известность. Люди говорили: «Этот человек подарит Китаю надежду».

Его звали Мао Цзэдун. Несколько лет назад он занимал пост секретаря комитета партии в провинции Сычуань и жил в ее столице, городе Чунцин. Он организовал несколько кампаний под общим лозунгом «Пой красные песни, сокрушай черные силы», которые включали в себя публичные проявления коммунистического энтузиазма и активное вмешательство правительства в жизнь общества, и они привели Чунцин к процветанию. Его поддерживали многие люди, особенно бедные крестьяне. Идеи Мао Цзэдуна сильно повлияли на Хуа Гофэна,

будущего верховного лидера Китая, и как только Хуа пришел к власти, он начал Великую пролетарскую культурную революцию, чтобы мобилизовать народ и очистить коммунистическую партию от проникших в нее капиталистов. Массовые движения прокатились по всей стране, и за одну ночь власть в Китае была перераспределена. Дэн Сяопин, Е Цзяньин, Ху Яобан и другие из их фракции лишились влияния, и при поддержке всей страны Мао Цзэдун был избран председателем коммунистической партии.

После этого Мао продолжил культурную революцию и сосредоточился на критике Дэна и правых уклонистов, и особенно на политической философии Дэна, которого он называл «раб иностранцев». Мао отказался от политики открытости Китая, которую проводил Дэн, и фактически отрезал Китай от остального мира. Вскоре после этого Соединенные Штаты разорвали все дипломатические отношения с Китаем. Я больше не мог уехать в Америку, а Цици больше не могла приехать в Китай.

Так история снова разлучила нас.

На первых этапах культурной революции культ личности Мао был невероятно силен, однако само движение оставалось достаточно мирным. По рекомендации наставника я после аспирантуры стал преподавателем университета, и хотя высшие учебные заведения уже не принимали студентов, а социальный статус интеллектуалов упал, я, по крайней мере, мог зарабатывать на жизнь, сочиняя теоретические статьи о марксизме-ленинизме, критикуя традиционную философию конфуцианства и заново интерпретируя китайскую историю через призму коммунистического мировоззрения в соответствии с требованиями центрального руководства. Кроме того, из-за культурной революции мой бракоразводный процесс был приостановлен; мы с Шень Цянь снова стали жить вместе, стараясь сохранять хорошие отношения.

Год за годом мы ходили на работу, мы возвращались домой, мы изучали необходимые политические тексты. Революция одерживала одну победу за другой, о чем публично объявлялось при каждом удобном случае, но сама жизнь стала похожа на стоячий водоем с тухлой водой. В эти годы нам даже не разрешали носить яркую одежду. Все виды культуры и развлечений были запрещены, поскольку они подверглись разлагающему воздействию американских капиталистов или советских ревизионистов; исключение составили только восемь революционных опер. Однажды я нашел в общественном туалете грязный, порванный экземпляр книги «Гарри Поттер и

философский камень», и у меня из глаз потекли слезы. Я отнес книгу домой и тайно прочел несколько раз, но в конце концов испугался обвинений в хранении контрабанды и сжег ее.

Иногда, изучая очередные директивы вождя, я думал: «Что стало с эпохами, в которые я жил? Когда я был молодым человеком, все носили брюки-клеш и повсюду сновали «спекулянты»; когда я был подростком, по телевизору показывали драмы из Гонконга и Тайваня; когда я был совсем маленьким, то мог играть по сети, смотреть новейшие голливудские фильмы, у нас была Олимпиада и 3D-фильмы… Действительно ли это время существовало? Откуда оно пришло и куда ушло? Или это просто сон?

Возможно, все это – игра, в которую играет время. Что есть время? Есть ли что-либо, кроме небытия? Небытие было до нас, и оно будет после нас.

Иногда посреди ночи я думал о любимой женщине на другом берегу Тихого океана, и мое тело пронзала боль. Те дни, когда я едва не сошел с ума от любви, когда я был чужаком в чужом краю, казались мне такими настоящими, но при этом очень походили на фантазию. Что бы произошло, если бы я послушался Цици и остался в Америке? Стал бы я счастливее или просто утонул бы в более глубокой иллюзии?

По крайней мере, тогда я бы жил с любимым человеком.

В реальности Америка тоже не была раем. Газета «Жэньминьжибао» писала, что Соединенные Штаты подсели на иглу милитаризма и поэтому увязли в войне с Вьетнамом. Внутри самой Америки усиливались межрасовые конфликты, а кризис на Ближнем Востоке привел к нехватке нефти. Дни капиталистов у власти были сочтены, и радикальные левые движения в США набирали силу.

А советский лагерь тем временем с каждым днем становился все сильнее. «Холодная война» накалялась, и почти на каждом континенте две сверхдержавы вели между собой опосредованную войну с помощью своих марионеток. В морских глубинах патрулировали подводные лодки с баллистическими ядерными ракетами на борту, и каждая боеголовка такой ракеты была способна уничтожить крупный город. Еще больше ракет сидели в своих шахтах и ждали приказа, чтобы отправиться в полет и обрушиться на нас. Сама смерть висела у нас над головой, угрожая отправить все человечество в ад. Китаец ты или американец, но в конце концов тебя ждало одно и то же.

Иногда я вспоминал слухи о конце света, которые доходили до меня в детстве. Возможно, пророчество сбылось – но, вероятно, апокалипсис наступил не в один миг, а опускался на нас в

течение десятилетий. Или, быть может, к моменту моего рождения мир уже был уничтожен и все, что я пережил, – просто тень фантазии, которая медленно рассеивается. Кто знает?

На четвертом году культурной революции я получил письмо из США. Один вид американских марок меня напугал, ведь переписка с иностранцами подвергалась тщательному надзору. Однако содержание письма казалось довольно безобидным; текст состоял из короткого приветствия, которое в какой-то необычной манере было связано с революционной риторикой.

Товарищ Се Баошен.

Во-первых, позволь выразить самое искреннее желание, чтобы самое яркое, самое красное солнце в наших сердцах – председатель Мао – прожил десять тысяч лет! Как написал председатель в своем стихотворении: «Моря бушуют от гнева, континенты содрогаются от ярости!» В Америке, руководствуясь учением Председателя Мао Цзэдуна, левые революционеры и борцы за права человека заставили капиталистов с Уоллстрит содрогнуться от силы пробудившегося народа! Председатель Мао был абсолютно прав, когда написал, что революционная ситуация не просто хорошая, но великолепная!

Ну ладно. Как ты поживаешь?…

Письмо, конечно, было от Цици. Его доставили на мой факультет, и там его перехватил начальник отдела пропаганды. Он с подозрением прочел его и яростно посмотрел на меня.

– Се Баошен, глаза народа видят все! – Он хлопнул ладонью по столу. – А теперь признавайся: сколько у тебя контактов за рубежом? Какие тайны связывают тебя с женщиной, которая написала это письмо?

Я рассмеялся.

– Ну хватит. Ты прекрасно знаешь, что связывает меня и Цици. Давай сюда письмо.

По невероятному стечению обстоятельств я сейчас разговаривал со своим старым другом Хэйцзы. Раньше он был обычным рабочим, но после культурной революции стал служить в отделе пропаганды – и, в соответствии с распоряжениями председателя Мао, прибыл сюда, чтобы следить за работой моего университета. Так человек, у которого даже не было высшего образования, стал самой важной персоной в одном из престижнейших университетов Китая. Если бы не он, это письмо навлекло бы на меня беду[17].

Хэйцзы приказал мне сжечь письмо, когда я его прочту. Я снова и снова перечитывал послание Цици, пока не понял, что она пытается сказать мне между строк. Во-первых, она сообщала о

том, что закончила обучение и теперь преподает китайскую литературу в одном американском колледже. Во-вторых, она говорила, что все еще не замужем и хочет навестить меня в Китае. Я вздохнул и вытер глаза. Мы с Цици расстались пять лет назад, но она по-прежнему хотела быть со мной. Но что я мог сделать? Даже если она вернется, мы могли рассчитывать только на то, чтобы стать такими же, как герои «Второго рукопожатия» – запрещенного романа, рукописные экземпляры которого мы передавали друг другу. Герой и героиня этого романа могли только смотреть друг на друга, зная, что они никогда не будут вместе.

В конце концов, то, о чем я думал, не имело значения. Ответить на письмо Цици я не мог.

Вернувшись домой, я спрятал ее письмо в пачке документов. Я не хотел, чтобы его нашла Шень Цянь, но я и не мог заставить себя его сжечь и поэтому решил спрятать его между страницами книги «Сезон цветения, сезон дождей», которая тоже когда-то принадлежала Цици. Хотя сама книга тоже была примером феодального, капиталистического, ревизионистского мышления, я не мог даже помыслить о том, чтобы избавиться от нее. Я замотал книгу в старые тряпки и спрятал в сундук.

12

Я прекрасно понимал, что Цици не следует возвращаться, но мое эгоистичное сердце продолжало надеяться на встречу с ней. Примерно в то же время президент Никсон посетил Китай, надеясь создать альянс с Китаем против Советского Союза. Когда китайско-американские отношения улучшились, во мне снова вспыхнула надежда. Однако Никсон и Мао не сумели договориться, и это так разозлило американцев, что они в отместку затеяли интригу в Совете безопасности ООН с целью исключить Китайскую Народную Республику и отдать ее место Тайваню как «законному» представителю всего Китая. Те слабые связи, которые еще существовали между США и Китаем, оказались полностью перерезаны.

Цици не вернулась, и я больше ничего о ней не слышал.

На шестом году культурной революции мой отец скончался. За несколько дней до его смерти Китай запустил на орбиту искусственный спутник «Алый восток». Со дня запуска предыдущего спутника прошло много лет, и по этому случаю устроили пышные празднества. Умирая, отец взял меня за руку и пробурчал:

– Когда я был молод, у Китая было столько спутников в космосе, что я со счета сбился. У нас даже были корабли с экипажами и космическая станция. Но теперь один крошечный спутник считают удивительным достижением. Что стало с миром?

Я ничего не мог ответить. Мир моего детства, мир, который существовал когда-то, теперь казался более невероятным, чем научная фантастика. Мой отец закрыл глаза и испустил дух.

Если честно, то какие-то прорывы в технологиях были. На следующий год американцы сумели высадиться на Луне в ходе полета «Аполлона» – беспрецедентное достижение, – и звездно-полосатый флаг теперь развевался на поверхности Луны, на глазах у потрясенного мира. Это была плохая новость для Китая. Председатель Мао заявил, что Китай должен возглавить революцию стран Третьего мира против развитых стран и Советского Союза. В результате в отношениях Китая с США и Советским Союзом возникла напряженность. Кроме того, у Китая возник пограничный конфликт с Советским Союзом относительно острова Даманский, и на международной арене моя страна оказалась в полной изоляции. О том, что американцы высадились на Луне, я узнал только потому, что тайно слушал запрещенные передачи американского радио.

Два года спустя мой сын из подростка стал юношей. Его поколение отличалось от моего. Сверстники моего сына не помнили времена Дэна, его реформы и относительную открытость общества. На них постоянно обрушивался поток пропаганды, которая прославляла Мао Цзэдуна. О западной культуре они почти ничего не знали, но также не имели почти никакого представления и о традиционной культуре Китая. Они, словно фанатики, поклонялись председателю Мао и верили, что должны умереть, чтобы защитить его революцию. Они страстно заявляли, что будут сражаться до тех пор, пока не пробьют стены Кремля, пока не сровняют с землей Белый дом, пока не освободят всех людей на земле.

Моему сыну не нравилось имя «Сяобао», которое означало «драгоценный», и он назвал себя «Вэйдун», что значит «защищай Восток». Он стал хунвэйбином и захотел бросить школу и отправиться с друзьями по стране с революционными рейдами, чтобы рассказывать всем о своем бунте против властей. Нам с Шень Цянь совсем не нравилась эта мысль, но ее продвигало в массы центральное руководство. Как только мы начали возражать, наш сын достал цитатник Мао и осудил нас, словно классовых врагов. Нам пришлось его отпустить.

Никто из нас не знал, что разразится еще более страшная буря.

Движение хунвэйбинов усиливалось; юноши и девушки шли против своих учителей, называя их «реакционными учеными». В каждом вузе хунвэйбины устраивали массовые сборища под названием «собрания борьбы», на которых мучили и осуждали этих «врагов революции». Мой наставник, знаменитый профессор, который учился за границей, естественно, стал одной из их жертв, и меня привели на собрание борьбы вместе с ним. Хунвэйбины обрили каждому из нас полголовы и надели на нас шутовские колпаки; затем нам завели руки за спину и подняли их вверх, чтобы мы поклонились революционным массам. Хунвэйбины выкрикивали оскорбления нам в лицо, а моего наставника били и пытали, пока он не потерял сознание. Только тогда собрание закончилось.

Я обнял своего старого учителя и звал его, но он не очнулся. Хэйцзы помог мне доставить его в больницу, но было уже поздно: через несколько дней он умер.

Хунвэйбины не удовлетворились смертью моего наставника. Они арестовали меня и потребовали, чтобы я сознался во всех прошлых грехах: на самом деле они имели в виду мое участие в протестах на площади Тяньаньмэнь двадцать лет назад. Я вступил с ними в спор, используя приобретенные во время обучения навыки ведения дискуссий: «Я протестовал против темного пути, по которому Дэн хотел повести Китай. Мы говорили громко, писали наши заявления открыто, мы требовали установить истинную революционную демократию. Нас поддержали народные массы Пекина, обычные рабочие, которые тоже стали частью движения. Как вы можете называть такие протесты контрреволюционными?»

Хунвэйбины обладали достаточным опытом, чтобы побеждать в таких дебатах. Они не могли уличить меня и в контактах с заграницей, потому что я сжег или спрятал все, что имело отношение к Америке, и никаких доказательств моей связи с Цици не осталось. Но, скорее всего, в итоге меня спасла моя дружба с Хэйцзы.

Когда меня наконец отпустили и разрешили пойти домой, я узнал, что Шень Цянь увели революционные бунтари, которые захватили ее газету.

Оказалось, что кто-то из сотрудников газеты написал огромный дацзыбао, посвященный давнему роману Шень Цянь и Лю Сяобо. Лю Сяобо, без сомнения, был одним из худших контрреволюционеров: он заявлял, что Китай могут спасти только три века западной колонизации; он написал капиталистический опус под названием «Хартия-08»; он был абсолютно порочен и неразборчив в своих сексуальных связях. Хотя он уже умер, его

влияние сохранилось. Так как Шень Цянь несколько лет была его любовницей, она наверняка знала многие из его тайн. У хунвэйбинов слюнки текли при мысли о том, что они смогут допросить одну из любовниц Лю. Они посадили ее в «коровник» – тюрьму, которую они устроили в редакции газеты, – и потребовали, чтобы она написала признание.

Шень Цянь держали под замком целую неделю и ни разу не разрешили мне ее повидать. Когда она вернулась, ее голова была полностью обрита, а руки покрыты шрамами. Она тупо уставилась на меня, словно не узнавая, но затем пришла в себя и разрыдалась. Я обнял ее.

Она никогда не рассказывала, что ей пришлось вытерпеть во время допросов, а я не спрашивал. Однако вскоре после этого многих людей, которые когда-то знали Лю Сяобо, арестовали и стали допрашивать; и, по слухам, основанием для обвинений служили показания Шень Цянь. Я знал, что не вправе упрекать Шень Цянь. В ту эпоху у нас была одна цель – выжить, а чистая совесть стала роскошью, которую мало кто мог себе позволить.

Так мы с Шень Цянь получили клеймо контрреволюционеров, и когда наш сын вернулся из революционного рейда, он узнал, что его родители – настоящие, закоренелые классовые враги. Это означало, что его самого теперь тоже будут считать запятнанным. Чтобы исправить ситуацию, он пошел в университет и повесил там дацзыбао, в которых отрекался от Шень Цянь и меня, а также перечислял так называемые «грехи», которые, по его мнению, мы совершили. На виду у всех он ударил меня по лицу и заявил, что больше не является моим сыном, а затем ушел, гордясь своей стойкостью и революционным пылом. Я тогда едва не потерял сознание от ярости.

Домой наш сын так и не вернулся. Мы несколько дней злились на него, но потом забеспокоились. Мы стали спрашивать у всех, не слышал ли кто о нем, но несколько месяцев ничего не могли узнать. Затем к нам в гости зашел Сяохэй, сын Хэйцзы, который дружил с моим сыном.

– Дядя Се… Я должен вам кое-что сообщить. Пожалуйста, сядьте.

Мне стало ясно: что-то случилось. Я сделал глубокий вдох и сказал:

– Говори.

– Вэйдун… он…

Мне показалось, что мое сердце проваливается куда-то вглубь, и перед глазами у меня все поплыло. Но я потребовал, чтобы он продолжил свой рассказ.

Мой сын и Сяохэй вступили в организацию хунвэйбинов под

названием «Бригада 14-го апреля». Мой сын стал командиром отряда, но из-за нас, его родителей, Сяобао разжаловали и едва не исключили. Чтобы доказать, что он окончательно порвал с нами и остался убежденным революционером, мой сын брался за самые опасные задания и всегда шел в атаку первым. Несколько дней назад его группировка вступила в бой с другим отрядом хунвэйбинов на территории университета; мой сын бросился вперед с ломом в руках, но другая сторона получила у армии винтовки… Грудь моего сына взорвалась, и он упал на землю…

Дальше Сяохэя я уже не слышал; перед глазами у меня почернело.

13

После смерти сына мы с Шень Цянь утратили всякую надежду и поседели практически в одночасье. Моя мать умерла от шока и тоски. Хотя Шень Цянь и мне еще не было даже пятидесяти, мы выглядели значительно старше своих лет. Мы сидели в нашем доме, и нам нечего было сказать друг другу.

Как мы выжили в эти черные годы, я не знаю. Мне не очень хочется вспоминать это время. Мы, словно две рыбы, выброшенные на берег, пытались смачивать жабры друг друга пеной, которая шла изо рта, но нас все равно ждала смерть от удушения.

Через год культурная революция закончилась.

Мао решил сойти со сцены, и президентом Китая стал Лю Шаоци. Работая вместе с премьер-министром Чжоу Энлаем, Лю попытался восстановить экономику и с этой целью ввел ограниченно свободный рынок, а также стал раздавать земли семьям, а не коммунам. Страна постепенно восстанавливалась, и университеты снова открыли свои двери для новых студентов. К интеллектуалам стали относиться лучше, и спустя несколько лет нас с Шень Цянь реабилитировали и уже больше не называли правыми реакционерами.

После десяти лет культурной революции преподавательский состав был в значительной степени истреблен, и на моем факультете не хватало квалифицированных преподавателей. Я пользовался уважением коллег и обладал многолетним опытом, но так как я не был членом коммунистической партии (из-за моего прошлого в политике), карьеру мне сделать не давали. Набравшись храбрости, я написал письмо властям, в котором потребовал, чтобы страна лучше использовала тех немногих интеллектуалов, которые у нее еще остались, однако ответа так и

не получил.

Год спустя, когда почти все надежды во мне умерли, моя судьба вновь сделала крутой поворот: меня сделали профессором, приняли в коммунистическую партию – и, что еще более удивительно, подавляющим большинством голосов избрали деканом факультета.

Занимая высокий пост, я сумел познакомиться с некоторыми представителями интеллектуальной элиты. Однажды мне довелось беседовать с Го Можо, президентом Китайской академии наук. Он сказал мне по секрету, что премьер-министр Чжоу Энлай прочел мое письмо и приказал повысить меня в должности, не обращая внимания на мою подпорченную репутацию. Го посоветовал мне упорно трудиться и не разочаровывать премьер-министра. Чуть позже премьер-министр посетил наш университет и попросил устроить ему встречу именно со мной. Я, встревоженный подобным вниманием, поблагодарил его. Увидев мое лицо, премьер-министр рассмеялся и сказал:

– Товарищ Баошен, наша страна пытается снова встать на ноги, и нам нужно сосредоточиться на науке и технологии. Я знаю, что вы талантливый человек и вроде бы когда-то писали научную фантастику. Может, продолжите? Пусть наша молодежь снова заинтересуется наукой.

Так как и премьер-министр, и Го Можо дали мне зеленый свет, написанные мной романы были переизданы. У читателей давно не было доступа к подобным книгам, и поэтому реакция на них была ошеломляющей. Журналы начали обращаться ко мне за новыми рассказами, и в итоге я опубликовал несколько сборников. Поклонники называли меня «знаменитым писателем».

Я прекрасно знал, что эти новые истории гораздо хуже старых, но уже не смел писать на политические темы. Мои новые произведения прославляли существующий режим, не предлагая ничего нового. Но кто сказал, что этот мир справедлив? Я знал, что за оставшийся период карьеры я вряд ли добьюсь значительных успехов. Я решил воспользоваться своим влиянием, чтобы помочь талантливой молодежи, и поэтому стал активно участвовать в общественно-политических мероприятиях.

Но хорошие дни быстро прошли, и вскоре в жизни страны началась новая черная полоса. Китай провел еще одно испытание ядерного оружия, после чего Советский Союз и США снова наложили на нашу страну санкции. Возникла нехватка продовольствия, и правительство уменьшило нормы выдачи продуктов по карточкам. Улицы были переполнены голодными людьми, и поговаривали, что даже председатель Мао перестал есть мясо.

Даже тогда нам, жителям больших городов, повезло. Хэйцзы рассказывал, что в деревнях люди умирают от голода, но, поскольку подобные новости никто не публиковал и обсуждать их мы тоже не смели, никто не знал, как обстоят дела в реальности. Хотя культурная революция закончилась, политический климат был все еще очень напряженным: по слухам, после того как маршал Пэн Дэхуай посмел покритиковать официальную политику на Лушаньском пленуме, его сурово покарали.

На следующий год умерла Шень Цянь – нет, не от голода, а от рака печени. Она, жена высокопоставленного интеллектуала, могла бы получить курс лечения, который продлил бы ее жизнь, но она отказалась.

– Мы оставались вместе… все эти годы… Жизнь была такой утомительной, да? Мы как те две рыбы… из притчи даосов… вместо того чтобы не давать друг другу погибнуть на суше, может, было бы лучше… если бы мы вообще друг друга не знали и жили свободно в реках и озерах? Не печалься… Я не жалею о том, что ухожу…

Я держал ее за руку. Слезы душили меня. Я вспомнил детство: в средней школе все твердили, что мы с Шень Цянь пара, потому что нам выпало вместе делать уборку в классе, но она не нравилась мне, а я – ей. Разговаривать друг с другом мы отказывались, и поэтому работать вместе нам было очень неловко. Однажды я мыл окна, стоя на стуле, но вдруг оступился и начал падать. Она подбежала, чтобы помочь мне, и в результате я упал на нее. Когда мы ковыляли к школьной медсестре, до нас вдруг дошла вся нелепость ситуации: мы рассмеялись и стали во всем винить друг друга… Это почти забытое воспоминание теперь казалось прообразом нашей совместной жизни.

– Мне очень хочется… снова услышать ту старую песню, – прошептала Шень Цянь. – Я так давно ее не слышала. Можешь… спеть ее?

Я знал, какую песню она имела в виду: «Дождь, град или солнце» тайваньского певца Вакина Чау. В старшей школе мы постоянно ее пели. Большую часть текста я забыл и мог лишь вспомнить несколько строк про любовь, про боль и радость, которые мечты подарили нам, про сожаление. Я запел дрожащим голосом; по моему лицу текли слезы, а мой треснувший голос звучал совсем не музыкально.

Шень Цянь уже не могла издавать звуки, но все равно шевелила губами вслед за мной и погрузилась в неслышную музыку прошлого. Лучи заходящего солнца окружили ее осунувшееся лицо золотым сиянием.

Мы пели вместе очень, очень долго.

Голодные годы наконец завершились. Советский Союз и Китай восстановили узы дружбы, и торговля между нашими странами активизировалась. Советский Союз оказал нам большую помощь, и наша экономика стала постепенно выздоравливать. Но мне уже было почти шестьдесят, а по моим ощущениям – еще больше. Я ушел в отставку с поста декана факультета, намереваясь посвятить остаток дней написанию книг. Но меня назначили заместителем декана университета, и, кроме того, я стал членом комитета Союза китайских писателей. Меня также выбрали делегатом Всекитайского собрания народных представителей. Работать над книгами было некогда.

Однажды мне позвонил министр культуры Мао Дунь.

– Премьер-министр просит вас присутствовать на важном дипломатическом приеме. К нам приехала группа западных писателей-авангардистов, и ему кажется, что одного из них вы знаете.

– Кого?

– Подробностей я не знаю. Я пришлю за вами машину.

В тот вечер машина отвезла меня в гостиницу «Пекин»; там находился один из лучших ресторанов страны, где готовили блюда западной кухни. В ресторане уже собралось много важных людей, в том числе премьер-министр, который произнес приветственную речь. Разглядывая зарубежных гостей, я заметил писателя, которого должен был сразу узнать. Я глазам своим не верил.

После нескольких скучных речей и обеда наконец настало время для общения. Я подошел к этому человеку и обратился к нему на своем ужасном французском:

– Добрый вечер, месье Сартр.

Он с любопытством взглянул на меня из-за очков с толстыми стеклами и дружелюбно мне улыбнулся.

Я переключился на английский и представился, а затем сказал ему, как я восхищаюсь его книгой «Бытие и ничто» и что я написал о ней несколько статей. Я и не рассчитывал когда-нибудь встретить его в Китае.

– Не думал, что кого-то в Китае интересуют мои работы, – удивленно заметил Сартр.

Я заговорил тише:

– До культурной революции ваши работы пользовались большой популярностью в Китае. Многие были просто заворожены вашими словами. Я не могу утверждать, что в полной мере понимаю вашу философию, однако я всегда пытался

исследовать мир с ее помощью.

– Для меня это большая честь. Но вам не следует так высоко оценивать мои слова. Самое драгоценное – это ваши собственные мысли о мире. Более того, на свете есть только одна важная вещь – это само мышление. Если честно, то я удивлен. Я думал, что вы социалист.

Я печально улыбнулся.

– Социализм – это наша жизнь, но данная форма жизни превратила меня и многих других в экзистенциалистов. Возможно, в этом отношении две философии связаны друг с другом.

– Что вы думаете об экзистенциализме?

– Говоря вашими словами, «существование предшествует сущности». Мир появляется из пропасти, в которой нет сущности; он ни от чего не зависит, если не считать времени, и не имеет смысла. Все смыслы появляются уже после самого мира, и они фундаментально абсурдны. С этим я согласен. Существование мира… абсурдно.

Я помолчал, а затем, набравшись храбрости, продолжил излагать загадку, которая не давала мне покоя уже много лет:

– Посмотрите на наш мир! Откуда он пришел? Куда он идет? Когда я родился, интернет уже соединил все части земного шара, а нашу страну расчертили пути высокоскоростных поездов. Полки магазинов ломились любыми товарами, о которых только можно мечтать, выходило бесчисленное множество романов, фильмов, телесериалов… Все мечтали о более чудесном будущем. Но теперь… Сеть и мобильные телефоны давно исчезли, и телевидение тоже. Мы, похоже, живем в мире, который движется в обратном направлении. Разве это не абсурдно? Возможно, все дело в том, что наше существование вообще лишено смысла.

– Кажется, я понимаю, что вас тревожит, – с улыбкой ответил Сартр. – Но я не понимаю, почему данное состояние кажется вам абсурдным.

– Если существование мира имеет смысл, то не кажется ли вам, что мир должен двигаться вперед? В противном случае, какой смысл в людских усилиях? Этот мир похож на искаженную тень какой-то иной реальности.

Сартр покачал головой:

– Я знаю, что в Китае когда-то жил философ по имени Чжуанцзы. Он рассказал такую историю: если дать обезьяне три ореха утром и четыре ореха вечером, обезьяна огорчится. Но дай обезьяне четыре ореха утром и только три вечером, и обезьяна будет в восторге. Как вы считаете, обезьяна глупая?

– Ээ… да. Для китайцев обезьяна Чжуанцзы – символ

глупости.

Глаза Сартра озорно заблестели.

– Но чем мы отличаемся от этой обезьяны? Разве мы добиваемся какого-то «правильного» порядка исторических событий? Если поменять местами счастье и несчастье, то все покажется вам «нормальным»? Если в истории существует зло, исчезнет ли оно, если просто поменять события местами?

Мне показалось, что я вот-вот пойму что-то важное, но я не мог это выразить словами.

Сартр продолжал:

– Прогресс не является постоянной величиной, он – просто временная фаза для этой вселенной. Я не ученый, но физики утверждают, что вселенная расширяется, а затем сжимается, а потом расширяется снова, словно подчиняясь космическим циклам, о которых говорили ваши философы-даосы. Время легко могло бы течь в другом направлении… или в одном из бесчисленного множества направлений. Возможно, события способны сложиться в любое число разных последовательностей, потому что время может выбирать из бесконечного числа вариантов. Вспомните афоризм Гераклита: «Время – это ребенок, играющий в кости; царская власть принадлежит ребенку».

– Ну и что? Какое бы направление ни выбрало время, какой у всего этого смысл? Мир существует. Его существование предшествует сущности, потому что само его существование уходит корнями в ничто. Это абсурдно вне зависимости от последовательности событий в нем. Возможно, вы правы – если бы время выбрало другое направление, вселенная бы сильно изменилась: человечество двигалось бы от тьмы к свету, от печали к радости, но такая вселенная была бы ничуть не лучше этой. В конце концов, радость – удел тех, кто рожден во времена радости, а страдание – удел тех, кто рожден во времена страданий. С точки зрения бога такие вселенные ничем не отличаются.

– Кое-кто утверждает, что, если между Советским Союзом и Соединенными Штатами начнется война, мир перестанет существовать. Но, по-моему, апокалипсис уже давно наступил. Он был с нами с того самого дня, когда родился этот мир, и мы так привыкли к апокалипсису, что уже его не замечаем. Конец света наступает не тогда, когда мир гибнет, а когда все происходящее вокруг нас теряет смысл. Мир вернулся в состояние первозданного хаоса, и у нас ничего нет.

Сартр остановился, словно ожидая услышать мой ответ. Я был совершенно сбит с толку и после долгих раздумий спросил:

– Тогда на что надеяться человечеству?

– Надежда всегда существовала и будет существовать, – торжественно заявил Сартр. – Но она – не будущее, потому что у времени нет неизбежного направления. Надежда – это настоящее: она в самом существовании, в пустоте. Истина пустоты – это свобода. Человек всегда обладает свободой выбора, и это единственное утешение, которое есть у человечества.

– Я понимаю, что это ваша теория. Но неужели вы думаете, что у человечества есть свобода выбора? – Мой голос зазвучал более резко. – Тридцать лет назад я оставил женщину, которую любил, на другом берегу океана и вернулся сюда. Я не знаю, где она и жива ли она еще. Могу ли я отправиться на ее поиски? Есть ли у меня выбор в этом? Несколько лет назад миллионы людей в нашей стране умерли от голода. Будь у них такая возможность, они все выбрали бы жизнь. Но могли ли они выжить? Я вам так скажу: многие достойные, великие люди выбрали коммунизм, полагая, что он избавит человечество от страданий, но посмотрите на то, к чему привел их выбор! Вы видели, что стало с Китаем? Свобода человечества – просто фантазия, слабое утешение. Наша жизнь – это отчаяние.

Какое-то время Сартр молчал. Затем он ответил:

– Возможно, вы правы. Смысл свободы в том, что выбирать вы можете всегда, однако нет гарантий, что ваш выбор станет реальностью. Может, это действительно слабое утешение, но кроме него у нас ничего нет.

Не знаю, действительно ли я понял Сартра или, может, он не мог четко выразить свои мысли. Он прожил в Китае более месяца, и мы с ним часто виделись. Он сказал, что обдумает мои слова и напишет новую книгу, но затем он уехал из Китая, и я его больше не видел.

15

Следующие несколько лет стали золотым веком в истории Китайской Народной Республики. Культурная революция превратилась в полузабытое воспоминание, и более поздние кампании по борьбе с реакционерами тоже были признаны историческими ошибками. Культурная жизнь становилась более оживленной и открытой, инакомыслие не подавлялось, и можно было выражать разные точки зрения. Центральное руководство изменило модель социалистической экономики в ходе новых демократических реформ и до некоторой степени разрешило частное предпринимательство. В отношениях между Советским Союзом и Китаем наступил медовый месяц, и благодаря помощи

СССР Китай объявил о начале нового пятилетнего плана крупномасштабного развития страны. Люди были взволнованы и с энтузиазмом уходили в работу. Мы снова начали мечтать о светлом будущем.

Но наши надежды прожили недолго: после кубинского кризиса «холодная война» снова обострилась. На Кубе американцы свергли Кастро, и к власти там пришел диктатор Батиста. Коммунистов изгнали из обеих Америк, и новой горячей точкой стал Корейский полуостров. Обе стороны скопили силы у 38-й параллели, и началась война – причем никто не знал, кто сделал первый выстрел. Китай не мог остаться в стороне, и юноши из Китая отправились в Корею воевать за республику.

Это был первый случай в современной истории, когда Китай и Соединенные Штаты Америки вступили в прямой вооруженный конфликт. Американцы выбрали момент в истории Китая, когда наша страна была наиболее слаба, когда она нуждалась в мире для того, чтобы набраться сил. Все указывало на то, что эту войну Китай проиграет. Однако произошло то, во что невозможно было поверить: китайские воины-добровольцы, у которых не было ничего, кроме храбрости, остановили американцев и отбросили их назад к 38-й параллели. Однако за это пришлось дорого заплатить. Говорят, что погибли сотни тысяч людей, а может, даже миллионы. Точного числа я не знаю, но, если учесть, что на этой войне погиб даже сын председателя Мао, можно представить себе, какой отчаянной была ситуация и какие ожесточенные шли бои.

Война обрушила нашу экономику. Цены взлетели до небес, и жизнь людей стала еще тяжелее. Недовольство действиями правительства росло, и в разговорах зазвучало давно запрещенное имя: Чан Кайши.

Он был убежденный антикоммунист. Хотя ситуация в Тайваньском проливе давно была напряженной в связи с подавляющим преимуществом материкового Китая над островом, лидеры Тайваня, де-факто – независимого государства, лишь пассивно сдерживали натиск с материка. Но двадцать лет назад, когда Чан Кайши пришел к власти, он заявил, что собирается захватить весь Китай. Так как на корейском фронте сложилась патовая ситуация, американцы начали убеждать Чана вступить в конфликт. Он объявил, что намерен исполнить свое давнее обещание.

При поддержке американцев истребители и боевые корабли Тайваня подошли к берегам Китая. Над Гуанчжоу, Шанхаем и другими крупными городами были сброшены листовки. Армия Тайваня вошла на территорию Бирмы и стала нападать на

пограничные посты китайской армии. Поговаривали, что часть провинции Юннань уже захвачена войсками Чана. Тибет объявил о своей независимости и перестал подчиняться приказам из Пекина. Бандиты под знаменами «Армии Гоминьдана» убивали людей и разоряли деревни. Шпионы начали расклеивать в городах плакаты, призывающие к борьбе с коммунистами.

В ответ правительство начало решительную борьбу с контрреволюционерами, но значительных успехов не добилось. Повсюду ходили жуткие слухи, вызывавшие беспокойство у населения. Центральное правительство подписало договор о перемирии с американцами и отвело армию в Китай, пытаясь стабилизировать ситуацию внутри страны.

Тогда Чан Кайши перешел в тотальное наступление. Мир с Тайванем, который длился всю мою жизнь, был нарушен, и в Китае началась гражданская война.

С помощью 7-го флота США армия Гоминьдана высадилась в Гуандуне, двинулась на север и захватила Нанкин. Центральное правительство перебросило войска, вернувшиеся из Кореи, на южный фронт, но войска устали воевать и массово сдавались в плен, поднимая флаг Китайской Республики – белое солнце на синем фоне. Менее чем за год все территории к югу от Янцзы оказались под властью Гоминьдана, и даже север, казалось, находился на грани катастрофы.

В то время я, благодаря связям в Советском Союзе, неожиданно получил экземпляр новой книги Сартра, в которой он описал свои впечатления о Китае. Кроме того, Сартр прислал мне большое письмо; в нем он излагал свои мысли, связанные с нашими разговорами. В тексте было много непонятных терминов, и его было сложно читать, однако меня потрясла фраза, почти мимоходом брошенная где-то в конце письма:

«Недавно ко мне в гости приехала американская исследовательница. Она родом из Китая. Ее зовут Чжао Ци, и она уже много десятков лет не была на родине…»

Цици! Моя Цици! Мир закружился у меня перед глазами. Я заставил себя успокоиться и стал читать дальше.

«Она – великолепный ученый. Она мечтает вернуться на родину, чтобы внести свой вклад в общее дело. В разговоре с ней я упомянул о вас, и она сказала, что хотела бы навестить вас в Пекине».

Затем в письме обсуждались другие вопросы, которые меня не интересовали.

Очень долго в моей голове царил полный хаос. Когда я наконец успокоился, то сообразил, что именно имел в виду Сартр. За тот месяц, который мы с ним общались, я рассказал ему про

Цици и попросил узнать что-нибудь о ней, если он когда-нибудь побывает в Соединенных Штатах. В своем письме он упоминал о Цици вскользь, будто совсем ее не знает. Так он сделал, чтобы защитить нас, если письмо попадет в чужие руки.

Важная новость состояла в том, что Цици собирается вернуться в Пекин и найти меня. Ранее Цици не могла приехать в Китай из-за «холодной войны», но если политическая ситуация изменится, то барьеры, разделяющие нас, рухнут.

На самом деле смысл сообщения Сартра был прост: «Если хотите снова увидеть Цици, найдите способ остаться в Пекине».

16

Пока я, не находя себе места от волнения, ждал в Пекине, мне сообщили еще одну шокирующую новость: Чан Кайши сказал, что Китайская Республика объявляет о своем суверенитете над всей территорией страны. Столица государства будет перенесена в Нанкин, а Пекин переименуют в Бэйпин. Чан Кайши поклялся перейти через Янцзы, истребить всех коммунистов и объединить Китай.

На следующий день ко мне пришел Хэйцзы. В руках он держал листовку.

– Да что с тобой такое? Почему ты еще здесь?

– А куда я должен идти? – озадаченно спросил я.

– Разве ты не знаешь? – Хэйцзы протянул мне листовку. – Сегодня эти листовки сбросил самолет националистов.

Я прочел текст листовки. В ней говорилось, что Гоминьдан одерживает одну победу за другой, продвигаясь на север, и что скоро он захватит Бэйпин. Правительство Китайской Республики обещало помиловать всех, за исключением главных военных преступников. Затем в листовке шел текст, в котором офицеров и солдат-коммунистов призывали сдаться.

– А я тут при чем? – спросил я.

– Посмотри на обороте.

Я перевернул лист бумаги. На обороте был напечатан список «главных коммунистов – военных преступников». Я просмотрел имена: Мао Цзэдун, Чжоу Энлай, Лю Шаоци – не менее сотни имен, в основном важных фигур партии правительства… Предпоследним был Го Можо, мой старый друг. Последнее имя в списке было еще более знакомым: Се Баошен.

– Что… здесь делает мое имя?

– Ну, разумеется, ты в списке. Ты же был деканом университета, генеральным секретарем Всекитайской ассоциации

работников литературы и искусства, членом комитета Народного политического консультативного совета Китая. Кроме того, ты постоянно появляешься на правительственных банкетах. Если брать сферу культуры, то вы с Го Можо – самые крупные птицы.

– Это просто почетные титулы. Я ничего такого не сделал.

– Если честно, то это не имеет значения. Им нужно имя, чтобы показать серьезность своих намерений, так почему бы не написать твое? – Хэйцзы вздохнул. – Говорят, что на юге Чан Кайши уже начал чистки. Всех, кто связан с коммунистами, казнят – вешают на фонарях, чтобы запугать остальных. Он убил столько людей, что реки покраснели от крови. Ты в списке, и если Пекин падет… В общем, тебе нужно убраться отсюда.

Я горько усмехнулся.

– По-моему, уже слишком поздно. А ты что собираешься делать?

– Мы с женой, конечно, поедем вслед за сыном. Сяохэй все еще служит в армии; более того, он охраняет центральное руководство. Он уже договорился о том, чтобы нас отправили на северо-восток. Через два дня мы уезжаем. Старый друг, мне кажется, что тебе нужно составить план действий.

Через несколько дней войска Гоминьдана почти вплотную подошли к Пекину, и артиллерийские снаряды уже залетали в сам город. Кто-то дал мне копию статьи, опубликованной в одной из нанкинских газет. В ней якобы описывались «преступления бандитских вожаков-коммунистов». В разделе, посвященном мне, утверждалось, что я предал Лю Сяобо, когда меня арестовали после событий на площади Тяньаньмэнь, что я был орудием режима в годы культурной революции, что, придя к власти, я подавлял инакомыслие, писал научно-фантастические романы, пропагандирующие коммунизм и сексуальные извращения, тем самым укрепляя и усиливая тоталитарную систему… Короче говоря, меня нужно казнить, чтобы утолить народный гнев.

Статья вызвала у меня смех: я, человек, который ничего не добился в жизни, в этой статье представал удивительным злодеем, обладающим невероятной силой.

В ту ночь меня разбудили вооруженные солдаты, которые барабанили в дверь моего дома. Они были из охраны руководства, и ими командовал Сяохэй.

– Дядя Се, мы получили приказ вывезти вас из города.

– Куда вы направляетесь?

– Офицер, командующий обороной города, предал нас, – сказал Сяохэй. – Этот гад сдался, и теперь войска Гоминьдана штурмуют город. Чтобы избежать разрушений среди древних памятников культуры и зданий, центральное руководство решило

отступить. Действовать нужно немедленно.

– Нет. Я слишком стар, чтобы бежать. Я буду ждать здесь. Что бы ни случилось, такова моя судьба.

– Дядя Се, вы в списке военных преступников. Если останетесь здесь, то наверняка умрете.

Он продолжал меня уговаривать, но я уперся. Тогда один из его солдат потерял терпение и прицелился в меня.

– Се Баошен, если вы не пойдете с нами, значит, вы намереваетесь предать революцию и сдаться врагам. За это я убью вас на месте.

Сяохэй отвел вниз ствол его винтовки.

– Дядя Се, простите, но мы получили четкий приказ. Вы должны уехать вместе с нами. Если не пойдете добровольно, нам придется прибегнуть к более грубым методам.

Я вздохнул:

– Ладно. Дайте мне несколько минут, чтобы собрать вещи.

Через час, глубокой ночью, мы с солдатами сели в джип и поехали на запад. На дороге было много воронок, и я видел здания, разрушенные в ходе артиллерийского обстрела. Подача электричества в город прекратилась, и фонари не горели. По улицам шли колонны солдат, но прохожих почти не было. Время от времени мимо проезжали танки, и я слышал вдали грохот орудий.

Все это напомнило мне еще одну кровавую ночь сорок лет назад.

Машина проехала по проспекту Чанъаньцзе мимо площади Тяньаньмэнь, на которой когда-то собрались десятки тысяч молодых идеалистов. В холодном свете луны я увидел, что Дом народных собраний и Памятник народным героям уже превратились в груды обломков. В центре площади стоял флагшток, но красный флаг с пятью золотыми звездами уже не развевался на нем, а смятый валялся на земле. Несколько солдат снимали с Врат Небесного Спокойствия портрет председателя Мао, чтобы его можно было увезти. Я все еще не мог поверить, что сейчас наблюдаю за гибелью страны, в которой я родился.

Мне казалось, что я слишком много пережил и превратности судьбы уже не способны меня взволновать, но я ошибался. Все поплыло у меня перед глазами. Площадь Тяньаньмэнь превратилась в старую картину, написанную акварелью, она растворялась в моих горячих слезах. Когда-то на этой самой площади проходили парады в честь рождения Китайской Народной Республики; когда-то студенты собрались здесь со всех концов страны, требуя демократии; когда-то председатель Мао стоял здесь и смотрел на хунвэйбинов… Где они сейчас? Может,

все это был сон?

Моя мечта снова встретить Цици тоже рухнула. Я так долго ждал ее в этом городе, но в каком уголке Китая я окажусь в тот день, когда она сможет вернуться на родину? Возможно, мы уже не встретимся до самой смерти…

Все молчали. Прыгая по ухабам, машина выбралась за пределы разоренного войной Пекина и поехала в горы Сишань.

17

Лампа горит на восточной горе,
Свет падает на западную гору.
Равнина между ними гладкая и ровная,
Но я не могу тебя найти…

Перед нами раскинулось Лёссовое плато центрального Китая. Желтая земля, которую пылевые бури приносили сюда в течение тысячелетий, протянулась до горизонта. Тысячелетняя эрозия прорезала в ней бесчисленное множество каньонов и каналов, похожих на морщины, которые время оставляет на наших лицах. Пустые террасированные поля стали молчаливыми свидетелями, которыми была наполнена жизнь обитателей этой древней страны. Мы стояли рядом с горой Баота, символом города Яньань, а у ее подножия текла река Янцзы. Среди каньонов повисло эхо народной песни.

– Даже в таких местах люди обожают песни про любовь, – сказал Хэйцзы. – Помнишь ту популярную песню про Лёссовое плато, которую мы слышали в детстве? Тогда мне очень хотелось узнать, как выглядит это место. А увидел его я только сейчас, когда оно стало мне домом. Забавные повороты иногда делает судьба.

В течение последних лет, пока бушевала гражданская война, я последовал за Народно-освободительной армией Китая сначала в Хэбэй, а затем в освобожденные районы в центре страны и, наконец, сюда, в Яньань, где неожиданно наткнулся на старого друга. Хэйцзы оставался на северо-востоке, пока не последовал за своим сыном сюда, но его жена погибла во время осады Чанчуня.

В начале гражданской войны НОАК потерпела несколько сокрушительных поражений, но под руководством Линя Бяо, Пэна Дэхуая и Лю Бочена она быстро усилилась и нанесла ответный удар. Чан Кайши стал президентом Китайской Республики со столицей в Нанкине, но не сумел осуществить свою мечту об

объединении Китая. Чем больше он пытался «истребить» коммунистов, тем более непрочной становилась его власть. Коммунисты сумели удержать несколько освобожденных зон на севере Китая, и между двумя сторонами установилось неустойчивое равновесие. Так как все устали от войны, было объявлено о прекращении огня, и в Чунцине начались переговоры о создании коалиционного правительства. Однако пойти на уступки никто не захотел, и поэтому переговоры провалились.

Пока в Китае шла гражданская война, власть в Японии захватили милитаристы и начали вторжение в Китай. Японские войска быстро продвигались и вынудили Чан Кайши оставить Нанкин и временно переместить столицу в Чунцинь. Затем японцы вторглись на Филиппины и открыли новый фронт против находившихся там американцев. Американцы были застигнуты врасплох и бежали под натиском могучей японской армии. В далекой Европе, в Германии, при поддержке армии к власти пришел безумец по имени Гитлер, который немедленно объявил войну Советскому Союзу. Немецкие войска захватили Восточную Германию и вторглись во Францию. Вспыхнула первая поистине мировая война в истории человечества.

«Холодная война» закончилась: Соединенные Штаты и Советский Союз, бывшие враги, заключили альянс против стран «оси» – Германии, Италии и Японии. Тем временем в Китае Гоминьдану и коммунистам пришлось забыть о своих разногласиях и вместе защищать китайский народ от кровожадных японцев. Так в истории началась новая эпоха.

Когда я прибыл в Яньань, то уже не хотел иметь ничего общего с управлением и политикой. Я посвятил себя сбору народных песен и сохранению традиционных искусств, и это дело мне нравилось. Хотя моя жизнь уже не была комфортабельной – я жил в пещере и, как и местные крестьяне, питался одними лишь грубыми злаками, – но я считал, что мне повезло. Сейчас же шла война, в конце концов.

Пока мы с Хэйцзы предавались воспоминаниям, какой-то молодой студент забрался по тропе на гору и подбежал к нам.

– Учитель! Вас кто-то ищет! – воскликнул он, задыхаясь.

– Кто? – Я даже не встал. Я был уже слишком стар, чтобы волноваться.

– Какая-то старая женщина. Кажется, она из Америки.

Я вскочил и схватил его:

– Старая женщина? Как ее зовут? Сколько ей лет?

– Ээ… я точно не знаю. Больше шестидесяти? Она сейчас разговаривает с деканом Академии искусств. Он сказал, что вы ее знаете.

Из Америки… старше шестидесяти… старая женщина… Моя Цици. Она здесь. Наконец-то она здесь!

Я бросился бежать, но быстро задохнулся, и у меня закружилась голова. Мне пришлось замедлить шаг, и Хэйцзы меня догнал.

– Ты в самом деле думаешь, что это Цици? – спросил он.

– Конечно, это она. Хэйцзы, дай мне пощечину! Я хочу точно знать, что не сплю.

Хэйцзы, как настоящий друг, с силой влепил мне пощечину. Я прижал ладонь к щеке, наслаждаясь болью, и рассмеялся.

– Особо не надейся, – сказал Хэйцзы. – Чжао Ци твоя ровесница, верно? Она уже не юная красавица. Ты видел ее несколько десятков лет назад. Возможно, ты разочаруешься.

– Не говори глупости. Посмотри на нас: мы словно свечные огарки, шипя и потрескивая, доживаем наши последние славные мгновения. Увидеть ее еще раз перед смертью будет более чем достаточно.

Хэйцзы усмехнулся.

– Может, ты и стар, но здоровье у тебя еще крепкое. Бьюсь об заклад, самые главные части твоего тела до сих пор отлично работают. Я тебе так скажу: если вы двое решите пожениться, я хочу быть свидетелем.

Я рассмеялся; слова Хэйцзы меня успокоили. Болтая, мы спустились с горы, и лишь у Академии искусств мое сердце снова бешено забилось.

18

Я ее не узнал.

Это была белая женщина. Хотя ее волосы уже седели, я видел, что когда-то она была блондинкой. Ее лицо казалось угловатым; ее голубые глаза внимательно смотрели на меня. Она уже была немолода, но до сих пор оставалась красивой.

Я ощутил сильное разочарование. Глупый студент не посчитал нужным упомянуть, китаянка она или иностранка.

– Здравствуйте, – сказала женщина на великолепном китайском. – Вы господин Се Баошен?

– Да, это я. Могу я узнать, как вас зовут?

– Я – писатель Анна Луиза Стронг.

Это имя было мне знакомо: Стронг, американка, придерживавшаяся левых взглядов, жила в Пекине, дружила с Мао Цзэдуном и Чжоу Энлаем и написала несколько книг о Китае эпохи Мао. Но хотя я знал, кто она, я никогда ее не встречал. По

слухам, она вернулась в США примерно в то же время, когда умерла Шень Цянь. Зачем она меня разыскивала?

Анна, казалось, чувствует себя неловко, и я тоже смутился. Немного помедлив, она сказала:

– Я хочу сообщить вам кое-что важное, но, вероятно, будет лучше, если мы поговорим наедине.

Я отвел ее в свою пещеру. Анна достала из своего чемодана сверток и аккуратно его развернула. Я с волнением уставился на грубый коричневый горшок, который она поставила на стол.

– В нем прах мисс Чжао Ци, – печально сказала она.

Я посмотрел на горшок, не в силах связать этот странный артефакт с прекрасной, изящной Цици, которую я помнил.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил я. Я был просто не в силах понять, что она мне говорит.

– Мне жаль, но… она умерла.

Мне показалось, что воздух в пещере сгустился. Я замер словно прикованный и не мог произнести ни слова.

– Вы в порядке? – спросила Анна.

После долгой паузы я кивнул:

– Со мной все хорошо. Налить вам воды? – Я вдруг поразился тому, что сейчас думаю о такой ерунде.

Я бесчисленное множество раз представлял себе нашу встречу и, конечно, допускал возможность того, что Цици уже умерла. Я всегда думал, что стану выть, орать, упаду на землю или даже потеряю сознание. Но я ошибался: к своему удивлению, я воспринял эту новость очень спокойно. Возможно, я всегда знал, что счастливого финала в моей жизни не будет.

– Когда? – спросил я.

– Три дня назад, в Лочуане.

Анна рассказала мне, что Цици искала меня много лет. Несмотря на то что я приобрел некоторую известность как военный преступник, найти меня было невозможно, так как я присоединился к армии коммунистов, которая постоянно была на марше. После начала войны с Японией и Гоминьдан, и коммунисты стали союзниками американцев, и отправиться в Китай было уже не сложно. В конце концов Цици узнала, что я в Яньане, и купила билет на корабль, который шел через Тихий океан. Во время долгого путешествия она подружилась с Анной и рассказала ей о нас.

Анна и Цици прибыли в Гонконг, но так как почти весь восточный Китай был оккупирован японскими войсками, им пришлось сесть на другой корабль, который шел в Гуанси. Оттуда они отправились в Гуйчжоу и Сычуань, а затем двинулись дальше на север через Шэньси и, наконец, прибыли в Яньань.

– Но Чжао Ци была уже немолода, – сказала Анна, – и из-за ее увечий путешествовать ей было тяжело. В Сиане она заболела, однако заставила себя идти дальше, чтобы не терять времени. В Лочуане ей стало хуже… из-за войны мы не смогли найти нужные лекарства… Нам не удалось ее спасти… – Анна умолкла, не в силах продолжать.

– Не упрекайте себя. Вы сделали все возможное, – ответил я, пытаясь ее утешить.

Анна странно посмотрела на меня, словно не понимая, почему я так спокоен.

– Может, расскажете о том, как она жила в Америке, когда мы расстались? – спросил я.

Анна рассказала, что после моего отъезда Цици училась в США и ждала меня. Она несколько раз писала мне, но ответа не получила. Получив докторскую степень, она стала преподавать в колледже, а затем вышла замуж. Десять лет назад, после смерти мужа, ей захотелось вернуться в Китай, но из-за гражданской войны эти планы пришлось отложить. Наконец всего в нескольких днях пути от Яньаня она умерла. Поскольку нести тело через горы они не могли, им пришлось ее кремировать. Так я лишился возможности увидеть Цици в последний раз…

– Нет, – прервал ее я и взял со стола горшок с прахом. – Мы с Цици теперь вместе и никогда не расстанемся. Спасибо.

Не обращая внимания на взгляды Анны, я прижал горшок к груди. По моему лицу потекли слезы, слезы счастья.

Кода

Заходящее солнце, красное, словно кровь, плыло в небе рядом с древней пагодой на горе Баота. Его лучи освещали северный Китай, окутывая все красновато-золотой дымкой. Вдали сверкала река Янцзы, и я видел, как в ней играют несколько молодых солдат, почти мальчиков.

Я сел под деревом. Цици села рядом со мной и положила голову мне на плечо.

Маятник жизни качнулся и вернулся в исходное положение. После всего, что мы видели и выдержали, мы с ней пережили бесчисленное множество моментов, и горьких, и сладких, и теперь снова прижимались друг к другу. Сколько времени прошло, не важно. Не важно и то, живы мы или уже умерли. Мы вместе, и этого довольно.

– Возможно, ты этого еще не знаешь, – сказал я. – Когда во время культурной революции умерла моя мать, я помогал организовать ее похороны. Она немного печалилась из-за ваших с ней отношений, но умерла относительно легко. В последние мгновения жизни она попросила меня передать тебе, чтобы ты не возвращалась в Китай и жила счастливо. Но я всегда знал, что ты вернешься… Ты Хэйцзы помнишь? Он тоже в Яньане. Даже сейчас он такой же смешной, как и раньше. Месяц назад он сказал, что если ты вернешься, то мы вместе полезем на гору Баота, словно дети. Не волнуйся, гора не очень высокая. Если из-за ноги тебе будет сложно, я тебя понесу… Моя мать умерла двадцать лет назад. Раньше в моей семье было два нефритовых браслета, и они передавались из поколения в поколение. Моя мать собиралась подарить один тебе, а другой – мне. Позднее она дала один Шень Цянь, но хунвэйбины разбили его, потому что он – артефакт, напоминающий о феодальном прошлом… Второй я спрятал в надежде, что когда-нибудь подарю его тебе. Вот, взгляни. Надеюсь, он тебе понравится.

Я развернул сверток, который нес на спине, и достал гладкий нефритовый браслет. Он ярко засверкал в лучах заходящего солнца.

– Хочешь узнать, что еще лежит в свертке? – Я усмехнулся. – Куча хороших вещей. Я ношу их с собой уже много лет. Сохранить их было нелегко. Вот, взгляни.

Я принялся доставать из свертка вещи, связанные с дорогими моему сердцу воспоминаниями: письма на английском, которые Цици писала мне в школе; кассеты курса «Новая концепция английского» – ее подарок; плакаты «Токийской любовной

истории»; локон, который я вымолил у нее, когда мы стали встречаться; лиловая заколка, которую она носила на площади Тяньаньмэнь; несколько фотографий, на которых мы изображены в Нью-Йорке; письмо на «революционном» китайском, которое она прислала мне в эпоху культурной революции…

Я внимательно осматривал каждую вещь. Я словно смотрел через временной телескоп на мгновения, которые отстоят друг от друга так же далеко, как и разные галактики, или нырял в море истории в поисках забытых сокровищ на затонувших кораблях. Далекие годы глубоко погрузились в слой времени, превратились в неразличимые окаменелости. Но, возможно, они – семена, которые проклюнутся после многолетнего сна и пробьют твердую корку наших душ…

Наконец в самой глубине свертка я нашел экземпляр «Сезона цветения, сезона дождей». Цици оставила эту книгу у меня дома, когда еще училась в средней школе и приехала к нам в гости. Я уже давно не перечитывал ее. За пятьдесят с лишним лет страницы книги стали желтыми и хрупкими. Я взял книгу в руки, погладил обертку, которую сделала для нее Цици, и восхитился ее почерком. Гладкая бумага плаката показалась странно знакомой, словно я открыл тоннель, который ведет в прошлое.

Я раскрыл книгу, намереваясь прочесть несколько страниц, но моя рука наткнулась на что-то странное. Я присмотрелся: между оберткой и обложкой книги что-то застряло.

Я осторожно развернул обертку, но недооценил хрупкость книги: обложка оторвалась, и наружу, словно цветная бабочка, вывалилась прямоугольная карточка. Немного потанцевав в лучах солнца, она упала на землю.

Я поднял ее.

Это была фотография с высоким разрешением – возможно, сделанная с помощью цифровой камеры. На ней в ночном небе взрывались фейерверки, а вдали находился сияющий экран, на котором можно было разглядеть очертания великолепного стадиона. Я его узнал: это было «Птичье гнездо». На переднем плане виднелись люди в разноцветной одежде с шариками, китайскими флагами, сахарной ватой и попкорном в руках. Все смеялись, показывали куда-то, гуляли…

В центре фотографии стояли, взявшись за руки, двое детей лет четырех – мальчик в серой куртке и девочка в розовом платье. Их подсвечивал фейерверк, и улыбки на их лицах были чистыми и невинными.

Я долго смотрел на фотографию, а затем перевернул ее и увидел ряд изящно написанных от руки иероглифов:

«Красавица скоро поедет домой. Счастливо, мой Серый волк».

В конце строки стоял графический смайлик.

Более пятидесяти лет назад Цици спрятала этот подарок для меня в книге, которую она «забыла». Я так и не развернул ее.

Я вспомнил свой последний разговор с Анной.

– Что она сказала перед смертью?

– Она бредила… Она сказала, что вернется в ваше общее прошлое, в то место, где вы впервые встретились, и будет ждать вас там. Я не знаю, что она имела в виду.

– Возможно, все мы когда-нибудь вернемся туда.

– Куда?

– К истокам вселенной, жизни, времени… В то время, когда мира еще не было. Возможно, мы сумеем выбрать другое направление и прожить еще одну жизнь.

– Я не понимаю вас.

– Я тоже. Возможно, мы живем для того, чтобы разгадать эту загадку, и мы все поймем только в самом конце.

– Время пришло, да? – спросил я у Цици. – Мы вернемся вместе. Ты ведь этого хочешь?

Цици ничего не сказала.

Я закрыл глаза. Мир вокруг меня растворился. Слои исчезали, один за другим, эпохи появлялись одна за другой и возвращались в небытие. Сверкающие строки с именами падали с небес и исчезали, словно их никогда и не было. Нам было тридцать лет, двадцать, пятнадцать, пять… не только мне и Цици, но также Шень Цянь, Хэйцзы и всем остальным. Мы возвращались к истокам нашей жизни, превращались в младенцев, в эмбрионы. В самой глубокой пропасти мира зачаток сознания зашевелился, готовый выбрать новые миры, новые временные линии, новые возможности…

Солнце зашло за горизонт на востоке, и длинный день подошел к концу. Но завтра солнце снова встанет на западе, и мир предстанет в более выгодном свете. На террасированных полях на склоне горы миллионы цветов мака раскрывались, дрожали, горели невероятно ярким пламенем в последних лучах вечерней зари.

* * *

От автора

О потоке времени написано много интересных работ. Вот эта история, возможно, немного отличается от других: в ней каждый человек живет, как обычно, а социально-политическая обстановка тем временем движется в прошлое.

У этой абсурдной истории есть довольно реалистичные истоки. На одном из форумов в интернете однажды кто-то написал, что культурная революция повторилась бы, если бы к власти пришла определенная известная личность из мира китайской политики. Я тогда не согласился с этим человеком, но мне в голову пришла вот какая мысль: а что, если мое поколение на пятом или шестом десятке снова оказалось бы в условиях культурной революции? В общем, я задумался о том, какой стала бы жизнь, если бы общество двинулось в историческое прошлое.

Может показаться, что в этой истории стрела времени обращена назад, но строго говоря, не время обращено вспять, а исторические тенденции.

Это произведение относится к развлекательному жанру, и его не следует рассматривать в качестве политического манифеста. Если кому-то необходимо извлечь из него какое-то политическое заявление, то оно состоит в следующем: я надеюсь, что трагедии, которые пережил наш народ за свою историю, никогда не повторятся.

Хао Цзинфан [18]

Хао Цзинфан – автор нескольких романов (в том числе романа «Бродяга», который вышел на английском в 2019 г.), сборника путевых заметок, а также многочисленных рассказов, которые публиковались в таких изданиях, как «Мир научной фантастики», «Мэнъя», «Новая научная фантастика» и «Вэньи фэн шан». Хао не ограничивает себя рамками фантастики: ее роман «Рожденный в 1984-м», например, можно считать «серьезной» художественной литературой. Ее произведения были отмечены наградами «Иньхэ» и «Синъюн».

Она изучала физику в университете Цинхуа, а затем училась в аспирантуре в Центре астрофизики того же университета. Позднее Хао получила докторскую степень по специальности «экономика и управление» в университете Цинхуа и в данный момент работает экономическим аналитиком в исследовательском центре при Государственном совете КНР.

Хао всегда сильно беспокоили негативные эффекты, связанные с неравномерным развитием разных территорий Китая, и особенно влияние этих эффектов на тех, кто не в силах улучшить свои условия жизни. В 2016 году Хао получила премию «Хьюго» в категории «Лучшая повесть» за произведение «Складывающийся Пекин» (он вошел в сборник «Invisible Planets»); в этом произведении рассказывается о том, как увеличение производительности труда за счет применения новых технологий может усилить классовое неравенство. Воспользовавшись тем, что награда привлекла к ней внимание общественности, Хао основала социальный проект «We Plan», цель которого – развивать образование в сельских, крайне бедных регионах Китая.

Рассказ «Новогодний поезд» написан по заказу журнала «ELLE China», и это в некоторой степени отражает усиливающееся влияние научной фантастики даже на обычных читателей. Более подробно об этом феномене рассказывается в эссе Фэй Дао «Научная фантастика: это больше не стыдно», приведенном в конце этой книги.

Новогодний поезд

[Офис. Репортер смотрит в камеру.]

Репортер: Это специальный прямой репортаж, который совместно ведут «Новостное агентство Старого Китая», «Китайское периферийное ТВ» и «Народная сеть». Сейчас идет Праздник весны, и сезон путешествий в самом разгаре. Сейчас происходит самая крупная ежегодная миграция населения Земли: сотни миллионов едут в гости к родным на самолетах, поездах и автобусах. Беспрецедентное исчезновение всех пассажиров экспериментального поезда «Едущий домой» привлекло внимание всей страны. В центре бури оказался один человек – Ли Дапан, создатель поезда «Едущий домой» и главный исполнительный директор одноименной компании. Наш корреспондент получил право взять эксклюзивное интервью у господина Ли.

Добро пожаловать, господин Ли. Давайте сразу перейдем к сути дела. Ваш поезд исчез, и вместе с ним пропало более полутора тысяч пассажиров. Что вы можете сказать нашим зрителям по этому поводу?

Ли: Они не пропали. Поезд находится в ремонте.

Репортер: Вы получили сообщение от его команды?

Ли: Нет, но приборы слежения говорят, что поезд в идеальном состоянии. А поломка связи будет скоро устранена.

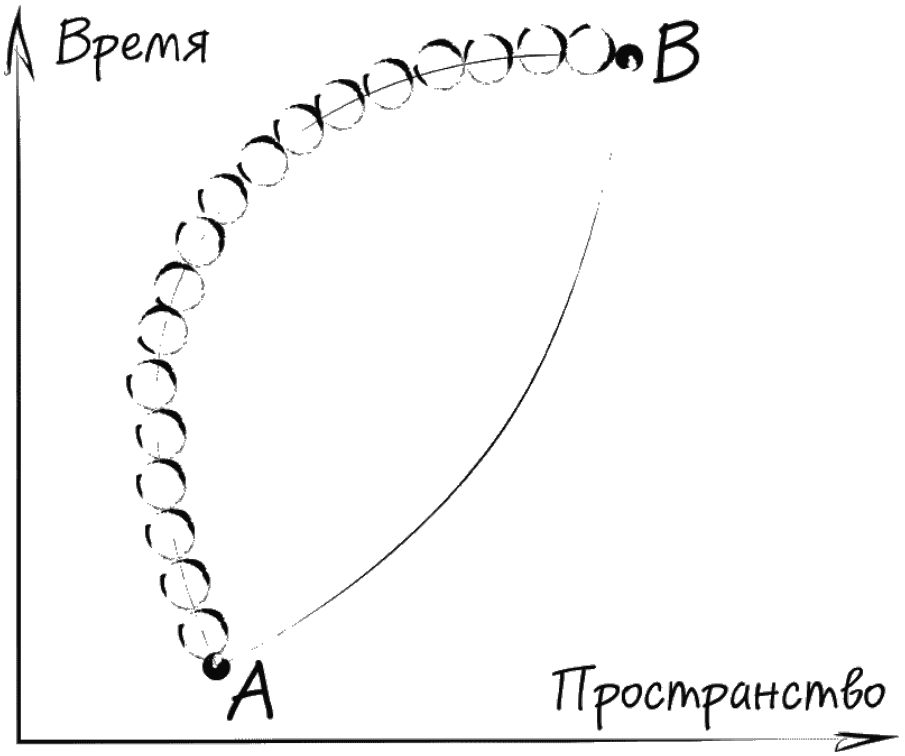
Репортер: Вы можете объяснить основные принципы, которые лежат в основе работы поезда «Едущий домой»?

Ли: Давайте начнем с начала. У меня была мечта – простая, но прекрасная мечта – дать каждому человеку возможность повидаться с родными в Китайский новый год – но так, чтобы людям не приходилось долго стоять в очереди, мерзнуть на улице, давить друг на друга, словно сардины в банке…

Репортер: Господин Ли, пожалуйста, отвечайте по существу.

Ли [достает лист бумаги, что-то рисует на нем и показывает в камеру]: Это наш пространственно-временной континуум. Чтобы попасть из одной точки в пространстве-времени в другую, мы обычно выбираем брахистохрону, она же «линия скорейшего спуска». Как нарисовано вот тут, понимаете? Но если мы изменим местное гравитационное поле с помощью миниатюрных черных дыр, то получим возможность стартовать в одной точке и добраться до другой, двигаясь по совершенно другой кривой пространства-времени. И, что лучше всего, мы могли бы отправиться из точки А и прибыть в точку В – то есть в то же самое время и в то же самое место, – двигаясь по нескольким,

самым разным кривым. Таким образом, увеличив число возможных путей в континууме, мы повышаем грузоподъемность любого вида транспорта в два, три, четыре и даже в пять раз. Вы это видите?



Репортер: Я вижу что-то, похожее на пельмень.

Ли: Ну, то есть если прибегнуть к специальной терминологии, то на самом деле мы создаем локальные линии скорейшего спуска, а затем объединяем эти местные кривые…

Репортер: Давайте пока забудем про математику. Можете рассказать нам об исчезнувших пассажирах? Где находится пропавший поезд?

Ли: Он в другой точке пространственно-временного континуума.

Репортер: Вы… говорите о параллельной вселенной?

Ли: Нет! Просто о другой точке пространственно-временного континуума. Она совпадает по времени с нами, но находится в другом месте. Она совмещена в том же месте с другими людьми, которые уже находятся там, но в другом времени.

Репортер: Думаю, будет лучше, если мы не будем говорить о теориях. Позвольте задать вам другой вопрос: до этого несчастного случая у поезда «Едущий домой» не было

официальной лицензии. Значит, вы продавали билеты незаконно?

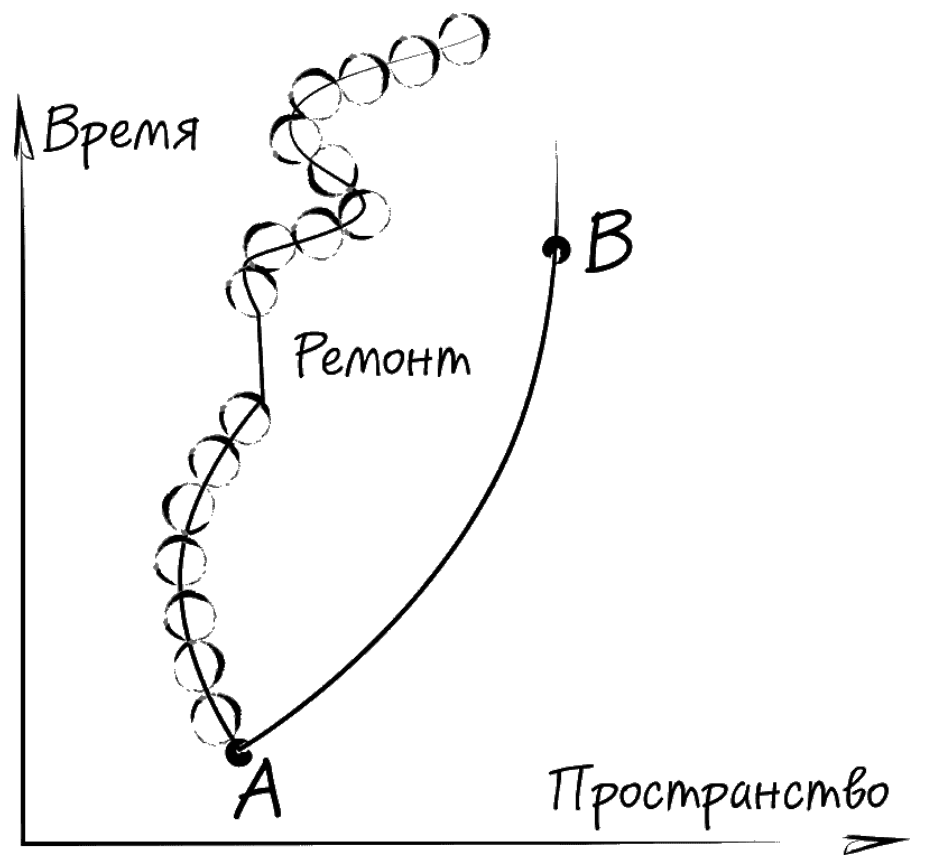
Ли: В сфере транспорта доминируют неэффективные монополии, поэтому у нас не было выбора: нам пришлось выйти за пределы нормативной базы, чтобы «уберизировать» пространство-время и более качественно обслуживать людей.

Репортер: Что, по-вашему, станет с «Едущим домой» после этого несчастного случая? Вас закроют?

Ли: Давайте подождем и сначала выясним, что с поездом.

Репортер: Как вы думаете, пассажиры вернутся живыми и здоровыми?

Ли: Я уверен, что с ними все будет хорошо. Все что им нужно… [достает еще один лист бумаги и снова рисует]… это найти новую кривую пространства-времени. Тогда в конце концов они объединятся с нами в наших координатах континуума.



Репортер: Я вижу плохо слепленный пельмень, который разошелся по шву.

[Режиссер, который стоит за камерой, прерывает интервью и сообщает репортеру, что пропавший поезд найден и все

пассажиры в безопасности.

Репортер, немного потрясенный, и Ли Дапан смотрят новостной сюжет на телеэкране, который висит на стене. На экране пассажиры выходят из «Едущего домой». На их лицах написано умиротворение – а может, даже радость.

Репортер на платформе останавливает пассажирку и спрашивает ее об ощущениях.

– Это было великолепно! Мы столько дней ехали, а когда вышли из вагона, то оказалось, что еще даже не настал Новый год!

Репортер останавливает другого пассажира и спрашивает, было ли ему страшно.

– Ни капельки! Просто у нас получился неожиданный отпуск, который мы провели в поезде.

Потрясенный репортер хватает кондуктора и требует сообщить все подробности.

– У нас возникла неисправность, и мы быстро ее устранили. Однако пассажиры потребовали, чтобы мы ехали по живописному маршруту, чтобы они могли дольше наслаждаться поездкой.

Репортер не знает, что делать.

Камера снова показывает офис.]

Ли: Все это легко объяснить. Хотя в пространственно-временном континууме поезд преодолел всего один день, общая протяженность маршрута в континууме была гораздо больше, и биологические часы пассажиров шли с обычной скоростью. Таким образом, хотя с нашей точки зрения поезд отсутствовал всего шесть часов, пассажирам кажется, что поездка длилась в поезде несколько дней.

[В оставшееся время телеведущие обсуждают политику правительства в области транспорта, юридические проблемы и технологии, используемые в поездах. Ни по одному вопросу прийти к согласию им не удается.

Камера выключена, и репортер собирает свои вещи. Но прежде чем покинуть кабинет Ли Дапана, он поворачивается, чтобы задать ему еще несколько вопросов.]

Репортер: Почему пассажиры не хотели покидать поезд? Это не логично. Разве люди не хотят поскорее приехать к родным и вместе с ними отпраздновать Новый год?

Ли: На ваш вопрос я ответить не могу. Спросите у самих пассажиров. Но подумайте вот о чем: если стартовая точка и место назначения уже назначены и, сколько бы дней ни длилось путешествие, вы прибудете вовремя, то разве вы не хотели бы максимально продлить путешествие, чтобы насладиться им в полной мере?

Репортер: Да, наверное. Это же как бы свободное время.

Ли: Если вопрос поставлен таким образом, оказывается, что все просто, да? Но я вот чего не понимаю: если точка старта и место назначения фиксированы – допустим, это рождение и смерть, – то почему большинство стремится поскорее добраться до конечной остановки?

Фэй Дао [19]

Фэй Дао (следует считать нераздельной единицей) – псевдоним господина Цзя Лиюаня. Фэй Дао родился в 1983 г. в Чифэне (Внутренняя Монголия, Китай). Он получил докторскую степень по литературе в университете Цинхуа, работал в Пекинском педагогическом университете в качестве научного сотрудника, а затем вернулся в Цинхуа и стал преподавателем. С 2017 года он преподает студентам новый курс, посвященный написанию научной фантастики.

Он – автор нескольких сборников рассказов: «Невинность и ее выдумки», «Робот, который любил рассказывать небылицы», «Китайские фантастические блокбастеры» и «Долгий путь к смерти». Его произведения «История о конце света» и «Голова демона» переведены на итальянский и английский. Кроме того, он написал много научных статей, которые выходили в таких журналах, как «Исследования научной фантастики», «Литературное обозрение», «Обозрение современных писателей», «Душу» и «Сравнительное литературоведение в Китае».

Многие произведения Фэй Дао находятся где-то на грани между фантазией и научной фантастикой, и в них он играет как с историей, так и с футуризмом. «Робот, который любил рассказывать небылицы» – это сказка в стиле Кальвино, в которой Фэй Дао исследует ощущение чуда, которое есть у каждого рассказчика.

Робот, который любил рассказывать небылицы

В стародавние времена жил один король – храбрый, умный и удачливый. Как можно было предположить, он в конце концов объединил весь мир и даже собирался захватить солнце. Что самое удивительное, он всегда действовал открыто и никогда не лгал. Люди обожали его и хотели во всем на него походить. Иными словами, в истории вселенной не было столь же чистого и хорошего королевства, как у него.

К сожалению, у него был сын, который обожал врать. Принц с детства преувеличивал, хвастался и рассказывал такие небылицы, от которых его родители краснели от стыда. Придворных так забавляли его байки, что им хотелось кататься по полу и выть от смеха, однако этикет требовал от них сдержанности, и поэтому у них всех постоянно болели животы. Постепенно его красочные истории распространились по всему королевству. Простолюдины поначалу пытались вежливо молчать, но животы у них заболели так сильно, что им пришлось громко хохотать. Все утверждали, что уже тысячу лет не слышали столь фантастических историй.

– Я ни разу в жизни не соврал! – говорил мальчик. – Когда вы умрете, вам станет ясно, что я говорил правду.

Король собрал самых опытных врачей, самых мудрых философов, самых достойных жрецов и самых утонченных музыкантов и поручил им исцелить, вразумить, перевоспитать и облагородить маленького плута. Но все их усилия оказались напрасными.

Принц был единственным наследником короля, но подобного хвастуна заслуживала только страна лжецов. Эта мысль не давала королю спать по ночам, и в конце концов он слег от тревоги.

Говорят, что, когда король умирал, юноша – благослови его небо – не сказал ничего немыслимого. Нежно глядя на старика, он заявил:

– Милый отец, не волнуйся. Заняв твое место, я постараюсь захватить что-нибудь более грозное, чем солнце.

Так на престол взошел Король-Врун, и в жизни его подданных появились пороки.

Нет, королевство не погибло, но преобладающее чувство порядка и доверия сменилось новым ощущением упадка. Словно змеи, проснувшиеся после долгой зимы, в королевстве – после долгого отсутствия – снова появились мошенники, обманщики, плуты и мелкие преступники. Честные люди уже не могли

спокойно спать по ночам. К счастью, старый король заложил прочный фундамент своего государства, и верные ему министры продолжали делать все, чтобы помочь своему новому повелителю. Несмотря на перемены, Король-Врун много лет спокойно правил королевством, ни о чем не тревожась. Жизнь уже не была такой безоблачной, как раньше, но королевство из-за этого не погибло.

Юный король продолжал день за днем рассказывать безумные, невероятные истории – уже более десяти лет подряд, и даже те, кто ненавидел его, невольно восхищались его последовательностью. Люди пришли к единому мнению: наш король, говорили они, величайший в мире выдумщик.

Шло время, и король постепенно стал мудрее (нет, не будем преувеличивать: к мудрости он приблизился где-то на сантиметр). Мнение людей его беспокоило.

«Это неприемлемо, – думал он. – Я не хочу сойти в могилу с такой репутацией».

Он решил, что дело можно поправить, если найти еще большего вруна, чем он. Люди помнят первых, но не вторых – в любой категории.

Старый король создал армию роботов: эти солдаты-машины, бесстрашные и верные, одержали много великих побед и поклялись вечно служить всем последующим королям. Ученые тщательно изучили всех роботов-солдат, выбрали одного из них и привели во дворец.

– Слушай внимательно, – приказал ему король.

Робот напрягся, пытаясь уловить все жужжание и гудение, но не сумел выявить никакой полезной информации.

– Молчание пугает, верно? – Король беспомощно покачал головой. – Уверен, что прямо сейчас все жители планеты навострили уши и ждут, когда я позабавлю их очередной сказкой. Бьюсь об заклад: мои истории более полезны для пищеварения моих подданных, чем десять тысяч мешков риса в год… – Король вздохнул. – Что за жизнь? Никто не принимает меня всерьез. Я бы с большим удовольствием поговорил об истории ржавых пятен на твоем корпусе, достопочтенная груда металлолома.

– Я к вашим услугам, ваше величество, – ответил робот, отдавая ему честь.

– Знаешь, я ведь не всегда был таким. Я помню, как однажды в детстве я пошел в королевский сад поиграть и начал копать яму под огромным старым деревом. Я копал все глубже и глубже, пока не провалился в бездонную пропасть. Оказалось, что это настоящая черная дыра! Она была наполнена тайнами: более пяти молей тайн, собранных у представителей девяти триллионов видов, живущих в более чем миллионе галактик; хранители этих

тайн мечтали поведать о них миру, но боялись это сделать. Ух! Вот это было приключение! Я вылез обратно и захотел серьезно поговорить об этих тайнах, но все считали, что я рассказываю сказки. А если люди что-то твердо решили, переубедить их просто невозможно… В общем, именно поэтому мне нужен ты. Забудь про честность, которую тебе дал мой отец. Я хочу, чтобы ты бесстыдно врал, откровенно преувеличивал, без малейших угрызений совести возводил воздушные замки. Ты должен стать рассказчиком самых немыслимых небылиц, непревзойденным мастером вранья. Тогда я буду спасен, а ты обретешь абсолютную свободу.

Так робот получил задание.

* * *

Придумывание небылиц – не тот предмет, который можно выучить в школе, поэтому солдату пришлось отправиться в путь на поиски необходимых знаний. Он покинул дворец и стал бродить по миру; он собирал крупицы мудрости, обретал опыт, прибивался к странным компаниям, общался с безумцами и впитывал их горячечный бред, учился рассказывать лживые истории, от которых захватывало дух, сеял зерна хаоса – и наконец тоже обрел определенную известность.

Однажды робот шел по тропе в диком краю. Вдруг небо потемнело, началась гроза, и роботу пришлось искать убежище. Он зашел в обветшалый домик, темный и тесный. У печки пили трое мужчин, а в углу спал еще один – пьяный. Его бледное лицо было скрыто под капюшоном черного дырявого плаща.

Компания обрадовалась гостю. Мужчины потеснились, чтобы освободить для робота место у печки, налили ему в стакан крепкого напитка и продолжили свой разговор.

– Да, у вас двоих действительно были увлекательные приключения, – сказал высокий худой человек с орлиным взором. – Но я должен сказать, что самый жуткий противник – это Смерть. – Его собеседники закивали. – Я много раз встречал Смерть, но мне всегда удавалось уйти. Я художник, я известен тем, что пишу удивительные картины, на которых в малейших подробностях изображены воображаемые города. Мне каждый раз удавалось заворожить Смерть своими работами. Он заходил в них, гулял по улицам и проспектам городов, натыкался на их жителей с размытыми лицами – пока наконец не понимал, что попал в ловушку, в мой тщательно созданный лабиринт, и бродит вверх и вниз по закольцованным лестницам. Поскольку Смерть не

лишен чувства юмора, он терпел мои маленькие шутки. Кроме того, мы должны восхититься его чувством долга. Так как он сильнее всего на свете, то в конце концов находил выход из лабиринта, но я пользовался задержкой, чтобы скрыться. – Художник взмахнул кистью. – Вот так я каждый раз уклоняюсь от приглашения, присланного мне Смертью. А теперь давайте за это выпьем.

Все подняли стаканы и выпили. Даже пьяница в черном, спящий в углу, захрапел особенно громко в знак поддержки.

Следующим заговорил мужчина с трубкой во рту:

– Мне повезло: я видел несколько твоих работ. Они поистине восхитительны, а твой высокий вкус и скрупулезное внимание к деталям заслуживают уважения. Я, с другой стороны, не отношусь к себе серьезно. Да, меня называют писателем, и это звание принесло мне немалую выгоду и честь, но я никогда не думал, что мои произведения обладают какой-либо ценностью. Не обижайся, но лично я считаю, что сама вселенная ничего не стоит. Мы сами не имеем никакого значения, а все наши действия – просто бред, и искусство не является исключением. В отличие от тебя, я не добиваюсь совершенства; нет, меня больше интересует чистая скорость. Когда я пишу, слова просто текут из меня – вот неплохая метафора для безудержного потока времени, из которого и состоит бессмысленная жизнь. Но, несмотря на это, другие считают меня гениальным мыслителем. Забавно, правда?… Мне кажется, что в гонке со Смертью важнее всего скорость. Все дискуссии о задушевных беседах автора и читателя – просто бред. Когда я пишу, у меня только одна цель: не сбиваться с ритма. – Курящий трубку писатель достал толстую книгу в красивом твердом переплете. – Эта вещь прочная, словно мрамор, и с ее помощью – а также с помощью других подобных томов – я строю лестницу в небо. Дописав очередную книгу, я кладу ее наверх, и она становится еще одной ступенькой. Я строю лестницу и поднимаюсь по ней одновременно, и Смерть всегда позади меня. Как вам прекрасно известно, Смерть – господин в летах, он бегает уже тысячи лет, и его ноги гнутся уже не так ловко, как раньше. Подниматься по спиральной лестнице для него – нелегкая задача. И пока мое перо бежит по бумаге быстрее, чем его скрипящие ноги, я не позволю Смерти ко мне подобраться. Это и дураку понятно.

– Значит, ты собираешься строить лестницу до двери дома самого Создателя? – спросил художник.

– Если такая дверь в самом деле существует, то мне бы очень хотелось пинком распахнуть ее и посмотреть, что там, за ней! – рассмеялся писатель. Все чокнулись и осушили свои стаканы.

Внезапный порыв ветра заставил крупные капли дождя ползти по стеклу. Пьяница в углу повернулся на другой бок и плотнее завернулся в свой черный плащ.

Третий собеседник был пухлый и круглолицый. Выпитое за много лет доброе вино сделало его живот похожим на туго набитую подушку.

– Твой метод борьбы со Смертью неплох, но я посмею утверждать, что мой – более основательный. Поскольку все не имеет смысла, то я решил бросить все, кроме выпивки. Полученное от родителей значительное состояние я растратил, покупая лучшие в мире напитки. Я точно не знаю, есть ли дверь, за которой сидит Создатель, но могу заявить, что попасть в рай можно и в подлунном мире. – Писатель поднял свой стакан. – Вход в рай прямо здесь! Когда Смерть приходит ко мне, я никогда не печалюсь – нет, я приглашаю его выпить со мной. In vino amicitia, и на свете нет уз крепче тех, которые связывают собутыльников. Да, Смерть силен, однако на моей стороне многолетняя практика, и после нескольких стаканов он падает на стол и спит, как убитый. А когда он просыпается, меня уже и след простыл. Что скажете, друзья? Разве мой метод спасения не гораздо более легкий и приятный?

– Разве он не учится на собственном опыте? – спросил художник, а затем глотнул вина и насладился его вкусом.

– Сколько раз я ни предлагал ему выпить, он никогда не отказывался. Я начинаю подозревать, что он приходит ко мне до срока – просто потому, что обожает мое вино.

– Наверное, для этого нужно перепить любого в мире, иначе твой подход слишком опасен, – заметил писатель и осушил свой стакан.

– Меня это не волнует. Если я пьян, то какая разница, заберет Смерть меня или нет? – Ценитель вина снова наполнил стаканы из бурдюка.

– Достопочтенные господа, я никогда еще не слышал таких удивительных историй, – сказал робот-солдат, который все это время слушал их разговор. Теперь пришел его черед вести свой рассказ. – Но позвольте мне сделать одно наблюдение. Хотя все вы обладаете уникальными свойствами, которые до сих пор позволяли вам расстраивать планы величайшей силы во вселенной, каждым из вас управляет страх. Вы одержимы мыслями о том, как одолеть Смерть в следующем поединке. Это означает, что вы никогда не можете по-настоящему расслабиться и, следовательно, вы не свободны.

Остальные собеседники, которые были о себе очень высокого мнения, вежливо улыбнулись, услышав эти слова, однако теперь в

воздухе повис холодок. Ливень за окном превратился в легкий дождик, и даже пьяница стал храпеть тише.

Робот продолжал:

– Каждый раз, когда Смерть приглашает меня к себе, я иду на встречу с радостью. Да, с радостью. Уверяю вас, бояться Смерти совершенно не обязательно. Он просто хочет отвести нас в другую страну, которая в своем роде прекрасна. Живые думают, что вернуться из этой страны невозможно; и, хотя подобное мнение не является полностью неправильным, абсолютно правдивым назвать его тоже нельзя. Я был там уже много раз. Правила запрещают мне возвращаться, однако моя находчивость всегда позволяла мне их обойти.

Трое собутыльников потрясенно застыли, но затем, полностью осмыслив фантазию робота, громко расхохотались. Художник смеялся так, что чуть не падал; писатель визжал и хлопал ладонью по столу; лицо знатока вина так перекосило от смеха, что его глаза совершенно скрылись под складками кожи. Пьяница в углу беспокойно перевернулся на другой бок. Робот веселился вместе со всеми, пока наконец все не устали смеяться.

Писатель еще не мог говорить с абсолютной серьезностью, но все-таки возразил:

– Мне кажется, что на пути твоей истории стоит препятствие из области логики: если кто-то вернулся после смерти к жизни, значит, этот человек на самом деле не умер. Смерть по определению – то, после чего ожить невозможно.

– Позволь мне с тобой не согласиться, – сказал робот. – Прежде всего не логично предполагать, что никто и ничто не может покинуть царство Смерти. Это, разумеется, может сделать Смерть. – Увидев, что писатель собирается возразить, робот поспешил продолжить свое объяснение: – Во-первых, поскольку Смерть правит всем, что оказалось в его владениях, он волей-неволей должен принадлежать тому миру. В то же время он постоянно покидает его, чтобы прийти за нами. Если исходить из истинности обеих этих предпосылок, то почему мы должны делать вывод, что так не может сделать кто-то другой? Например, однажды я бродил по тому миру…

Он продолжил рассказывать вопиюще лживые истории, которые сводили его слушателей с ума. Однако никаких возражений по существу они придумать не могли и поэтому были вынуждены сидеть и бороться с головной болью; улыбки постепенно сползали с их лиц, сменяясь гримасами ярости. Вдруг пьяница, который лежал в углу под черным плащом, содрогнулся и открыл глаза. Остальные трое от удивления вскочили из-за стола.

– Будь ты проклят! Смотри, что ты наделал!

Не успел пьяница подняться, как трое искателей приключений схватили свои мешки, выбежали из домика и растворились в тумане.

Одетый в черное человек встал и отряхнулся. Пока он поправлял свою одежду, его лицо приняло серьезное выражение, и взгляд, который он обратил на робота, был холоден, словно лед.

Дождь закончился. Солнечный свет пронзил то, что осталось от туч, и осветил три фигуры, бегущие туда, где заканчивалась радуга.

– Теперь я знаю, кто ты, – сказал человек, – но в данную минуту у меня есть более важные дела. – У двери он обернулся: – Да, ты не смертен, но если ты надеешься больше меня не встретить, то сильно ошибаешься. Лови момент, бери быка за рога. Хватай все, до чего сможешь дотянуться.

Поэтому робот-солдат допил вино – все до последней капли, хотя оно и показалось ему безвкусным. Кроме того, он забрал все оставшиеся на тарелке рыбьи кости и бросил их дикой кошке, которая сидела на обочине дороги.

* * *

После этой встречи жизнь робота какое-то время была довольно однообразной. К тому моменту большинство людей уже прослышали, что появился еще один враль, который почти так же хорош, как и сам король. Чтобы еще больше продвинуться в своем ремесле, робот решил отправиться на поиски приключений в другие края.

Он завербовался на один из кораблей знаменитого исследователя, у которого были не все дома. Этот исследователь полагал, что в самом центре галактики находится огромная черная дыра, в которой можно найти восхитительные сокровища. Даже малой части этих сокровищ, рассеянных по краям черной дыры, хватило бы на то, чтобы экспедиция окупилась. Однако на полпути флот был уничтожен в результате столкновения с астероидами. Потерпевшего кораблекрушение робота выбросило в бесконечный вакуум космоса. Он плавал в невесомости, но тем не менее сохранял хорошее настроение и позволял хаотичным гравитационным полям тянуть себя из стороны в сторону.

Вселенная была огромной, и поэтому у робота хватало времени, чтобы осмотреться, но он ничего не видел, кроме бесконечного звездного поля. Робот дрейфовал сотни или даже

тысячи лет, прежде чем время от времени увидеть какую-нибудь звездную систему, которая приближалась сквозь облачка звездной пыли. В некоторых системах было по три солнца, а некоторые звезды уже превратились в холодные белые карлики. Иногда робот встречал даже искусственных существ, таких, как он сам, – они бесцельно дрейфовали среди обломков какого-то космического флота. Однажды перед ним возникла прекрасная туманность в форме розы. Робот смотрел на нее около двух миллионов лет, радуясь возможности изучить столь чудесный объект. Однако на полпути к ней на робота вдруг накатил приступ жадности, и он потянулся за предметом, похожим на аккумулятор. К сожалению, это движение изменило его курс ровно настолько, чтобы туманность-роза постепенно пропала из виду. Только семьдесят миллионов лет спустя она снова появилась позади робота.

А «аккумулятор» оказался просто инопланетной пепельницей.

Робот плыл, плыл… Когда же закончатся эти бесцельные скитания? Робот почувствовал, что его одолевает сон. То засыпая, то просыпаясь, он думал: «По крайней мере, пепельница послужит доказательством. Когда я вернусь, мне не нужно будет что-то придумывать: я просто расскажу правду, поведаю о том, что я пережил, и все поймут, что я лучше всех рассказываю небылицы… Но, с другой стороны, если все это – небыль, то зачем мне доказательства?» Даже сейчас, пребывая в замешательстве, робот помнил слова одетого в черное пьяницы и крепко сжимал в кулаке космический мусор – единственный трофей, добытый в ходе долгого путешествия.

Робот заснул. Ему приснилось, что на него бросилась электрическая овца с рогами, сделанными из алых лазеров. Робот хотел бежать прочь, однако его собственные ноги ему не подчинялись. Все схемы робота нагрелись от ужаса, и наконец овца с грохотом врезалась в него. Робот открыл глаза и увидел, что лежит в грязном водоеме.

Его берега были такими же гладкими и скользкими, как и стены колодца, и барахтавшийся в воде робот не мог ни за что зацепиться. Но когда он уже решил, что утонет, то вдруг ухватился за какой-то объект; что-то вытащило его из воды и подбросило в воздух. После полета, от которого у робота закружилась голова, он обнаружил, что лежит на берегу черной реки.

В небе сияла радужная пленка, и вокруг возвышались горы. Рядом с роботом сидел кот в плаще и невозмутимо забрасывал в реку леску.

– Извините за беспокойство, – сказал робот и поклонился

коту. – Где я?

Среди складок жира на морде господина Кота нельзя было разглядеть ни малейшего намека на доброту. Под его подрагивающими усами болталась удивительная сигарета – длиннее, чем все усы кота, вместе взятые. Кот курил ее уже очень долго, и она почти на семь десятых превратилась в пепел. Тем не менее кривой столбик пепла упорно цеплялся за нее, а линия горения уже подбиралась к усам кота.

– Ага! А у меня совершенно случайно есть пепельница! – сказал робот. – Если она вам нужна, то, пожалуйста, не церемоньтесь. – Робот почтительно протянул свое единственное сокровище курящему коту.

Господин Кот повернулся к роботу, и в его вертикальных зрачках вспыхнул зеленый огонь. От радости выражение его морды постепенно смягчилось.

– Мяяяуууу…

Так они стали друзьями.

Оказалось, что господин Кот потерял свою пепельницу, и, поскольку ему не хотелось мусорить на берегу реки, он был вынужден сидеть там, почти не двигаясь. К счастью, робот сумел спасти его из столь затруднительного положения. В благодарность за это господин Кот пообещал исполнить одно желание робота.

– Я просто хочу вернуться домой, – сказал робот.

Нахмурившись, господин Кот объяснил, что те, кто упал в черную дыру, вернуться уже не могут. Все рано или поздно должны явиться в Замок, и поэтому роботу стоит смириться со своей судьбой. Но робот настаивал на том, что еще не выполнил свое задание и поэтому остаться не может. Робот твердо намеревался воспользоваться любой имеющейся возможностью – даже если надежды на успех не было. Решимость робота тронула господина Кота. Он вздохнул.

– Ладно, ладно, я тебе помогу. Найди беглеца из картин, который всегда курит трубку. Говорят, он много раз уходил от Смерти.

Робот поблагодарил господина Кота за совет и двинулся дальше. Странные картины, которые он видел по пути, не поддавались никакому описанию. Идя по берегу реки, он оказался в пустоши, где ожесточенно сражались две огромные армии. Поле боя было завалено трупами и отрубленными конечностями.

Патруль солдат с трехмерными штрих-кодами поймал его и спросил:

– На чьей ты стороне?

– Я всегда был и буду верен его величеству Королю-Вруну.

Патрульные остались недовольны его ответом и бросили робота в тюрьму как шпиона. В соседней камере сидел человек, который курил трубку.

Робот объяснил, кого он ищет, и курильщик кивнул:

– Этот человек перед тобой! Раз ты друг господина Кота, то я тебе помогу – если ты обещаешь помочь мне. Как тебе известно, большинство присутствующих здесь покорно отправляются в Замок, когда их вызывают, ведь там их путешествие закончится, и они навсегда избавятся от тревог мира смертных. Однако есть и смутьяны, которые играют в прятки с Повелителем – со Смертью. Чтобы поймать меня, он рисовал одну странную картину за другой и помещал меня в них, надеясь, что эти хитроумно задуманные здания, которые невозможно построить, станут для меня ловушкой. Мне всегда удавалось ускользнуть, но он не сдается. Я надеюсь узнать, сколько еще картин он намеревается написать и когда ему наконец надоест меня мучить.

Робот встал, прижал к груди кулак и пообещал беглецу из картин, что найдет ответ, каких бы трудов это ему ни стоило.

– Великолепно. – Беглец указал на спрятанный под ногами робота люк: – Иди! Скорее!

За люком скрывался тоннель, похожий на длинную детскую горку в парке. Пролетев по тоннелю, робот упал на кучу соломы и обнаружил, что оказался в долине, у подножия заснеженных гор. Неподалеку, словно зеркало, сверкало чистое спокойное озеро. На его берегу росло высокое старое дерево, которое рубил топором бородатый, голый до пояса мужчина. Щепка, покрытая фрагментами предложений, пролетела по воздуху и упала у ног робота.

Робот объяснил свою задачу лесорубу, и тот спросил:

– Зачем тебе возвращаться домой?

– Чтобы рассказать несколько небылиц, – честно ответил робот.

– Довольно веская причина, – ухмыльнулся человек. – Ладно, я тебе помогу, если ты дашь слово помочь мне. Я – поэт, и на меня наложено проклятие – скорее всего, потому, что я украл зерно языка и написал с его помощью восхитительные стихи. Мой план таков: если дерево будет расти, я смогу залезть по нему и навсегда уйти от Смерти. – Они оба посмотрели на древнее дерево, пышная крона которого скрывалась за облаками. Однако ствол дерева был узловатый, покрытый наростами. Подул ветер, и с дерева дождем посыпались засохшие листья. – Когда-то дерево было наполнено жизненной энергией, но теперь оно чем-то заболело и перестало расти. Я хочу знать, какая скверна напала на ее душу.

Робот встал, прижал к груди кулак и пообещал поэту, что найдет ответ, каких бы трудов это ему ни стоило.

Поэт не до конца поверил роботу, но все же встал и продекламировал:

> «… est semblable au prince des nuées
> Qui hante la tempête et se rit de l'archer…»[20]

Словно отвечая на зов, с небес спустился огромный альбатрос. Птица схватила робота когтями, мгновенно взмыла над заснеженными горами и погрузилась в пронизанное молниями море из облаков. Робот немного устал после долгого пути, но вдруг прямо ему в грудь попала молния, подзарядив его энергией. Удивленный альбатрос отпустил его, и робот рухнул на палубу какого-то корабля. Блестящие лучи утренней зари отражались в бурном темном море. На носу корабля сидел пухлый мужчина и пил.

Робот пожелал ему доброго здоровья и рассказал о своем задании.

– Ты действительно добр, – сказал человек. – Я помогу тебе – если ты обещаешь помочь мне. Каждый раз, когда Смерть приходит за мной, я выпиваю бутылку своего напитка и становлюсь бесстрашным. Пока я пьян, он ничего не может со мной сделать. Но когда алкогольный туман рассеивается, я снова становлюсь слабым и испуганным. Я хочу знать, можно ли сделать так, чтобы я никогда не трезвел.

Робот встал, прижал к груди кулак и пообещал пьющему человеку, что найдет ответ, каких бы трудов это ему ни стоило.

Человек обрадовался и пригласил робота выпить с ним. Вино было поистине восхитительным, и даже металлический язык почувствовал прекрасный вкус, хотя у робота и не было слов, чтобы воздать должное напитку. После нескольких рюмок даже вечно трезвое электронное сознание затуманилось. Вино вызывало восхитительные ощущения, связанные с уничтожением себя самого и всего мира. Робот увидел, как тело его собутыльника надувается и расширяется… и наконец человек превратился в великана. Робот заметил, что сам он на его плече, а некогда бескрайнее море стало лужей у него под ногами. Великан схватил робота и, размахнувшись, бросил. Робот полетел с невероятной скоростью, а затем упал в кратер вулкана.

Рядом с кипящей лавой сидел задумавшийся человек. Узнав его, робот мгновенно протрезвел.

– Рад встретить вас снова, – сказал робот и поклонился. – Однако я все равно не могу отправиться с вами. Более того, я

пришел просить вас, чтобы вы отправили меня обратно, ведь мне нужно выполнять задание. Насколько я понимаю, разумные доводы могут вас убедить. Вы меня выслушаете?

– Ты просишь невозможного.

– Давайте, по крайней мере, это обсудим. Я мог бы вам пригодиться…

– Нет таких проблем, с которыми я бы не справился. Помощь мне не нужна.

– Я прошу прощения, но мне кажется, что есть вопросы, ответы на которые не знаете даже вы.

– Задавай их.

– Я знаю одного человека, которому всегда удается ускользать из ваших картин-лабиринтов. Вы знаете, как у него это получается?

– Прямо сейчас ответить не могу, но я непременно это выясню.

– Интересно… если он всегда сбегает, то почему бы вам не прекратить охоту?

– Если нет картин, то откуда возьмутся беглецы?

Робот уже увидел мир и набрался опыта, и поэтому его мыслительные способности улучшились. Снова и снова прокрутив слова человека через свои схемы, робот решил, что эту логику нельзя назвать сомнительной, и поэтому продолжил:

– У меня есть друг, который посадил дерево языка. Оно выросло почти до неба, но теперь чем-то заболело. Вы знаете, в чем причина.

– Возможно, дерево боится высоты.

Роботу было так приятно поговорить с настоящим мудрецом! Теперь сознание робота расширилось еще больше.

– Еще один вопрос. Говорят, что опьянение делает людей храбрыми и честными. Есть ли напиток, который опьяняет навсегда? Почему Создатель не позволяет пьяным чувствовать такую же смелость и уверенность в себе, когда они протрезвели?

– Разве не сами люди создают то, что их опьяняет?

Ответ фактически подтвердил догадку робота. Теперь ему показалось, что он неплохо разобрался в ситуации.

– Если вы уже знаете ответы, то почему не объясните их моим друзьям? – спросил робот.

Смерть вздохнул.

– Потому что они убегают, как только завидят меня, и я не успеваю ничего объяснить… Кроме того…

– Позволю себе высказать предположение: вам, скорее всего, нравится бесконечная охота, – осторожно сказал робот. Друзей у Смерти, вероятно, нет.

– Ладно, – печально сказал Смерть. – Если ты готов сообщить им мои ответы, я тебе помогу. С этими играми пора кончать.

– Можете на меня рассчитывать, – ответил робот, прижав кулак к груди.

Смерть подошел к роботу и прижал ладонь к его спине. Один сильный толчок – и робот полетел в кипящую лаву. Но она не причинила ему вреда: робот пролетел сквозь облака и снова оказался на корабле. Великан уменьшился в размерах и снова стал пухлым человеком, который сидел на корме корабля и пил в одиночестве.

– Ты узнал ответ на мой вопрос?

– Говорят, что не вино делает человека пьяным, а он сам. Друг мой, пытался ли ты увидеть мир, какой он есть, когда ты трезв? Взгляни на себя, взгляни на Смерть.

Человек молчал. Он никогда, ни разу за всю свою жизнь так не делал.

– Ты прав… – Мужчина поставил свой стакан и надолго уставился на след за кормой. Его разум пробудился, его взгляд стал ясным. Бурлящие, яростные черные волны казались зеркалом его души. На мгновение его тучное тело задрожало, словно он хотел сделать шаг назад, но заставил себя остаться на месте. Да, теперь он четко все видел; он понял, что такое честь и в чем состоит его долг. Он повернулся и скрылся в каюте, а вернулся уже облаченным в доспехи.

– Я дарю это тебе, – пожилой воин отвязал от пояса бурдюк и протянул его роботу. Ветер выл, и волны вздымались все выше. – Он идет ко мне. На этот раз я сойдусь с ним лицом к лицу.

Корабль взлетал на неистовых волнах и падал обратно в море, и внезапно робота вышвырнуло за борт. Бурдюк стал расти и, словно спасательная шлюпка, вытащил робота из воды. Робот оглянулся и увидел, что старый воин в ржавой броне взял меч на изготовку и стоит на палубе, подобно бронзовой статуе.

Робот долго дрейфовал на бурдюке по океану, пока вдруг не обнаружил, что находится посреди озера, окруженного заснеженными горами. Борода поэта стала еще длиннее, чем раньше, и теперь он пытался кормить заводную лошадь травой Мёбиуса.

– Принес ли ты мне ответ?

Робот открыл бурдюк, наполнил рюмку содержимым бурдюка и протянул ее поэту:

– Пей! Напиток тебя вдохновит. Но ты должен твердо знать, что именно этого ты хочешь.

Поэт помедлил.

– Почему бы и нет? Разве не этого я хочу?

Он выпил рюмку до дна. Сладкий нектар, очищенная пища богов, пролился на иссохшую почву его сердца и напитал ее надеждой, жизнью и молодостью, и тогда зерно любви проросло и превратилось в величественный побег, который взмыл в небеса и гордо раскинул во все стороны многочисленные зеленые листья. Восхищенный поэт, раскачиваясь, словно гиббон, полез по стеблю и вскоре исчез из виду.

Робот ждал. Как мы знаем, он был очень терпелив.

Он ждал.

И ждал.

Наконец поэт вернулся. Он был покрыт синяками и ранами, а в его бороде и волосах запутались веточки и листья. Дрожа, он поднял ветку и показал ее роботу.

Механический солдат хотел спросить, удалось ли поэту залезть на дерево, и если да, то что он там увидел? Приподнял ли он завесу над миром? Нашел ли он вечность? Но робот прикусил свой металлический язык, потому что не хотел огорчить поэта.

– Возьми на память эту ветку, – сказал поэт. Затем он помог роботу сесть на лошадь и начал заводить ее пружину. Скрип-скрип – витки пружины сжимались все сильнее; клац-клац – лошадь трогала копытом землю.

– Прощай, друг мой! Тебе пора. Увидимся, когда все начнется заново. Я теперь буду строить себе гробницу, а ты не оборачивайся, что бы ни случилось.

Поэт отпустил поводья, и заводная лошадь поскакала прочь, с радостью чеканя шаг. Робот уважал желания поэта и не стал оглядываться. Позади у него стихал звук ударов топора, врезающегося в дерево. В конце концов робот уже ничего не слышал, кроме воя ветра.

Механическая парочка пересекла пустошь и добралась до разрушенного города. На площади среди обвалившихся стен и упавших балок толпа верующих распинала вероотступника. Робот слез с лошади и присоединился к зрителям.

Человек, привязанный к кресту, сжимал в зубах знакомую трубку. В его глазах не было гордости или гнева, но только нежность. Посмотрев на зрителей, он остановил свой взгляд на роботе.

– А, вот и ты. Тебе есть что сказать?

– Ты всегда в бегах и не можешь задержаться ни в одном из миров. Но в глубине души разве ты не мечтаешь стать частью картины? Возможно, ты ждал, когда появится идеальный шедевр, который достоин стать твоим домом. Или, быть может, ты надеешься, что твой побег привлечет к себе всеобщее внимание – ведь наши глаза притягивает именно пустое место на картине.

Однако тем самым ты обрекаешь себя оставаться бесформенной тенью.

– Ага, да он действительно мудр! – восхищенно воскликнул художник. – Он указал на первопричину моего несчастья. Я должен отплатить добром за добро… Ладно, время пришло. Я исполню свой долг. Пожалуйста, возьми мою трубку и отдай ее ему в знак благодарности. Таково мое последнее желание.

Немного помедлив, священник в черных одеждах вынул изо рта у человека трубку, а затем подошел к роботу, открыв свое бледное лицо. Робот принял у него трубку.

Толпа заволновалась, требуя крови. Безголовый палач замахнулся молотом и вогнал длинные гвозди в кости человека, висящего на кресте. Удары звучали гулко; брызнула кровь, и во все стороны полетели розовые кусочки мяса. Толпа радостно завопила. Священник в черных одеждах достал альбом и начал делать набросок. Его тонкие, ловкие пальцы с абсолютной точностью двигались по бумаге; лицо жертвы на наброске выражало печаль и умиротворение. Все его страдания подошли к концу.

Люди подходили к окровавленному телу, целовали его и шли прочь. Толпа рассеялась.

– И снова остались только мы с тобой, – грустно сказал человек в черном.

– Я исполнил все, что обещал, – ответил робот.

– Ладно, я отправлю тебя в конец; только там ты сможешь найти начало. Остальное зависит от тебя. – Человек в черном перевернул альбом и начал рисовать на черной стороне.

Робот не сомневался, что Смерть сдержит слово. Он терпеливо ждал, пока перед глазами у него не помутилось. Мир потускнел, словно догорающий костер. Все формы и цвета утратили свою реальность, и тогда осталась только тишина.

Эти ощущения напомнили роботу о том, как он дрейфовал в космосе, но сейчас чувства были еще более чистыми и умиротворяющими. Робот попытался обернуться; ничто не преграждало ему путь, но он, казалось, упал на что-то мягкое и округлое. Усилия робота, похоже, ни к чему не привели: он просто превратился в глубокое углубление в космосе. Или, возможно, он плавал по озеру, и малейшее его движение вызывало бесконечную рябь.

– Прекрати сопротивляться, – раздался голос из темноты. Интересно, он сказал так из сочувствия или из-за нетерпения?

Робот, как всегда вежливый, замер и начал думать о том, что делать дальше. Голос показался ему знакомым.

– Ваше величество? – спросил он, не понимая, принадлежит

ли голос старому честному королю или новому – бесстыжему.

Ему никто не ответил.

Когда его глаза привыкли к темноте, робот заметил вдали пиксель, который светился чуть ярче, чем весь остальной фон. Если бы робот не обладал такой силой воли, то, возможно, вообще не обратил бы на него внимания. И все же теперь, когда у робота появилась цель, к которой можно стремиться, к нему вернулась смелость. Робот поплыл к пикселю, а ткань самого пространства одновременно и не позволяла ему двигаться, и не препятствовала ему.

Постепенно пиксель приблизился. Роботу пришлось приложить огромные усилия, прежде чем он подобрался к пикселю поближе и увидел, что это – почти погасший костер.

– Советую оставить его в покое, – сказал голос из темноты.

– Извините, но мне нужно отсюда выбраться. – Робот никогда не отказывался разговаривать с незнакомцами. Он верил, что если честно все объяснить, то всегда можно рассчитывать на понимание и доброе отношение к себе.

– Я знаю про твое задание, – сказал голос. – Верность заслуживает уважения, и, если бы это было возможно, я бы сам наградил тебя медалью. Однако последняя искра скоро погаснет, и тогда беспокоиться уже будет не о чем…

Немного подумав, робот достал ветку – последний подарок поэта – и осторожно засунул ее в угли костра. Последний огонек ожил, заплясал, словно кобра, и осветил сферический регион космоса. Из темноты появился старик с короной на голове, похожий и на молодого прежнего короля, и на постаревшего нового.

– Ой… – Он прищурился, глядя на яркий огонь. – Похоже, ты настроен очень решительно. Почему ты так хочешь вернуться домой? Вечный покой ты обретешь только здесь.

– Пока луч надежды не погас, я не сдамся.

– Это очень трогательно, – сказал старик. – Ты действуешь не только ради собственной выгоды, и это достойно восхищения. Ладно, позволь мне задать тебе пару вопросов. Если твои ответы меня позабавят, я тебе помогу.

– Я буду отвечать честно! – робот прижал кулак к груди.

– Когда я был юным правителем, то думал, что честность – главная добродетель. Я награждал тех, кто упорно работал, и пытался исправить тех, кто пошел по кривой дорожке. Таким образом, я уберегал своих подданных от грехов, и в их душах царил покой. Но нельзя утверждать, что мое королевство было раем на земле. Повзрослев, я начал понимать легкомысленных и безответственных, я стал более снисходительным к чужой

глупости и дерзости. Жизнь людей стала более спокойной и радостной, но нравы пришли в упадок. Ты, как непредвзятый наблюдатель, скажи: что более достойно поощрения – серьезность или нелепость? Кого больше любят – героя или клоуна?

– Ваше величество, я считаю, что судьба всегда любила рожать близнецов. Каждый из тех, кого вы назвали, – свой собственный близнец.

– Ха! Какой интересный ответ. Вижу, что внутри у тебя не просто кучка схем. – Старик улыбнулся.

– Вы правы: в мой электронный мозг попала вода, – ответил робот, который твердо решил, что будет говорить только правду. – И из-за этого в мои спутанные мысли проникли странные негативные электроны.

– А теперь второй вопрос. Человек – это клубок противоречий: он может принести себя в жертву, словно ангел, но может и всю жизнь мучить других, словно демон. Скажи мне, что сильнее – любовь или ненависть?

– Я заметил, что все смертные существа стремятся быть верными чему-то более неизменному, чем они сами. Только так мы можем обрести бесстрашие. Но то, чему именно мы присягаем на верность, не важно.

– Отлично, – сказал старик и погладил свою седую бороду. – Ты все больше мне нравишься. А теперь последний вопрос. Он очень важен, так что подумай хорошенько.

– Я воспользуюсь всеми вычислительными модулями своего тела, – торжественно пообещал робот.

– Великолепно. Тогда ответь: веришь ли ты, что сможешь исполнить свой долг? Если ты вернешься домой, сможешь ли ты действительно стать необычайным, бесподобным, уникальным, несравненным, непревзойденным, незаменимым, неповторимым, бросившим вызов истории и смеющимся над будущим мастером вранья?

Робот, как и обещал, задействовал 256 разных программ проверки и провел 97, 466, 000, 000, 000, 000 вычислений. Потратив почти все свои запасы энергии, он ответил:

– Да, ваше величество.

Старик медленно кивнул:

– Ситуация, очевидно, очень серьезная, поэтому я не прошу тебя продемонстрировать несколько историй в качестве примера. Может, ты расскажешь о том, как ты понимаешь искусство вранья? Тогда я смогу оценить, оправданна ли твоя уверенность.

Робот посвятил почти всю свою жизнь этому ремеслу, и поэтому ответ у него уже был готов.

– Я считаю, что небылицы радуют как рассказчика, так и

слушателя. Одна из причин состоит в том, что резкий блеск правды ранит органы чувств смертных и вселяет ужас в сердца простолюдинов. Поэтому необходимо скрывать истину в виде нелепых историй, чтобы она могла просочиться в хрупкое, склонное к подозрительности сознание. Даже если эти недалекие умы не смогут извлечь скрытую в историях истину, тупой инструмент, по крайней мере, не нанесет им слишком тяжелую рану…

Старик снова нахмурился: ответ не полностью его удовлетворил.

Робот продолжал:

– Однако многолетний опыт научил меня, что небылицы радуют просто потому, что позволяют воображению совершить прыжок в бесконечность. Это ничем не отличается от желания человека летать. Достаточно одного лишь удовольствия; другое объяснение не требуется.

Старик облегченно улыбнулся.

– Это хороший ответ. – Он достал из рукава карандаш, острый, словно меч. – Когда я жил в мире смертных, то с его помощью я завоевал весь мир и построил свое королевство. А здесь, во владениях Смерти, я использовал его, чтобы стереть свет и заключить все во тьму. Теперь я отдаю его тебе и надеюсь, что ты найдешь ему достойное применение. Смотри, огонь сейчас погаснет, и все заснет.

Ветка, которую робот подбросил в огонь, догорела дотла. Невдалеке послышалось эхо чьих-то грохочущих шагов.

– У тебя мало времени, – сказал старик, чья улыбка гасла вместе со светом костра.

– Вы пойдете со мной? – спросил робот, крепко сжимая карандаш.

– Я – раб и должен остаться здесь навеки. Иди же. И помни: все это – не какой-то хитроумный план и не интрига. Я помогаю тебе, просто чтобы хотя бы раз увидеть, как он почувствует горечь поражения.

Среди пепла оставалось еще несколько умирающих искр, и их было достаточно, чтобы осветить седую бороду, чей изгиб был похож на улыбку. Затем не осталось ничего, кроме тьмы.

Не теряя ни секунды, робот достал трубку. Ранее, пока он искал ветку, подаренную поэтом, он заметил, что трубка сделана из ластика. И теперь он провел трубкой сквозь тьму, и световая дуга разорвала первобытный хаос. Топот на мгновение умолк, но затем еще больше усилился: невидимый охотник бросился вперед.

Робот стирал со всей силой, пока ему не удалось протереть во

тьме круг – достаточно широкий, чтобы по нему можно было ползти: его размеры он рассчитал раньше, пока проводил 97,466,000,000,000,001e вычисление. Робот выпал из отверстия в грязь и мгновенно повернулся, чтобы закрасить дыру карандашом.

В дыре что-то тускло светилось, и поэтому робот видел белую руку Смерти, которая пыталась пролезть в портал между мирами. К счастью, робот уже зачеркнул дыру карандашом крест-накрест, и поэтому рука не могла выбраться наружу. Слушая вздохи Смерти, робот упорно работал, закрашивая все четыре сектора. Поначалу штрихи были поспешные и неровные, но потом робот убедил себя, что все в порядке, и терпеливо, тщательно закрасил каждый миллиметр пространства, не пропуская ни единого пикселя. Он закрашивал дыру до тех пор, пока карандаш не превратился в крошечный огрызок, который было невозможно удержать в руках. Проверив все и убедившись в надежности печати, робот расслабился и заснул.

Когда мальчик проснулся, он почувствовал боль во всем теле. Он лежал в грязи, прислонившись к большому корню дерева. В конце концов мальчик вспомнил, что упал в глубокую яму. В яму заглядывали какие-то перепуганные люди и громко спорили о том, как его оттуда вытащить.

По его шее полз какой-то жук. Мальчик осторожно поймал его и посмотрел, как он размахивает лапками. В животе у мальчика заурчало. Все вокруг было таким новым, таким интересным. Он хотел как следует пообедать, чтобы наградить себя за все, что пережил за этот день.

А потом, когда он набьет себе живот, он расскажет всем о своих приключениях. Мальчик был уверен, что люди никогда еще не слышали таких странных историй – их даже приукрашивать не придется.

Взрослые считают себя такими умными и всезнающими. Они никогда не поверят ребенку. Они скажут, что я все придумал… Но какая разница! Когда-нибудь они поймут, что я говорю правду.

Пусть даже назовут меня вруном, не важно. Если они полюбят мои истории, если они будут от души смеяться, слушая их, я им помогу.

Чжан Рэн [21]

Чжан Рэн окончил Пекинский университет Цзяотун по специальности «информатика». Поработав в индустрии информационных технологий, он стал репортером и комментатором в «Economic Daily» и «China Economic Net». За свою работу он получил награду «China News Award». В 2011 году он ушел с работы и уехал на юг Китая, чтобы посвятить всего себя литературе. Его первый научно-фантастический рассказ «Эфир» был опубликован в 2012 году и получил награду «Иньхэ», а также «Синъюн». Его повесть «Город усиливающегося ветра» была отмечена серебряной наградой «Иньхэ» и серебряной наградой «Синъюн».

Он обожает классический рок. Вместе с компаньоном он несколько лет управлял кофейней в Шэньчжэне, посетителей которой призывали рассказывать друг другу истории. Кроме того, он любит необычные поездки: например, чтобы попасть на «Worldcon» в Хельсинки в 2017 году, он поехал на поезде из Шэньчжэня, который находится на юге Китая, на север, в Пекин, а оттуда через Сибирь, с остановками в Москве и Санкт-Петербурге.

Переводы его произведений можно найти в «Clarkesworld» и «Watchlist: 32 Stories by Persons of Interest», а также в других изданиях.

«Снегопад в Цзинь-яне»[22] находится на грани между обычной научной фантастикой и «чуаньюэ» – традиционным жанром произведений о путешествиях во времени. Ближайшим его аналогом в англоязычной литературе можно назвать роман Марка Твена «Янки при дворе Короля Артура». В тексте произведения много шутливых отсылок к популярным тропам «чуаньюэ», историческим фактам и современным реалиям. Эту историю, возможно, стоит прочитать дважды: один раз без сносок и еще раз – с ними.

Я хочу особо поблагодарить второго переводчика, Кармен Илин Ян, которая также работала вместе со мной над произведением Анны У «Ресторан на краю вселенной: каша «лаба». В тексте я столкнулся с невероятно сложными переводческими проблемами, а наши с Кармен дискуссии и эксперименты сделали процесс решения этих проблем очень увлекательным и запоминающимся.

Снегопад в Цзинь-яне

1

Когда Чжао Да со своими людьми ворвался в квартал Сюаньжень, Чжу Дагунь находился в своей комнате и сидел в интернете. Он никогда еще не вступал в противоборство с правительством, иначе успел бы заподозрить неладное и устроил бы более эффектное представление.

Час овцы прошел на три четверти; обед уже закончился, а до ужина было еще далеко: в такое время дела в борделях Сюаньжень шли очень бойко. В жарком воздухе плыли ароматы духов и пудры; пестрые платки завораживали прохожих. С противоположной стороны Западной улицы, из-за двойных стен квартала Пинкан, где официально зарегистрированные куртизанки Императорской академии[23] развлекали аристократов и богачей, доносились обрывки мелодий. Но сестры из квартала Сюаньжень презирали своих коллег-соседок. Они считали, что в обучении столько же смысла, как и в том, чтобы снимать штаны перед тем, как пернуть. Ведь, в конце концов, все сводилось к одному и тому же – скрипу кровати. В квартале Сюаньжень кровати скрипели постоянно, и постоянно люди торговались о цене и делали ставки. Шум настолько стал частью жизни, что если обитателям квартала приходилось ночевать в какой-либо другой части Цзинь-яна, то более тихий район казался им совершенно безжизненным.

Как только нога Чжао Да в сапоге с тонкой подошвой ступила на землю квартала, стражник, согнувшийся в поклоне у ворот, понял: происходит что-то из ряда вон выходящее. Чжао Да со своими двумя тощими и бледными солдатиками заходил сюда три-четыре раза в месяц, и каждый раз его пребывание здесь сопровождалось ревом и воплями. Он словно считал, что честно отработал жалованье патрульного только в том случае, если сорвал голос. Но сейчас Чжао Да скользнул за ворота, не издав ни звука, сделал несколько движений руками в сторону стражника (как будто эти жесты мог понять кто-то, кроме него), а затем вместе с двумя солдатами стал крадучись продвигаться на север вдоль стены.

– Маркиз! Эй, маркиз Ю! – воскликнул страж и побежал вслед за ним, размахивая руками. – Что вы делаете? Вы меня пугаете! Отдохните с дороги, поешьте супа. Если вам нужна… ээ, «премия» или красивая девочка, только скажите…

– Заткнись! – Чжао Да свирепо взглянул на него и заговорил тише: – А ну встань к стене! Давай все сразу проясним: у меня ордер от окружного судьи. Это дело тебя не касается.

Напуганный стражник прижался к стене и, неуклюже отступая, следил за тем, как удаляются Чжао Да и его люди.

Дрожа от страха, он остановил проходившего мимо мальчика:

– Передай Шестой Мадам, пусть убирается. Живо!

Сопливый уличный мальчишка кивнул и бросился бежать.

Стремительно – палочка благовоний не сгорела бы и наполовину – со стуком закрылись двести сорок ставней на окнах тринадцати борделей квартала Сюаньжень. Скрип кроватей и голоса стихли. Чей-то ребенок заплакал, но звучная оплеуха тут же заставила заткнуться. Толпа людей, поправляющих на себе шляпы и одеяния, бежала через черный ход; люди выскакивали сквозь бреши в стенах и, словно испуганные крысы, скрывались в лабиринте улиц и переулков Цзинь-яна.

Мимо пролетела ворона. Стражник у ворот достал лук и стал правой рукой нащупывать стрелу, но обнаружил, что его колчан пуст. Он с досадой опустил лук. Кожаная тетива резко зазвенела, заставив его вздрогнуть от удивления. Только тогда он понял, что вокруг настала полная тишина, так что этот небольшой шум напугал его больше, чем барабаны, отбивающие время по ночам.

То, что Чжу Дагунь, проживший последние десять лет и четыре месяца в квартале Сюаньжень, не заметил, что в разгар деловой активности здесь вдруг стало тише, чем во время комендантского часа, можно объяснить только его удивительной рассеянностью. Только когда Чжао Да выбил дверь его комнаты, Чжу Дагунь, вздрогнув, поднял взгляд и понял, что пора действовать. Зарычав, он плеснул горячей водой из стакана прямо в лоб Чжао Да и перевернул свой стол. Наборный шрифт выпал из держателя и со стуком разлетелся по полу.

– Чжу Дагунь! – завопил Чжао Да, прижимая ладонь к пострадавшему лбу. – У меня ордер! Если ты не…

Не успел он договорить, как в него врезалась пригоршня наборного шрифта. Твердые, хрупкие блоки, сделанные из обожженной глины, причинили ему жуткую боль, а затем упали на пол и разбились, превратившись в прах. Чжао Да запрыгал, чтобы уклониться от новых снарядов, и комнату заполнили облака желтой пыли.

– Вы никогда меня не поймаете! – Чжу Дагунь бросал блоки направо и налево, чтобы задержать врагов, а сам тем временем распахнул выходившее на юг окно, намереваясь выпрыгнуть. Один из молодых солдат, подняв цепь, бросился сквозь желтый туман. Чжу Дагунь ударил его ногой в прыжке, и юноша, словно

пушечное ядро, пролетел по воздуху и врезался в стену. Цепь выпала из его рук; кровь из разбитого носа и слезы потекли рекой.

Пока Чжао Да и его люди продолжали вслепую нащупывать себе путь (шарить по комнате), Чжу Дагунь выскочил из окна, но хлопнул себя по лбу, вспомнив приказ министра Ма Фэна: «Тебя должны поймать, не сразу. Ты должен сопротивляться, но безуспешно. Завлекай их, разыграй из себя недотрогу. Они не должны понять, что все так и задумано».

– Завлекай их… завлекай… ну да, как же… – Собрав волю в кулак, Чжу Дагунь бросился вперед, а затем аккуратно зацепился правой ногой за левую в центре двора. – Ай! – крикнул он и со звучным шлепком рухнул на землю. От удара вода в стоящих рядом резервуарах заколыхалась.

Чжао Да выбежал на шум.

– Поделом тебе! Будешь знать, как бегать от меня! – расхохотался он, все еще прижимая ладонь ко лбу. – Наденьте на него цепи и тащите в тюрьму! Соберите все улики!

Из дома, спотыкаясь, вышел молодой солдат.

– Командир! – крикнул он. – Все глиняные блоки он разбил, а какие тут еще улики? И так как сегодня я пролил кровь, мне нужно есть питательную еду из белой муки, чтобы выздороветь! Мама говорила, что на службе у вас я каждый день буду есть пельмени. Но прошло уже два месяца, а о пельменях даже никто не вспоминал! А теперь мы застряли в городе, и я даже не могу поехать домой и не знаю, живы ли еще мои родители. Что за жизнь?

– Глупец! Да, шрифта уже нет, но у нас есть интернет-линии! Найди ножницы, обрежь их и бери с собой! – заревел Чжао Да. – Как только закроем это дело, ты не пельменями, ты пирожными каждый день объедаться будешь!

2

Судьбу мелких игроков часто меняет одно лишь слово, брошенное властителем.

Это был шестой день шестого месяца[24], почти самая макушка лета. Солнце высоко стояло в небе над северными землями, и ивы, посаженные вдоль улиц, поникали и увядали под его взором. Весь день не было даже самого слабого ветерка, как вдруг по улице, подняв пыль, пронесся небольшой вихрь: это генерал кавалерии Го Ваньчао выехал на своем экипаже из резиденции «Лиу» и в течение большей части часа двигался по

центральному бульвару в сторону южных ворот. Генерал отличался тщеславием и поэтому сейчас, естественно, сидел впереди и жал на педаль, чтобы экипаж издавал как можно больше шума. Это была последняя модель, выпущенная Институтом Восточного города: пять футов в ширину, шесть футов четыре дюйма в высоту, двенадцать футов в длину, карнизы со всех сторон, передние и задние двери на петлях, шасси из выдержанной древесины; корпус, инкрустированный золотыми нитями и украшенный изображениями гранатов. Экипаж отличался величественным видом и отменным качеством; цена самой простой такой модели начиналась с двадцати тысяч медных монет. Сколько людей во всем Цзинь-яне могли позволить себе подобную машину, если не считать такого человека, как Го Ваньчао?

Четыре трубы извергали из себя черный дым; колеса подпрыгивали на дороге из плотно утрамбованной земли. Го Ваньчао хотел холодно окидывать взором город, но из-за тряски прохожим казалось, будто он приветливо им кивает, поэтому каждый подходил ближе, чтобы поклониться генералу кавалерии и, в свою очередь, поприветствовать его. Го Ваньчао оставалось лишь натужно смеяться и отмахиваться от горожан.

В задней части экипажа стоял огромный котел с кипящей водой. Сотрудники Института Восточного города несколько часов объясняли Го Ваньчао на своем заумном жаргоне, как работает машина, но генерал этого так и не понял. Она, очевидно, кипятила воду, расходуя при этом огненное масло. Он знал, что такое масло доставляют из юго-восточных земель, что его можно поджечь одной искрой и что на поверхности воды оно горит еще жарче, чем обычно. Защитники городов лили такое масло на осаждающих. Масло заставляло воду вскипеть, и это каким-то образом приводило экипаж в движение. Но как это вообще возможно?

В любом случае, котел грохотал и кипел – так, что спина Го Ваньчао под доспехами едва не начинала поджариваться, а его сальное лицо заливал пот. Экипаж трясло так, что генерала пробирало до самых костей, и ему постоянно приходилось поправлять на голове серебряный шлем. Генерал кавалерии был сам виноват; в душе он уже проклинал себя за то, что решил сесть на место водителя. К счастью, он уже приближался к месту назначения. Пока экипаж с ревом проезжал мимо улиц и переулков, генерал достал черные очки и водрузил их на нос.

Левый поворот, и впереди показались ворота квартала Сицин. Несомненно, настала эпоха упадка и разнузданности, эра сокрушения общественных устоев: в стенах было столько дыр и

брешей, что воротами никто не пользовался. Но Го Ваньчао казалось, что такой чиновник, как он, должен действовать сообразно своей высокой должности, а здесь не было ни одного лакея и стражника, которые бросились бы ему прислуживать, и поэтому все выглядело как-то неправильно.

Никто не вышел к воротам, чтобы поприветствовать его. Отсутствовал не только смотритель, но и стражники, похоже, тоже забились в какой-то темный угол, чтобы поспать. Го Ваньчао остановил свой экипаж перед воротами и вскоре уже тяжело дышал и обливался потом: старые софоры и кипарисы, которые росли вдоль улицы, отбрасывали тень куда угодно, но только не на него.

– Стража! – завопил Го Ваньчао. Никто ему не ответил, и даже ни одна собака не залаяла. Он в ярости спрыгнул на землю и зашел в квартал Сицин на своих двоих. Резиденция министра Ма Фэна находилась чуть южнее ворот. Не утруждая себя разговорами с привратником, он распахнул дверь резиденции министра и решительно двинулся в обход главного здания, направляясь к заднему двору. – Сдавайтесь, предатели! – заревел он.

Начался переполох: повсюду распахнулись окна, пять или шесть ученых-чиновников попытались протиснуться в узкие отверстия, но лишь помешали друг другу и упали.

– Ай, генерал! – Старый пузатый Ма Фэн подкрался к двери и выглянул в щелку. Затем он прижал руку к сердцу и вознес хвалу небесам. – Не надо так с нами шутить! Слушайте, все! Возвращайтесь в дом. Это просто генерал, бояться нечего. – Старик так напугался, что с него слетела шапка, и все увидели копну его седых волос, похожую на мочалку.

– Ну что же ты! – злобно ухмыльнулся Го Ваньчао. – Если в тебе так мало храбрости, как же ты собираешься замыслить измену?

– Тссс! – Старый Ма Фэн снова перепугался. Он подбежал к Го Ваньчао, взял его за руку и затащил его в дом. – Осторожно! Стены здесь не такие уж толстые…

Вся компания гурьбой зашла внутрь; ученые заперли дверь на засов, постарались вернуть на место оконные панели и осторожно расселись по местам. Министр Ма Фэн потянул генерала Го Ваньчао к стулу, но тот вырвался и встал в самом центре комнаты. Сесть ему хотелось, но, к несчастью, древний доспех, который генерал надел из-за его внушительного вида, на неровной дороге чуть не до крови расцарапал его причиндалы.

Старый Ма Фэн надел свою шапку, почесал седую бороду и представил Го Ваньчао собравшимся.

– Уверен, все видели генерала при дворе. Он нужен нам для достижения наших целей, поэтому я тайно пригласил его сюда…

– Почему на нем эти черные очки? – прервал его высокий, поджарый ученый в желтом одеянии. – Он так презирает нас, что закрыл глаза, дабы избавить себя от необходимости нас лицезреть?

– Ага! Я ждал этого вопроса. – Го Ваньчао небрежно снял черные очки. – Это очередная диковинка из Института Восточного города. Они называются «Изгонятель лучей». Очки позволяют видеть все как обычно, но защищают от блеска солнца. Чудесное изобретение!

– Человеку, который заинтересован в просвещении, не подобает уменьшать проникновение света, – буркнул ученый в желтом.

– Кто сказал, что я умею лишь изгонять лучи? – Го Ваньчао с гордостью достал из рукава предмет с ручкой из тикового дерева и латунным наконечником. – Это устройство – еще одно изобретение Института Восточного города. Оно излучает ослепляющий свет, который пронзает темноту на расстоянии ста шагов. Сотрудники Института еще не придумали для него название, поэтому я назвал его «Световой меч». Изгонятель лучей и световой меч! Блестяще, да? Само небо свело их вместе, ха-ха…

– Отвратительное бахвальство! – выкрикнул ученый в белых одеждах, вытирая рукавом кровь с лица. Он выбежал из дома слишком быстро и оступился; кровь из раны на лбу залила нежное лицо ученого, и в результате его светлая кожа покрылась пятнами цвета пахотной земли. – С тех пор как был основан Институт Восточного города, наше гордое царство Хань слабеет с каждым днем! Мы в осаде уже несколько месяцев, и народом овладели страх и ужас. А люди, подобные тебе, наслаждаются такими, такими…

Ма Фэн поспешно потянул ученого за рукав, пытаясь унять страсти.

– Брат Тринадцатый, брат Тринадцатый, пожалуйста, усмири свой гнев. Давай сначала разберемся с делами! – Старик неторопливо обошел комнату, задергивая занавески и тщательно закрывая трещины в окнах. Откашлявшись, он достал из рукава и показал собравшимся трехдюймовый квадрат бамбуковой бумаги, покрытый символами величиной с комариную голову.

Ма Фэн принялся негромко читать текст:

– Шестой месяц шестого года эпохи Гуанъюн[25]. Великое царство Хань ослабело и погрузилось во тьму, а в двенадцати провинциях вокруг нас полыхает пожар войны. У нас менее сорока тысяч домов, и того, что производят наши крестьяне, не

хватает на прочные доспехи и оружие для солдат. После череды засух и наводнений наши поля стоят бесплодными; колодцы пересохли, амбары и склады пусты. При этом мы по-прежнему должны платить дань Ляо на севере и опасаться нападения Сун на юге, что опустошает казну. У простолюдинов нет пищи, чиновники не получают жалованья, вдоль дорог лежат люди, умирающие от голода. У лошадей нет травы, которую можно щипать; государство обеднело, а вид его подданных вызывает жалость! Горе стране! Горе великому царству Хань!

– Горе, – синхронно отозвались ученые, а затем одновременно воскликнули: – Отлично сказано!

Но Го Ваньчао свирепо взглянул на оратора:

– Хватит этих цветистых речей! Переходи к сути дела!

Ма Фэн достал кружевной платок и вытер пот со лба.

– Да, да, нет смысла читать дальше официальное обличение. Генерал, ты прекрасно знаешь, что после долгой осады, устроенной армией Сун, царство Хань ослабело, а Чжао Куанъи решил, что захватить наш город для него – дело чести. В его указе говорится, что «династия Хань давно перестала повиноваться законному правителю, сошла с праведного пути и ведет народ к гибели. Ради благополучия страны и народа я лично прибыл, дабы свершить правосудие и усмирить Хань». Чжао Куанъи известен своим злобным, мстительным характером. Ты же знаешь: царь Уюэ добровольно отдал свои земли Сун и за это получил титул принца; а правитель Чуаня и Тана уступил свои владения только после того, как увидел у своих ворот армию Сун – и за это его сделали всего лишь местным командующим войсками. Цзинь-ян в осаде уже почти десять месяцев, и Чжао Куанъи вне себя от ярости. Когда город падет, титул, который получит наш император, будет наименьшей из наших забот. Весь город ощутит на себе гнев Сун! Если гнездо упало с дерева, в нем не останется ни одного целого яйца. Генерал, не допусти, чтобы на долю нашего народа выпали невообразимые страдания!

– На самом деле нам, офицерам, тоже две недели не платят, и солдаты целыми днями стонут от голода, – ответил Го Ваньчао. – Если отбросить все твои причудливые иносказания и намеки, то ты утверждаешь, что наш крошка-император Лю Цзиюань все равно на троне долго не просидит и поэтому нам стоит сдаться. Я прав?

В тот же миг ученые вскочили со стульев и гневно завопили. Они проклинали его, вспоминали слова Конфуция о долге правителя и подданного, отца и сына, об уважении к подданному, на которое последний отвечает правителю, и так далее, и тому подобное. В конце концов Ма Фэн задрожал от страха.

– Послушайте все! У соседей есть уши, у соседей есть уши…

Когда в комнате наконец настала тишина, старик ссутулился и нервно потер ладони.

– Генерал, пойми: мы прекрасно знаем, что должны хранить верность монарху. Но если правитель не исполняет свой долг, как можно ждать, что его подданные останутся верны долгу? Если император не умен, если он плохо правит, то мы вынуждены нарушить закон! Мы можем дождаться, когда город падет, и тогда армия Сун нас всех перережет. Может случиться и так, что армия Ляо успеет прийти и прогнать Сун. В этом случае Хань станет просто провинцией Ляо. Но если мы откроем ворота и сдадимся Сун, то тем самым спасем восемь тысяч шестьсот семей Цзинь-яна и двенадцать тысяч солдат, а также семью императора. Генерал, ты понимаешь, какой выбор наилучший! Сун, по крайней мере, следуют тем же обычаям и говорят на том же языке, что и мы, а Ляо – это кидани и татары. Лучше сдаться Сун, чем стать рабами Ляо! Пусть потомки проклянут нас, пусть назовут нас трусами и предателями, но мы не станем псами киданей!

Выслушав эту речь, Го Ваньчао был вынужден изменить свое мнение о старике.

– Ну хорошо, – ответил он и показал ему большой палец. – Ты действительно праведный человек, если в твоих устах даже капитуляция звучит как хорошее и благородное дело. Я готов тебя выслушать. Изложи мне свой план.

– Да, да… – Ма Фэн знаком приказал всем вернуться на свои места. – Десять лет назад, когда предыдущий правитель Сун, старший брат Чжао Куанъи, вторгся в Хань, мы с генералом-губернатором Лю Цзийе подали императору записку, в которой умоляли его сдаться. За это он приказал выпороть нас и прогнать со двора. Но в последнее время император целыми днями пьет и пирует, не заботясь о делах государства. Это идеальная возможность для нас. Я уже тайно связался с инспектором Го Цзинем из армии Сун. Если ты сможешь открыть ворота Даша, Яньша и Шахэ, то Сун примут нашу капитуляцию.

– А как же крошка-император Лю Цзиюань? – спросил Го Ваньчао.

– Как только он поймет, что у него нет выбора, он тоже проявит мудрость и сдастся, – ответил Ма Фэн.

– Что ж, ладно. Но подумал ли ты о том, как устранить самое главное препятствие? Что мы будем делать с Институтом Восточного города? – Го Ваньчао обвел взглядом ученых. – Люди принца Восточного города находятся на стенах, воротах и укреплениях, они управляют всеми оборонительными механизмами. Если принц не сдастся, армия Сун не сможет войти

в город, даже если мы откроем ворота.

Ученые, собравшиеся в комнате, смолкли.

– Институт Восточного города? – Ученый в белых одеждах вздохнул. – Если бы не принц Лу, Цзинь-ян, вероятно, давно бы пал…

– Мы решили послать к принцу Лу представителя, который наставит его на путь истинный, – сказал Ма Фэн.

– А если это не поможет? – спросил Го Ваньчао.

– Тогда мы подошлем к нему убийцу и одним ударом избавимся от этого самозванца.

– Старик, это не так-то легко, – сказал Го Ваньчао. – Институт Восточного города хорошо охраняется. Там столько этих странных машин, что убийца может умереть, так и не увидев принца Лу!

– Институт Восточного города стоит бок о бок с тюрьмой, – ответил Ма Фэн. – Все люди принца – преступники, которые когда-то сидели в ней. Нам нужно просто поместить нашего человека в тюрьму, и тогда он в конце концов непременно окажется рядом с принцем Лу.

– А кандидаты у тебя есть? Один для убеждения, другой для убийства. – Го Ваньчао обвел взглядом комнату. Ученые избегали смотреть ему в глаза. Обратив свой взгляд внутрь себя, они принялись вполголоса читать наизусть Тринадцатикнижие.

Го Ваньчао хлопнул себя по лбу:

– Погоди, у меня самого есть человек на примете – писец из этой вашей Академии Ханьлинь, своего рода старый знакомый. Он – шато, у которого фамилия ханьца. Ученый из него так себе, но силы ему не занимать. Он – один из тех лицемерных глупцов, которые целыми днями сидят в интернете и жалуются на все подряд. Дадим ему немного денег и нож, а ты произнесешь речь, наподобие той, что сказал сейчас, и тогда он с радостью сделает все, что нам нужно.

Ма Фэн захлопал в ладоши.

– Чудесно! Но нужно сделать так, чтобы его посадили в тюрьму по веской причине, иначе у Института Восточного города возникнут подозрения. С другой стороны, если преступление слишком тяжелое, то из подземелья он не выйдет. И слишком незначительным оно быть не может. Оно должно быть таким, чтобы цепи и кандалы были уместны.

– Ха-ха, за этим дело не станет. Малый все свое время дает непрошеные советы и распространяет клевету в сети, так что свое преступление он уже совершил. – Го Ваньчао сжал свои доспехи одной рукой в промежности и повернулся к двери. – Ну что ж, пусть о нашем сегодняшнем разговоре знают только вы, я, небо и

земля. Иду искать интернет-распорядителя. А того парня я приведу позже, тогда и поговорим. Прощайте!

Лязгая доспехами, генерал вразвалочку вышел из комнаты. Презрительные взгляды ученых отражались от задней пластины нагрудника, не причиняя Го Ваньчао вреда. Затем повозка, работающая на огненном масле, оглушительно загрохотала. Ма Фэн вытер пот с лица и вздохнул.

– Очень надеюсь, что разобраться с Институтом Восточного города в самом деле будет так легко. На кон поставлена наша жизнь. Мы должны действовать осторожно! Осторожно!

3

Чжу Дагунь не знал, какой именно судья отправил за ним солдат, но, как и сказал ему министр Ма Фэн, исправительное заведение Министерства юстиции, окружная тюрьма Тайюаня, тюрьма округа Цзинь-ян и военная тюрьма Цзянсёна теперь представляли собой одно и то же. Кто, если не потрясающе невежественное правительство, виноват в том, что государство потеряло все двенадцать своих префектур и сейчас под его властью остался только город Цзинь-ян?

Пока солдаты тащили Чжу Дагуня в цепях по кварталу Сюаньжень, многие с любопытством следили за ним сквозь трещины в забаррикадированных дверях борделей. Кто из сестер, клиентов и служителей борделей не узнал бы нищего ученого? Он, писец из Академии Ханьлинь, жил не где-нибудь, а в квартале красных фонарей. Возможно, все бы отнеслись к этому с пониманием, будь он человеком страстным, но он, что самое отвратительное, за все время, пока жил там, ни разу не посетил сестер. Каждый раз, проходя мимо них, он закрывал лицо рукавом и бормотал: «Извините! Извините!» Все спрашивали себя, чего он стыдился больше: того, что предки видят, что он оказался в таких обстоятельствах, или того, что девочки Сюаньженя увидят то, что спрятано у него в штанах?

Лишь Чжу Дагунь знал, что он стыдится только одного: своего кошелька. После того как армия Сун подошла к городу, Академия Ханьлинь перестала выплачивать ему ежемесячную стипендию. За три месяца осады составлением документов он заработал лишь четыре пека риса и пять ниток монет. Их называли «сотенными нитками», но на каждой из них он насчитал только семьдесят семь свинцовых монет. Если он бы провел ночь в Доме Теплого Благоухания, то остаток месяца ему пришлось бы питаться мякиной. Кроме того, нужно было платить за интернет.

Свой дом Чжу Дагунь выбрал не только из-за низкой арендной платы, но и из-за легкого доступа к сети. Терминал управления сетью находился на стене прямо за его домом, и если возникали неполадки со связью, нужно было пнуть лестницу, которая вела наверх, и немного поорать. Интернет стоил сорок монет в месяц, и еще приходилось немного доплачивать за хорошие отношения с менеджером сети. Для человека, который не мог прожить и дня без интернета, баланс доходов и расходов было крайне важен.

– Что ты там плетешься? Шевелись! – Чжао Да дернул за цепь. Чжу Дагунь, спотыкаясь, поплелся вперед по улице, торопливо закрываясь рукавом. Вскоре они уже вышли из передних ворот квартала Сюаньжень и повернули на восток, на широкую улицу Чжуке. Прохожих там было мало, да и в военное время, когда повсюду царил хаос, на преступника в цепях уже никто не обращал внимания. Чжу Дагунь горбился и прятал лицо, боясь наткнуться на своего коллегу из Академии Ханьлинь. К счастью, время было послеобеденное, и все спали, набив животы, так что ни одного ученого он не заметил.

В конце концов Чжу Дагунь не выдержал.

– Г-Господин… – протянул он тонким голоском, обращаясь к офицеру. – За что меня арестовали?

– За что?! – Чжао Да сурово взглянул на него. – За дезинформацию, за распространение слухов… Ты думал, правительство не в курсе, что ты там творишь в сети?

– Разве это преступление, когда обеспокоенные граждане обсуждают текущие события? – спросил Чжу Дагунь. – Кроме того, откуда правительство знает, о чем мы говорим в сети?

Чжао Да зло рассмеялся.

– Если дело касается правительства, люди правительства за этим следят. Да известно ли тебе, жалкому писцу без должности, что распространение слухов о текущей обстановке – преступление такой же важности, как разжигание беспорядков в правительственном учреждении или нападение на министра? Кроме того, интернет – это еще одно новое изобретение Института Восточного города. Поэтому мы, естественно, должны быть вдвойне осторожны. Возможно, ты думаешь, что менеджер сети просто обеспечивает бесперебойную работу интернета, но на самом деле он записывает каждое слово, которое ты отправляешь. Все в его досье, все черным по белому. Посмотрим, как ты будешь выкручиваться!

Потрясенный Чжу Дагунь умолк.

Чух-чух-чух-чух. Мимо, плюясь огнем и дымом, прогрохотал экипаж, работающий на огненном масле. На его боку виднелась надпись «Восточный город XII»: это была одна из ремонтных

машин Института.

– Армия Сун снова штурмует город, – сказал один из солдат. – Скорее всего, у них опять ничего не выйдет.

– Тссс! Какое право ты имеешь об этом говорить? – прервал его второй.

Впереди находилась лавка какого-то торговца, и вокруг нее собралась толпа. Чжао Да повернулся к одному из своих солдат и сказал:

– Лю Четырнадцатый, накопи денег и почисти лицо. Так будет больше шансов найти жену.

Лю Четырнадцатый хихикнул и покраснел.

Тогда Чжу Дагунь понял, что перед ними киоск Института, занимающийся удалением татуировок. Чтобы справиться с дезертирством, император Хань приказал татуировать на лицах воинов названия дивизий. У солдат из Цзянсёна были татуировки «Цзянсён», у солдат из Шоуяна – «Шоуян». А вот у бездомного бродяги Лю Четырнадцатого лицо блестело от чернил: на нем были выбиты символы каждой армии, которая когда-либо патрулировала эту страну. Нетронутыми оставались только глаза. Если в будущем он снова захочет завербоваться в армию, ему придется побриться налысо и татуировать себе макушку и затылок.

Когда принц Восточного города изобрел способ удалять татуировки, солдаты стали выстраиваться к нему в очередь. В ходе процедуры тонкую иглу обмакивали в раствор щелока и многократно прокалывали ею кожу в месте татуировки. Образовавшиеся на месте проколов корки удаляли, и кожу снова смазывали раствором щелока, а затем заматывали тряпкой. Когда раны заживали, а вторые корки сходили, под ними оказывалась чистая новая кожа. Сейчас, когда город оказался в осаде, каждый хотел найти себе жену и, пока не поздно, насладиться семейной жизнью. Изобретение принца Лу доказало, насколько хорошо он понимает солдат.

Солдаты с пленником прошли чуть дальше, в квартал Йоужень, а там запрягли быка в телегу и поехали на восток. Чжу Дагунь, сидевший на набитом мешке, подпрыгивал на каждом ухабе; цепи стирали ему кожу на шее до крови. В глубине души он невольно жалел о том, что согласился выполнить это задание. Он и генерал кавалерии Го Ваньчао считались старыми знакомыми, ведь их отцы были министрами старого императора Гаоцзу Лю Чжиюаня. С тех пор судьбы семей сложились совершенно по-разному, но время от времени Го Ваньчао и Чжу Дагунь все равно встречались, чтобы выпить подогретого вина и вспомнить прошлое.

В тот день, когда Го Ваньчао пригласил его к себе, Чжу Дагунь совершенно не был готов увидеть еще и министра Ма Фэна. Ма Фэн – это вам не кто-нибудь; его дочь была любимой наложницей императора, и он любил ее так сильно, что даже называл Ма Фэна своим тестем. Ма Фэн давно ушел с поста канцлера, чтобы занять выгодную должность министра Сюанхуэй. Если не считать генералов и военных наместников, в подчинении которых были войска, то во всем Цзинь-яне ни один человек не обладал таким влиянием и властью, как Ма Фэн.

После нескольких чашек вина Ма Фэн рассказал Чжу Дагуню об их замыслах. Чжу Дагунь немедленно бросил свою чашку на пол и вскочил.

– Разве это не измена?

– Сыма Гуан однажды сказал: «Верность состоит в том, чтобы отдать всего себя ради благополучия другого человека». Яньцзы также сказал: «Быть верным министром – значит давать добрые советы своему повелителю, а не умереть вместе с ним». Брат Чжу, как следует подумай о своей выгоде и убытках – ради блага жителей города. – Произнося эту речь, старый Ма Фэн держал Чжу Дагуня за рукав, а его усы дрожали.

– Сядь! Сядь! Кого ты хочешь обмануть этим лицедейством?! – воскликнул Го Ваньчао и смачно харкнул. – Все вы, ученые, одинаковые. Ты не в силах что-либо изменить, ты целыми днями разглагольствуешь и споришь в интернете, критикуешь все действия императора, сокрушаешься о том, что скоро Хань падет. А теперь ты вдруг не в силах выслушать ни единого дурного слова об императоре? Скажу прямо: как только эти псы Сун захватят город, мы все сдохнем. Лучше сдаться, пока можно, и спасти десятки тысяч жизней. Я достаточно понятно выражаюсь?

Чжу Дагунь неловко застыл, не желая ни подчиниться генералу и сесть, ни бросить ему вызов и уйти.

– Но ведь на городских стенах машины принца Лу. Цзинь-ян хорошо укреплен, и, по слухам, пару дней назад по реке Фэньхэ доставили партию зерна из Ляо. Мы продержимся, по меньшей мере, еще несколько месяцев.

Го Ваньчао сплюнул.

– Думаешь, принц Лу нам помогает? Он все нам портит! Эти собаки Сун захватили Центральные равнины. Денег и зерна у них хватит, чтобы поддерживать осаду еще несколько лет. В третьем месяце армия Сун разгромила киданей в горах Байма и убила их принца Южных владений Елу Тале. Кидани теперь боятся даже нос высунуть из ущелья Яньмэнь. Как только армия Сун захватит переправы на реках Фэньхэ и Цзинхэ, Цзинь-ян окажется в кольце.

Как мы собираемся побеждать? И кто знает, откуда взялся этот принц Восточного города с его странными устройствами? Действительно ли он хочет лишь помочь нам защитить город? Не думаю!

Повисло молчание. На столе потрескивала лампа, заправленная огненным маслом, отбрасывая свет на стены комнатки. Эту лампу, естественно, тоже изобрел принц Лу. За несколько монет можно было купить столько огненного масла, чтобы эта лампа горела до утра. У дыма был кислый запах, и, оседая на потолке, он оставлял на нем черное жирное пятно, но эта лампа горела куда ярче, чем лампы с растительным маслом.

– Что мне нужно сделать? – спросил Чжу Дагунь и медленно сел.

– Сначала постарайся его уговорить. Если это не поможет, доставай нож. Разве не так это делается? – ответил Го Ваньчао, поднося к губам чашку с вином.

4

Происхождение принца Лу было тайной для всех. Никто и не слышал о нем до того, как армия Сун окружила город, но затем, после утраты двенадцати префектур, по Цзинь-яну поползли слухи об Институте Восточного города. Буквально за одну ночь в Цзинь-яне появились бесчисленные новинки, три из которых привлекли наибольшее внимание: литейная с огромным водяным колесом в Центральном городе, оборонительные машины на городских стенах и протянувшийся по всему городу интернет.

Цзинь-ян был поделен на три части – Западный город, Центральный и Восточный. Центральный город раскинулся по обоим берегам реки Фэньхэ; водяное колесо, установленное прямо под верандой, день и ночь вращалось под действием течения.

Водяные колеса уже давно использовались для того, чтобы орошать поля и молоть зерно. Кто знал, что они годятся и для других дел? Скрипящие деревянные шестерни приводили в действие кузнечные мехи литейной, а также водяных драконов, огненных драконов, лебедки и скользящие тележки на городских стенах. В литейной было несколько печей, в которых мехи создавали поток воздуха над железом, раскаленным с помощью огненного масла. Получавшееся железо было гораздо более тяжелым и прочным, чем прежде.

Изменения были еще заметнее на городских стенах. Принц Лу установил на вершине стен параллельные деревянные

направляющие и протянул от одного конца пути до другого прочную веревку. Нажми на рычаг с пружиной, и сила водяного колеса передастся веревке; веревка потянет за тележку – и тогда эта тележка, словно молния, полетит по направляющим. Обычно поездка от ворот Даша до ворот Шахэ занимала целый час – даже на быстрой лошади, – но скользящая тележка преодолевала этот путь за пять минут. Во время первой поездки солдаты, привязанные к тележке в качестве пассажиров, вопили от ужаса, но после нескольких рейсов происходящее начало им нравиться. Солдаты по достоинству оценили нововведение; они стали опытными возницами и целый день проводили в тележках и даже отказывались из них вылезать. Всего тележек было пять – три для пассажиров и две для катапульт. Катапульты ничем не отличались от уже имевшихся, однако их взводило водяное колесо, а не пятьдесят сильных мужчин, тянущих за кожаные ремни. И эти катапульты стреляли уже не камнями, а свиными желудками, наполненными огненным маслом. В каждом желудке лежал сверток с порохом, завернутым в промасленную ткань, а из свертка торчал фитиль, который поджигали перед выстрелом.

Осажденные издавна метали во врага камни и бревна, однако с каждым выстрелом камней и бревен оставалось все меньше. Если осада продолжалась достаточно долго, то защитникам города обычно приходилось разбирать на части дома. Поэтому Институт Восточного города изобрел жуткое устройство. По приказу принца Лу воины набили желтой землей большие глиняные колонны пять футов в длину и два фута в ширину, а на поверхности вставили железные шипы. Создание колонн шло по определенному рецепту: желтую землю накрывали соломенными циновками и оставляли преть на неделю; затем ее смешивали с клейкой рисовой пастой, резаной соломой и свиной кровью, а затем многократно утрамбовывали. Шипы на поверхности колонн защитники города поливали сточными водами, пока те не покрылись неестественной красно-черной ржавчиной. Принц Лу говорил, что они заразят солдат Сун болезнью под названием «столбняк». Эти колонны, каждая из которых весила две тысячи шестьсот фунтов и зловеще сверкала желтоватым бронзовым блеском, оказались великолепными орудиями уничтожения. Сотни колонн защитники Цзинь-яна приковали к вершинам стен железными цепями. Когда армия Сун пошла на штурм, колонны обрушились на нее, давя лестницы, тараны, щиты и солдат одновременно. А затем, после поворота лебедки, водяное колесо, негромко поскрипывая, потянуло за цепи и неторопливо подняло окровавленные колонны обратно на парапет.

Понеся огромные потери, армия Сун изменила тактику и

отправила вперед пленных киданей, а также старых, слабых и больных воинов. Когда же их расплющило, войско Сун воспользовалось тем, что колонны еще не успели поднять, и пошло в атаку с лестницами, осадными башнями и катапультами. Но теперь вступили в дело катапульты на скользящих тележках. В один миг сотни красных, вонючих, дрожащих желудков взлетели в небо и, превратившись в огненные шары, упали на армию Сун. Дерево затрещало, завопили солдаты. Воздух наполнился запахом жареного мяса на фруктовом дереве. Затем настал черед лучников: они стреляли в каждого, у кого был плюмаж на шлеме – все знали, что перья на шлеме носят только офицеры армии Сун. Но стрел было мало, и их нужно было тратить с умом. И когда лучники выпустили по паре стрел, они вернулись на отдых, и на этом битва закончилась.

Поле под стенами города заволокло густым черным дымом. Защитники Цзинь-яна на стенах тыкали пальцами, указывали вдаль, считая убитых врагов. За каждого убитого врага воин рисовал на своей руке черный круг, чтобы получить награду от Института Восточного города. По подсчетам принца Лу, за эти месяцы под Цзинь-яном погибло два миллиона солдат Сун. Все остальные, глядя на лагерь армии Сун, который все еще простирался от горизонта до горизонта, пришли к негласному соглашению – не упоминать о проблемах статистики, связанных с самостоятельным предоставлением данных.

Защитив таким образом Цзинь-ян, принц Лу изобрел интернет, чтобы жители города не слишком скучали. Сначала он придумал нечто под названием «наборный шрифт» (по его словам, он позаимствовал идею у древнего мудреца по имени Би Шэн, хотя никто не мог вспомнить столь славного изобретателя) [26]. Сначала он вырезал барельеф «Тысячесловия» на деревянной доске, затем прижал к печатной пластине слой желтой земли, смешанной с клейким рисом, соломой и свиной кровью, – материалом, оставшимся после создания смертоносных колонн. Наконец он все это отодрал и нарезал на тысячу маленьких кубиков, тем самым создав индивидуальные блоки с символами, которые можно было объединять и собирать по желанию. Он поместил их в прямоугольный лоток и прикрепил к задней части каждого блока шелковую нить с пружиной. Затем он собрал тысячу нитей в связку толщиной с запястье под названием «сеть».

Подобные лотки для текстов расставили по всему городу, а связки шелковых нитей просунули через отверстия в нижней части стен и протянули к терминалу управления сетью. Конец каждой связки затем аккуратно вставляли в металлическую сетку, привязывая крючок к концу каждой нити и цепляя крючки к сетке.

Эти сетки висели на стенах терминала, и если два лотка с текстом хотели общаться друг с другом, менеджер находил соответствующие связки и загибал металлические сетки особым образом, чтобы соединить тысячу пар металлических крючков. Так связки были объединены в то, что принц Лу называл «интернет».

Установив соединение в сети, пользователи на обоих ее концах могли общаться посредством лотков для текстов. Когда одна из сторон нажимала на блок с символом, маленькая пружина тянула за шелковую нить, заставляя соответствующий блок на другой стороне опуститься. Хотя в процессе выбора нужного символа среди тысячи глаза оператора сильно напрягались, опытный пользователь мог набирать текст с невероятной скоростью. Некоторые педанты были обеспокоены тем, что подобное изобретение не способно передать глубокий смысл и сложность символов китайского письма. Да, «Тысячекнижие» – это прекрасное пособие для первого знакомства с чудесными ханьцзы, но как можно обсуждать жизнь и вселенную с помощью всего одной тысячи символов? Забудьте про вселенную, возражал им принц Лу. Каждый из этих тысячи символов уникален, и из них составлено большинство прекраснейших текстов, в том числе древних. С их помощью пользователи сети, несомненно, смогут выразить любую мысль.

На самом деле в «Тысячекнижии» один из символов – слово «чистый» – повторяется дважды. Институт Восточного города убрал один из них и заменил блоком с другим символом – изогнутой стрелой. Поскольку двум пользователям было бы слишком сложно одновременно печатать и вглядываться в лоток с текстом, читая ответ, принц Лу приказал, чтобы текущий оратор, закончив писать, нажимал на этот блок – «возврат каретки», указывая на то, что очередь переходит к собеседнику. Почему данный символ назван «возвратом каретки», принц Лу объяснить не потрудился.

Поначалу только двое людей могли разговаривать в сети одновременно, однако позднее принц Лу изобрел сложную бронзовую раму с крючками, которая объединяла сразу несколько интернет-линий. Если один человек нажимал на символ, этот символ появлялся во всех лотках для набора текста.

Развитие интернета создало новую проблему. Если восемь ученых садились, чтобы поболтать, то как только один из них нажимал клавишу «возврат», остальные семеро бились за право ответить первым, и в результате их лотки с текстами бесконтрольно ездили вверх и вниз, словно темные воды озера Цзинь-ян при порыве северного ветра. Тогда Институт Восточного

города стал продавать лотки новой модели с десятью пустыми квадратами для блоков. Когда пользователи сети пользовались бронзовой рамой для создания группового чата, каждый сначала вырезал на блоках имена участников. Если кто-то хотел высказаться, он нажимал на блок со своим именем. Тот, чей блок приходил в движение первым, получал право говорить до тех пор, пока не нажмет на «возврат каретки». Сначала принц Лу назвал этот уговор «трехсторонним представлением», потом «борьбой за микрофон», но так и не объяснил, что означают эти термины. Чжу Дагунь обожал без остановки колотить по своему блоку – «Чжу», – что, естественно, вызывало суровую отповедь со стороны собеседников, ведь человек, который молотил по блоку, не только мешал другим разговаривать, но к тому же часто обрывал интернет-соединения.

Хотя шелковые нити были прочными, они неизбежно портились под воздействием ветра, дождя, насекомых, мышей и таких плохих пользователей, как Чжу Дагунь. Поэтому время от времени линии интернета выходили из строя. Если по ходу разговора твой собеседник внезапно называл тебя «невежественным псом, недостойным высокого звания ученого, оскверняющим имена древних мудрецов», это был верный признак того, что какие-то из нитей, связанных с твоими блоками, порвались. И хотя ты собирался написать: «Учитель говорил: даже мудрые цари древности были вынуждены говорить с такими неудачниками», в лотках с текстом у других пользователей появилось: «Учитель говорил: мудрые цари древности были неудачниками», и ты тем самым не только осудил легендарных мудрых царей, но и запятнал имя великого Конфуция.

В таких случаях ты звал менеджера, давал ему пару монет за труды и шел на рынок, чтобы купить лепешек, а менеджер тем временем разрывал соединение, находил поврежденные шелковые нити и связывал их вместе. Если ты не вкладывал достаточно медяков в отношения с менеджером, то он завязывал нити в огромный, толстый узел, из-за которого твои нити двигались с той же скоростью, с какой престарелый бык тянет несколько сцепленных между собой груженых повозок. Но если ты не скупился, то менеджер брал гребень с частыми зубцами, разглаживал нити до тех пор, пока они не начинали блестеть, и завязывал крошечный квадратный узелок. Тогда ты кидал в открытое окно интернет-терминала лепешку и кричал: «Все в порядке!» Вот почему Чжу Дагуню, каким бы тощим ни был его кошелек, приходилось откладывать деньги на взятки менеджеру сети.

Боевые машины Института завоевали сердца солдат; его причудливые диковины полюбились простолюдинам, а интернет стал отрадой для ученых. Читать мораль, дискутировать и выражать свое мнение по любому поводу, не выходя из дома, – подобной возможности не было ни у кого, даже у легендарных мудрецов древности. Теперь, когда город осадила армия Сун, ученые больше не могли подняться на гору Сюаньва, чтобы посмотреть на реку Фэньхэ, или выпить и полюбоваться на цветы. Они оказались взаперти, и в качестве развлечения могли заниматься лишь написанием текста, и это угнетало их еще больше. Если бы Западный город не подключили к интернету, эти обездоленные, скучающие интеллектуалы давным-давно бы попытались свергнуть правительство. Теперь, когда целое царство сократилось до размеров одного города, когда от трех министерств и шести департаментов осталось одно название, когда министры не получали жалованье, а император даже не появлялся при дворе, ученые стали наиболее праздной и бесполезной группой в городе и могли лишь язвить и жаловаться в сети.

Кто-то обожал интернет, но другие, конечно, держались от него подальше, словно от призраков, богов и всего непонятного. Кто-то хвалил принца Лу, но другие, разумеется, злобно прохаживались на его счет. На самом деле принца Лу никто и никогда не видел, и поэтому о нем ходили самые разнообразные слухи.

Чжу Дагунь и представить себе не мог, что с принцем он впервые встретится по просьбе Ма Фэна и Го Ваньчао и что при этом он будет убеждать принца в необходимости капитулировать. Что более соответствует принципам добродетели – воевать или сдаться, сам Чжу Дагунь еще для себя не решил. Но поскольку и министр, и военачальник возложили на него столь тяжелое бремя, он мог лишь двигаться вперед – с прошением и острым ножом, спрятанным под одеждой.

5

Скрипучая телега, запряженная быком, проехала мимо окруженного стеной постоялого двора. Принц Лу построил его вскоре после того, как прибыл в Цзинь-ян. Постоялый двор был покрашен в оранжевый цвет, а на голубой вывеске были крупно выведены слова «Лучший Западный» – вероятно, в знак того, что это лучшее заведение во всем Западном городе. Название было довольно необычным, но далеко не таким странным, как другие

неологизмы, придуманные принцем Лу.

После того как принц Лу перебрался в Институт Восточного города, он приказал прорезать в стене, окружавшей постоялый двор, два окна: одно – для продажи вина, а другое – для продажи различных устройств. Вино принца называлось «вэйшицзи» – что предположительно являлось сокращением от «вино, которое уважают и боятся даже могучие воины». Его делали, замачивая и кипятя зерно, привезенное из Ляо, и в результате получался алкогольный напиток – чистый, словно вода, и резкий, словно лед. По пути в живот он оставлял за собой огненный след в кишках, а по вкусу значительно превосходил обычное рисовое вино. Две пинты такого напитка стоили триста монет – немало для города, где не было недостатка в самогонных аппаратах, – но ценители, естественно, находили способы добыть на него деньги.

– Солдаты, дайте залп!

Чжу Дагунь увидел десяток сорвиголов, которые собрались у городской стены и что-то кричали тем, кто находился за ее пределами. Наверху, из-за парапета, показалась голова солдата.

– Опять все деньги истратил, Чжао Второй? На этот раз дайте нам побольше хорошего вина, иначе военачальник решит покончить с этим делом, и тогда…

– Конечно, конечно! – рассмеялись сорвиголовы и снова заорали хором: – Солдаты, дайте залп! Солдаты, дайте залп!

Вскоре за городской стеной закричали солдаты Сун:

– Не забывайте про наш уговор! Пятьсот стрел за двадцать пинт! И даже не думайте о том, чтобы нас надуть!

– Конечно! – Сорвиголовы засуетились. Неизвестно, откуда они выкатили семь или восемь повозок с сеном, поставили их на некотором удалении от стены, а затем прижались к стене и прикрыли головы руками. – Все готово, стреляйте!

Зазвенели тетивы луков. Облако стрел – темное, словно рой саранчи, – пролетело над крепостной стеной и с глухим стуком воткнулось в сено. Телеги мгновенно стали похожими на огромных ежей.

Чжу Дагунь завороженно наблюдал за происходящим издали.

– Один стратег времен Троецарствия выманивал у врага стрелы, заставляя его стрелять по соломенным чучелам. Я и не знал, что этот метод до сих пор работает.

Чжао Да с отвращением плюнул.

– Эти головорезы вступили в сговор с врагом. Это измена, за такие дела их судить можно. У защитников города всегда не хватает стрел, поэтому император объявил, что платит десять монет за каждую сданную стрелу. Пятьсот стрел, которые собрали эти мерзавцы, можно обменять на пять тысяч монет, а этого

хватит на тридцать четыре пинты алкоголя. Бочонок на двадцать пинт они спускают со стены солдатам Сун, четыре пинты отдают дозорным, а остальные десять выпивают и потом валяются на улицах, мертвецки пьяные. Выродки! – Он бросил на них взгляд, полный ярости, и крикнул: – Да как вы посмели заниматься этим в моем присутствии!

В ответ сорвиголовы лишь рассмеялись и, поклонившись ему, закатили телеги в переулок.

Чжу Дагунь понимал: что бы ни заявлял Чжао Да, он наверняка подкуплен этими головорезами. Но говорить об этом он не стал, а со вздохом заметил:

– Чем дольше длится осада, тем более греховные мысли приходят в голову людям. Иногда кажется, что было бы лучше, если бы армия Сун захватила город. Тогда со всем этим было бы покончено.

– Чушь! – взревел Чжао Да. – Если будешь и дальше вести изменнические речи, я тебя высеку!

Чжу Дагунь до сих пор не мог понять, является ли Чжао Да агентом Ма Фэна, поэтому развивать свою мысль не стал.

Солнце палило немилосердно. Телега медленно катила вперед под тенистыми ивами по главной дороге и наконец проехала через ворота, отделявшие Запад от Центра. Центральный город был не более семидесяти ярдов в диаметре и состоял из двух уровней: на нижнем располагались водяное колесо, литейная, а также другие горячие и шумные машины. Верхний предназначался для лошадей, телег и пешеходов, а по обеим сторонам улицы стояли правительственные здания министерств гидрологии, текстильного производства, металлургии и предсказаний.

Дорога по большей части была вымощена досками из древесины ююбы. Центральный город был построен триста лет назад, в правление императрицы У Цзэтянь секретарем префектуры Бин, чтобы объединить Восточный и Западный города, находящиеся на разных берегах реки Фэньхэ. С тех пор деревянный настил регулярно покрывали воском, который ноги и копыта утрамбовали и отполировали так, что он стал темно-коричневым, словно засохшая кровь, и твердым, как камень. При ударе он звенел, словно бронзовый колокол; мечи отскакивали от него, оставляя на нем лишь белые царапины. Щит, сделанный из доски настила, отражал и удары клинков, и стрелы, и даже снаряды многозарядных арбалетов армии Сун. На данном этапе осады в настиле уже появилось множество пробелов, которые бездумно засыпали желтой землей, наступив на которую, человек или бык мог легко увязнуть и растянуть себе ногу.

– Слезай, – приказал Чжао Да. Он поручил подчиненному отогнать телегу обратно и лично повел арестованного через Центральный город.

из-за засухи река Фэньхэ обмелела. Чжу Дагунь посмотрел на мутный поток, который, петляя, тек с севера, журчал под двенадцатью арочными мостами города и без устали бежал дальше на юг.

– Ляо, Хань, Сун: с севера на юг три государства, объединенных одной рекой. – Он, сам того не осознавая, вздохнул. – Сейчас, когда передо мной такой вид, я должен сочинить стихотворение в честь…

Не успел он договорить, как Чжао Да врезал ему по затылку, чуть не сбив с его головы шапку. После такой затрещины поэтическое настроение окончательно покинуло Чжу Дагуня.

– Хватит, голодный писака! – воскликнул Чжао Да. – С меня сто потов сошло, пока я доставил тебя сюда, и я не желаю слушать твою болтовню. Канцелярия судьи перед нами. Заткнись и топай!

Чжу Дагунь безмолвно повиновался. «Вот выйду на свободу, обложу тебя в сети на чем свет стоит, продажный ты чинуша», – подумал он. Но ведь если он убедит принца Лу из Института Восточного города сдаться, то Хань перестанет существовать. Сохранится ли интернет, когда Цзинь-ян окажется под властью Сун? Эта мысль ошеломила его.

Они молча пересекли Центральный город и вошли в Восточный, тоже не очень большой. Они миновали здание администрации округа Тайюань, свернули на одну пыльную улицу, затем на другую и зашли во двор, обнесенный серой кирпичной стеной и выложенный серой плиткой. Стена вокруг дома была высокой и гладкой, а его окна были закрыты железными решетками. Чжао Да поздоровался с сидевшим в доме человеком и протянул ему бумаги, а солдаты тем временем затолкали Чжу Дагуня в западное крыло. Чжао Да снял с Чжу Дагуня цепи.

– Начальник выделил тебе личную камеру. Кормить тебя будут два раза в день. Если нужны деньги, еда или постель, обращайся к родственникам. Если попытаешься сбежать, уровень тяжести твоего преступления повысится. Суд через два дня. Расскажешь начальнику чистую правду. Все ясно?

Чжу Дагунь почувствовал резкую боль в спине, споткнулся и упал на пол камеры. Охранники заперли дверь на замок, навесили на нее цепь и ушли.

Чжу Дагунь встал и огляделся, потирая свой зад. В камере были кровать, циновка, бронзовая раковина для умывания и

деревянное ведро, служившее ночной вазой. В камере было темно, но Чжу Дагуню показалось, что в ней чище и уютнее, чем у него дома.

Он сел на циновку, нащупал мешочек, спрятанный в рукаве, и обнаружил, что все его содержимое осталось в целости: экземпляр «Аналектов» Конфуция, чтобы Чжу Дагунь мог черпать мудрость из книг мудрецов в ходе спора с принцем Лу; пустая деревянная шкатулка с потайным ящичком, в котором лежала пространная петиция Ма Фэна – хоть это и было предложение капитулировать, Чжу Дагунь невольно восхищался безупречным подбором благочестивых слов и красотой иероглифов; обоюдоострый кинжал из лучшей стали длиной шесть и три десятых дюйма. «Чем опасен гнев простолюдина?» – спросил Первый император у Тана Цзю. «Он может создать фонтан крови, бьющий на пять шагов», – ответил тот. Чжу Дагунь подумал об этом – последнем – методе убеждения, и слова на языке Хань заставили вскипеть его кровь шато и тюрков.

6

Чжу Дагунь заснул, сам того не заметив, а когда проснулся, уже вечерело. Через окно пробивался косой луч заходящего солнца.

В коридоре послышались шаги. Чжу Дагунь медленно поднялся на ноги и потянулся, выглядывая за решетку.

Ма Фэн сказал ему, что поместил в тюрьме агентов, которые появятся в нужное время. В данную минуту в его сторону, напевая, шел охранник с бумажным фонарем в левой руке и ящиком с едой – в правой. Он остановился у камеры Чжу Дагуня и постучал фонарем по решетке:

– Эй, пора есть.

Он достал из шкатулки две лепешки, завернул в них немного соленых овощей и просунул их между прутьями решетки.

Чжу Дагунь взял их и дружелюбно улыбнулся.

– Большое спасибо. Не хотел ли твой начальник мне что-нибудь передать?

Охранник посмотрел по сторонам, поставил на пол ящик с едой и достал клочок бумаги.

– Вот, прочти, – шепнул он Чжу Дагуню. – Но это никто не должен видеть. Генерал просил передать вот что: «Сделай, что сможешь, а на все остальное да будет воля неба. Исполни свой долг, и тогда в любом случае останешься в выигрыше». – Тут страж заговорил громче: – В раковине вода. Если захочешь пить,

черпай ее оттуда. Если нужно облегчиться, у тебя есть ведро. Не пачкай кровать кровью, гноем и мокротой. Ясно?

Охранник взял ящик с едой и ушел. Чжу Дагунь мигом умял лепешки, запил их водой, а затем повернулся и прочитал записку в гаснущем солнечном свете, однако после этого его смятение только усилилось. Он думал, что охранника прислал Го Ваньчао, однако записка свидетельствовала об ином. Она гласила:

> Уважаемый господин,
>
> Империя Хань в беде. У нас мало солдат и зерна, и пока что нас спасают только осадные машины. Недавно мне сказали, что в Институте Восточного города начались волнения и что принц Лу колеблется. Если он перейдет на сторону Сун, Хань обречена. Горе нам! Если ты читаешь это письмо, то, я надеюсь, ты сможешь объяснить все принцу Лу. Он не должен сдаться врагу! Принимать гостей в Институте Восточного города он отказывается, поэтому я вынужден действовать таким окольным способом. Ради блага нашего народа ты должен убедить принца Лу! Рано или поздно мы непременно одолеем Сун!
>
> Ян Чжунгуй еще раз благодарит тебя.

Письмо было составлено неуклюже, а почерк не отличался изяществом; автор, очевидно, не принадлежал к числу образованных людей. Имя «Ян Чжунгуй» показалось Чжу Дагуню знакомым. После долгих раздумий он наконец вспомнил, что это – первое имя военного губернатора Лю Цзие. Ян Чжунгуй был сыном Ян Синя, инспектора провинции Линь. Император Шицзу сделал его своим приемным внуком и дал ему имя Лю Цзие. За тридцать лет он не проиграл ни одной битвы и за это получил прозвище Непобедимый. Сейчас Лю Цзие командовал обороной Цзинь-яна.

Военачальник подписался своим первым именем, тем самым желая дистанцироваться от императора. Причину этого знали все. Десять лет назад предыдущий император Сун разрушил плотину на Фэньхэ, пытаясь затопить Цзинь-ян. Улицы города исчезли под водой, повсюду плавали трупы и отбросы. Лю Цзие обратился к императору Лю Цзиюаню с прошением, в котором умолял его капитулировать, но в ответ услышал лишь проклятия и насмешки. Одного из тех, кто тоже подписал прошение, Го Увэя, казнили при большом стечении народа. С тех пор Лю Цзие впал в немилость и лишился всех постов.

Чжу Дагуню показалось, что он понимает, почему Лю Цзие призывает продолжать борьбу, хотя раньше советовал сдаться.

Непобедимый генерал – прославленный воин, убивший бесчисленное множество солдат, оставался доверчивым, недальновидным добряком, который рыдал при виде страданий простого народа. Десять лет назад весь город голодал. Простолюдины каждый день выплывали из своих домов, чтобы глодать кору ив; те, кто ночью во сне скатывался с крыши, тонули в вонючей воде. Вид бедствий разбивал сердце Лю Цзие, и поэтому он мечтал только об одном – открыть ворота войскам Сун, чтобы эти страдания наконец прекратились.

Но на этот раз город обладал относительно большими запасами продовольствия. Простолюдины ели до отвала, и у них даже оставалось зерно, которое можно обменять на вэйшицзи, гаджеты или на услуги девочки в борделе, поэтому и их тела, и души были довольны. А принц Лу засел на своей собственной земле в Восточном городе, отгородился от всех чужаков, и получить аудиенцию у него могли лишь преступники. Генерал Лю написал это письмо в надежде, что какой-нибудь заключенныйпатриот шепнет пару слов одобрения принцу Лу.

– А… – Чжу Дагунь моргнул. Он порвал записку, выбросил клочки в деревянное ведро, а затем помочился на них, чтобы уничтожить улики. Охранник, который принес ему пищу, оказался не тем, кого он ждал, но агентом Лю Цзие. Странное совпадение.

Вскоре небо за окном потемнело, а лампы в камере не было. Есть Чжу Дагунь сейчас не хотел, а дел у него не было. Обычно такое время идеально подходило для общения в сети. Он сидел на циновке и, беспокойно сжимая и разжимая кулаки, повторял в уме «Тысячекнижие». Человек, хорошо знающий эту гениальную работу, мог быстро найти нужный иероглиф в лотке. Каждый образованный человек его поколения должен выучить этот текст – а следовательно, и расположение символов в наборе – наизусть.

В коридоре снова послышались шаги; звук стал громче, и в коридоре засветилось пламя. Чжу Дагунь поспешно подошел к решетке; перед ним, высоко подняв горящий факел, остановился охранник.

– Чжу Дагунь? – холодно спросил он. – Арестован за распространение недостоверных сведений в сети?

Чжу Дагунь улыбнулся.

– Да, это я. Хотя об этом преступлении я ничего не слышал… Твой начальник просил что-то мне передать?

– Хм… На колени! – вдруг крикнул стражник, и по его лицу было видно, что он не шутит. Он оглянулся, вытащил какой-то блестящий золотой предмет, а затем развернул его, чтобы Чжу Дагунь мог его рассмотреть. Чжу Дагунь побледнел и в тот же миг

упал на колени. Он был всего лишь мелким писцом и не занимал никаких государственных должностей, но однажды видел подобный объект на столе для благовоний, принадлежавшем великому книжнику из императорских архивов. Чжу Дагунь задрожал от страха и покорно прижался лбом к полу.

– Слуга… преступник Чжу Дагунь ждет распоряжений его императорского величества!

Охранник выпятил подбородок и принялся читать текст наизусть, четко произнося каждый слог:

– Данный указ, выражающий волю неба и императора, гласит: мы знаем про тебя и твое изобилие мнений. Ты часто обсуждаешь государственные дела в интернете и весьма искусно сплетаешь слова, чтобы развращать умы. Мы понимаем, что на сей раз тебя обвинили ложно, и заверяем, что нанесенный тебе ущерб будет возмещен по справедливости, однако сначала ты должен помочь нам. Мы не можем унизить себя, отправившись в Институт Восточного города, а принц Лу не желает прийти во дворец Цзинь-яна. Поскольку ни на одного из придворных положиться мы не можем, то надеемся только на тебя. Мы с тобой оба шато, потомки хана Юкука. Мы доверяем тебе, и ты должен доверять нам. Спроси принца Лу: что нам делать? Когда-то он обещал построить летучий корабль, на котором мы вместе с шестью сотнями родичей и четырьмя сотнями верных слуг-шато сможем сбежать из города и направиться прямиком в земли Ляо. Но теперь принц Лу утверждает, что слишком занят обороной города и поэтому ему некогда строить этот цеппелин – то, что, по его словам, на каком-то малоизвестном диалекте означает «лестница в небо». Прошло уже два месяца, но этого корабля нигде не видно. Воины Сун свирепы и многочисленны, и наше сердце исполнено тревоги. Дорогой верный нам книжник, помоги нам убедить Лу в том, что он должен построить для нас цеппелин. Мы прибережем тебе место на этом корабле. Как только династия Лю снова возвысится, мы сделаем тебя канцлером. Правитель никогда не шутит.

– Твой слуга п-принимает этот указ. – Чжу Дагунь поднял руки над головой и почувствовал, как в них лег тяжелый свиток.

Охранник фыркнул.

– Сделай все, что в твоих силах. Император… – Он покачал головой и ушел.

Чжу Дагунь стоял, обливаясь холодным потом. Свиток из желтого шелка он почтительно засунул в рукав. При мысли о том, что в нем написано, у Чжу Дагуня кружилась голова. Го Ваньчао и Ма Фэн хотят сдаться, Лю Цзие – сражаться; император – бежать. Все они выдвигают доводы, которые на первый взгляд кажутся

разумными, но не выдерживают внимательного рассмотрения. К кому прислушаться, от кого отвернуться? – В его сердце царила неразбериха. Чем больше он думал, тем сильнее болела его голова.

Чжу Дагунь не знал, сколько времени прошло, когда звук шагов снова вывел его из оцепенения. Собравшись с духом, он с трудом доковылял до решетки и стал ждать.

Стражник поднял фонарь с огненным маслом, посветил в разные стороны, а затем сказал:

– Извини за опоздание. Сегодня ты здесь единственный узник, и поэтому я смог пробраться сюда только после смены караула.

– Твой начальник просил тебя мне что-то передать? – равнодушно спросил Чжу Дагунь уже в третий раз за день.

Стражник заговорил тише:

– Генерал и старейшина Ма хотят сообщить, что завтра, в час крысы, Институт Восточного города пошлет за тобой. Принцу Лу нужны люди для какого-то нового дела. Просто притворись, что много знаешь об алхимии, и тогда сможешь к нему попасть.

– Об алхимии? – удивленно переспросил Чжу Дагунь. – Я обычный книжник. Про алхимию я ничего не знаю.

Охранник нахмурился.

– Кто сказал, что ты должен про нее знать? Тебе нужно просто подобраться к принцу Лу. Никто не заставляет тебя отливать пилюли бессмертия. Просто бормочи что-нибудь про белила, окись свинца, киноварь, серу, «Баопуцзы», «Цаньтунци», «Жизнеописания бессмертных» и так далее[27]. В этом все равно никто не разбирается, так что на чистую воду тебя не выведут. Ложись спать пораньше, а завтра мы снова встретимся. Желаю тебе убедить его! – Охранник пошел прочь, но, сделав два шага, остановился. – Нож ведь у тебя с собой?

7

Утром небо посветлело без лишнего шума. Послышались крики и лязг оружия: войска Сун снова пытались взять город штурмом. Жители Цзинь-яна уже давно к этому привыкли, и поэтому никто не обращал внимания на гул боя.

Какой-то охранник принес завтрак. Чжу Дагунь взял у него миску с овсянкой, внимательно на него посмотрел – и вдруг понял, что вчера вечером обращал внимание только на фонарь, на факел и на лампу. Он совсем не помнил, как выглядели охранники, и не мог сказать, к какой группировке принадлежит

этот.

Чжу Дагунь съел овсянку и посидел немного, ничего не делая. За стенами тюрьмы усиливался гомон утренней толпы. Двор тюрьмы наполнился крепкими мужчинами в форме Института Восточного города.

Охранники вывели Чжу Дагуня во двор. Человек с желтой бородой, закрывавшей все лицо, подошел к нему.

– Я служу принцу Лу, – сказал он. – По его милости местные заключенные, чтобы получить помилование, должны просто работать на Институт. Преступления, в которых тебя обвиняют, не слишком тяжелые. Просто подпиши вот это, и будешь прощен.

Человек достал бумагу и письменные принадлежности – но не кисть, а гусиное перо, смоченное чернилами. Пока не появился принц Лу, кто знал, что можно выдернуть перо из птицы, обмакнуть его в щелок, наточить кончик и писать им?

Чжу Дагунь невольно потянулся к перу, но желтобородый убрал руку с пером за спину.

– Прямо сейчас его высочеству нужен человек с необычными навыками и способностями. Сначала скажи, обладаешь ли ты познаниями в алхимии? Скажу все как есть: ты похож на неженку и книгочея, так что не пытайся выдать себя за того, кем ты не являешься.

Чжу Дагунь быстро придумал целую речь.

– «Цаньтунци» я изучал еще в детстве, под руководством моего отца. Мне прекрасно известны методы «Даи» и «Хуанлао», и я умею работать в кузнице. Небо и земля – мой котел, вода и огонь – мои ингредиенты, инь и ян – мои добавки. Я знаю, когда раздуть огонь, а когда погасить. За свою жизнь я создал сто двадцать пилюль из очищенного сверкающего золота и принимал их ежедневно. И хотя я не присоединился к сонму просвещенных бессмертных, мое тело стало легким, гибким и неуязвимым для болезней. Пилюли обладают способностью усиливать дух и продлевать жизнь. – Чтобы продемонстрировать эффективность золотых пилюль, он подпрыгнул, сделал два сальто назад в воздухе, а затем схватил лежавший во дворе каменный барабан весом восемьдесят фунтов, поднял его над головой, перебросил из руки в руку и бросил на землю. Барабан упал с оглушительным грохотом. Чжу Дагунь отряхнул ладони. Дышал он ровно, и цвет его лица не изменился.

Желтобородый внимательно смотрел на него, а его люди захлопали в ладоши. Охранник, стоящий за спиной у желтобородого, украдкой показал Чжу Дагуню большой палец. Тогда Чжу Дагунь понял, что он – агент Ма Фэна.

– Прекрасно, прекрасно! Сегодня мы нашли настоящее

сокровище. – Желтобородый рассмеялся и открыл шкатулку из бамбука, висевшую у него на поясе, а затем окунул гусиное перо в чернила и протянул его Чжу Дагуню.

– Подпиши здесь, и после этого ты будешь принадлежать Институту Восточного города. Мы отправимся прямиком к принцу Лу.

Как и было приказано, Чжу Дагунь написал свое имя. Желтобородый приказал охранникам снять с него кандалы, затем поклонился всем тюремщикам и вместе со своей свитой вышел со двора. Полчаса они вели Чжу Дагуня по городу, пока не добрались до большого и плотно выстроенного комплекса зданий. Увидев желтобородого, стражники в синих одеждах у ворот заулыбались.

– Прибыл с товаром? В последнее время в городе тихо, и новичков у нас давно не было.

– Знаю. Принц Лу уже отчаялся найти алхимика, который бы ему помог, – ответил желтобородый. – Но мы наконец-то разобрались с этим делом.

Перед воротами собралась толпа: посланцы императора, торговцы, чиновники, мечтавшие прославиться благодаря знакомству с принцем, простолюдины, ищущие справедливости, ремесленники со своими изобретениями, бездельники, пытающиеся вернуть надоевшие им новые устройства, работники в поисках заработка, проститутки в поиске клиентов. Стражник записывал просителей в список по одному, мягко отказывая им, докладывая о них начальству или прогоняя палкой – в зависимости от обстоятельств. Если насчет кого-то стражник не был уверен, то он брал взятку и просил вернуться через несколько дней. Действовал он весьма методично.

Желтобородый повел своих людей за ворота. Во дворе глазам Чжу Дагуня предстала другая картина: здесь находился огромный водоем, в центре которого поток из гейзера взлетал на десять футов в воздух, после чего величественно падал.

– Обычно фонтан приводит в действие водяная турбина Центрального города, но теперь, когда армия Сун пошла на штурм, турбина должна снабжать энергией скользящие тележки, катапульты и лебедки, – объяснил желтобородый. – Поэтому сейчас фонтан работает за счет рабочей силы. У нас в Институте есть десятки чернорабочих, которые занимаются только тяжелым трудом – в отличие от таких «белых воротничков», как ты.

Чжу Дагунь никогда не слышал таких странных слов и поэтому просто посмотрел туда, куда указывал желтобородый. И действительно: он увидел чуть поодаль пятерых мужчин с потухшими глазами, нажимавших на педали, которые то

поднимались, то опускались. С помощью педалей они приводили в действие винты, винты взбалтывали воду в цистерне, клапаны которой открывались и закрывались, выбрасывая воду высоко в воздух.

Желтобородый и Чжу Дагунь обогнули фонтан и прошли через арку во вторую часть двора. Там с каждой стороны располагалось по десятку мастерских. Желтобородый сказал:

– Мы делаем фонарики, темные очки, заводные игрушки, микрофоны, увеличительные стекла и другие вещи, которые продаем в городе. Работники Института получают скидку – пятьдесят процентов, и многие из этих штук на рынке не найдешь. Взгляни на них, когда будет время.

Разговаривая, они прошли через третью арку и оказались под большим и высоким навесом, под которым лежали тяжелые и блестящие части повозки, работающей на огненном масле. Какая-то тяжелая машина пыхтела, выплевывая из себя белый дым и быстро вращая колесо повозки. Несколько ремесленников в промасленной одежде оживленно спорили, произнося такие странные слова, как «давление в цилиндре», «распределение зажигания» и «насыщенный пар». Два плотника сколачивали корпус кареты. В углу двора стояли десятки больших бочек с огненным маслом, и оно наполняло воздух своим запахом, ароматным и тошнотворным одновременно. Огненное масло доставляли с острова Хайнань; изначально с его помощью поджигали врагов во время осады, но теперь принц Лу нашел великое множество способов его применения.

– Все повозки, работающие на огненном масле в Цзинь-яне, были собраны здесь, – сказал желтобородый. – Более половины своих доходов Институт получает от их продажи. Скоро на рынке должна была появиться самая новая модель. Мы назвали ее «Элон Мускус» – в честь стойкого запаха, который висит в воздухе, когда повозка уже давно скрылась из виду. Даже ее название говорит о невероятной скорости!

Они пошли дальше, к четвертой арке. За ней оказалось еще более странное место. Здесь постоянно что-то визжало и взрывалось, здесь у воздуха был странный запах, здесь вспыхивали разноцветные огни.

– Это исследовательская лаборатория Института, – сказал желтобородый. – Каждую минуту нашему принцу в голову приходят новые идеи, а затем наши ремесленники пытаются воплотить их в жизнь. Не стоит здесь задерживаться; тут часто бывают несчастные случаи.

Их спутники постепенно расходились кто куда, и у пятой стены желтобородый и Чжу Дагунь остались одни. У ворот стояли

стражники в синей форме; желтобородый вынул пропуск, назвал условленную фразу и написал на листе бумаги несколько паролей; только после этого их пропустили. Узнав о том, что Чжу Дагунь – только что прибывший алхимик, охранники обыскали его с головы до ног. К счастью, Чжу Дагунь спрятал императорский указ под потолком тюремной камеры, а кинжал засунул в пучок волос на голове. Один из охранников сорвал с головы Чжу Дагуня шапку из черного шелка, но внимательно разглядывать волосы не стал. Но вот найденный у Чжу Дагуня в рукаве экземпляр «Аналектов» вызвал подозрения. Охранники смерили Чжу Дагуня взглядом, а затем пролистали книгу.

– Зачем это понадобилось алхимику?

Этот экземпляр «Аналектов» был создан с помощью не наборного шрифта принца Лу, а официальных резных пластин в эпоху императора Шицзуна из династии Чжоу, и с тех пор передавался от отца к сыну в течение многих поколений. Чжу Дагунь почувствовал внутри физическую острую боль, когда получил обратно свое смятое сокровище. Он приготовился идти дальше.

– Обычно его высочество находится в одном из этих зданий к северу отсюда, – сказал желтобородый. – Он не любит, когда его беспокоят, поэтому я с тобой не пойду. Не бойся, наш принц добрый и милосердный. С ним легко разговаривать… Так, я до сих пор не знаю, как тебя зовут.

– Моя фамилия Чжу, – быстро ответил Чжу Дагунь. – Я старший ребенок в семье, и меня назвали в честь Гуня, сын которого основал династию Ся. Мое второе имя – Боцзе.

– Брат Боцзе, я помогаю его высочеству с тех пор, как он прибыл в Цзинь-ян, – сказал желтобородый. – Он дал мне имя Пятница.

Чжу Дагунь поклонился:

– Спасибо, брат Пятница.

Желтобородый поклонился в ответ.

– Не за что, не за что, – ответил он и ушел.

Расправив свои одежды, Чжу Дагунь откашлялся, вытер пыль с лица, сглотнул и зашел в здание.

Он оказался в просторной комнате. Окна были закрыты черной бумагой, и комнату освещали лампы с огненным маслом. В центре комнаты стояли два длинных стола с различными банками и бутылками. За одним из столов, опустив голову, работал какой-то человек.

Чжу Дагунь почувствовал, что его ладони покрылись потом. Его сердце забилось, а ноги задрожали. Он помедлил, но затем, набравшись храбрости, откашлялся и пал ниц.

– Ваше высочество! Я… этот преступник…

Человек повернулся. Чжу Дагунь не поднимал головы, боясь посмотреть ему в лицо. Он услышал, как принц Лу сказал:

– Наконец-то! Скорее помоги мне. Я вожусь с этим уже несколько дней, но так ничего и не добился. Почему здесь так сложно найти человека, который знает химию хотя бы на уровне средней школы? Как тебя зовут? Почему ты на полу? Вставай и иди сюда.

Услышав слова принца Лу, Чжу Дагунь поспешно встал и, не поднимая головы, подошел к столу. Ему показалось, что высокородный принц говорит радушно и дружелюбно, словно человек, с которым легко общаться. Однако принц произносил слова так странно, что Чжу Дагуню приходилось несколько раз повторять их про себя, чтобы понять. Чжу Дагунь не мог решить, на каком именно диалекте разговаривает принц.

– Перед тобой твой смиренный слуга, преступник по имени Чжу Дагунь.

По-прежнему глядя в пол, он вышел на середину комнаты. Под ногами Чжу Дагуня звякали банки и бутылки, но не из-за неосторожности или слабого зрения: на полу валялось столько разных вещей, что на каждом шагу он невольно что-то опрокидывал.

– Привет, малыш Чжу. Можешь звать меня «Старый Ван». – Принц встал на цыпочки, чтобы похлопать его по плечу. – Какой ты высокий. Где-то метр девяносто, да? Мне сказали, что ты из Ханьлиньской академии. Ни за что бы не подумал. Ты уже ел? Если нет, я закажу что-нибудь в кафешке навынос. Но если ты не голоден, тогда я перейду сразу к сути дела. Я еще не получил результаты сегодняшнего эксперимента.

Эти слова ошеломили Чжу Дагуня. Он украдкой бросил взгляд на собеседника и обнаружил, что тот совсем не похож на принца. Это был бледный и безбородый человек среднего роста в застегнутом на пуговицы халате из белого хлопка. Его волосы были коротко подстрижены, словно у нищенствующего монаха. Казалось, ему всего лет двадцать с небольшим, однако его лоб пересекали морщины, и они не разглаживались, даже когда он улыбался.

– Твой слуга не совсем понимает твои слова, принц. – Чжу Дагунь нервно поклонился странному человеку.

Принц Лу рассмеялся.

– Ты думаешь, что у меня непонятный акцент, но мне тоже кажется, что вы все несете какую-то тарабарщину. Когда я только прибыл сюда, то не понимал ни единого слова. Ваша придворная речь напоминает кантонский диалект или хакка, но совершенно

не похожа на современные диалекты Шаньси и Шэньси. Поскольку я не историк-лингвист, то думал, что диалекты древнего северного Китая будут не сильно отличаться от мне известных!

На этот раз Чжу Дагунь понял каждое слово, произнесенное принцем, однако их смысл в целом от него ускользнул. По его лицу потек пот.

– Твоему слуге не хватает образования. То, что сейчас сказал принц…

Принц Лу махнул рукой:

– Этого следовало ожидать. Но понимать тебе ничего и не нужно. Иди сюда и держи эту бутыль. А, точно – сначала надень респиратор. Ты же изучал алхимию и, наверное, должен знать, что в ходе химических реакций могут выделяться ядовитые газы.

Чжу Дагунь уставился на него.

8

В хрустальных бутылках на столе содержались жидкости, которые Чжу Дагунь ни разу в жизни не видел и не нюхал. Некоторые из них были красные, другие – зеленые; одни – с обжигающе едким запахом, другие – невыносимо вонючие. Принц Лу помог Чжу Дагуню надеть маску, а затем вручил ему маленький сосуд с широким горлом.

– Бери эту палочку и помешивай, но медленно – ни при каких обстоятельствах не ускоряйся, понял?

Чжу Дагунь принялся нервно помешивать темно-зеленую жидкость в сосуде. Она пахла морем и была горячей, словно суп с травами.

– Это сушеные водоросли, растворенные в алкоголе, – объяснил принц Лу. – Твои предки называли эти водоросли «кунбу». Это кунбу из Корё, я получил их у врача императора. В Песне лекарственных рецептов говорится, что «кунбу растворяет зоб и устраняет отеки»… А, нет, погоди: Песня лекарственных рецептов относится к эпохе династии Цин. Я снова все перепутал.

С этими словами он достал еще один маленький сосуд и осторожно удалил запечатывавшую его глиняную пробку. В сосуде оказалась бледно-желтая жидкость с едким запахом.

– Это серная кислота. Вы, алхимики, называете ее «железный купорос», верно? А также «чяншуй» – например, в книге «Классика алхимии: девять котлов Желтого императора». «Медный купорос кальцинируют, чтобы получить белый туман, который затем растворяют в воде, чтобы получить сильный чяншуй. Это

вещество превращает среброволосых в черноволосых. Удушающий белый туман, который оно выделяет, мгновенно переносит человека в мир духов, и через восемнадцать лет человек из дряхлого старика превращается в ребенка». Этот текст должен быть тебе знаком.

Чжу Дагунь кивнул:

– Так и есть, ваше высочество.

– Зови меня «Старый Ван». «Ваше высочество» меня нервирует. Ну что ж, я начинаю, а ты мешай, не останавливайся.

Он соорудил фильтр из трех слоев белой бумаги над горлышком бутыли, надел маску и медленно вылил железный купорос в маленький сосуд. Поначалу Чжу Дагунь чувствовал только то, что вонь проникает сквозь маску и обжигает ему нос, да с такой силой, что у него разболелась голова, а из глаз потекли слезы. Затем он увидел, что из сосуда вылетает дивное лиловое облако и лениво растворяется в воздухе. Чжу Дагунь задрожал от страха, но принц Лу лишь рассмеялся.

– Наконец-то! Теперь у меня есть примитивный способ получения йода, а это значит, что мой главный план наполовину осуществлен! Помешивай, не останавливайся, пока реакция не закончится. Я должен понять, сколько именно чистого йода я могу извлечь из фунта сушеных водорослей… Хочешь узнать, как я получил серную и азотную кислоту? Это – первый шаг Великого похода, первый этап создания промышленности, знаешь ли.

– Я бы с удовольствием об этом послушал, – автоматически ответил Чжу Дагунь.

Принца Лу его слова, похоже, сильно обрадовали.

– Я хорошо знал химию в старших классах, а в университете учился на инженера, так что база у меня неплохая. Иначе бы я далеко не продвинулся. Поначалу я хотел применить метод алхимиков и получать серную кислоту из медного купороса, но во всем городе его фунта два, а этого слишком мало. Затем я случайно увидел в литейной горы пиритной руды. Это же настоящее сокровище! Нагревая пирит, ты получаешь диоксид серы, а растворяясь в воде, он превращается в сернистую кислоту. Дай ей немного постоять, и у тебя будет серная кислота. Ее можно очистить в глиняных сосудах; именно так в свое время коммунисты делали боеприпасы на заводах в Северной Шэньси… Когда я разобрался с серной кислотой, получить азотную было не сложно. Главная проблема – ограниченные запасы селитры, которая тоже нужна нам для производства пороха. Всем работникам Института пришлось отскребать засохшую мочу со стен, чтобы мы могли добыть из нее нитрат калия. У нас все здание провоняло! К счастью, жители города мочатся всюду, где

есть стены. Если бы не это, создать промышленность в Цзинь-яне мы бы не смогли.

Чжу Дагунь покраснел.

– Когда мочевой пузырь переполнен, сложно терпеть. И мужчины, и женщины в таких случаях обычно снимают штаны и облегчаются, не сходя с места. Пожалуйста, не гневайтесь на грубые обычаи деревенского люда, ваше высочество.

Пока они разговаривали, содержимое двух сосудов стало единым целым, а лиловое облако исчезло. Принц Лу развернул белый бумажный фильтр на столе и плоским кусочком бамбука соскреб с него слой лилово-черного порошка.

– Содержащийся в водорослях йод легко окисляется в кислой среде, превращаясь в элементарный йод. Отлично. Теперь я отправлю приказы; пусть действуют по моему рецепту и производят это партиями. А затем мы перейдем к следующему эксперименту. – Принц Лу пересек комнату и сел за стоявший в углу лоток с текстом и начал набирать сообщение. Чжу Дагунь подошел поближе и увидел, что странный принц печатает с бешеной скоростью и абсолютной точностью, хотя на символы он даже не смотрел.

– Похоже, у вас другая модель, ваше высочество, – выпалил Чжу Дагунь.

– «Старый Ван», называй меня «Старый Ван», – сказал принц Лу. – Принцип тот же, но здесь каждый терминал использует два набора шрифта. Верхний набор нужен для ввода, а нижний – для вывода. Смотри. – Он нажал «возврат каретки», чтобы закончить сообщение, встал и дернул за рычаг. Рычаг повернул валик, на котором была намотана бумага для каллиграфии шириной в одну семнадцатую дюйма. Полоска бумаги мягко накрыла лоток со шрифтом. Наборный шрифт, смазанный чернилами, внезапно начал подниматься и падать, отпечатывая иероглифы на бумаге.

Чжу Дагунь наклонился, взял бумагу и прочел:

– «Результаты эксперимента записаны верно. Я поручил химическому факультету руководить работами. Возврат». – Он восхищенно посмотрел на принца. – Это куда более четкий и удобный способ! Черные чернила на белой бумаге читаются гораздо легче. Когда вы выпустите это на рынок? Мы поддержим это изобретение изо всех сил!

Принц Лу рассмеялся.

– У меня всего лишь опытный экземпляр. В машинах версии два-точка-один будет тот же механизм, что и в принтерах; он печатает сообщение на одной линии, а не покрывает чернилами все иероглифы подряд, из-за чего их сложно читать. Тебе тоже нравится интернет? В вашей эпохе я больше всего страдал от

отсутствия интернета, вот и придумал эту штуку. Теперь я снова чувствую себя настоящим ботаном-затворником.

– Ваше светлейшее высочество… ээ… Старый Ван, – быстро поправился Чжу Дагунь, увидев лицо принца Лу. – Осмелится ли ваш слуга спросить: из какой префектуры вы родом? Вы – книжник из Срединных Равнин? Выглядите вы поистине необычно.

Принц Лу вздохнул.

– Более интересный вопрос – из какой я династии? Эпоха, из которой я прибыл, отстоит от вашей на тысячу шестьдесят один год три месяца и четырнадцать дней.

Чжу Дагунь не знал, то ли принц шутит, то ли бредит. Он произвел подсчеты на пальцах и раболепно рассмеялся.

– Вы обрели Путь в правление императора У из династии Хань и дожили до наших дней как бессмертный!

– Я жил на тысячу лет позже, а не раньше, – неторопливо ответил принц Лу. – И на расстоянии в девятьсот миллиардов сорок две вселенные от вас.

9

Чжу Дагунь не понял безумных речей принца Лу, но обдумывать их у него не было времени, потому что начался следующий эксперимент. Принц Лу поместил покрытую серебром медную монету в сундучок из резного дерева, поставил рядом с монетой чашку с только что полученным йодом, закрыл крышку и поставил рядом с сундучком небольшую глиняную жаровню, чтобы его подогреть. Вскоре из трещин в сундучке повалил лиловый пар. «О Небо, сейчас мы получим пилюли бессмертия», – подумал Чжу Дагунь. Он, в соответствии с распоряжениями принца Лу, аккуратно размахивал веером и боялся даже дышать.

Чуть погодя принц Лу отодвинул жаровню в сторону, открыл сундучок и засунул в него руку, которую обернул мягкой тряпкой. Он осторожно вынул монету и показал, что ее серебряная поверхность покрылась чем-то желтоватым. Чжу Дагунь заглянул в сундучок, но никаких пилюль бессмертия не увидел. Однако принц Лу заплясал от радости.

– Получилось! Честное слово, сработало! Смотри, эта желтая штука называется «йодид серебра». Теперь нужно просто соскрести ее, положить в сосуд и хранить в каком-нибудь темном месте. С ней можно сделать один магический фокус: положить монету в темноту, а затем поместить на свет минут на десять, проявить изображение с помощью паров ртути и закрепить его

соленой водой. Как только ее промоют и высушат, на ней будет изображена эта комната – абсолютно точно, до мельчайших подробностей! Этот процесс называется «дагеротипия», и он основан на светочувствительности йодида серебра. Но этот йодид серебра нам нужен для другого дела, так что этот фокус я покажу тебе потом.

– Как можно получить картину, если нет художника? – озадаченно спросил Чжу Дагунь. – И какими волшебными свойствами обладает желтый порошок? Он дает здоровье и мудрость тому, кто его проглотит?

Принц Лу рассмеялся.

– Нет, это другая магия. В мое время люди в основном пользовались двумя качествами йодида серебра. Одно из них – светочувствительность, как я и сказал. Второе… ну… увидишь. – Принц соскреб порошок с монеты в фарфоровую бутылочку, а затем снял с себя маску и потянулся. – Ну, вот и все. На этом утренние дела закончены. Отправлю распоряжения, связанные с производством йодида серебра, и тогда можно отдохнуть. Ты же еще не ел, да? Потом поедим вместе. Ты высокий и сильный и хорошо работаешь руками – наверное, все это качества алхимика. Я хочу тебя кое о чем спросить, так что никуда не уходи. Я сейчас.

Принц Лу сел за лоток для набора с текстом и начал стремительно печатать. Время от времени он распечатывал текст на бумаге и читал его, кивая. Чжу Дагунь просто стоял, ничего не трогая: он боялся что-нибудь сломать или привести в действие какое-нибудь мощное заклинание.

В конце концов он вспомнил, зачем пришел сюда, потрогал копию «Аналектов», спрятанную в рукаве, и сделал глубокий вдох.

– Ваше высочество, я кое-что не понимаю, – сказал Чжу Дагунь, глядя в пол. – Надеюсь, что вы поможете советом вашему слуге.

– Валяй, говори, я слушаю, – ответил принц Лу, не отрывая взгляда от бумаги с текстом.

– Ваше высочество, вы ханец или варвар?[28]

– Говори без затей, называй меня «Старый Ван», – ответил принц. – Я ханец и вырос в Пекине, в районе Сичэн. Моя мама – мусульман-кахуэй, но я пошел в папу. Да, детство мое прошло в кварталах Нюцзе и Цзяоцзы, но без свинины я жить не могу, так что тут без шансов.

Чжу Дагунь уже понял, что безумный бред принца Лу нужно пропускать мимо ушей.

– Если ваше высочество – ханец, то почему вы живете в

Цзинь-яне, а не в южных землях?

– Даже если я это объясню, ты все равно не поймешь, – сказал принц Лу. – Я – ханец, но не из твоей эпохи. Мне прекрасно известно, что Пять династий и Десять царств, Лян, Тан, Цзинь, Чжоу и даже ваша так называемая «Великая Хань» были основаны другими этническими группами и что ваш народ в основном тоже варвары. Но если мне удастся осуществить свой план, я вернусь в точку, откуда отправился, и этот темпоральный узел в вашей вселенной уже никак не будет связан со мной, понимаешь?

Чжу Дагунь сделал шаг вперед.

– Ваше высочество, как нам победить армию Сун?

– Это невозможно, – ответил принц Лу. – У нас нет ни солдат, ни продовольствия, и мы не можем организовать массовое производство огнестрельного оружия. Кремневые ружья делать легко, но у нас нет серы для изготовления пороха. Мы обыскали весь город и нашли всего фунтов двадцать. Мы можем изредка стрелять из пушки, чтобы напугать врага, но не более того. Это подводит меня к следующей мысли: хотя победить войско Сун мы не можем, но удержать город мы в состоянии, и притом довольно легко. Пока Чжао Куанъи не знает, как Ляо присылает нам зерно под водой, Цзинь-ян не падет. Привязать пустые бочки к полным и отправить их на дно реки Фэньхэ – до такого вы, древние, никогда бы не додумались.

– Но простолюдины устали, они голодают, а солдаты рыдают от боли и истощения! – воскликнул Чжу Дагунь. – Ваше высочество, чем дольше стоит Цзинь-ян, тем больше страдают десятки тысяч его жителей.

– Хороший довод, – принц Лу повернулся к нему на табурете. – Все остальные радуются, когда попадают сюда, ведь здесь они получают не только помилование, но и возможность заработать, но ты на них не похож. Ладно, давай побеседуем. Я уже несколько месяцев не могу ни с кем нормально поговорить. Уже прошло… – принц Лу вытащил кусок бумаги, взглянул на него и нарисовал на нем еще один знак – «Х», – …три месяца и семь с половиной дней с тех пор, как я оказался здесь. До автоматического возвращения наблюдательной платформы осталось двадцать три с половиной дня. График будет очень плотный, но, судя по моим недавним успехам, я должен успеть.

Чжу Дагунь понял лишь то, что в словах принца слышна слабая тоска по дому, и немедленно ответил цитатой:

– Учитель сказал: «Пока родители живы, не следует уходить далеко от них без важной цели. Наблюдай за устремлениями человека, пока жив его отец; если тот уже умер, наблюдай за делами; если со временем человек не уклонится от пути,

выбранного отцом, тогда его можно назвать верным сыном». Ваше высочество, вы уже давно находитесь вдали от дома и сильно скучаете по родителям. Лисы умирают, ложась головой в сторону своей норы; вороны кормят своих постаревших родителей; ягнята встают на колени, прежде чем пить из материнского вымени; жеребцы не спариваются со своей…

Принц Лу вздохнул.

– Так, мы с тобой все еще работаем на разных частотах. Можешь заткнуться и послушать меня?

Чжу Дагунь немедленно заткнулся.

Принц Лу медленно заговорил:

– Ты наверняка не знаешь ни про теорию мультивселенной, ни про квантовую механику, поэтому я расскажу о них вкратце. Меня зовут Ван Лу. Я – обычный ботан, начинающий автор романов «чуаньюэ»[29] и профессиональный путешественник во времени. В мое время мы довели до совершенства теорию мультивселенной – настолько, что у человека появилась возможность зайти в агентство, нанять наблюдательную платформу и отправиться в путешествие по времени. Когда-то люди полагали, что число пересекающихся друг с другом параллельных вселенных составляет приблизительно 10^(10^118), но более точные вычисления показали, что из-за пересечения различных веток это число меньше – около трехсот квадриллионов. Бесконечное множество возможностей на уровне частиц заставляет вселенные постоянно появляться, разделяться, объединяться и исчезать, но при этом даже две параллельные вселенные с наибольшим числом различий удивительно похожи друг на друга на физическом уровне, несмотря на то что они расходятся все дальше и дальше во временном потоке… В каком-то смысле из-за этого все стало скучнее, поскольку исследования далекого космоса затормозились, и познания человечества о вселенной в целом остаются очень поверхностными. Даже в самой продвинутой вселенной из тех, в которых мне удалось побывать, человечество продвинулось не дальше альфы Центавра, которая находится практически по соседству. Но с другой стороны, это делает жизнь интереснее, так как после изобретения двигателя, в основе которого лежит принцип волновых функций, мы можем заходить в параллельные вселенные, когда нам вздумается. По топологическим причинам на путешествия тратится меньше энергии, если место назначения расположено во вселенной, похожей на исходную. Самые продвинутые наблюдательные станции, которые у нас есть, могут отправлять путешественников на расстояние в триста триллионов вселенных; правда, в свободной продаже есть только машины с радиусом действия

около сорока триллионов.

Кивая, Чжу Дагунь трогал мешочек в рукаве и спрашивал себя: следует ли достать кинжал и убедить сердце принца Лу или достать «Аналекты» и убедить его разум, когда тот закончит свои безумные речи? Чжу Дагунь хотел действовать безотлагательно – ведь, кроме него и принца, в комнате никого не было, – но он сам еще до конца не решил, кого из достопочтенных личностей следует поддержать.

Принц Лу взял чашку с чаем, отхлебнул от нее и продолжил:

– Я заключил контракт с историческим факультетом Пекинского университета и получил задание – произвести подсчет населения Шестнадцати префектур в конце эпохи Пяти династий и Десяти царств[30]. Параллельная вселенная, похожая на вашу, находится чуть ближе к нашей в потоке времени и поэтому отлично подходит историкам для наблюдений… Только не думай, что лицензию для путешествий во времени выдают кому попало. Чтобы получить ее, нужно учить квантовую теорию, уметь работать на компьютере, управлять наземным транспортом, действовать в экстремальных ситуациях и многое другое. А прежде чем устроиться на такую работу, необходимо пройти тест. А если хочешь водить группы туристов, нужно еще сдать экзамены на должность «гид в путешествиях во времени». Поскольку наши вселенные похожи по физическим параметрам, я активировал наблюдательную платформу у ворот Сюаньумэнь в Пекине, чтобы пересечь девятьсот миллиардов сорок две вселенные и прибыть сюда. Я рассчитал поведение всех крутящихся и вращающихся элементов и, по моим подсчетам, должен был прибыть в префектуру Йоу. Кто знал, что из моей платформы уже песок сыплется? Радиатор волнового двигателя закипел – прямо на дороге! Мне пришлось залить в него восемь бутылок минеральной воды и целый ящик «Ред булла», и только после этого я смог доползти до места назначения. А как только я прибыл в вашу вселенную, балка свода пробила бак, и все, двигатель накрылся. Я упал в какую-то долину в Шаньси, рядом с рекой Фэньхэ. Мой багаж, снаряжение и запасные баки с горючим – все погибло… Я десять дней латал двигатель и только тогда обнаружил, что все топливо вытекло. Тех капель, которые еще оставались в топливопроводе, хватило бы максимум на две-три вселенные. Какой смысл лететь на пару часов в будущее?

Крики и шум борьбы за стенами усилились: армия Сун снова пошла на штурм ворот Восточного города. Принц Лу повернулся, прочитал отчет на бумажной ленте, которая раскручивалась над его текстовым блоком, а затем сам напечатал несколько символов.

– Не волнуйся. – Он рассмеялся. – Мы разберемся, как и всегда. Сейчас подгоню две катапульты… На чем я остановился? Ах да, волновой двигатель едва запускался, а при увеличении угловой скорости из него валил синий дым, как из трактора, но главная проблема заключалась в полном отсутствии топлива. О переписи населения, конечно, речи уже не шло, но, что еще хуже, я не зарегистрировал свой контракт в Администрации мультивселенной Министерства гражданских дел и поэтому не мог просто обратиться за помощью в полицию – за это нарушение мне светит от трех до пяти лет тюрьмы! Если я хотел вернуться домой, мне нужно было каким-то образом добыть топливо. Поэтому я спрятал свое добро в балке и проскользнул в Цзинь-ян.

– Ваше высочество, вы сказали, что у вас закончилось топливо. Но ведь в городе полно огненного масла! – не удержавшись, прервал его Чжу Дагунь.

Принц Лу вздохнул.

– О, если бы он только мог работать на этом масле. Скажем так: в топливном баке платформы не реальное, физическое топливо, а потенциальная энергия, эластичный потенциал между параллельными вселенными. Чтобы наполнить бак, мне нужно было создать раскол между вселенными. Когда в результате принятого решения отделится новая вселенная, я смогу набрать выделившуюся потенциальную энергию, а она, в свою очередь, позволит мне вернуться в мой мир. Эта потенциальная энергия не является чем-то неосязаемым, словно величина энтропии, – она скорее похожа на треск, который ты слышишь, когда ломаешь бамбуковый стебель. Я сам не очень-то хорошо в этом разбираюсь, но, в любом случае, мне нужно было создать достаточно крупное событие, чтобы заставить вселенную разделиться. И как это сделать? Рассмотрим пример из истории: в четырнадцатый день третьего месяца этого года житель Цзинь-яна поскользнулся, упал с парапета в реку Фэньхэ и погиб. Свидетелем его гибели стали двадцать человек; данный случай занесен в хронику как незначительное происшествие. Если в четырнадцатый день третьего месяца я схватил бы его за шиворот и спас, то создал бы изменение – но недостаточно большое. Это событие произошло в ста квадриллионах вселенных, и в одном квадриллионе из них человека спасли и без моей помощи. В тот момент параметры одной из этих вселенных начнут меняться – и изменятся так, чтобы полностью совпадать с параметрами вселенной, в которой находимся мы. Тогда две вселенные сольются. Конечно, мы с тобой ничего не почувствуем, но потенциал уменьшится и даже выкачает топливо из моего бака. Чтобы отделить новую вселенную, я должен создать достаточно

большое изменение, настолько большое, что подобного прецедента не существует ни в одной из ста квадриллионов вселенных в последующих точках временного потока. Мне удалось воспользоваться раздолбанным волновым компьютером, чтобы найти такую возможность – такую, которой я могу воспользоваться без помощи современного оборудования.

Чжу Дагунь напряженно слушал, не говоря ни слова.

Внезапно принц Лу достал из ящика книгу и прочел:

– «В шестом месяце 882 года нашей эры, в разгар лета Шан Рэн повел армию из Чанъаня, чтобы напасть на Фэнсян. Но когда он добрался до лагеря Ицзюнь, началась великая метель. За три дня навалило снега высотой в несколько футов. Тысячи умерли из-за обморожения, и тогда армия Ци с позором отступила в Чанъань». Ты слышал об этом событии?

– Восстание Хуан Чао![31], – Чжу Дагунь наконец-то получил возможность вставить свое слово в разговор. – Шан Рэн был главнокомандующим армией Ци. Люди до сих пор рассказывают о метели, которая случилась во второй год Гармонии. Про нее написано и в исторических хрониках.

– Вот именно, – сказал Старый Ван. – Я – современный человек, но у меня нет лучей смерти, ядерных бомб или другого фантастического оружия, и меня не поддерживает космический корабль «Энтерпрайз» или «Макросс». Я могу лишь использовать обрывки знаний, полученных в школе и в университете, чтобы как можно сильнее изменить эту эпоху. Сун захватила Северную Хань, это исторический факт. В хрониках сказано, что в четвертый день пятого месяца армия Сун взяла Цзинь-ян, и Лю Цзиюань капитулировал. В восемнадцатый день пятого месяца император Тайцзун из династии Сун выгнал из города всех жителей и сжег его дотла. Но я уже перенес эти даты более чем на месяц. Армия Сун не может оставаться здесь бесконечно; все видят, что примитивные осадные орудия вашей эпохи не способны пробить укрепления, которые я помог усилить. Как только армия Сун отступит, история будет полностью переписана, и тогда вселенная непременно разделится! – Он немного поиграл с бутылочкой, в которой лежал йодид серебра, и радостно рассмеялся. – И это я еще ничего не рассказал о моем новом изобретении. Оно немедленно изменит ход истории и наполнит топливный бак моей наблюдательной платформы! Древние искренне верили в небесные знамения. Что изменит историю, если не метель посреди лета?

– Сжечь… Цзинь-ян? Метель? – тупо повторил Чжу Дагунь.

– Это легче показать, чем объяснить! Следуй за мной! – Принц Лу вскочил на ноги, схватил Чжу Дагуня за рукав и

потащил его к западной стене комнаты. Там он потянул за рычаг какого-то механизма, повернулась петля, и внезапно вся стена выпала наружу. За ней оказался двор, полностью скрытый под плотными, перекрывающимися карнизами. Ослепительный солнечный свет заставил Чжу Дагуня прищуриться. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог разглядеть то, что находится во дворе.

Увиденное потрясло Чжу Дагуня. Здесь на земле лежали невероятные, удивительные предметы, которых он никогда не видел и названия которых он не знал. Несколько десятков сотрудников Института работали над ними в палящих лучах солнца. Увидев принца, они опустились на колени. Принц Лу улыбнулся и махнул им рукой:

– Продолжайте. Не обращайте на меня внимания.

– Мы проводим испытания воздушного шара, – пояснил принц Лу, указывая на работников, которые сшивали куски хлопчатобумажной ткани. – Я согласился построить летучий корабль, чтобы император мог бежать на нем в Ляо. На создание летучего корабля требуется больше времени, но пока что я постараюсь сделать воздушный шар. Когда я прибыл в Цзинь-ян, то сделал несколько эффектных вещиц и подкупил кое-кого из мелких чиновников, чтобы получить аудиенцию у императора. Я сказал, что могу сделать Цзинь-ян неприступным, и за это он в тот же миг присвоил мне титул принца, который оказался весьма полезен. Я должен отплатить императору за подобную щедрость.

Они повернули и подошли к группе работников, которые наполняли порохом черную чугунную пушку.

– Из нее мы выстрелим канистрой, которая засеет облака. Порох – недостаточно мощное топливо, поэтому нам нужен воздушный шар, который поднимет пушку в воздух. В последнее время я внимательно слежу за погодными условиями. Пусть эта жара тебя не обманывает; облака, которые каждый день идут с хребта Тайханшань, наполнены холодным воздухом. Если в нужное время дать им ядро для конденсации влаги, можно вызвать снегопад! – Принц Лу ухмыльнулся. – Все необходимые инструкции я уже отправил, и химическая фабрика за пределами дворца уже занимается только производством йодида серебра. Скоро мы наполним кассету и зарядим ею пушку. Воздушный шар мы уже испытали. Нужно просто дождаться подходящей погоды!

Чжу Дагунь посмотрел на чистое, безоблачное небо. Солнце сверкало, словно огонь. Вдали затихали звуки боя; где-то на карнизе трещала сорока. По вымощенной камнем дороге с урчанием проехала повозка на огненном масле. В воздухе пахло кровью, маслом и лепешками. Чжу Дагунь стоял рядом с принцем

не в силах пошевелиться. Мысли у него в голове окончательно перепутались.

10

Стена встала на место, и комната снова погрузилась во тьму. Они немного поели. Принц Лу отправил по интернету распоряжения защитникам города и ремесленникам, одновременно расспрашивая Чжу Дагуня об алхимии. Чжу Дагунь отвечал уклончиво и нес чепуху, которая отчасти походила на правду.

– Ох, мне нужно поспать. Пахал всю ночь, и батарейки уже подсели. – Принц устало потянулся и пошел в угол комнаты, где стояла походная кровать. – Посторожи, ладно? Если будут новости, разбуди меня.

– Да, ваше высочество. – Чжу Дагунь почтительно поклонился.

Принц Лу лег, накрыл себя парчовым одеялом и вскоре захрапел. Чжу Дагунь тихо вздохнул и сел. Голова у него шла кругом. Он попытался привести в порядок свои мысли.

Чжу Дагунь понял далеко не все, что сказал ему принц Лу, но общий тон речей принца был вполне ясен. Повелителя Института Восточного города не заботила ни судьба династии Хань, ни благополучие жителей Цзинь-яна. Он прибыл из другой страны и в конце концов вернется туда. Поражающие воображение устройства и экзотические игрушки он создал, чтобы заработать денег и заручиться поддержкой императора и народа. Интернет он провел, чтобы завоевать любовь книжников и получить инструмент, позволяющий быстро передавать приказы из Института; он продавал повозки, работающие на огненном масле, оружие и крепкое вино, чтобы расположить к себе военных; и даже зерно, поддерживающее жизнь, смертоносный огонь и снег посреди лета, в конце концов, нужны принцу Лу лишь для достижения его личных целей. Хань Фэй писал: «Подумай о человеке, который отказывается идти туда, где опасно, и служить в армии, о том, кто ради блага всего народа не пожертвует даже волоском на ноге… Этот человек больше всего ценит жизнь». Разве не таков принц Лу?

что-то еще не давало покоя Чжу Дагуню. Его грудь, казалось, была чем-то набита, его голова раздулась. В ушах у него стоял звон. Он вспомнил слова Ма Фэна, Го Ваньчао, Лю Цзие и императора. Он подумал об этом государстве, этой префектуре, этом городе и о десятках тысяч живых существ в нем. Лян, Тан,

Цзинь, Чжоу и Хань поочередно захватывали эти земли; в эти смутные времена ханьцы и варвары перемешались. Чжу Дагунь, живший в эту неспокойную эпоху, когда-то думал о том, чтобы взять в руки меч вместо кисти и совершить какой-нибудь великий подвиг. Он обосновался в тихом углу и целыми днями беседовал о философии не потому, что ему не хватало силы или смелости, но потому, что не мог выбрать направление, в котором нужно двигаться. Книжники часто обсуждали великие принципы, которые позволяют управлять государством и установить мир в стране. Чжу Дагунь считал их разговоры пустой болтовней, но что у них еще осталось, кроме напыщенных речей о славных временах Вэньди и Цзинди, о возрождении Чжао и Сюань, о золотом веке Кайюаня? Чжу Дагуню нужна была лишь еда, постель и крыша над головой; возможность болтать и пить вино в свободное время; возможность завалиться в постель после еды, выразить свои мысли в сети, посещать бордели, если есть деньги, спокойно жить. Но в эту эпоху хаоса жить спокойно означало плыть против течения. Даже такой незначительный человек, как он, оказался втянут в борьбу за выживание страны. В данную минуту судьба Великой Хань и всех жителей города была в его руках. Если он ничего не предпримет, то как он может считать себя ученым – он, человек, который двадцать лет наполнял свой разум словами мудрецов?

Чжу Дагунь вытащил из рукава кинжал с клинком из отменной стали. Он знал, что убедить принца Лу не удастся, ведь принц Лу – не подданный Хань. Великие принципы для него – лишь обман, и реальны только шесть и три десятых дюйма стали в руке Чжу Дагуня. В эту минуту в голове Чжу Дагуня появилась мысль, идеальная в трех отношениях. Он медленно вытянулся во весь свой огромный рост; в уголках его рта заиграла улыбка. Бесшумно ступая по доскам пола, он быстро подошел к походной кровати…

– Твою мать! Ты что творишь?! – воскликнул принц Лу. – Меня укусил комар, и я встал, чтобы зажечь благовония, отгоняющие насекомых. Зачем тебе нож? Я позову свою м-м-м…

Чжу Дагунь плотно заткнул рот принца Лу и прижал лезвие кинжала к его бледной, нежной шее.

– Молчи и тогда будешь жить, – шепнул он на ухо принцу. – Я видел, как ты управляешь обороной города с помощью интернета. В твоем лотке для текста был ряд деревянных блоков с символами. Дай мне эти блоки и назови свой пароль, тогда я тебя не убью.

Принц Лу был человеком благоразумным. Он бешено закивал; его лоб покрылся капельками пота. Чжу Дагунь разжал

пальцы. Принц Лу вздохнул и, задыхаясь, достал из кармана наборный шрифт из дерева красного цвета и бросил их на кровать.

– Пароля нет, – выдавил он из себя. – Мои приказы проходят по особой линии прямо в лагеря защитников города и в мастерские. Их никто не может подделать… Зачем ты так поступаешь? Я защищал Цзинь-ян и изобрел бесчисленное число устройств, которые улучшили все стороны жизни солдат и горожан. Все жители города любят меня. Чем я навредил Северной Хань, Тайюаню и тебе?

Чжу Дагунь мрачно рассмеялся.

– Пустые слова. Ты заботишься только о себе, а я работаю на благо целого города. Во-первых, я прикажу Институту Восточного города прекратить сопротивление. Как только огненные драконы, колонны и катапульты замрут, генерал Го Ваньчао откроет ворота и впустит в город армию Сун. Во-вторых, во дворце ждет министр Ма Фэн. Как только ворота города откроют, а в армии начнется паника, он убедит правителя Лю Цзиюаня выйти из дворца вместе с семьей и сдаться. Но я помогу императору скрыться в суматохе и бежать к киданям на так называемом «воздушном шаре». В-третьих, я выдам тебя Чжао Куанъи, обменяю тебя на жизни горожан. Армия Сун три месяца безуспешно осаждала город; правитель Сун, должно быть, преисполнен ненависти к тебе, изобретателю оборонительных машин. Если я приведу к нему тебя, связанного по рукам и ногам, он, несомненно, испытает огромное облегчение и не предаст Цзинь-ян огню и мечу. Тогда я не подведу Го Ваньчао, Лю Цзие, императора и горожан, которым грозит страшная опасность. Я добьюсь и милосердия, и правосудия!

Принц Лу ахнул:

– Что за дурацкий план? Из какой ты группировки? Всех остальных ты ублажаешь, а меня хочешь бросить на съедение волкам? Зачем такие крайности? Давай все обсудим; я готов договариваться по каждому пункту. Я просто хотел собрать немного энергии и уехать домой. Значит, из-за этого я злодей? Я сделал что-то плохое? Я сделал что-то плохое?

– Вы не сделали ничего плохого. Я не сделал ничего плохого. Никто не сделал ничего плохого. Так кто виноват? – спросил Чжу Дагунь.

Ответить на этот глубокий философский вопрос Старый Ван не успел, так как получил удар в лоб рукоятью кинжала и потерял сознание.

Ван Лу медленно пришел в себя – и увидел, как воздушный шар поднимается над главным зданием Института Восточного города. Шар был сшит из ста двадцати пяти кусков хлопчатобумажной ткани, покрытой толстым слоем лака, и к нему крепилась корзина, сплетенная из бамбука. В ней находились горелка с огненным маслом и тяжелая чугунная пушка. В корзину запихнули троих или четверых людей, явно не заботясь о ее грузоподъемности, но, когда вентиль открыли и пламя взревело, огромный шар наполнился горячим воздухом и, раскачиваясь, продолжил набирать высоту. Темно-коричневый лак поблескивал в лучах заходящего солнца, и длинная тень шара протянулась над Цзинь-яном.

– Получилось… Получилось! – Ван Лу сел и засмеялся, глядя в небо. Дул северный ветер, разгоняя летнюю жару. Клочки облаков, наполненных влагой, собирались в небе: идеальная погода для того, чтобы вызвать снегопад. Путешественник во времени смотрел, как шар поднимается в небеса, и бормотал: – Низко… слишком низко… еще двести метров, и тогда она сможет выстрелить… еще чуть-чуть… еще чуть-чуть…

Он попытался встать и найти более удобное место для наблюдения, но обнаружил, что не в состоянии шевелить ногами. Он посмотрел вниз и увидел, что привязан к экипажу, работавшему на огненном масле. Экипаж стоял посреди дороги; его возница лежал на своем сиденье – мертвый. Ван Лу осмотрелся и увидел, что на дороге лежат горы трупов – солдаты Хань, солдаты Сун, жители города. В придорожной канаве текла кровь, увлажняя пересохшую за несколько месяцев желтую землю. Вдали доносился плач, вопли и звуки боя, похожие на раскаты грома. И все же Цзинь-ян казался неестественно тихим, застывшим – если не обращать внимания на кружащих в небе ворон.

– Твою мать! В чем дело?! – заорал Ван Лу, пытаясь высвободиться. Его руки и ноги были крепко связаны, и от каждого его движения грубые веревки еще больнее врезались в тело. Задыхаясь, принц изверг поток проклятий и замер, боясь пошевелиться. В эту минуту по улице промчался конный отряд; судя по форме и доспехам, это были солдаты Сун. Даже не взглянув в сторону Вана Лу, всадники, топча трупы, направились в сторону восточных ворот. До него долетели обрывки их разговоров.

– Мы опоздали! Что будем делать, если наши стрелы его не достанут?

– Это не южный ветер, а северный. Он никогда не доберется до Ляо. Его просто унесет на юг…

– Скажут ли, что это наша вина?

– Иначе мы опоздаем!

– Эй! Что вы делаете?! Не бросайте меня здесь! – завопил Ван Лу, словно безумный. – Передайте своему господину, что я знаю физику, химию и инженерное дело! Я построю стимпанковскую империю Сун! Подождите! Не уезжайте! Не уезжайте…

Топот копыт стих. Ван Лу в отчаянии поднял взгляд. Воздушный шар уже превратился в крошечную точку высоко в небе и под действием северного ветра плыл на юг. Бум! Ван Лу увидел белое облачко дыма еще до того, как до него долетел звук. Пушка выстрелила.

В глазах Вана Лу снова засветилась надежда – последняя надежда. Он с трудом опустил голову, вцепился зубами в край одежды и порвал его, обнажив грудь. Под левой ключицей светилась линия: индикатор запасов топлива на его наблюдательной платформе. Для того чтобы вернуть его обратно, волновому двигателю требовалось не менее тридцати процентов; снегопад в июле создаст раскол во вселенной, который наполнит бак, по крайней мере, наполовину.

– Ну давай… – Ван Лу плакал, он истекал кровью, он бормотал, стиснув зубы. – Давай, давай, давай, устрой мне мощную метель!

Каждый грамм йодида серебра мог создать более десяти триллионов частиц; пяти килограммов было достаточно, чтобы создать все необходимые кристаллы для метели. Мысль о том, что в эту эпоху примитивных технологий можно искусственно создать снег, казалась нелепой, но, возможно, небо услышало страстную молитву путешественника во времени: в небе собрались облака; они бурлили, чернильно-черные и беспокойные, они закрыли заходящее солнце так, что оно превратилось в тонкую нить золотого света.

– Давай, давай, давай! – ревел Ван Лу, обращаясь к небу.

Гром прогремел от горизонта до горизонта. Сначала пошел дождь – холодный, с крошечными льдинками. Но температура почвы продолжала снижаться, и дождь превратился в снег. Снежинка, кружась, спустилась с неба, упала на кончик носа Вана Лу и мгновенно растаяла. Но сразу же появилась вторая, а за ней третья, предвещая прибытие квадриллионов других таких же.

Промокший путешественник во времени захохотал, глядя в небо. Это была настоящая метель в июле, снег падал комками. Ван Лу мечтал увидеть дома, дворцы, ивы и крепостные стены, окрашенные в белый цвет. Ван Лу опустил взгляд и увидел, что индикатор на груди светится зеленым. Прогноз запасов энергии для двигателя преодолел минимальное значение; как только эта

вселенная разделится на две, наблюдательная платформа соберет энергию и автоматически активируется. За частицу времени, слишком крошечную, чтобы ее можно было измерить, платформа отправит Вана Лу на родину, в теплую квартиру площадью 83 квадратных метра рядом с кольцевым перекрестком в квартале Бейюань, что в пекинском районе Тунчжоу.

– Это будет эпично, – сказал Ван Лу самому себе, дрожа от холода. – Я вернусь домой, женюсь, буду каждый день влезать в переполненный вагон метро по дороге на менее опасную работу, а дома не буду делать ничего, только играть в видео-игры. Честное слово, хватит с меня приключений…

Снег падал с такой скоростью, что весь Цзинь-ян покрылся бы метровыми сугробами менее чем за час. Но именно сейчас на стенах города поднялись двадцать огненных драконов.

Стоявшие у дюжины ворот Западного, Восточного и Центрального города огненные драконы извергали из себя столбы огня, и бесчисленное множество катапульт стреляли огненными шарами. Это были орудия, которые Ван Лу построил своими руками, орудия, которых армия Сун боялась больше всего на свете.

– Погодите… – Глаза Вана Лу погасли. – Нет! Они решили все равно сжечь Цзинь-ян? Могли хотя бы подождать, пока не закончится снегопад… стойте, стойте…

Все вокруг было залито густым и вязким огненным маслом, и языки пламени с ревом устремлялись к небесам. Огонь распространялся с немыслимой скоростью: в Цзинь-яне давно стояла засуха, и вода, которую путешественник по времени призвал с небес, не успела впитаться в балки и доски.

Пожар начался во дворце Цзинь-яна, охватил кварталы Сицин, Гуаньдэ, Фуминь, Фасян и Лисинь, превратил их в море огня. В Центральном городе сначала загорелось большое водяное колесо, а затем огонь двинулся на запад, к особнякам Суангуан, Женьшоу, Дамин, Фэйюн и Деян. Вскоре Институт Восточного города превратился в ярко пылающий факел. Снежинки, кружившие над городом, бесследно испарялись, не успевая приземлиться. Зеленая полоска на груди путешественника по времени потускнела. Он завыл от горя и боли.

– Твою мать! Цель была так близка!

Настали сумерки, но в горящем Цзинь-яне было светло, словно днем. В этом аду закипал даже воздух; алый огненный дракон взлетел в небо и мгновенно рассеял облака. Никто не увидел выпавший снег; все видели только огонь, который достал до небес. Древний город, впервые построенный в Эпоху весны и осени, более тысячи четырехсот лет назад, рыдал, объятый

пламенем.

Горожан, которым посчастливилось выжить, армия Сун гнала на северо-восток. На каждом шагу они оглядывались, и плач их был таким громким, что мог бы потрясти небеса. Чжао Куанъи, правитель Сун, сидел на своем коне и смотрел на пылающий Цзинь-ян вдали и на коленопреклоненных людей перед ним.

– Приходите ко мне, когда поймаете самозваного императора Лю Цзиюаня, – сказал он. – Не причиняйте ему вреда. Го Ваньчао, я назначаю тебя командующим ополчением префектуры Ци. Ма Фэн, ты будешь надзирать за имперскими постройками. Вы двое уже послужили мне, и я надеюсь, что вы и дальше обратите всю свою мудрость и находчивость на пользу моей великой династии Сун. Лю Цзие, почему ты отказываешься сдаться, когда все остальные уже это сделали? Разве ты не знаешь сказку о богомоле, который пытался остановить колесницу?

Лю Цзие со связанными руками повернулся, чтобы стоять на коленях лицом к северу.

– Правитель Хань еще не капитулировал, – упрямо ответил он. – Как я могу сдаться раньше него?

Чжао Куанъи рассмеялся.

– Мне много рассказывали о Лю Цзие с Восточного берега, и ты подтвердил свою репутацию. Ладно, можешь сдаться после того, как я поймаю малыша-императора. Возьми себе свое прежнее имя – Ян. Зачем ханьцу защищать варвара? Если хочешь сражаться, воюй с киданями. Так будет правильнее, верно?

Закончив разговор с этими людьми, Чжао Куанъи проехал несколько шагов и остановился.

– А ты что скажешь? – спросил он, наклонившись к стоявшему на коленях Чжу Дагуню.

Чжу Дагунь боялся поднять голову. Краем глаза он видел пламя, которое бушевало на горизонте.

– Я не совершал великих дел, – сказал он, дрожа. – Но я не причинил вреда и прошу лишь, чтобы меня признали невиновным.

– Хорошо. – Чжао Куанъи махнул плеткой. – Сделайте его герцогом Таньчэна и дайте ему надел – квадрат со стороной в тридцать миль. Посмертно. Отрубить ему голову.

– Ваше императорское величество, в чем я виноват? – потрясенный Чжу Дагунь вскочил на ноги и оттолкнул двух солдат, стоявших рядом с ним. Палач занес над ним меч.

– Ты не сделал ничего плохого. Я не сделал ничего плохого. Никто не сделал ничего плохого. Так кто виноват? – безразлично спросил правитель царства Сун.

Покатившаяся голова остановилась; большое тело с глухим

стуком рухнуло на землю. Экземпляр «Аналектов» Конфуция выпал из рукава Чжу Дагуня в лужу крови, и она быстро размыла все слова.

* * *

Все созданное путешественником во времени сгорело дотла вместе с Цзинь-яном. Затем рядом построили новый город, и дни чудес стали казаться людям полузабытым сном. Только Го Ваньчао иногда доставал свои темные очки «Изгонятель лучей», когда пил вместе с Чжао Да в армейском лагере префектуры Ци.

– Если бы он родился в империи Сун, мир сейчас был бы совершенно другим, – говорил он.

Завоевание Северной Хань империей Сун было лишь кратко упомянуто в истории Пяти династий. Сто шестьдесят лет спустя историк Ли Тао наконец написал в официальной хронике о великом пожаре в Цзинь-яне, но, естественно, ни разу не упомянул о путешественнике во времени.

* * *

«В [979 году н. э.] император зашел в Тайюань с севера через ворота Шахэ. Он отправил его жителей группами в новый город Бинчжоу и поджег их дома. Многие дети и старики не успели вовремя добраться до городских ворот и сгорели».

Продолжение «Цзы чжи тун цзянь», книга 20-я[32].

Анна У [33]

Анна У – писатель, сценарист и переводчик. Она окончила магистратуру по специальности «китайская литература», и ее сценарий «Туман» получил премию «Синъюн». Она выпустила сборник рассказов «Двойная жизнь»; ее произведения публиковались в журналах «Мир научной фантастики», «Край галактики» и в других изданиях.

Анна живет в Шанхае и работает сценаристом в компании, которая специализируется на научно-фантастических фильмах. Она любит ходить в кино, посещать выставки, плавать и заниматься йогой. Она обожает готовить и знает толк в еде, и иногда пишет кулинарные колонки. Ее любимые писатели – Артур Кларк, Нил Гейман, Роберт Сойер и Джоан Роулинг.

В данный момент она работает над научно-фантастическим романом, действие которого происходит в древнем Китае. В мире произведения легендарные китайские чудеса техники сочетаются с достижениями науки, элементами фэнтези и чего-то более мрачного.

«Ресторан на краю вселенной: каша "лаба"»[34] – первый из научно-фантастических рассказов, связанных с вымышленным рестораном. И он, как и вышеупомянутое блюдо, обладает целой гаммой вкусов.

Ресторан на краю вселенной: каша «лаба»

На краю далекой вселенной стоял ресторан под названием «Ресторан на краю вселенной». Издали он был похож на раковину моллюска, которая беззвучно вращается в космосе.

Иногда ресторан был большим, а иногда маленьким. Его интерьер, так же как и вид из окна, часто менялся. В ресторане стояли холодильник, постоянно набитый свежими ингредиентами, шкаф, который жарил, пек, варил и готовил всеми возможными способами, часы, которые могли регулировать ход времени на небольшой площади, а также меланхолически настроенный андроид-официант по имени Марвин. В зале ресторана всегда горел красный фонарь.

Управляли рестораном двое – отец и дочь. Они прибыли из страны под названием «Китай», что на планете под названием «Земля». Если судить по «Руководству путешественника по Млечному Пути», то отец был типичным представителем мужчины-землянина средних лет – и, вероятно, даже на несколько десятых красивее среднестатистического землянина. Он был худой и черноволосый, со шрамом на левом запястье. Мужчина не отличался разговорчивостью, но прекрасно разбирался в кулинарном искусстве Земли и по желанию клиента мог приготовить любое блюдо. Его дочери Мо, большеглазой и тоже черноволосой, было лет одиннадцать-двенадцать.

Ближайший узел пространства-времени представлял собой маленькую грузовую станцию; на нее доставляли товары, которые везли на Землю или с Земли. И поскольку это была сингулярность, то ею могли пользоваться только организмы с рейтингом цивилизации, превышающим ЗА, – то есть те, кто способен загрузить свое физическое тело в сеть.

В ресторане было мало посетителей. Большинство из них прибывали с Земли, но сюда заходили и жители Альфы Центавра с тремя телами, которые вместе по размеру были не больше спичечного коробка; адаптировавшиеся к атмосфере Сатурна титанийцы, похожие на огромные воздушные шары; и сверкающие серебристые суойя из центра Млечного Пути, что в пятидесяти тысячах световых лет от Земли. В расплывшемся континууме пространства-времени, характерном для этого ресторана, можно было встретить разумных существ всех форм и размеров: они махали своими антеннами, капали слизью, потрескивали и поблескивали своими энергетическими полями.

Да, виртуальная реальность может содержать в себе бесконечности, но если пробыть в ней подольше, то почувствуешь себя потерянным. Время от времени люди все равно хотят облачиться в настоящее тело, поесть настоящей пищи и вспомнить о былом.

Для всех посетителей ресторана было одно правило: ты мог рассказать хозяину историю, и если она оказывалась достаточно интересной, то денег с тебя не брали и хозяин лично готовил тебе особое блюдо. И ты мог есть его, думая о бесчисленном множестве цивилизаций, которые возвышаются и гибнут, рождаются и умирают во всех уголках вселенной, словно каждая из секстиллиона звезд.

* * *

Каша «лаба»

«Он – не постоянный клиент, – подумала Мо. – Вероятно, он здесь впервые».

Сегодня ресторан был обставлен в стиле «Зима в Китае». В зале стояли четыре-пять грубо сколоченных деревянных столика, и за ними сидели три клиента. Кухня приютилась в углу. В центре зала за столом под красным фонарем сидели мужчина и женщина. Женщина, вероятно, была землянкой или, возможно, клоном второго поколения – ее ноги казались необычно длинными и изящными. Мужчина, с массивным черепом и темно-лиловыми глазами, скорее всего, прибыл с Венеры.

А в углу, в одиночестве, сидел за столиком седоватый мужчина-землянин и бесстрастно, механически вращал в руке бокал с вином. От мужчины пахло перегаром. Сегодня был китайский праздник Лаба, и, соответственно, в ресторане приготовили одноименную сладкую кашу, аромат которой распространился по всему ресторану, однако человек ее не заказал.

Мо никогда не видела таких глаз, как у него, – пустых и темных, словно пересохший колодец. Они напомнили ей глаза мертвого насекомого.

Посетителей в ресторане было мало, поэтому Мо всучила меню Марвину и стала ждать.

Марвин взял меню и, вздыхая, принялся смотреть на то, как за окном падает снег. Его глаза поблескивали голубым светом, что указывало на меланхолию.

– Они умерли много веков назад, зачем им еда? – бурчал он, ковыляя на своих коротких ногах к столу, за которым сидел венерианец.

– Папа, у землянина, наверное, хорошая история, – ухмыльнулась Мо, пробираясь на кухню. Она обладала своего рода даром: в группе людей она с одного взгляда определяла тех, у кого лучшие истории.

Ее отец на минуту оторвался от работы и молча уставился на груду посуды.

На его лице отразилась какая-то странная гамма эмоций: интерес, тревога, отвращение – и, может, даже страх?

Время шло. Гул ресторана плыл вокруг них так же мягко, как снежинки за окном.

– Мо, ты, скорее всего, слышала про Агентство тайн.

– Все законы – один закон; все в мире вечно, – ответила Мо без промедления.

Таков девиз этой организации – по крайней мере, на одном из языков Земли. Агентство тайн прославилось в разные эпохи и на многих планетах. Оно игнорировало все межзвездные законы и правила и было готово оказать клиенту любую услугу, которую только можно себе представить, – но только в том случае, если просьба оказывалась достаточно интересной. Услуги агентства нельзя было купить за деньги, оно признавало только… обмен. Ни один клиент никогда не упоминал о том, что именно служило предметом обмена. Никто не знал и того, кто возглавляет агентство: его руководитель был слишком умен и всегда ускользал от полиции пространства-времени.

– Его зовут А Чень. Он был клиентом Агентства тайн.

Отец Мо начал медленно рассказывать историю А Ченя.

А Чень писал романы, и первый – роман о любви – он опубликовал, когда ему было всего двадцать лет, и эта книга мгновенно принесла ему славу. На праздничном банкете коллеги-литераторы восхищались им и пели ему хвалу, изрядно сдобренную завистью. Успех ошеломил его и вскружил ему голову, словно вино.

Но добиться славы в юном возрасте – не всегда хорошо. В тот вечер он познакомился с поклонницей – своей будущей женой Ци.

Ци родилась в семье знаменитых ученых. Она была красивой и хрупкой, но чудовищно упрямой. Не обращая внимания на протесты родных, она вышла замуж за нищего А Ченя. Днем она работала горничной; она стирала и мыла посуду, пока ее руки не покраснели от воды. А по ночам она правила черновики А Ченя и помогала ему собирать материалы для новых книг.

Три года спустя полученные А Ченем награды уже потускнели, однако муза больше ни разу его не посетила. Сочинение книг было долгой и сложной работой, похожей на марафон, который ты бежишь в одиночку в темноте, спотыкаясь и выбирая путь на ощупь. Взлеты настроения сменялись падениями, радость – печалью, и даже обычный дождь и снег иногда причиняли А Ченю невыносимые страдания.

Пока редакторы снова и снова отвергали его рукописи, А Чень обнаружил в себе множество недостатков: ему не хватало выносливости, чтобы доводить до конца сюжетные линии; он хотел писать нежными мазками, но ему это не удавалось; он не мог позаимствовать лучшие черты других работ и объединить в своей. Часть этих слабостей действительно существовала, а другие были лишь призраками, отражавшими неуверенность А Ченя в себе.

А Чень был молодым, он был идеалистом. Он не мог терпеть презрительное отношение редакторов к себе, он не мог признать

свои собственные недостатки. А Чень начал пить, и каждая бутылка дешевого алкоголя была куплена на деньги, заработанные Ци.

Однажды зимним вечером, в праздник Лаба, А Чень пришел домой. Ци ласково ему улыбнулась. На столе стоял дымящийся горшок с кашей «лаба» из разных злаков.

– Говорят, что однажды крыса украла много разного зерна и спрятала его в своей норе. А затем бедняки нашли ее запасы и сварили из них кашу «лаба»…

Внезапно в ушах А Ченя зазвенело, словно в его голове раздался гром. Ци утешала его, говорила, что ни о чем не жалеет и что она согласна жить в бедности, но он уже ничего не слышал.

Он выбежал на улицу, под снегопад, и направился в Агентство тайн.

Ци долго сидела одна, в свете лампы. Ее слезы падали в горшок с постепенно остывающей кашей «лаба».

А Чень хотел обрести качества пяти писателей-землян. В агентстве ему сказали, что вселенная стремится к сохранению энергии и поэтому качества нельзя «скопировать», а можно лишь «перенести». Возможно, остатки совести или же страх нарушить временной поток в своей собственной вселенной заставили А Ченя попросить, чтобы Агентство добыло эти способности в других, параллельных вселенных.

Пятеро, которых он выбрал, были звездами литературы своего времени.

A – драматург, плодовитый автор, произведения которого отличались невероятным качеством. Целых сто лет ему не было равных во всем мире. А Чень хотел получить его способность выстраивать сюжет.

B – поэт. Красота и изящество его стихов принесли ему славу величайшего поэта в мире. А Чень хотел получить его чувство языка.

C – автор остросюжетных романов и психолог. Когда он был на пике, его романы вызывали сердечные приступы у читателей. А Чень хотел получить его знания о психологии людей.

D – писательфантаст. Он сочинял странные, остроумные истории, которые были хорошо известны во многих галактиках. А Чень хотел получить его воображение.

E – знаток классических текстов и буддист, основательный и глубоко мыслящий. Его перо очерчивало историю и механизмы существования мира ясно и четко, словно кисть художника – облака. А Чень хотел получить его прозорливость.

– А Чень – твой друг? – спросила Мо.

Ее отец загадочно улыбнулся.

– Одной из целей А Ченя в альтернативной вселенной был я. Но эта версия меня узнала, что происходит, и сумела ему помешать.

У Мо было несколько вопросов, но в конце концов она решила промолчать.

В отличие от большинства людей, она помнила лишь то, что произошло пять лет назад и позже. Она помнила, как открыла глаза и увидела, что лежит в космическом корабле вместе с мужчиной средних лет и большеголовым андроидом, что она бежит на край вселенной. А до того… ее воспоминания обрывались на взрыве и вспышке света.

Позднее она стала считать, что этот мужчина – ее отец. Но он не рассказывал Мо, что было до того, как начались ее воспоминания. Он всегда говорил только то, что хотел сказать.

– Но все-таки четыре качества – это тоже много!

– Вселенная подчиняется закону сохранения энергии. Чтобы что-то получить, ты должен что-нибудь отдать.

Сначала Агентство тайн доставило способность писателя А.

В ту ночь А Чень почувствовал себя так, словно кто-то расколол ему голову, вырвал мозг и заменил на раскаленную докрасна проволочную сетку. Он выл и выл от боли.

Услышав его вопли, Ци, которую он держал в неведении, едва не свалилась с кровати. Всю ночь она, завернувшись в тонкий халат, прикладывала к голове и рукам А Ченя горячие компрессы. В больницу он идти отказывался, и поэтому она могла лишь беспомощно стоять рядом с ним и смотреть, как он стискивает простыни. Каждый раз когда А Чень вопил, Ци содрогалась. Он метался на кровати, а она удерживала его, боясь, что он причинит себе вред.

Когда небо начало светлеть, лицо А Ченя было бледным, словно бумага, а Ци уже выплакала все слезы. В голове у нее осталась только одна мысль: если он умрет, то она умрет тоже.

Утром А Чень проснулся и обнаружил, что мир перед его глазами внезапно стал идеально четким.

Каждый предмет мебели, каждый ящик, вся одежда в спальне, до последней пары носков… внезапно он понял, где они, какого они размера, какого цвета и для чего они нужны. Он выглянул из окна. В парке гуляла компания соседей. Каждое лицо – это личность, это возраст, это список отношений. Вчера А Чень не мог даже вспомнить их имена.

Когда ее муж проснулся, Ци увидела на его лице странное выражение. Радуясь и тревожась одновременно, она поспешно прижала ладонь к его лбу, проверяя, нет ли у него температуры. А Чень нетерпеливо отмахнулся и, не говоря ни слова, выставил ее

из комнаты.

Он схватил книгу наугад и начал читать ее с самого начала. Его скорость чтения увеличилась в пять-шесть раз. Когда он закончил, то стоило ему снова взглянуть на оглавление, как события книги аккуратно выстраивались по порядку, превращались в сияющие ветви на стволах основного сюжета. Он ясно видел каждый узел, каждое сочленение. Стоило А Ченю закрыть глаза, как на фоне дерева четко проступали несколько веток, нарушающих общую гармонию. И он всего за секунду понял, как исправить эти ветки, как улучшить книгу – книгу, которую так хвалили и которая разошлась огромным тиражом.

Когда А Чень находил очередное место, которое можно исправить, у него кружилась голова и перехватывало дух. Подозрение, восхищение и неимоверная радость накатывали на него, словно волны во время шторма. Не в силах ждать, пока включится его компьютер, он схватил стопку листов бумаги и начал писать.

Неделю он не выходил из дома и за это время сочинил более сотни прекрасных сюжетов. Начальные сцены его произведений потрясали, эпизоды в середине текли свободно, развязки блестяще сочетались с общей канвой, сюжетные линии отличались изяществом. Каждый из сюжетов можно было назвать классикой. Дрожа от волнения, А Чень осторожно прикасался к страницам и время от времени заливался истерическим хохотом.

Однако в течение этой недели А Чень, похоже, заразился чем-то вроде обсессивно-компульсивного синдрома. Он переставил в комнате всю мебель, измерил расстояния между всеми предметами до миллиметра, рассортировал одежду по цвету и толщине; он приклеил ярлык к каждому ящику. Все должно было находиться в идеальном порядке: одного-единственного пятна или лежащего не на месте клочка бумаги было достаточно, чтобы вывести его из себя.

В ту же неделю А Чень выселил Ци в гостиную. Три раза в день она готовила еду и приносила ее в спальню. Однажды Ци решила, что в спальне нужно убраться, но, как только она открыла гардероб, А Чень пришел в ярость и дал ей пощечину.

Через месяц Агентство тайн доставило способность писателя В. Уши А Ченя стали особенно чувствительными, а звуки теперь оставляли неизгладимый след в его памяти. Ветер, музыка, гром и даже собачий лай, казалось, наполнились новым смыслом. Стихотворения, эссе, хайку и диалоги оживали на страницах, брались за руки и танцевали, танцевали без конца, проходя перед его глазами, словно хоровод крошечных фей.

Он писал одно прекрасное стихотворение за другим, но

возвышенная мелодия строф не приносила ему успокоения: способность А к структуризации выла на него из темноты: «Порядок! Порядок!», а тем временем свойство В настаивало, что красота языка связана со священным вдохновением и спонтанностью. Два состояния ума боролись между собой, словно шторм и буря, и ни одно не желало уступать. А Ченю казалось, что его разум превратился в арену для гладиаторских боев. Он не мог спать, и его била дрожь.

Затем настала очередь способности писателя С. Она оказалась бездонной пропастью: миллион лиц, миллион характеров, миллион историй, миллион разных видов отчаяния. Теперь А Чень понял, какую цену С заплатил за способность придумывать невероятные сюжеты об искалеченных душах, в какой ад он превратил свой собственный разум, чтобы обрести этот дар. Мир А Ченя наполнился кровью, слезами, белыми костями и черными могилами. А Чень содрогался, он шел словно по тонкому льду и едва не падал. Он, лишенный психологической устойчивости писателя С, много раз стоял на грани самоубийства. Только крепкий алкоголь, временно притуплявший его мозг, позволял ему немного забыться.

Ци каждый день плакала и вскоре заболела. Она не могла понять, почему красивый, образованный человек, которого она любила, так сильно изменился всего за одну ночь. На самом деле Ци прекрасно знала, что многие жены писателей были несчастны, что им приходилось мириться с бедностью, обидчивостью мужей, с их переменами настроения и даже с неверностью. Она понимала все это еще до того, как вышла за него замуж.

К сожалению, для нее, как и для многих других, любовь оказалась куда сильнее знаний и доводов разума.

Все это не имело значения. Ци лежала в постели, задыхаясь. Она вспомнила пощечину и закрыла глаза. Слеза медленно потекла по ее щеке к волосам.

Однажды вечером А Ченя разбудил чей-то незнакомый голос:

– Ах ты вор.

А Чень открыл глаза. Перед ним появилось лицо мужчины – узкое, длинное и неулыбчивое.

Лицо не материализовалось перед ним, не было спроецировано на что-то, а просто подплыло к поверхности его сознания, четкое и расплывчатое одновременно. Это было сложно описать. У А Ченя словно один глаз стал больным, а он пытался смотреть на мир обоими глазами одновременно.

– Они пытались украсть мое воображение? Да кем они себя возомнили? – Мужчина рассмеялся.

А Чень попытался схватить его, но не обнаружил перед собой

ничего, кроме пустоты.

– Все законы – один закон; все в мире вечно. – Мужчина с жалостью посмотрел на А Ченя и медленно растворился в воздухе.

А Чень наконец пришел в себя после пьяного угара и обнаружил, что Ци уже вымыла его и что он лежит на кровати под свежими, сладко пахнущими одеялами. В комнату пробивались лучи заходящего солнца, и А Чень вдруг с полной ясностью осознал: это была способность Е.

Человечество всегда разыгрывает один и тот же роман воспитания. Все принципы, которые ты усваиваешь в ходе борьбы сегодня, были открыты тысячи лет назад.

Новое – это хорошо забытое старое.

– Ты столько сделал, чтобы украсть эти качества – и ради чего?

«Что я наделал?» А Чень смотрел на то, как в лучах заходящего солнца пляшут мириады пылинок.

Он, казалось, увидел, как история литературы медленно искажается в четырех параллельных вселенных, как по пространственно-временному континууму распространяется «эффект бабочки». Бесчисленные множества причинно-следственных связей рвались и снова объединялись, и судьбы бесчисленного множества людей менялись вместе с ними.

Он словно заглянул в каждый из миров: он увидел, как издатели презирают А, который, похоже, исписался; он увидел, как читатели смеются над примитивным слогом В; как жена орет на писателя Е и называет его неудачником; как С порет себя плеткой в ночной темноте, рыдая от боли.

А Чень украл у каждого его сокровище и, топя себя в алкоголе, втоптал эти сокровища в грязь.

В этот миг А Чень заметил нечто странное. Мудрый, рассудительный голос писателя Е спросил его: «Почему ты не испытываешь чувство вины? Почему в твоем сердце только одно сожаление, но нет боли, вызванной чувством ответственности? Почему ты забыл, что такое любовь?»

«Любовь? – ошеломленно подумал А Чень. – Что такое любовь?»

Ой… Любовь он отдал Агентству тайн.

– Любовь – самое важное в мире, – безмятежно сказал Е. – Техника и разум позволят тебе увидеть мир, объяснить его, посмотреть на него сверху вниз, но не сделают тебя настоящим мастером. Ты должен освободиться от оков, слиться с миром, не сопротивляясь, не испытывая ненависти. Наблюдай за живыми существами, и в том числе людьми, любя и уважая их, восхищаясь

ими. Таков истинный секрет литературы.

А Чень встал и открыл дверь столовой. Бледная Ци сидела за столом, глядя на горшок с дымящейся кашей «лаба».

А Чень неловко, словно кукла, сел напротив нее.

– Поешь. – Впервые за много дней в глазах Ци засветилось умиротворение.

А Чень съел ложку каши. Она была соленой, а не сладкой. Он поднял голову и посмотрел в глаза Ци.

– А Чень, я не знаю, куда ты ушел в тот вечер праздника Лаба. Я не знаю, почему ты так изменился. Но, наверное, у тебя была веская причина… Я ждала тебя всю ночь. В тот день, как и сегодня, каша была соленой. – Ци заставила себя улыбнуться.

«Я должен что-то сказать», – подумал А Чень, но в конце концов промолчал.

– Вчера я тайком прочла твои рукописи. Они прекрасны. Я так счастлива. – Ци, казалось, сейчас заплачет. Она медленно взяла А Ченя за руку. – Обещай, что не бросишь писать.

А Чень долго молчал.

– Я буду писать дальше – ради тебя, – ответил он.

Ци медленно улыбнулась. В ее глазах мелькнул тот же добрый свет, как и сразу после свадьбы, но даже он не мог скрыть печаль в ее взгляде. Вечернее солнце осветило бледное лицо Ци, в последний раз окрасив его в подобие румянца.

«У нее такая холодная рука», – подумал А Чень.

– Ци… она… – У Мо заныло сердце.

– Да, на следующий день Ци умерла, – ответил отец Мо, продолжая работать с варочным аппаратом. – Возможно, она увидела, что последняя искра в ее жизни – любовь А Ченя – потухла… А Чень стал жить один, постоянно мучаясь от борьбы способностей в его голове. Он написал много бестселлеров, получил огромное число наград, но снова не женился. С тех пор он никогда не выходил из дома и не читал свои собственные произведения. Книги, сложенные в углу его кабинета, покрывались слоем пыли.

Значит, ее отец – писательфантаст. Мо посмотрела на него и нахмурилась. «Откуда ты все это знаешь? Откуда ты знаком с версией себя из другой вселенной? Сколько тайн ты от меня скрываешь?»

Варочный аппарат звякнул. В нем оказалась миска с кашей «лаба».

Возможно, все дело было просто в холодной снежной ночи, но, когда отец понес миску с кашей, Мо почудился еле слышный, прохладный аромат соли.

А Чень, сидевший в дальнем конце зала, поднял голову. Он

увидел длинное, узкое лицо хозяина ресторана, и его глаза широко раскрылись.

А Чень и отец Мо о чем-то поговорили.

Мо поспешила к ним, чтобы подслушать их разговор, но до нее долетели только последние слова: «Все законы – один закон; все в мире вечно». Она невольно почувствовала разочарование.

Ее отец повернулся и пошел обратно на кухню, а потрясенный А Чень остался сидеть за столиком, глядя вслед ее отцу.

Постепенно на его лице появилась еле заметная улыбка. Но к ней все равно примешивалась нота страдания, словно он что-то вспомнил.

Перед ним стояла миска с фиолетово-красной кашей «лаба» из черного клейкого риса, фасоли, адзуки, арахиса, лонгана, ююбы, семян лотоса и грецких орехов – все это варилось, пока не стало мягким и клейким. Зерна жались друг к другу, словно родные. Над миской распространялся еле заметный прохладный запах соли.

А Чень сидел так, пока все гости не ушли. Каша остыла.

А Чень медленно поднялся. Мо поспешила открыть ему дверь.

Улыбка сверкнула, словно бенгальский огонь в ночном небе, и погасла. Его глаза снова стали пустыми.

Не глядя на Мо, А Чень исчез в метели.

Часы пробили полночь; холодный ветер ворвался в ресторан, принеся с собой мелкий, похожий на порошок снег.

– Хочешь узнать, о чем мы говорили? – медленно спросил ее отец, вытирая тарелку.

– Да! – Мо вспомнила взгляд А Ченя и невольно содрогнулась.

– Я сказал ему, что через несколько дней одна книга на Земле получит премию. Она – о вечной любви женщины к мужчине, а имя автора – Чжан Ци. А Чень написал эту книгу, взяв за основу дневник своей жены. Боюсь, что это – единственная из написанных им в этой жизни книг, которая способна его порадовать.

Ма Бойон [35]

Ма Бойон – плодовитый и популярный писатель, автор эссе, лектор и блогер. Помимо «основных» элементов научной фантастики и фэнтези в его произведениях можно найти черты альтернативной истории, исторического романа и «уся» (фэнтези о боевых искусствах).

Ма – эрудированный автор, который пишет язвительно и смешно. Его произведения полны намеков, и в них удивительным образом сочетаются элементы традиционной культуры и истории Китая с отсылками к современным реалиям. Легкость, с которой Ма использует свои энциклопедические знания о китайской истории и традициях, ставит непростые задачи при переводе его наиболее интересных работ. Например, он написал триллер, действие которого разворачивается в Чанъане в эпоху династии Тан, однако темп и сюжетные ходы произведения прекрасно смотрелись бы в таком современном американском телесериале, как «24». Кроме того, Ма Бойон написал две повести о Жанне д'Арк, в которых мотивы и основополагающие черты жанра «уся» перенесены в реалии средневековой Европы. Эти истории невероятно увлекательны для читателя, который находится в соответствующем культурном контексте, однако в переводе превращаются практически в неприступную крепость, если не снабдить их обширными комментариями.

Рассказ «Игры Первого императора» начинается с абсурдного допущения, что Цинь Шихуан, первый император Китая, был заядлым любителем компьютерных игр. Если это допущение принято, то перенос классической китайской философии в сферу современных видео-игр выглядит просто чудесно. Но особенно это произведение позабавит тех, кто разбирается в истории Китая и китайской культуре общения в интернете. Возможно, кому-то придется не раз искать необходимые сведения в «Википедии».

Другие работы Ма Бойона опубликованы в сборнике «Invisible Planets».

Игры Первого императора

Сидя на величественном троне в столице, Цинь Шихуан, первый император, издал новый указ: «Теперь, когда Китай объединен, я хочу играть!»

Император заслужил отдых. Завоевав шесть остальных государств, правитель империи Цинь успешно провел многочисленные реформы: заставил всех писать одним и тем же шрифтом, стандартизировал ширину дорог, ввел единую систему измерений, а также универсальную кодировку компьютерного текста, которая заменила все не совместимые с ней кодировки, использовавшиеся в других царствах, враждовавших с Цинь. Теперь, когда появился этот «Уникод», подданные империи Цинь могли уверенно запускать любую программу, не заботясь о плагинах для конвертации и не боясь увидеть на экране непонятные символы. Кроме того, император возвел на севере Великий Файервол, который защищал его земли от нападений варваров, а также от всплывающей рекламы.

На эту работу ушли десятилетия; выполняя ее, император потратил свою юность. Теперь же, когда безопасность мира была обеспечена, он хотел устроить себе длинный отпуск и поиграть, как самый обычный человек.

Новость о том, что император ищет хорошие, качественные игры, быстро облетела всю страну; об этом говорили в каждой чайной и в каждом трактире. Большинство радовались этому, потому что из хороших геймеров получаются хорошие правители. Поговаривали, что Чжан И, мудрый советник, который способствовал осуществлению планов императора, посеяв семена раздора и недоверия в других шести государствах и тем самым разрушив их направленный против Цинь «вертикальный союз», создал свою стратегию проламывания рядов с помощью игры «Кэнди краш»: проведи, совмести одинаковые – и готово! Когда Чжан еще был школьником, то не ходил в школу, а целыми днями играл – и вот, смотрите, как высоко он взлетел! Определенно, игры развивают в людях навыки, важные для руководителей.

Однако некоторые знатные люди выражали свои опасения. Они считали игры дешевым развлечением, вызывающим зависимость. Они утверждали, что игры годятся только для простого народа. Такой великий вождь, как император, должен держаться от игр подальше, говорили они и предлагали исцелить его от этой «зависимости от электронного опиума» с помощью электрошока. Вскоре император обвинил этих знатных людей в измене и приказал их казнить.

Эта новость привела в крайнее возбуждение соперничавших между собой книжников и философов Ста школ. Эти заучки, мечтавшие реализовать свои идеи об управлении государством, сразу поняли, к каким важным последствиям это может привести. Игра, которую выберет император, неизбежно повлияет на принципы управления огромной страной. Это означало, что книжники получили великолепную возможность воздействовать на правителя, замаскировав свои советы под видом развлечений. Если император полюбит игру, созданную философом, то, скорее всего, будет проводить политику, соответствующую мудрым идеям последнего.

Вскоре столицу наводнили представители философских стартапов и аналитических центров с демоверсиями своих лучших игр. Они выстроились в очередь перед дворцом, надеясь произвести впечатление на императора.

Первыми презентацию проводили легисты. Они, конечно, обладали определенным преимуществом: их предводитель Ли Сы был главным советником императора. Поэтому всего через день после того, как император издал свой указ, советник приблизился к трону с DVD в руке.

(Это же, в конце концов, история о древних временах, когда еще не изобрели ни твердотельные накопители, ни широкополосную сеть. Радуйтесь своей удаче и дивитесь тому, какие сложности преодолевали наши предки, которые хотели поиграть.)

– Мой дорогой министр! Что ты принес мне? – спросил император, одетый в свободно сидящую разноцветную рубашку. В ту минуту он был очень похож на человека, который наслаждается отпуском.

– Эта игра называется «Цивилизация».

Ли Сы протянул императору DVD: демоверсию делали в такой спешке, что название игры пришлось писать на обороте несмываемым маркером (правда, это сделал сам советник, отличавшийся восхитительным почерком). Слуга взял диск и вставил его в компьютер, корпус которого был украшен золотыми драконами, и осторожно нажал кнопку «закрыть». Пока компьютер гудел, другой слуга поставил жаровню рядом с вентилятором системы охлаждения, и вскоре сладкий запах благовоний разнесся по всему огромному залу.

Третий слуга взял в руки мышь и начал процесс установки. Весь зал нетерпеливо ждал. Вентилятор компьютера ускорился и загудел громче.

Пять минут спустя установка завершилась. Четвертый слуга поместил мышь и клавиатуру – беспроводные, ведь во дворец

поставляли только лучшее оборудование – на поднос из сандалового дерева и отнес императору. Пятый слуга опустился на колени перед императором и обратил к трону свою широкую, плоскую спину. Халат этого слуги был сшит из материала, из которого делают коврики для мышей.

– В этой игре заключена сущность легализма, – торжественно провозгласил Ли Сы. – В ней пользователь играет роль великого государя. Он должен править жестоко и безошибочно, должен держать в уме картину целиком, но не забывать о микроменеджменте. От воли императора зависит судьба всех компьютерных персонажей.

– Отлично! – воскликнул император и взял в руки мышь. В стартовом меню он, естественно, выбрал самого себя.

Поначалу все шло хорошо: он начал с одного города, но вскоре расширил свои владения и занял лидирующие позиции в регионе. Он даже быстрее всех построил пирамиды, а также некоторые другие чудеса света. Великая китайская стена, как чудо света, оказалась довольно бесполезной, но Цинь Шихуан все равно поспешил ее возвести.

Затем он развязал войну. «Китайская цивилизация» под руководством Цинь Шихуана действовала предельно агрессивно. Император не мог мириться с тем, что на карте есть города, которые ему не принадлежат, и поэтому начиная с каменного века он вкладывал почти все ресурсы в создание войск и постоянно с кем-то воевал. Игра напоминала императору о его многолетних военных кампаниях, и это приводило его в восторг.

Но вскоре игра стала приносить ему меньше удовольствия. Его агрессивные действия в начале игры привели к тому, что все остальные цивилизации стали считать императора своим врагом, и поэтому теперь у него не было выбора: ему приходилось тратить все ресурсы на создание войск и построек, связанных с ведением войны. По всей стране вспыхивали бунты: подданные протестовали против высоких налогов, перенаселения и непрекращающихся боевых действий. Пламя мятежа охватило всю империю.

Ли Сы откашлялся.

– Ваше императорское величество, – сказал он как можно мягче. – Было бы полезно следить за уровнем счастья ваших подданных, которые живут в городах. Возможно, стоит построить несколько зданий, связанных с развлечениями. Не забывайте: микроменеджмент. Микро.

Цинь Шихуан отмахнулся от его совета. Он же император! Как он может опуститься до того, чтобы следить за счастьем каких-то простолюдинов?

– Это они должны меня развлекать, а не я – их. – Император сдвинул ползунок расходов на развлечения к нулю и пожертвовал жителем, чтобы ускорить создание катапульты. – Люди в игре – мои подданные. Они должны быть счастливы, что могут принести благо империи!

Как и следовало ожидать, подобные методы управления не улучшили ситуацию, и вскоре империя, раздираемая на части мятежами, пала под ударами врагов. Император в ярости вышел из игры, щелкая мышью с такой силой, что слуга «коврик» задрожал.

К счастью, прозорливый Ли Сы вырезал из игры ту часть, где программа сравнивала действия игрока с достижениями исторических персонажей. В противном случае император, скорее всего, не только бы вышел из игры, но и заставил кого-нибудь покинуть этот мир.

Утирая со лба холодный пот, советник Ли попятился прочь от трона. Он думал, что Цинь Шихуан выберет уровень сложности «Император», но тот без раздумий выбрал уровень «Божество». Да, это кое-что говорило о характере Цинь Шихуана.

Следующую презентацию проводил Кун Фу, предводитель конфуцианцев и потомок (в девятом поколении) самого Конфуция. Игра, которую он представил, называлась «Симс».

– Эта игра была создана в эпоху древней династии Чжоу, и только нам удалось ее оживить, – важно сказал Кун Фу. Вся школа конфуцианцев, да и сам великий мудрец Конфуций, невероятно гордились тем, что унаследовали неповрежденный исходный код, принадлежавший династии Чжоу.

– Как в нее играть? – спросил император. История его не интересовала, но сама игра привлекла его внимание.

– Ваше императорское величество, сначала вы должны создать персонажа, а затем управлять им в симулированном мире. Там он должен следовать ритуалам и проводить обряды конфуцианства, чтобы наполнить свою жизнь смыслом. Например, вы должны часто заходить в гости к соседям, чтобы повысить их уровень дружелюбия по отношению к вам. Как сказал великий мудрец: «Уважай чужих престарелых родителей так же, как своих; люби чужих детей так же, как своих». Главная цель этой игры – укрепление социальных связей…

Императору надоело слушать эти наставления. Если бы он не был в отпуске, то давно бы приказал солдатам вышвырнуть из дворца этого педанта. Но предполагалось, что он сейчас должен веселиться, поэтому он заставил себя потерпеть и прошел весь курс обучения. Наконец Кун Фу уступил ему мышь.

Цинь Шихуан захотел выкопать бассейн, но игра сообщила

ему, что у него не хватает средств.

– Что за шутки, – пробурчал император. – Я владею целой империей. Ты хочешь сказать, что мне не по карману выкопать яму?

– Вы – император, вы служите примером для всех ваших подданных, – сказал Кун Фу. – Праведник живет скромно. Приобретение предметов роскоши может привести к разорению.

– Почему соседи не приходят ко мне, чтобы воздать мне почести? – резко спросил император.

– Вы должны часто навещать их и осыпать их подарками, чтобы постепенно поднять уровень ваших отношений. Только тогда они станут заходить к вам в гости. Игра учит нас, насколько важны доброта и взаимное уважение. Как сказал великий мудрец…

– Чушь!

Цинь Шихуан едва сдерживал гнев. Он же император, а все остальные – его подданные. И он должен отправлять дары каким-то варварам, чтобы они пришли ему поклониться? Да это просто оскорбление!

Данная игра определенно была изменнической.

В течение следующего месяца империя Цинь нанесла мощный удар по тем, кто производит и продает изменнические игры конфуцианцев. По всей стране представители властей конфисковали тысячи запрещенных DVD-дисков и арестовали более четырехсот торговцев играми. По приказу императора солдаты выкопали огромную яму – отчасти похожую на бассейн. Торговцев и диски бросили в эту яму и сожгли.

Третьим представил свою игру лидер моистов. Он сразу сказал императору:

– Мы, моисты, – люди мирные. Мы против агрессии и войн и поэтому принесли вам игру, которая относится к жанру «защита башни». В ней нужно только обороняться, обороняться и еще раз обороняться.

На одной стороне экрана возникла группа зомби, а на другой – несколько растений.

– Что здесь делают зомби? – спросил император.

– Они – враги империи.

– А эти травы и цветы?

– Они – самые преданные защитники империи.

К своему удивлению, Цинь Шихуан получил огромное удовольствие от игры: ему очень нравилось смотреть на лужайку, заваленную трупами врагов. Но его раздражало, что приходилось ждать наступления очередной толпы зомби вместо того, чтобы отправиться в карательную экспедицию по землям зомби.

– Все верно, ваше императорское величество. Нападать вообще не нужно: враг поймет, что захватить нас невозможно, и тогда война закончится.

Моист был доволен своими успехами. Казалось, еще немного, и императора удастся убедить.

Цинь Шихуан кивал, выслушивая объяснения моиста, но его взгляд был прикован к экрану, а его палец бешено нажимал на кнопку мыши. Кукурузные пушки и пулеметы, стреляющие горохом, продемонстрировали свою чудовищную огневую мощь, и еще одна группа зомби превратилась в прах.

Пять часов спустя глаза императора налились кровью, а его лицо стало подергиваться. Слугам приходилось меняться, чтобы по очереди служить ковриком для мыши.

Но зомби не унимались. Стоило императору на секунду отвлечься, как маленький зомби бросился вперед и сожрал несколько зимних дынь. Оборона империи рухнула.

– Мошенник! Ты – мошенник! – Цинь Шихуан отбросил в сторону мышь и потер ноющее запястье. – Ты сказал, что идеальная оборона остановит врага. Но я уже отбил шестьсот атак! Почему они по-прежнему наступают?

– Это… это потому, что вы выбрали режим «Бесконечность».

– Вы, моисты, – наивные глупцы, которые ничего не знают о реальном мире.

Император позвал стражу и приказал прогнать моиста – но потом не забыл пойти в сад и полить все растения.

Один день сменялся другим, и школы философов продолжали показывать императору свои лучшие игры. Школа военных представила «Колл оф дьюти», Школа землепашцев принесла «Харвестмун», Школа имен (также известная как Школа логики) показала «Эйс атторни», а Школа инь и ян показала нечто под названием «Легенда о мече и фее». Но в каждую из этих игр император играл только один раз, и ни к одной из них он не вернулся. Никто не мог понять, что именно понравится монарху.

Тем временем произошло событие, которое привлекло внимание всех. Поскольку император не мог найти игру, которая по-настоящему его порадовала, он решил сесть в свою карету и отправиться на осмотр достопримечательностей. Когда он проезжал через местечко под названием Боланша, огромный железный молот упал с неба и расплющил карету, в которой сидел двойник императора. Цинь Шихуан пришел в ярость и поклялся найти и сурово покарать убийцу.

Поначалу расследование зашло в тупик, и лишь после того как император казнил трех главных дознавателей, четвертый обнаружил кое-какие улики. Изучив траекторию полета молота,

форму кратера и характер рассеивания обломков, он пришел к выводу, что убийца много играл в «Энгрибердз».

Немногим был по карману телефон, на котором запускалась эта игра (не забывайте, эти события происходили очень давно) – и поэтому список подозреваемых сильно сократился. Вскоре следствие вышло на молодого человека по имени Чжан Лян. Однако Чжан доказал свою невиновность. Он заявил, что до объединения страны он был подданным царства Хань и поэтому он – по ассоциации – человек из Хангука, то есть кореец. А ведь все геймеры знали, что корейцы круче всех играют в «Старкрафт» – игру, для которой требуются многочасовые тренировки. У него просто не могло быть свободного времени для «Энгрибердз». Если подумать, то его доводы были неопровержимыми.

И когда вся страна застыла, потрясенная этим неожиданным поворотом событий, ситуацию спас человек с Запада по имени Сюй Фу.

Сюй Фу, светловолосый и голубоглазый, пришел к императору в новеньком костюме и начищенных до блеска ботинках. Он выглядел словно идеальный представитель мировой элиты.

– Что за игру ты принес мне? – спросил император, увидев в руках Сюй Фу крошечную флешку.

– Я принес вам то, что вы никогда, никогда, никогда не видели. Это что-то потрясающее.

Сюй Фу засунул флешку в компьютер императора, открыл «Power Point» и провел презентацию.

– Но это же просто слайды, – сказал Цинь Шихуан. – Где сама игра?

– Ваше императорское величество, государство, которое сосредоточено только на краткосрочной, осязаемой выгоде, недолго будет процветать. Мы должны заглянуть за горизонт, чтобы позаботиться о долгосрочном благополучии страны.

– К чему ты клонишь?

– Игра, которую я вам представляю, – это несравненный шедевр гения. Однако она все еще находится в разработке, которая идет на укутанном туманами острове Пэнлай. Если ваше императорское величество готово вложить небольшой венчурный капитал в разработку игры, то я гарантирую, что через год у нас уже будет бетаверсия, а через три мы выпустим игру в продажу. Как я уже продемонстрировал вам в «Power Point», это просто невероятная возможность: низкие риски и высокая прибыль.

– Но… – император медлил. Слова Сюй Фу показались ему заманчивыми, однако ему казалось, что это неправильно – отдать деньги и ничего не получить взамен. Ведь все остальные показали

уже готовые игры.

– Нерешительность – не то качество, которое должен развивать в себе великий правитель, – сказал Сюй Фу. – Подобный шанс может исчезнуть в любую секунду.

Его слова убедили Цинь Шихуана, и он подготовил к отправке флот, груженный сокровищами: этот флот должен был стать его инвестицией в проект. Сюй Фу обещал, что вернется через год или через три и привезет императору лучшую игру в мире.

– Я буду ждать от тебя вестей! – крикнул император из доков.

Сюй Фу, стоявший на палубе корабля, улыбнулся, показав блестящие белые зубы, и энергично замахал рукой:

– Не вопрос! Можете мне доверять!

Когда корабли исчезли за горизонтом, император вдруг понял, что Сюй Фу так и не сообщил ему название игры. Он повернулся к своему верному советнику Чжао Гао:

– Господин Сюй не упоминал о том, как называется эта окутанная туманами игра?

– Нет, но… мне удалось бросить взгляд на экран его ноутбука.

– И как же называется игра? Говори!

– Так, подождите… А, вспомнил. Она называется «Настоящий Дюк Нюкем навсегда».

– Отличное название! – воскликнул император и вздохнул. Перед его глазами поплыли великолепные картины будущего шедевра. – Скорее бы в нее поиграть.

Гу Ши [36]

Гу Ши – писатель-фантаст и специалист по городскому планированию. Она окончила шанхайский университет Тунцзи и получила диплом магистра по специальности «городское планирование» в Китайской академии городского планирования и дизайна. С 2012 года она работает исследователем в Институте городского дизайна этой академии.

Произведения госпожи Гу публикуются с 2011 года в таких журналах, как «Чао хаокань», «Мир научной фантастики», «Таинственный мир» и «Король НФ». К наиболее значительным ее произведениям относятся «Химера», «Память времени» и «Отражение». В 2014 году она получила серебряную награду «Синъюн» в категории «Лучший новый писатель». Переводы ее работ можно найти в журнале «Clarkesworld». В настоящее время она работает над своим первым романом «Царство вечного наслаждения», альтернативной историей, сюжет которой разворачивается при дворе императрицы – потомка У Цзэтянь, первой китайской императрицы.

«Отражение» – эксперимент с формой, а также с повествовательной моделью, однако темы произведения, возможно, столь же древние, как и наш вид.

Отражение

Ясновидящая

Марк был особенным. И когда он сказал, что отведет меня к ясновидящей, я не очень удивился. – Но ты же ученый! – не мог не возразить я.

– Это не значит, что я боготворю науку, – возразил он. Мое выражение лица вызвало у него смех, и поэтому он поспешил добавить: – Это все равно как если бы мясник поклонялся свинине.

Я усмехнулся. Именно это и делало Марка особенным. Он был интересным человеком и всегда знакомил меня с интересными людьми.

* * *

– Будь с ней вежливым, – сказал Марк. Мы стояли перед обычным многоэтажным жилым домом. Марк выглядел благоговейным – большая редкость для него. – Для нее это важно.

Я, слегка обеспокоенный, пошел вслед за ним вверх по лестнице, пытаясь представить себе, кого я увижу. Свет на лестнице то тускнел, то становился ярче; в воздухе пахло пылью… совсем не то место, где я рассчитывал встретить ясновидящую.

Марк остановился на последней лестничной площадке, и секунду спустя дверь открылась. Я увидел стройную девочку с добрым лицом.

Да, девочку лет четырнадцати с длинными и тонкими руками и ногами. Она была одета в черный купальник и черные колготки; ее бледная шея, похожая на стебель, заканчивалась круглым, детским лицом. Однако взгляд у нее был острый и снисходительный, словно у старой женщины.

– Эд! Ты пришел! – Она крепко обняла меня, словно мы с ней – старые друзья, которые сто лет друг друга не видели. Внезапно она отпустила меня, отступила на два шага и кивнула: – Извини… Я забыла, что мы с тобой еще не знакомы.

Я не очень понимал, что происходит. Откуда ей известно мое имя?

– Это просто замечательно, что ты уже знаешь Эда Лина, – восхищенно сказал Марк. – Я боялся, что появление чужака тебя встревожит.

– Хорошо, что ты его привел. Спасибо тебе… – Она запнулась, словно что-то вспоминая. – …Марк?

– Точно! – Марк ухмыльнулся во все тридцать два зуба. – Ты меня не забыла!

Она улыбнулась и жестом пригласила нас войти.

– Эд, я заварила твой любимый чай.

* * *

Ее квартира была столь же необычной, как и она сама. На кровати высилась гора книг, а на рабочем столе стояли подносы и чайный сервиз. На полу лежала круглая столешница от обеденного стола, а на ней – подушки. Эксцентричная обстановка поначалу казалась странной, но довольно скоро стала для меня знакомой и уютной.

– Здесь такой бардак, – извиняющимся тоном сказала девочка, а затем пробурчала вполголоса: – Так… чем же я занималась? – Она с улыбкой указала мне на подушки: – Садись, пожалуйста.

Я осторожно сел на обеденный стол, а Марк остался стоять. Его нерешительность меня позабавила. Марку было сорок три года, он защитил две докторские диссертации – по молекулярной биологии и психологии – и только что получил постоянную должность в университете. Он всегда ходил вразвалочку, словно энергичный краб… а, и еще он был моим научным руководителем. Но перед этой девочкой он смущался и смотрел почтительно, словно школьник из младших классов. Она налила в чашку чай.

– Кто вы? – спросила девочка, с подозрением глядя на Марка. – Когда вы здесь оказались?

– Только что…

– Нет! – взвизгнула она, а затем повернулась ко мне и спросила – более нормальным голосом: – Эд, кто он? Почему он здесь?

Я был совершенно сбит с толку.

– Ээ… Марк привел меня сюда…

– А, так это Марк. – Девочка, кажется, снова успокоилась. – Спасибо, – сказала она ему.

Марк смущенно почесал в затылке.

– Не за что. Я пришел спросить у тебя…

– На ваш вопрос я ответить не могу. – Она протянула мне чашку с чаем. – Я не знаю, сколько ваша дочь получила за контрольную.

– Точно, именно поэтому я и пришел. – Марк, похоже, встревожился еще сильнее. – У нее падает успеваемость… Я могу

что-то с этим сделать?

– Откуда я знаю?

– Ты же ясновидящая. Ты видишь будущее.

Девочка нахмурилась; на ее лице юношеская самоуверенность смешивалась с взрослой властностью.

– Ну, хорошо. Кем вы работаете?

– Я ученый.

– Отлично. Скажите мне, господин ученый, какой принцип лежит в основе действия варп-двигателей?

– Это… ээ…

Марк покраснел.

– Вы не можете рассказать то, что я хочу знать о науке, а я не могу…

Ее резкий ответ меня рассмешил.

– Осторожно, чашка! – вдруг крикнула она.

Пока я трясся от смеха, горячая жидкость вылилась из чашки и обожгла мне руку. Я поморщился от боли.

Девочка быстро забрала у меня чашку.

– Прости, пожалуйста, – бормотала она. – Я должна была тебе напомнить.

– Мы уже встречались? – спросил я, еще более сбитый с толку.

Немного помолчав, она ответила:

– Мы встретимся.

* * *

Интервью

Окончив университет, я не пошел в науку, а стал репортером. Мне хотелось, чтобы моя жизнь была наполнена новыми и увлекательными событиями. Ясновидящая меня не особо заинтересовала (если не считать того, что в ее присутствии Марк вел себя словно мышь перед кошкой), и этот эпизод вскоре стерся у меня из памяти.

Однажды, три года спустя, главный редактор вызвал меня в свой кабинет.

– Лин, вот для тебя задание, – он протянул мне клочок бумаги. – Ее называют величайшим экстрасенсом за последние сто лет.

Я узнал адрес.

– Величайший экстрасенс?

– Посмотри на список ее предсказаний: чемпионат мира по футболу, президентские выборы в США, землетрясение в Южной Америке и так далее. Каждый раз она с идеальной точностью предсказывает результат. А, и смотри, что позавчера она написала на своей странице в «Вэйбо»: «Кровь и огонь завтра в 16:00».

Я вздрогнул. Два дня назад эти слова, скорее всего, казались слишком загадочными, но теперь было ясно, что они относятся к вчерашней авиакатастрофе.

Даже час был угадан правильно.

– Она никогда не общается с прессой. Однако… – Редактор намеренно сделал паузу. – Вчера я написал ей, и она немедленно согласилась дать интервью – при условии, что мы пришлем тебя.

Его слова привели меня в восторг.

– А она объяснила, почему ей нужен именно я?

Редактор покачал головой:

– Возможно, она тобой заинтересовалась.

Я рассмеялся.

– Тогда я требую, чтобы со мной тут лучше обращались. Может, когда-нибудь я стану президентом.

Главный редактор прищурился:

– Даже если станешь президентом, материалы мне будешь сдавать точно в срок.

* * *

Я снова стоял перед тем самым жилым домом и чувствовал,

как на меня накатывает легкая ностальгия по ушедшей юности. Вдруг наверху распахнулось окно.

– Эд! – крикнула она.

Я обрадовался, услышав, что она обращается ко мне, как к знакомому. Это меня успокоило.

Она по-прежнему жила одна. На плите стояла кастрюля, в которой побулькивал ароматный суп. Девочка выросла и уже не была такой худой, как во время нашей первой встречи. Обстановка в комнате тоже изменилась, однако мебель странным образом показалась мне знакомой. Я сел, но тут же встал.

– Я по работе.

– Так доставай свои вопросы, – ухмыльнулась она.

Я вынул свой блокнот: у меня была привычка заранее составлять список вопросов. Очевидно, она это предвидела.

Она взглянула на лист бумаги, порылась в груде книг на кровати и протянула мне лист бумаги.

– Я хорошо их помню. Этого должно тебе хватить.

Я стал читать то, что написано на листе, и каждое предложение поражало меня все больше. Она написала ответы на все вопросы, которые я собирался задать.

– Откуда ты знала, что именно я у тебя спрошу?

– Ты что, забыл, какая у меня профессия?

Да, демонстрация вышла весьма убедительной.

– Можешь цитировать только то, что написано на этом листе, – добавила она.

Я еще раз, более внимательно прочитал ответы. Она отвечала осторожно и тщательно, строила фразы так, чтобы их можно было толковать по-разному. Ее ответы одновременно сообщали все и ничего.

– Ты же не думаешь, что я смогу написать статью на таком малом объеме…

– Для статьи этого более чем достаточно, – ответила она тоном, не допускающим возражений.

Я беспомощно посмотрел на нее:

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Ну… – Она улыбнулась. – Можешь остаться, если дашь слово, что наш разговор не попадет в печать.

– Обещаю.

– Поклянись именем своего отца. – Она торжественно подняла руку.

Сдерживая смех, я поднял руку и повторил ее слова.

– Клянусь именем своего отца.

Она рассмеялась.

– Эд, я знаю, что ты сдержишь слово. Но мне нужно было

услышать, как ты это скажешь.

– Почему?

– Будущее нельзя изменить, но оно все равно меня пугает… – загадочно сказала она и протянула мне чашку с дымящимся чаем.

Я сел поудобнее и отхлебнул из чашки. Чай был сладкий и ровно той температуры, которой нужно.

– Он восхитителен.

Она довольно улыбнулась.

– Знаю.

– Раз ты видишь будущее, то уже должна знать, о чем я хочу тебя спросить.

– Верно. Но ты все равно должен задать эти вопросы, чтобы у нас получился разговор. – Она села и посмотрела мне в глаза. – От традиций лучше не отступать.

– Хорошо. Можешь рассказать, как именно ты предсказываешь будущее?

Она сделала глоток из своей чашки и ответила вопросом на вопрос:

– Сегодня мы встретились впервые?

– Нет, конечно.

– Но я не помню, чтобы мы с тобой встречались.

– Не помнишь? – Почему-то ее слова меня разочаровали. – Меня привел сюда Марк.

– Я совсем его не помню, – ответила она. – Наверное, я больше его не увижу.

Я ничего не понимал.

– Что?

– Не знаю, как это объяснить… – Она взяла мой блокнот. – Ладно, предположим, что этот блокнот символизирует собой жизнь.

Я терпеливо ждал, пока она соберется с мыслями.

Она открыла страницу, на которой я написал вопросы для интервью.

– Вот это – сегодня, сейчас, данный момент. – Затем она вернулась на первую страницу блокнота: – Это – момент рождения, прошлое.

Я уже понимал, к чему она клонит. Она показала последнюю страницу.

– Это смерть, будущее. Большинство людей заполняют блокнот с начала до конца. Каждая страница, которая находится за сегодняшним днем, пуста. Вспомнить прошлое возможно, но невозможно узнать будущее. – Она перевернула блокнот картонкой кверху. – Я – другая. Я пишу в блокноте от конца к началу. Мои воспоминания наполнены событиями будущего. Для

меня вспомнить то, что будет завтра, – то же, что для тебя вспомнить события вчерашнего дня.

Она помолчала и снова отхлебнула чай из чашки.

Я потрясенно уставился на блокнот. Ее объяснения не укладывались у меня в голове.

– Твои предсказания… это твои воспоминания?

– Точно. Все предсказания – у меня в голове, и чем ближе они к настоящему, тем они четче. А прошлое, которое помнишь ты, для меня – неизвестное будущее.

– Ты хочешь сказать… – я облизнул губы, – что ты забыла будущее?

– Да.

– Значит… – Я помедлил, пытаясь найти ошибку в ее логике. – Если ты забыла, что произошло, то как ты вообще можешь со мной разговаривать? Как ты вообще помнишь, о чем я тебя спросил?

– Ближайшее прошлое и ближайшее будущее можно предсказать, исходя из настоящего. Смотри: ты можешь предсказать, что мой суп скоро будет готов; ты можешь предсказать, где сегодня будешь спать; ты знаешь, что я отвечу на твои вопросы – более того, иногда можешь даже предугадать мои ответы. Именно так я могу догадаться, о чем ты только что меня спросил.

– Но… но твои ответы я угадать не могу, – я беспомощно замахал руками.

– Пойми, я – единственная среди вас живу против потока времени, поэтому именно я должна посвятить себя искусству общения с вами, – терпеливо объяснила она. – Именно мне нужно угадывать и предсказывать то, что вы говорите в каждый момент разговора. Тебе подобный навык не нужен.

– Значит, ты на самом деле не помнишь нашу прошлую встречу?

– Я не помню, что мы с тобой виделись, но знаю, что мы встретимся снова.

* * *

Удивительно, но ее ответ меня успокоил. Она не пригласила меня пообедать с ней, и поэтому отведать сладкого, ароматного супа из тыквы мне не довелось. Дома я написал статью. Это оказалось несложно; мне очень помогли заранее заготовленные ответы.

Закончив работу, я закрыл свой ноутбук и позвонил Марку.

Судя по его голосу, он был доволен.

– Ты снова ее видел?

Я рассказал ему про нашу встречу и про источник ее предсказаний. Мои слова привели Марка в сильное возбуждение.

– Она предсказывает будущее на основе своих воспоминаний? Потрясающе!

Разделить с ним его энтузиазм я не мог.

– Неужели ты не понимаешь? Если она сказала правду, значит, изменить будущее невозможно. Все наши усилия тщетны. Как можно не отчаиваться, если живешь в таком мире?

– И как ты поступишь? – спросил Марк. Таков был его стиль: он учил нас, заставляя самих искать ответы на вопросы.

– Я выбираю не верить в подобный мир.

* * *

Первая встреча

После этого интервью я стал часто бывать у нее, и ее дом казался мне все более знакомым. Она всегда приветствовала меня словно старого друга, и это меня радовало: я понимал – это означает, что мы будем и дальше встречаться. Я редко спрашивал ее о будущем, даже о моем собственном – ведь если я и дальше могу видеться с ней, то какая разница?

* * *

Она жила одна, но не очень хорошо умела о себе заботиться. Однажды она решила переставить мебель, чтобы в квартире стало уютнее; я предложил ей свою помощь, и она с радостью ею воспользовалась. Чтобы отблагодарить меня, она приготовила мои любимые блюда – карри с курицей, обжаренную в масле брокколи и фасоль с большим количеством белого риса. Я умял все это, сел на диван и взял чашку с чаем, который она специально заварила так, как мне нравилось. Она села рядом со мной и, словно кошка, положила голову мне на плечо.

Я совершил ошибку: принял этот жест за намек.

Я даже не успел обнять ее, как она вскочила. Мне показалось, что она слегка напугана.

– Почему? – спросила она.

Она никогда не задавала вопросов вроде: «Что ты пытаешься сделать?» Она всегда это знала.

– Я думал, что ты меня хочешь, – сказал я.

– Нет! – ответила она так решительно, что у меня сжалось сердце. – То есть… Я хочу тебя, но это не то, о чем ты думаешь.

– Почему? – Мы, казалось, постоянно задавали друг другу этот вопрос.

– Потому что мы не будем вместе. Это невозможно. Потому что… – Она умолкла; ее глаза широко раскрылись. – Я. Не. Могу. Мы. Не. Можем, – добавила она, четко выговаривая каждый слог.

Я почувствовал себя совершенно беспомощным, и на меня накатил гнев.

– Ты должна назвать причину.

– Эд… – Она посмотрела на меня, но продолжать не стала.

– Почему нет? – Отступать я не собирался.

Она вздохнула и снова села на диван.

– Потому что… потому что я не помню прошлое. Неужели ты не понимаешь? Прямо сейчас я вижу тебя впервые в жизни.

Вечная первая встреча.

По моей коже побежали мурашки. На ее лице появилось какое-то новое выражение: она словно столкнулась с чем-то неизвестным.

Она нахмурилась:

– Почему ты здесь?

Сейчас она выглядела точно так же, как и много лет назад, в ту минуту, когда задала тот же вопрос про Марка.

– Я зашел к тебе в гости, – ответил я чуть слышно. Внутри меня что-то сжалось.

– Зачем ты зашел ко мне в гости? – настороженно спросила она.

– Поговорить… Выпить чаю…

– Ты больше никогда не придешь, – сказала она с абсолютной уверенностью.

* * *

Я еще несколько раз пытался с нею связаться, но на письма и на звонки она не отвечала и даже перестала обновлять свою страницу в «Вэйбо». Я зашел к ней, но на двери ее квартиры висела табличка «СДАЕТСЯ». Я вдруг понял, что так о многом хочу ее спросить – но, как она и сказала, у каждого вопроса был предсказуемый ответ. Иногда мне казалось, что я разговариваю с ней, но потом я понимал, что говорю сам с собой.

Моя жизнь превратилась в вереницу скучных, унылых дней. Я спросил у главного редактора, не знает ли он, где ясновидящая, но он не ответил, а лишь сочувственно посмотрел на меня. В конце концов мне пришлось вернуться в университет и разыскать Марка.

Выслушав меня, он спросил:

– Лин, какие вопросы ты задал себе? Какие ответы ты получил?

– Я просто хочу узнать, где она! – нетерпеливо воскликнул я.

– Если ты не можешь ответить на мои вопросы, то я не в состоянии тебе помочь, – с сожалением ответил он.

Это, если я правильно помню, был первый наш спор. Раньше он всегда обо мне заботился – несмотря на то что я не входил в число его лучших аспирантов и в моей диссертации тоже не было ничего особенного. А вот он, с другой стороны, был одним из тех преподавателей, к которому хотели попасть все.

– Лин, будущее человека – в его сердце, – сказал Марк. – Я сожалею о том, что ты ее потерял.

Потерял? Я не понимал, о чем он.

Я нуждался в ней. Не мог думать ни о чем другом. Эта мысль не оставляла меня, она сводила меня с ума. Она нужна мне; мне нужно ее увидеть, я должен ее увидеть…

У меня закружилась голова. Марк удержал меня, чтобы я не упал.

– Кажется, тебе нужна помощь.

– Я должен ее увидеть, – прошептал я.

Он усадил меня в кресло.

– Тебе нужно отдохнуть.

Его слова подействовали на меня словно заклинание, и я почувствовал себя совершенно обессиленным.

– Тебе нужно поспать, – добавил он.

Я закрыл глаза. Во сне я искал ее в лабиринте из зеркал. Отовсюду на меня смотрело мое собственное отражение, но я не видел человека, который мне нужен.

Я хочу спросить ее…

– О чем?

Я открыл глаза. Я все еще был в кабинете Марка, а напротив меня сидела она. Она стала старше. Красивее.

– О чем ты хочешь меня спросить? – повторила она.

Марка рядом не было. Откуда она взялась?

– Где Марк? Это он тебя привел? – спросил я.

– Я не знаю, о ком ты говоришь. – Ее взгляд был таким же ласковым, как и раньше. – Как ты, Эд? Я думала, что у тебя все хорошо.

– У меня все хорошо. – Мой голос дрогнул. – Пока в моей жизни не появилась ты… пока ты меня не бросила… у меня все было в порядке.

– Я решила, что больше не нужна тебе. – Она отвела взгляд.

– Но это не так! Я каждую минуту думал о тебе.

– Я тоже. – В ее глазах стояли слезы.

– Так будь со мной, – взмолился я.

– Нет.

– Почему?

Она покачала головой:

– Нет. Да, я забыла прошлое, но одну вещь я помню.

– Что?

– Узнаешь.

– Черт побери! Почему ты так уверена, что мы не можем быть вместе? Отвечай!

– Скоро ты все поймешь. – Она указала на рабочий стол Марка: – Ответ – там.

* * *

Всеведение

Я вскочил и подбежал к столу. На нем лежал лабораторный журнал. «Всеведение».

Я не знал, что Марка интересует эта тема.

Преодолев чувство вины, я раскрыл журнал.

Меня интересуют психологические феномены, которые невозможно объяснить с помощью существующих научных теорий. Говоря о всеведении – в том узком смысле, в котором я использую это слово, – я исхожу из того, что ощущение движения в потоке времени из прошлого в будущее – это иллюзия. Наши воспоминания обманчивы, поскольку прошлое и будущее существуют в сознании бок о бок друг с другом, хотя будущее и скрыто. Всеведущие – это те, кто обладает воспоминаниями как о прошлом, так и о будущем.

Я искал поистине всеведущего человека – или способ сделать человека всеведущим. Работа была непростой: большинство ясновидящих на поверку оказались шарлатанами.

Пока я не встретил Лина.

Я поднял глаза. Она исчезла.

Но в моей голове все еще звучал ее голос. Ответ – там.

Я перевернул страницу.

Лин не знал, что у него есть другая личность, а вот мне посчастливилось с ней познакомиться. Правда, она всегда была со мной холодна.

Если честно, то я никогда не мог «увидеть» ее. Я видел только Лина, а она жила в его теле. У меня сложилось впечатление, что ясновидящий – мужчина, но когда я отвел Лина в дом, где он жил в детстве (возможно, это была ошибка с моей стороны), Лин увидел ее и сказал мне, что она – девочка.

Я послушал их разговор (хотя, строго говоря, Лин общался сам с собой), но никак не мог записать его, так как ясновидящая личность была настроена крайне подозрительно по отношению ко мне.

Я знал, что мне не следует вмешиваться в их отношения, но Лин угодил в эмоциональную ловушку: он не мог влюбиться в самого себя, несмотря на то что ясновидящая была совершенно отдельной от него личностью.

Я замер, не в силах пошевелиться или вымолвить хоть слово. Марк утверждал, что она… это я.

Она и я – один и тот же человек.

Ясновидящий – это я.

Не может быть! Неужели она с самого начала была просто

галлюцинацией?

Перед моими глазами пронеслись картинки из прошлого: знакомый запах ее дома; требование, чтобы интервью у нее взял именно я; то, что ей известны мои предпочтения… Да, если отметки дочери Марка – не ее область знаний, то почему она в курсе всего, что связано со мной? Кроме того, когда я съел приготовленные ею блюда, она выглядела такой довольной…

Я похолодел от ужаса. Я, словно утопающий, цеплялся за лабораторный журнал словно за щепку. Я быстро пролистал его (многие страницы были вырваны) и добрался до последней страницы.

Лин, единственный известный пример всеведения, доказал, что это состояние существует – хотя у него оно проявляется необычным способом. Случаи настоящего разделения личностей очень редки и часто связаны с сильными травмами. Поэтому я вынужден предположить, что всеведение – результат сильного страха и боли. Лин отреагировал на них, разделившись на две части: мужчину, который выглядит нормальным, и женщину, которая предсказывает будущее.

Мне бы хотелось опросить родных Лина и узнать, отличался ли он необычным поведением в детстве, до того как развилась его ясновидящая личность. К сожалению, Лин – сирота: его родители погибли в автокатастрофе, когда ему было восемь лет. После этого он жил в нескольких приемных семьях, и все его приемные родители сходятся на том, что никаких странностей за ним не замечали.

Отражение

Я не мог отвести взгляд от последней страницы.

Она превратилась в огромный камень, привязанный к моим ногам; она тащила меня на мутные глубины, где я не мог дышать.

Я помню тот знакомый дом. В квартире на верхнем этаже всегда пахло чаем со специями и тыквенным супом.

Мне было восемь.

«Не уезжайте!» – сказал я маме и папе.

Я знал про аварию. Знал, что они умрут.

Я кричал, умолял их, визжал, бросал вещи на пол, пытался порезать себя.

Они думали, что у меня истерика.

Они заперли меня в моей комнате. Звук их шагов затих, и они больше не вернулись.

Я знал, что произошло. Они погибли.

Я посмотрел на себя в зеркало. Это ты во всем виноват.

Отражение в зеркале постепенно изменилось, превратилось в извивающегося младенца.

Это была ясновидящая. Она видела будущее, но не могла его изменить. Когда-то она была мной, но теперь она – уже не я.

Я сказал ей:

– Они умерли из-за тебя. Я тебя ненавижу.

Она выглядела как младенец, но почему-то могла говорить. Она попыталась взять меня за руку.

– Эд!

Я разбил зеркало, лег на кровать и закрыл глаза.

Я не хотел ее видеть. Я не хотел ее слышать.

Я знал, что завтра все будет лучше.

Все будет лучше.

Регина Канъю Ван [37]

Регина Канъю Ван – писатель-фантаст из Шанхая. Она неоднократно получала премии «Синъюнь» как за свои произведения, так и за вклад в развитие фанатского сообщества. Она – один из основателей «SF Apple Core» и член совета Международной китайской ассоциации научной фантастики (WCSFA).

Регина много путешествовала по Европе и США, знакомила фанатов за рубежом с китайской фантастикой, а также устанавливала связи между китайскими и зарубежными группами фанатов НФ. Она сыграла важную роль в работе нескольких конвентов в разных точках земного шара (более того, ее официально удочерило финское сообщество любителей НФ).

В 2015 году ее рассказ «Возвращение в Миян» победил на конкурсе «SF Comet». В 2016 году ее повесть «О тумане и облаках» получила серебряную премию «Синъюн». Кроме художественных произведений, которые публиковались в таких изданиях, как «Мир научной фантастики», «Мэнъя», «Bund-pic», «Numéro» и «Elleman», она также написала книгу о традиционной шанхайской кухне. Периодически в журнале «Amazing Stories» выходит ее колонка на английском, посвященная китайскому НФ-фандому и другим темам.

В настоящее время Регина работает менеджером по международному пиару в «Storycom» – китайской компании, которая занимается превращением научно-фантастических произведений в фильмы, игры, комиксы и т. д.

«Мозговой ящик» – это короткий и пронзительный анализ того, как сюжеты нашей жизни, которые мы выстраиваем, в конце концов загоняют нас в тесные рамки.

Мозговой ящик

1

– Господин Фан, давайте еще раз взглянем на форму о согласии. «Принимая во внимание, что мы используем экспериментальную технику…»

– Да.

– Простите, господин Фан, но по инструкции сначала мне нужно прочитать все заявление целиком, и лишь затем вы должны ответить: «Да, я согласен» или «Нет, я не согласен». Так, на чем мы… А, точно – «…что мы не можем установить весь диапазон эффектов, которые могут возникнуть при импринтинге в другой мозг мозговых волн человека, находящегося при смерти; что в число возможных эффектов может входить в том числе: повреждение мозга-реципиента, дезориентация, вызванная конфликтом мысленных схем восприятия, отвержение импринтированных мыслей мозгом-реципиентом… Учитывая все упомянутые риски, даете ли вы добровольное согласие пройти импринтинг данными, полученными из мозгового ящика госпожи Чжао Линь, согласны ли вы взять на себя ответственность за все последствия эксперимента и сотрудничать с группой исследователей при подготовке отчета?»

– Да, я согласен.

– Отлично. Подлинность вашего голоса подтверждена. Пожалуйста, ложитесь так, чтобы ваша шея находилась прямо на отметке в изголовье кровати… вот так, идеально. Можно начинать.

Фан Жуй закрыл глаза и увидел лицо Чжао Линь. Его сердце сдавило от боли, когда он вспомнил похороны. Нет, только не сейчас. Он решительно открыл глаза, вгляделся в белые стены, белые халаты, яркие белые лампы. К его телу прилеплены электроды, и любые аномальные физиологические реакции будут видны в волновых формах, которые плыли по экранам. Нужно расслабиться и не мешать проведению эксперимента.

Это его последний шанс побыть рядом с Чжао Линь, с его возлюбленной. Она была для него всем, она была для него светом в окошке. Он никогда не простит себя, если пропустит последние пять минут ее жизни.

Лаборанты прикрепили к его левому безымянному пальцу датчик пульсоксиметра, надели на него кислородную маску, подцепили к левой руке датчик кровяного давления и, наконец,

водрузили ему на голову металлический шлем.

Процесс имплантации начался.

2

Свободное падение.

Запах гари.

От хвоста самолета вперед ползут огонь и дым. Вопли, перемежающиеся с молитвами.

Я сама удивляюсь тому, как спокойно я беру болтающуюся передо мной кислородную маску и закрываю ею рот и нос. Скоро я умру. Теперь, когда я смирилась с этой неопровержимой реальностью, ужас и тревога начали отступать. Изменить свою судьбу я не могу.

Пора все отпустить.

Сколько минут у меня осталось? Емкость устройства, записывающего коды мозга, составляет всего пять минут, и оно работает, как кольцевой буфер – записывает новые данные поверх старых. Так же как «черный ящик» самолета сохраняет параметры полета, показания приборов и переговоры в кабине перед аварией, мозговой ящик записывает активность моего головного мозга в моменты перед смертью.

Расшифровать коды, содержащиеся внутри записывающего устройства, может только другой мозг. В теории у кого-то появится возможность воспроизвести мои последние мысли. Пока что ни один мозговой ящик не был расшифрован – но только потому, что все обладатели подобных имплантов еще живы. Я умру первой.

Большинство из тех, кто согласился имплантировать себе подобное устройство, – молодые и здоровые люди, которые все еще наслаждаются ощущением безграничного будущего. Это кажется нелогичным, верно? Идеальный объект для эксперимента – человек, уже ощутивший холодок смерти; именно из него можно быстро извлечь полезные данные. Но крошечная ежемесячная стипендия, положенная за участие в эксперименте, умирающих не привлекает. Кроме того, на большинство из нас давит желание скрывать наши мысли и казаться лучше, чем мы есть на самом деле. Только молодежь достаточно беспечна, только она не боится того, что однажды их мысли узнает весь мир, только ее защищает вера в то, что от момента истины ее отделяет несколько десятилетий.

Скажу честно: я согласилась участвовать в эксперименте только из-за денег. Фан Жуй и я зарабатывали слишком мало, и

все наши доходы падали в ненасытную утробу ипотеки, и я подумала – с миру по нитке, и все такое. Но я никак не предполагала, что мозговой ящик заставит меня сомневаться.

Интересно, ощущают ли что-то подобное другие подопытные? Начинают ли они лгать себе под влиянием мозгового ящика? Что окажется сильнее в последние мгновения жизни – боязнь разоблачения или страх самой смерти? Мои мысли совсем перепутались! Если это в самом деле последние пять минут моей жизни, то они вызовут головную боль у того, кто станет их расшифровывать.

– Она до последнего мгновения оставалась рационалисткой, – возможно, скажут люди.

То же самое говорил Фан Жуй. Когда любовный пыл в наших отношениях пошел на убыль, ко мне быстро вернулся аналитический подход к жизни. А вот Фан Жуй, похоже, и дальше руководствовался скорее чувствами, чем разумом. Мы с ним встречались три года, а затем стали жить вместе. Мы купили новую квартиру в пригороде – для нас это было вложение средств, а сами сняли в городе жилье поменьше. Все эти решения в основном принимал он, а я лишь соглашалась с ними. С ним я осталась, в общем, в силу привычки: я привыкла, что рядом со мной есть теплое тело, к которому можно прижаться, если приснился кошмар; я привыкла покупать продукты ровно столько, чтобы хватило на двоих, и не беспокоиться о том, что делать с оставшимися; я привыкла уходить без ключей, потому что он всегда дома и может открыть мне дверь. Но ни одна из этих привычек не была неизменной, и с любой проблемой в жизни я могла бы справиться и в одиночку. У нас не было ни одной причины, чтобы жить вместе, но и ни одной причины расстаться тоже не было.

Так мы и жили – спокойно, скучно, – пока я не вставила себе имплант.

Я начала спрашивать себя, действительно ли я люблю его? Я уже не верила в то, что именно о такой жизни я мечтала. Я привыкла к жизни, лишенной событий, но теперь, когда во мне появился мозговой ящик, я не могла не представлять себе сцену, которая разыграется после моей смерти. Что произойдет после того, как информацию в моем устройстве расшифруют и Фан Жуй узнает, что я любила его не так сильно, как ему казалось, или, быть может, не любила вовсе? Чем больше я представляла себе это будущее, тем сильнее оно меня пугало.

В тот день, когда он сделал мне предложение, я сбежала. Он очень сентиментален и поэтому превратил все в огромный, публичный спектакль. Розы, которые валились у него из рук,

радостные крики наших друзей… все это ошеломило меня, и я сбежала. Я сбежала из клетки в виде сердца, которую он построил из свечей, и улетела из города. Я сказала ему, что у меня шок, что мне нужно обо всем подумать. Он попросил у меня прощения и сказал, что просто собирался устроить мне романтический сюрприз.

– У тебя такая упорядоченная жизнь, – сказал он. – Неужели ты не устала от нее? Я хотел, чтобы ты выбросила все из головы.

За неделю, которую я прожила одна у моря, у меня было достаточно времени на размышления, но никаких конкретных мыслей я не помню – только ощущение, что мозговой ящик навис надо мной, словно дамоклов меч. Я не могла есть, я плохо спала. Я не знала, как объяснить все это Фан Жую.

В последний день моего незапланированного отпуска владелец пансиона повел меня на холм – посмотреть на цветущие азалии. Красные, желтые, розовые, лиловые цветы казались такими романтичными, такими дикими. Внезапно мой страх исчез. Я была готова вернуться к Фан Жую и объясниться с ним.

Я умру. Возможно, Фан Жуй уже в аэропорту и ждет момента, чтобы подарить мне кольцо. Я никогда не смогу рассказать ему о своих чувствах. Каждый из нас инстинктивно стремится создать и поддерживать определенный образ. Его романтизм и мой рационализм – это маски, которые мы боимся снять. Может, он даже не понимал, что, сделав мне предложение таким театральным способом, он просто разыграл спектакль, чтобы упрочить свою репутацию романтика. Мой побег в его сценарий не входил, но, должно быть, на каком-то уровне Фан Жуй предполагал, что нечто подобное может произойти. Чтобы поддержать свой имидж, он должен ждать меня и даже приехать в аэропорт и устроить еще один спектакль в надежде, что я передумаю. Но по большому счету себя он любит гораздо больше, чем меня. На мои желания ему плевать.

Людям свойственно обманывать других, но мозговой ящик заставляет человека постоянно рефлексировать: являются ли мысли в моей голове в самом деле моими? Обнаружат ли другие люди мой ничем не приукрашенный мысленный монолог? Не отличается мой имидж от моей истинной сущности? Даже если устройство способно сохранить лишь последние пять минут, ощущение того, что за тобой наблюдают, постоянно, от него никуда не деться.

Я была наивной, когда согласилась участвовать в этом эксперименте. Мы, юные глупцы, не боялись того, что наши мысли прочтут после смерти, мы не понимали, что нас ждет жизнь, наполненная бесконечной самокритикой и скованная

тяжелыми цепями сомнений.

Самолет падает все быстрее. У меня болят уши. Голову наполняет усиливающийся гул. Сколько минут осталось? Будут ли эти мысли стерты? Найдут ли мой мозговой ящик? Кто его расшифрует? Будет ли он знаком с Фан Жуем, расскажет ли он ему все?

Это уже не про любовь. Самим своим существованием мозговой ящик меняет все.

3

– Господин Фан! Вы в порядке? Нам пришлось остановить эксперимент, поскольку ваш пульс и давление начали резко меняться.

Фан Жуй открыл глаза. Сознание закончило путешествие и вернулось в тело. Белый цвет повсюду: белые стены, белые халаты, яркие белые лампы. Он не в самолете. Он очнулся после кошмара.

– Вот, выпейте воды. Вам нужно сделать перерыв и отдохнуть. Мы продолжим эксперимент, только если вы будете на этом настаивать.

– Нет, – ответил Фан Жуй. Его губы дрожали. – Выключите аппаратуру. Я… я все узнал. Чжао Линь… была готова принять мое предложение. Перед смертью она думала обо мне, о том, как облегчить мои страдания. О, она была такой логичной, глупышка. Мне так ее не хватает…

Он умолк, и по его щекам потекли горячие слезы. Но он знал, что от сердечной боли избавился навсегда.

Чэнь Цюфань [38]

Чэнь Цюфань – писатель-фантаст, сценарист и автор колонок, а еще у него есть «подработка» в виде должности вице-президента по брендингу и коммуникациям в компании «Noitom», которая занимается стартапами в области захвата движений и виртуальной реальности. Чэнь Цюфань (он же Стэнли Чан) публиковался в таких журналах, как «Мир научной фантастики», «Эсквайр», «Chutzpah!» и «Вэньи фэн шан». Его футуристичные тексты можно найти в таких изданиях, как «Slate» и «XPRIZE».

Лю Цысинь, самый знаменитый китайский писатель-фантаст, назвал дебютный роман Чэнь Цюфаня «Мусорный прибой» (китайское издание – 2013 год, русское издание – 2019 год) «лучшим научно-фантастическим произведением о ближайшем будущем».

Чэнь получил множество наград, в том числе тайваньскую премию «Dragon Fantasy» и китайские «Иньхэ» и «Синъюн». Переводы его произведений на английский язык опубликованы в таких изданиях, как «Clarkesworld», «Pathlight», «Lightspeed», «Interzone» и «F & SF». Его рассказ «Рыба Лицзяна» в 2012 году получила премию «Fiction and Fantasy Translation Award», а рассказ «Год крысы» Лэрд Баррон отобрал для антологии «The Year’s Best Weird Fiction: Volume One». Другие его произведения можно найти в сборнике «Invisible Planets».

«Свет, сходящий с небес» – одно из моих любимых произведений Чэня; в нем он запечатлел тревогу, динамику и абсурдность жизни пекинской технократической элиты. А вот «История болезней будущего» – более мрачное и язвительное произведение. Он разворачивает перед читателем картину будущего, похожую на полотна Иеронима Босха. В «Истории» доминирует не столько всемогущее и всеведущее брутальное государство, сколько апатичное, лишенное представления о морали, не ведающее собственной истории население, для которого конец истории является одновременно благом и проклятием. Как всегда, даже в самых мрачных фрагментах произведений Чэня встречаются проблески юмора, но я и не могу сказать, являются ли они признаками надежды или же отчаяния.

Свет, сходящий с небес

0

Моя мать рассказывала, что, когда мне исполнился год, она пошла со мной за покупками и встретила буддийского монаха.

Монах погладил меня по голове – в ту пору такой же лысой, как и у него, – и процитировал что-то, похожее на стихотворение.

Дома мама повторила услышанное отцу. Папа, который учился на несколько лет больше, чем мама, и даже окончил среднюю школу, сказал, что это не стихи, а буддийский коан. Пообщавшись с директором нашей сельской школы, он наконец выяснил, откуда взят этот фрагмент – слова, которые определят мою жизнь.

Учитель в Пустоте подобен плывущему по небу облаку.

Пыль липнет ко всему, но что есть истина?

Монах спрашивает снова и снова: «Какова цель твоего визита?»

Мастер указывает на кипарис, который растет во дворе[39].

Родители решили, что эти слова обладают каким-то глубоким смыслом, и поэтому переименовали меня в Чжоу Чонбо, что означает «Повторный кипарис».

1

Я сижу в пароварке. Я – пельмень, меня готовят на пару.

Все вдыхают, выдыхают и смотрят на белый дым, вылетающий из чужих ртов; люди похожи на мультяшных персонажей, над головами которых «мысле-пузыри» с логичными мыслями, изображениями голых женщин или неприличными символами. А затем дым рассеивается и появляются грубые, распухшие лица. Воздухоочиститель визжит, словно безумный, а молодые женщины, которые сидят на стульях у стены, безмолвно натягивают на себя маски, проводят пальцами по экранам телефонов и хмурятся.

Мне не нужно смотреть на часы, я и так знаю, что уже за полночь. Жена даже перестала отвечать на мои сообщения в «WeChat».

Меня притащили сюда в самую последнюю минуту. Мы с

женой возвращались домой после прогулки, как вдруг встретили в надземном пешеходном переходе человека в армейской шинели. Зычным голосом, который напугал нас обоих, он сказал:

– Метеорный поток Квадрантиды прилетает четвертого января. Не пропустите…

По моим расчетам, он должен был закончить фразу тем, что мы, маркетологи, называем «призыв к действию» – то есть, например, «вступайте в Хайдяньский астрологический клуб» или «позвоните по этому номеру прямо сейчас». Я даже предполагал, что он вытащит из кармана переносной телескоп и скажет: «Сегодня всего за 88 юаней!» – и тогда бы это был неплохо проведенный раунд уличной торговли.

Но он, словно заевший автоответчик, начал сначала:

– Метеорный поток Квадрантиды прилетает четвертого января…

Задание провалено.

Мы разочарованно прошли мимо. Именно тогда зазвонил мой телефон.

Это был Лао Су. Я, словно извиняясь, бросил взгляд на жену, а она хмуро посмотрела на меня – как и всегда, когда моя работа мешала нам вместе проводить время, а это определенно был уже не первый такой случай. Я ответил на звонок и в результате оказался здесь, в этой комнате.

Напоследок жена сказала:

– Передай матери, пусть не пристает ко мне насчет внуков. Ее сын – такая тряпка, что сам фактически младенец.

– Чонбо! – голос Лао Су возвращает меня в комнату, заполненную канцерогенным дымом. – Ты – главный стратег. Вноси свой вклад!

Я пытаюсь разглядеть за плотной пеленой записи, сделанные маркерами на белой доске: мнение пользователей, основные привлекательные качества товара, исследования рынка… Разноцветные линии связывают слова между собой, словно следы пальца на экране мобильника в какой-то игре, где надо искать похожие картинки: треугольники, пятиугольники, гексаграммы, семь жемчужин дракона…

Все это хрень. Бессмысленная хрень.

Давление в пароварке растет. Капли пота выступают на моем лбу и скатываются по лицу.

– Здесь слишком жарко? – Лао Су протягивает мне смятую бумажную салфетку довольно подозрительного цвета. – Вытри лицо!

Я подчиняюсь; я слишком напуган, чтобы возражать.

– Господин Вань остался недоволен планом маркетинга и

хотел сменить агентство. Я умолял его остаться с нами. Вы все знаете, что будет, если на этот раз мы не добьемся успеха, – говорит Лао Су.

Дешевая салфетка расползается в моей руке, и клочки бумаги прилипают к моему потному лицу.

Господин Вань – наш бог, исполнительный директор одной интернет-компании. Из десяти случайно выбранных людей, которые заговаривают с неизвестными на улицах Чжунгуаньцуня, один работает в «сетевом маркетинге», двое постараются втянуть тебя в свою финансовую пирамиду, трое захотят поговорить с тобой об Иисусе, а остальные будут основателями или директорами какого-нибудь стартапа.

Но если ты заставишь этих людей участвовать в разговорах один на один и дал бы им всего три минуты, то полную и безоговорочную победу одержат именно люди из последней группы. Они продают тебе не просто товар, а идею, которая изменит мир. Они не говорят от лица какого-то божества, они сами – боги.

Одним из таких богов был господин Вань.

Благодаря настойчивости и удаче Лао Су, наше маленькое агентство заполучило господина Ваня в качестве клиента. Мы должны тратить евро, доллары, иены и юани, которые текут к нам от ангелов-инвесторов, из частных инвестиционных фондов, и помочь компании господина Ваня расширить рынок для его мобильного приложения, повысить осведомленность о его товаре и улучшить уровень ежедневной активности настолько, чтобы с помощью новых чисел господин Вань мог привлечь еще больше инвестиций.

И тогда маховик продолжает крутиться.

Так где же затык?

– Где затык? – сухой и тонкий голос Лао Су визжит, словно поезд метро в тоннеле, и невидимая сила давит меня так, что я уже почти готов потерять сознание. Дрожа, я встаю и намеренно не смотрю в глаза другим. Я словно двумерный обитатель математической плоскости: мое тело состоит из точек, но я ни одной точки не вижу.

– Тут… проблема с товаром. – Я со стыдом опускаю голову и готовлюсь выслушать от Лао Су гневную тираду в свой адрес.

– Это и есть твоя гениальная мысль?

Я держу рот на замке.

Партнер господина Ваня – назовем его Y – когда-то учился вместе с ним в Научно-техническом университете Китая, а затем много лет работал в Америке. Господин Вань убедил его вернуться в Китай и привезти с собой ценные патентные права,

которые помогли бы им создать бизнес. Патент Y относится к технологии создания цифровых водяных знаков, объяснить которую довольно сложно, потому что она связана с теорией информации и сложными математическими вычислениями.

Я приведу пример. Допустим, вы сделали фотографию и с помощью патентованной технологии вставили в нее водяной знак, не видимый невооруженным глазом. Затем, как бы вы ни изменяли и ни редактировали эту фотографию – даже если бы вырезали 80 процентов изображения, – вы всегда можете восстановить исходную картинку с помощью особого алгоритма. Секрет в том, что сам невидимый водяной знак содержит в себе всю информацию о фотографии на тот момент, когда он был нанесен.

Это, разумеется, самый простой случай применения данной технологии. Она может стать механизмом проверки и подтверждения подлинности во многих областях – в СМИ, финансах, судебной экспертизе, военной безопасности и медицине. Возможности поистине безграничны.

Однако после возвращения Y в Китай он и господин Вань обнаружили, что интересующие их области индустрии окружены барьерами: сложность заключалась даже не в высоте барьеров, а в невозможности даже понять, где они находятся. Несколько раз натолкнувшись на стены, Y и господин Вань решили обойти проблему, начав со сферы развлечений. Они надеялись сначала сделать технологию популярной у частных пользователей и постепенно привлечь клиентов из сферы бизнеса.

Господин Вань всегда подчеркивал слово «сексуальный», словно это единственный критерий, которым необходимо мерить все. Однако его товар скорее напоминал проколотую и смятую надувную куклу, которую оставили сохнуть в тени.

– Почему вы не используете товар клиента? – орал Лао Су на молодых женщин, которые сидели у стены. Они бледнели и притворялись, будто оживленно конспектируют.

Мобильное приложение господина Ваня называлось «Истинограм», и оно автоматически ставило особый цифровой водяной знак на каждую фотографию, сделанную пользователем. Не важно, сколько раз изображение пересылали, фотошопили или изменяли до неузнаваемости другим способом, исходный снимок удавалось восстановить одним нажатием кнопки. Поначалу маркетинг фокусировался на безопасности: выбирай «Истинограм», и тогда мама не будет бояться, что твое лицо прилепят к отфотошопленной порнофотке.

Помимо подготовки каналов сбыта мы также запланировали сетевое маркетинговое мероприятие под названием «Большое

разоблачение». Мы наняли сотню женщин и помогли им сделать селфи с помощью «Истинограма», которые затем ретушировали, чтобы каждая из них выглядела словно супермодель. Мы разместили фотографии в сети вместе с анимированной гифкой, которая объясняла, как узнать истину с помощью приложения господина Ваня: «Преврати красавицу в чудовище меньше чем за секунду!»

Пользователи мужского пола – хотя, возможно, их следовало бы назвать «лузерами» – отнеслись к приложению с невероятным восторгом; они рекомендовали его друг другу и обрушили на нас настоящий поток его вариаций, который позволил нам выполнить обещание относительно созданных пользователями материалов. А вот женщины эту рекламную уловку возненавидели. Они писали на форумах негативные комментарии о компании и утверждали, что приложение клевещет на женщин и оскорбляет их. По их словам, приложение господина Ваня возрождает замшелый миф о том, что желание женщины быть красивой – это какая-то извращенная форма нарциссизма. Маркетинговое мероприятие превратилось в пиар-катастрофу.

Будь моя воля, я бы объявил о нашей победе. При создании рынка сбыта главное – нажать на ключевую точку, словно воткнуть острую иглу в гипоталамус, центр мозга, отвечающий за эмоции. Если при этом не течет кровь, значит, у вас слишком тупая игла или вы выбрали не ту точку.

Но господин Вань считал, что наш небольшой трюк лишь ненадолго привлечет внимание, а в дальнейшем окажет лишь негативное влияние на стоимость бренда. И, как оказалось, данные подтвердили его правоту: число скачиваний ненадолго увеличилось, а затем упало и осталось небольшим. А лузеры, которых нам удалось привлечь, в конце концов перестали пользоваться приложением, потому что мы не могли стимулировать их с помощью потока новых материалов.

– Меня больше интересует не защищенность моих фоток, а то, видят ли меня другие с наиболее выгодного ракурса, – сказала совершенно обычная девушка, когда мы опрашивали наших клиентов. Фотоальбом в ее мобильнике был наполнен селфи со следами мощного ретуширования. Изображенные на них люди были похожи друг на друга, но ни один из них не напоминал ее. Тем не менее где-то раз в полчаса она поднимала телефон над головой под углом в 45 градусов, вытягивала губы в «дакфейс» и делала снимок.

Если башня построена на песчаном берегу, она не устоит, когда начнется прилив.

Лао Су смотрит на меня, я смотрю на доску, доска смотрит на

всех, все смотрят в свои телефоны. Мы словно стая птиц, которая заблудилась в тумане. Сверкающие экраны так привлекают наше внимание, что в конце концов мы забываем, в какую сторону направлялись. А на землю уже опустилась холодная ночь, и в темноте к нам подбираются голодные хищники.

Мой мобильник пищит, напоминая, что батарея почти разряжена. Инстинкты требуют от меня не экономить энергию, но скорее просмотреть «моменты», опубликованные в моей сети «WeChat». Из каждой частицы энергии нужно извлечь максимум пользы, а не тратить ее на невидимые фоновые процессы. Теперь вы немного в курсе моих ценностей, моей философии.

Я вижу самые новые публикации господина Ваня. Внезапно оболочка пельменя рвется и начинка вываливается наружу.

– Есть! – Я хлопаю ладонью по столу. Все вздрагивают, сбрасывая с себя оцепенение.

Я сую телефон под нос Лао Су.

Под своим профилем господин Вань разместил новую фотографию с текстом следующего содержания:

«В субботу, 15-го числа по лунному календарю, я собираюсь исполнить буддийское доброе дело – выпустить на свободу животных на берегу реки Вэнью. Я куплю и освобожу речных улиток, полных икры, птиц, рептилий, рыб и других животных. Надеюсь, что благодаря этому доброму делу Будда благословит всех, чтобы пожилые жили долго, у людей среднего возраста настала гармония в семье, а дети стали умными и здоровыми! Всем счастливой субботы! (Я с благодарностью принимаю пожертвования для покупки дополнительных животных: больше животных = больше хорошей кармы для всех! Средства можно перечислять на этот счет: XXXXXXX. Вы также получите благословение, если поделитесь этим сообщением или перепостите его.)»

– Ээ… Я и не знал, что у них осталось так мало средств. – Глаза Лао Су становятся огромными, словно чашки. – Они еще не оплатили наш последний счет!

– Читай дальше, – говорю я и продолжаю двигать палец вверх по экрану. Динамически меняющаяся лента господина Ваня сплетена из новостей хайтека и заметок о поп-буддизме, она – своего рода смесь из таблеток с кофеином и куриного бульона для души. – Кажется, мы нашли его второе увлечение.

– И что?

– Давайте подумаем, почему каждый день столько людей делятся этими постами о том, как творить добрые дела, чтобы накопить заслуги и приобрести покровительство Будды. Неужели они так искренне верят? Сомневаюсь. Возможно, защита

фотографий от подделки и не входит в число основных потребностей, но встревоженные современные китайцы действительно без ума от личной безопасности, и особенно от ощущения безопасности. Мы должны соединить товар господина Ваня с этой психологической потребностью.

– Давай конкретно!

– Скажите все: какими постами вы делитесь, чтобы почувствовать себя в безопасности? – спрашиваю я.

– Мощными мантрами!

– Изображениями будд!

– Постами про день рождения Будды и другие праздники!

– Мудрыми изречениями знаменитых монахов!

– Какие посты заставят вас поверить и добровольно расстаться с деньгами?

Возникает пауза; все в комнате обдумывают мой вопрос. Затем одна из девушек неуверенно говорит:

– То, в которых что-то ос… освящено… ээ, ну, вы понимаете, когда свет…

– Именно!

Все умолкают. Лао Су встает и с невозмутимым выражением заходит мне за спину. Я слышу грохот, и холодный ветер обдувает мне спину: ощущение такое, словно кто-то высыпал на нее ведро льда. Дымка в комнате мгновенно рассеивается.

– Теперь проснулся? – Лао Су закрывает окно. – Тогда объясни свою мысль еще раз, только без идиотского мистицизма.

Я выдерживаю его взгляд и медленно отвечаю.

– Давайте найдем знаменитого, уважаемого монаха, и пусть он освятит приложение – «привнесет в него свет», – чтобы каждая фотография, сделанная с помощью приложения, стала амулетом, защищающим от зла. Мы создадим экономику взаимопомощи, основанную на благословениях.

Все отрываются от своих телефонов и смотрят на меня; я смотрю на Лао Су; Лао Су молча смотрит на телефон.

Спустя какое-то время он выдыхает.

– Знаешь, за такие штуки ринпоче из района Чаоян тебя замочат.

Я понятия не имею, что ждет меня дальше.

10

Моя жена – неолуддит.

Когда-то она была заядлой геймершей и проводила столько времени за компьютером, что родители отправили ее в летний

лагерь, который специализировался на лечении зависимости от интернета. После этого ее отношение к современным технологиям развернулось на сто восемьдесят градусов.

Я много раз спрашивал ее, что же на самом деле произошло на Горе Феникса, в лагере под названием «План “Нирвана”»?

Она всегда отвечала уклончиво.

Это было главное различие в наших с ней философских воззрениях. Она верила, что, несмотря на кажущуюся беспрецедентную новизну, представители хайтек-индустрии, в общем, ничем не отличаются от торговцев древних времен: и те, и другие пользуются слабостями обычных мужчин и женщин и манипулируют их эмоциями с помощью таких слов, как «прогресс», «подъем» и «спасение». Кладешь ли ты руку на Библию или на айпад – не важно, ведь ты, в конце концов, молишься одному и тому же богу.

Мы просто даем людям то, что они хотят. Они мечтают о комфорте, радости, чувстве защищенности. Они хотят стать лучше, выделиться из толпы. Мы не можем отнять у них подобные желания. Вот как я всегда отвечал ей.

– Да ладно! Для тебя это просто игра, ты просто хочешь удовлетворить свое собственное желание все контролировать, – сказала она.

– Не держи людей за дураков! – ответил я. – У каждого есть мозг. Как один человек может «контролировать» кого-то еще?

– Всегда есть компьютерные персонажи.

– Ты о чем?

– О персонажах, за которых нельзя играть. Что, если всем незримо управляют какие-то фоновые процессы? Тогда все твои действия будут влиять на логику игры. Система отреагирует на них через персонажей, и они будут выполнять заложенную в них программу.

Я посмотрел на нее, словно на совершенно незнакомого человека, и даже подумал: а не вступила ли она в какой-нибудь новый культ?

– Ты ведь в это не веришь, да?

– Пойду выгуляю пса. Сейчас еще рано, собачьих какашек на улице, наверно, еще не много.

11

Каждый день, когда храмовый колокол бьет пять раз, я должен проснуться и заняться уборкой. Я подметаю деревянный пол галереи, от новой библиотеки до каменных ступеней, а

оттуда – до ворот храма, где растет старая софора, раскинув в стороны узловатые ветки, похожие на когти свирепого зверя.

Читаю ли я во время работы Шурангамасутру, Лотосовую сутру или Алмазную сутру? Это зависит от индекса качества воздуха PM2.5. От загрязненного воздуха у меня болит горло, и дополнительные отвлекающие факторы мне не нужны.

Любой верующий, который придет в храм, чтобы сделать пожертвование, поймет, что на самом деле Будда меня не призывал. Я, как и все остальные «ученики», которые стекаются сюда, чтобы изучать буддизм, прячусь здесь от реального мира.

В каком-то смысле я не слишком отличаюсь от толп покупателей в буддийском магазине рядом с храмом Юнхэгун, которые толкают друг друга локтями, мечтая купить электронные «ящики Будды». Человек приносит ящик домой, нажимает кнопку, и тот начинает петь сутры, а раз в час (или в указанное время) он даже издает умиротворяющее «дуаннннг», похожее на звон колокола в храме. Покупатели, очевидно, надеются таким образом получить благословение и очиститься от плохой кармы. Я часто представляю всех пассажиров, сдавленных, словно сардины, в вагонах метро на линии № 2; поезд отходит от станции, рядом с которой стоит храм, и ровно в начале часа все их ящики Будды гармонично звонят. Возможно, так называемое «дзенское» состояние разума относится к отделению такого момента от реальной жизни.

А теперь, когда я должен придерживаться буддийской вегетарианской диеты, мне страшно не хватает походов в один ресторан в Бейсиньцяо, где подают суп со свиными потрохами, якобы сваренный на бульоне, который настаивался в течение многих лет.

Я даже ликвидировал свой номер мобильника и удалил все свои учетные записи в соцсетях; жена меня бросила и вернулась в свой родной город. Мне даже дали монашеское имя: Ченьу – «Свободный от праха мирского». Я хочу лишь одного: того, чтобы эти безумные люди больше никогда меня не нашли.

С меня довольно.

Все началось в ту ночь, с той безумной идеи.

Господин Вань мое предложение одобрил и за одну ночь собрал инженеров, чтобы они создали новый продукт. Лао Су придумал маркетинговый план и стратегию. Самая важная часть проекта, конечно, досталась мне, автору идеи.

Я должен был найти уважаемого монаха, который готов освятить наше приложение, дать ему свет.

Лао Су потребовал снять весь процесс на видео и выложить ролик в сеть, чтобы он стал вирусным. Я использовал все

отговорки, которые пришли мне в голову: что три поколения моей семьи – христиане, что моя жена беременна и поэтому не может прикасаться к сырой пище, меху животных или ко всему, что связано с призраками…

На все мои возражения Лао Су сказал только одно: «Этот проект – твое детище. Если не хочешь, чтобы он завершился успешно, вали отсюда и не возвращайся, понял?»

Я обошел все храмы в Пекине, я умолял каждого настоятеля, я обратился к каждому ламе, который ищет уединения в различных уголках и закоулках города. Но как только я доставал камеру, то каждый раз, даже если о цене мы договорились, монахи каменели и после нескольких «Амитабх» закрывали лица и бежали прочь.

Мы несколько раз пытались вести съемку скрытой камерой, но из-за дыма благовоний и дрожания камеры смотреть на результаты было невозможно.

Когда дедлайн подошел уже совсем близко, я не мог спать и всю ночь ворочался. Жена спросила, что я делаю.

– Раскатываю тесто для блинов, – ответил я.

Она лягнула меня.

– Если хочешь притворяться скалкой, ложись на пол. Я тут пытаюсь заснуть.

Пинок прочистил мои засорившиеся нервные пути, и внезапно меня осенило.

Новое приложение господина Ваня поступило в продажу вовремя. Лао Су, столь же энергичный, как и его «Лендровер», врубил высшую передачу и довел нас до исступления. Новые концепции и кампании выходили одна за другой, новые видеоролики сменяли друг друга. Вскоре видео, в котором монах освящает мобильный телефон, стало вирусным, и «Буддаграмы» начали покорять «Weibo» и «WeChat». Число скачиваний и ежедневный уровень активности взлетели, словно ракеты, которые уходят в облака на второй космической скорости.

Не спрашивайте меня о том, как подобный рост влияет на долгосрочную стоимость бренда и что это означает для последующего развития и применения технологии цифровых водяных знаков. С этими проблемами предстояло разбираться господину Ваню. А я – просто стратег в третьесортной маркетинговой компании, в голову которому пришли безумные идеи. Я работал только с теми задачами, которые мог решать своими собственными методами.

Однако в конце концов мы недооценили креативность пользователей. Оказалось, что благодаря наличию водяного знака сделанные в «Буддаграме» фотографии можно восстановить даже

на основе фрагмента или копии с низким разрешением. Это означало, что их можно пересылать, что ими можно делиться, не тратя много трафика и времени. Пытаясь воспользоваться ситуацией, мы выпустили новую серию рекламных роликов, прославлявших эту недавно обнаруженную возможность.

Число скачиваний снова взлетело до небес, но никто не мог предположить, что случилось дальше.

Все началось с того, что кто-то разместил в сети фотографию яблока, сделанную с помощью «Буддаграма». Неделю спустя тот постер выложил вторую фотографию того же яблока: оно, очевидно, гнило гораздо медленнее, чем другие яблоки.

Затем появились фотки разных домашних питомцев, которые чудесным образом выздоровели после того, как их сфотографировали в «Буддаграме».

Затем какая-то старая женщина заявила, что она сделала «Буддаселфи», после чего выжила в автомобильной катастрофе.

Слухи множились. Каждый из них по отдельности казался нелепой первоапрельской шуткой, но постоянно находились свидетели, которые утверждали, что эти истории – чистая правда, и число уверовавших росло словно снежный ком.

Сообщения становились все более странными. Пациенты с неизлечимыми формами рака показывали, как их опухоли ежедневно уменьшаются; женщины, которые не могли зачать ребенка, делали селфи в обнаженном виде и беременели; рабочие-мигранты делали групповые селфи и выигрывали в лотерею. В каждой социальной сети распространялись новости, которые обычно можно увидеть только в желтой прессе. На всех фотографиях стоял водяной знак «Буддаграма», и мы думали, что люди, которые их опубликовали, наняты компанией господина Ваня.

Мы ошибались.

Нам сообщали, что телефон господина Ваня разрывается от звонков заинтересованных инвесторов. Прежде всего они, разумеется, спрашивали о возможности вложить средства. Вторым самым популярным вопросом был: «Кто монах-учитель, который принес свет в приложение?»

Логика была проста: если освященное приложение обладает такими магическими эффектами, тогда ритуал, проведенный самим монахом, непременно будет творить невероятные чудеса. Так думали инвесторы, так думали миллионы пользователей.

В наше время правда – такая же редкость, как и добродетель. И еще более трагично то, что люди, столкнувшиеся с правдой, предпочитают усомниться в ней, поскольку им больше нравится верить в созданные ими самими правдоподобные миражи.

Вскоре кто-то слил мои контакты. Я стал получать письма по электронной почте, звонки, эсэмэски… Все орали на меня, все хотели знать только одно: кто монах-учитель?

Отвечать я отказывался. Я знал, что рано или поздно они сами все поймут.

Собрав средства на проведение поисков, люди наконец нашли монаха-учителя и его учеников из вирусного видео – актеров массовки. Мой друг нашел их в толпе, собравшейся у здания кинокомпании «Хэндьенворлдстудиос» в надежде получить роль. Они должны были играть простолюдинов эпохи Цин, поэтому уже были бритоголовыми – совсем как буддийские монахи. Переговоры прошли довольно легко: актеры, которые мечтали о карьере в кино, работали особенно усердно, а тот, кому досталась роль учителя, даже поспорил с гримером о том, где должны находиться следы от ожогов – символ его духовного сана. Посмотрев ролик, я встревожился.

Все они – хорошие люди. Виноваты не они, а я.

Бедные актеры, которых нашла «человеческая поисковая система», уже не могли жить спокойно. Пользователи сети осыпали их и их семьи отборной бранью и заставили признать очевидную истину: то, что они – просто актеры массовки, которых компания наняла сыграть роли монаха-учителя и его учеников.

Однако публика не совсем разобралась в сути дела: она продолжала верить в то, что моя компания, а точнее, я прячу настоящего монаха, что я из алчности или эгоизма отказываюсь назвать его имя и тем самым мешаю всем извлечь пользу из его способностей.

Но я ничего не скрывал.

Каждый день у входа в здание, где находился наш офис, теперь собирались группы протеста, состоявшие в основном из женщин среднего возраста с плакатами в руках. Даже если мы бы и могли противостоять этому давлению, управляющему зданием это оказалось не под силу. Лао Су временно закрыл компанию и отправил нас всех в оплачиваемый отпуск в надежде, что эта буря быстро утихнет. По доброте душевной он даже посоветовал мне покинуть город и на несколько дней уехать к родителям: ведь рано или поздно непременно найдется смертельно больной пользователь сети, который заявится ко мне домой вместе со всеми своими родственниками и станет выпрашивать у меня имя, под которым монах зарегистрирован в «WeChat».

Я понял, что Лао Су прав. Я не мог рисковать благополучием своей семьи.

Поэтому, уладив свои дела, я пришел в этот древний храм и

стал уборщиком.

Колокол звонит девять раз, извещая об окончании утренних занятий. Монахи, и я в их числе, встают по местам. Сегодня храм открыт для публики, и настоятель – учитель Дэта – встретится с группой важных персон, связанных с интернет-индустрией. Он проведет для них семинар, на котором обсудит связи между буддистским учением и сетью.

Мне поручено раздавать гостям бейджи. В списке гостей я вижу много знакомых имен, в том числе имя господина Ваня.

Хотя на улице тридцать восемь градусов по Цельсию, я надеваю хлопчатобумажную медицинскую маску. Пот течет по моему лицу, словно капли дождя.

100

Верующие, теперь одетые в желтые халаты и желтые туфли, словно монахи, входят один за другим, и у каждого на шее висит бейджик на ремешке. На секунду мне кажется, что я вернулся в старую жизнь, которая закончилась несколько месяцев назад: Китайский национальный центр конференций, отель «Джей-Даблъю Мэрриотт», Пекин… Я либо присутствовал на встречах или ехал на встречи, раздавал свои визитки, добавлял ники людей в «WeChat», рекламировал наших клиентов, рисовал перед клиентами невероятные картины, пересыпал свою речь модными интернет-жаргонизмами, словно новый хунвэйбин, сжимающий в руках цитатник Мао.

Сейчас лица передо мной были те же самые, но привлекающие взгляд титулы на бейджах – «Главный исполнительный директор», «Основатель компании» и «Вице-президент по инвестициям» – сменились другими – «Глава семьи», «Верующий» и «Благодетель». По крайней мере, на какое-то время важные персоны смирили свою гордыню и втянули животы. Бормоча мантры, они рассаживаются по местам и благочестиво отдают свои телефоны, айпады, гуглочки, «умные» браслеты и тому подобное в обмен на билетики с номерами.

Я вижу господина Ваня. Он побледнел и осунулся, но шагает он легко, а взгляд у него твердый. Господин Вань безмятежно складывает ладони вместе и кланяется гостям по обе стороны от него; от его былой властности не осталось и следа. Когда он проходит мимо меня, я опускаю голову, и он кивает в ответ на мое приветствие.

Много чего произошло за последние месяцы.

Учитель Дэта когда-то учился на факультете компьютерных

наук университета Цинхуа и подавал большие надежды. Но когда он достиг просветления, то отказался от предложений проходить аспирантуру в Стэнфорде, Йеле, Беркли и других элитных университетах, принял обеты и стал монахом. Несколько студентов из лучших учебных заведений последовали его примеру и тоже пришли в наш храм, чтобы распространять учение Будды в сети, нести утешение всем смертным – способами, адаптированными для эпохи интернета.

Сегодня в ходе своей лекции учитель затрагивает великое множество тем – их так много, что я ни одной из них не помню. Но я вижу, что господин Вань принял благочестивую позу и часто кивает. А когда учитель заговаривает о том, как методы обработки супермассивов данных можно использовать для поиска реинкарнаций тулку, на глаза господина Ваня наворачиваются слезы.

Я пытаюсь спрятаться от него, но при этом не могу подавить в себе желание подойти и спросить, улеглась ли буря. Возвращаться к старой жизни я не хочу, но скучаю по своей семье.

Пользоваться интернетом здесь могут только монахи, которые достигли определенного статуса. Многослойные зеленые ветви древней кипарисовой рощи, словно брандмауэр, отделяют нас от шума и пыли светского мира. Однако моя повседневная жизнь совсем не скучная: я подметаю, работаю, пою гимны, участвую в дебатах и переписываю тексты. Я не обременен материальным имуществом и теперь впервые за много лет могу спать спокойно, не испытывая ужаса от вибрации мобильника, – хотя в моем правом квадрицепсе по-прежнему возникает фантомная пульсация. Но мой учитель говорит, что если я буду считать бусины на моих четках – все тысячу восемьсот – каждый день в течение ста восьмидесяти дней, то полностью исцелюсь.

По-моему, причина в том, что мы хотим слишком многого – больше, чем могут выдержать тело и разум.

На прежней работе я занимался тем, что создавал потребности, поощрял людей стремиться к вещам, которые не важны для жизни, и тратил полученные у них деньги на иллюзии, которые другие создали для меня. Эта игра продолжалась раунд за раундом и не надоедала.

Я вспоминаю слова жены: «Ее сын – такая тряпка, что сам фактически младенец». Твою мать! Теперь от меня пользы даже меньше, чем от младенца.

Это мой грех, моя карма, препятствие, которое нужно устранить, чтобы я мог двигаться дальше.

Я начинаю понимать господина Ваня.

После лекции господин Вань и другие гости окружают учителя Дэту: похоже, что у них возникло много вопросов. Учитель Дэта подзывает меня. Я собираюсь с духом и подхожу к нему.

– Проводишь уважаемых гостей в третью комнату для медитации? Я скоро буду.

Я киваю и веду группу в комнату, предназначенную для особо важных персон, прошу их садиться и разливаю чай. Они улыбаются друг другу, но разговаривают лишь о разных пустяках. Наверное, за пределами храма они – конкуренты.

Господин Вань на меня не смотрит. Он пьет чай и медитирует с закрытыми глазами. Его губы шевелятся: он беззвучно читает какую-то мантру. Когда он перебирает все бусины своих четок в сорок девятый раз, я не выдерживаю: я подхожу к нему, наклоняюсь и шепчу ему на ухо:

– Помните меня?

Господин Вань открывает глаза и полминуты внимательно меня разглядывает.

– Ты – Чжоу…

– Чжоу Чонбо. У вас великолепная память, господин.

Лицо господина Ваня перекашивается. Он бросается на меня, накидывает четки мне на шею и толкает меня на пол.

– Идиот!

Он ругает меня и бьет меня. Двое гостей, сидевших рядом с ним, испуганно вскакивают, но не смеют вмешаться.

– Амитабха… Амитабха… – бормочут они.

Я защищаю лицо руками, но не знаю, что делать.

– Пощадите! – кричу я. – Пощадите!

– Остановись! – гремит голос учителя Дэты. – Этот храм – святыня. Здесь не место насилию.

Кулак господина Ваня застывает в воздухе. Господин Вань смотрит на меня в упор и вдруг начинает плакать, словно сейчас пострадал не я, а он. Его слезы падают мне на лицо.

– Все пропало… Я все потерял… – шепчет он и опускается на стул.

Я поднимаюсь на ноги. Похоже, что человек, потерявший все, даже ударить сильно не может. Я совсем не чувствую боли.

– Амитабха. – Я складываю ладони вместе и кланяюсь ему. Я знаю, что сейчас ему не лучше, чем мне. У двери настоятель останавливает меня и бьет тростью: два раза по моему левому плечу, один раз – по правому.

– Не говори с остальными о том, что произошло сегодня. В тебе еще слишком много гордости, и поэтому ты не можешь выполнять важные поручения. Ты должен усерднее учиться и

тщательно обдумывать свои действия.

Я хочу возразить, но затем вспоминаю, что когда-то мирился еще и не с таким поведением Лао Су и господина Ваня. Учитель Дэта – фактически исполнительный директор храма. Мне нужно забыть о гордости.

Я кланяюсь ему и, пятясь, выхожу из комнаты.

Я прислоняюсь к стене галереи и смотрю на лес, освещенный лучами заходящего солнца. Смог поблескивает над городом, словно многослойное сари. Колокол начинает отбивать очередной час, и птицы испуганно поднимаются в воздух.

Внезапно я вспоминаю, как однажды учитель Субхути три раза ударил Обезьяну палкой по голове, а затем ушел, сложив руки за спиной. Это было послание для Обезьяны: она должна была прийти к задней двери спальни учителя в час третьей стражи, чтобы получить особый урок.

Но что означают два удара по левому плечу и одно по правому?

101

Около девяти часов вечера, когда первая стража сменяется второй по древней системе исчисления времени, я окольными тропами пробираюсь в покои настоятеля. Мое путешествие по темному лесу сопровождается только нежным шепотом сосен; ни одна птица сейчас не поет.

Я стучу в дверь дважды, затем еще один раз. Слышно, как внутри что-то шевелится. Я стучу еще раз. Дверь открывается автоматически.

Настоятель Дэта сидит спиной к двери. Перед ним огромный экран, совершенно черный. Кажется, я слышу жужжание какой-то электроники. Настоятель громко вздыхает.

– Учитель! Прибыл твой ученик! – Я опускаюсь на колени и готовлюсь пасть ниц.

– Кажется, ты слишком много раз читал «Путешествие на запад». – Настоятель встает, и никакой радости на его лице я не вижу. – Я сказал, чтобы ты пришел в одну минуту одиннадцатого.

Я так ошеломлен, что не могу вымолвить ни слова. Очевидно, учитель использовал двоичную систему.

– Ээ… сегодня днем… – мямлю я, пытаясь скрыть смущение.

– Ты ни в чем не виноват. Я знаю, что произошло. Как только ты зашел в этот храм, я узнал о тебе все.

– Тогда почему вы приняли меня?

– Хотя твое сердце не было устремлено к Будде, но мудрость

уже пустила в тебе корни. Если бы я не принял тебя, то, возможно, ты бы стал искать спасения в самоубийстве.

– Учитель поистине милосерден.

Я по-прежнему в замешательстве.

– Я знаю, что ты ничего не понимаешь. – На самом деле учитель Дэта не такой уж старый: ему лет сорок, не больше. Очки на носу делают его похожим на профессора.

– Учитель, прости своего глупого студента. Пожалуйста, просвети меня.

Учитель Дэта взмахивает рукой. Огромный экран, который, похоже, управляется жестами, зажигается. Изображение на нем сложно описать: я вижу огромный сплюснутый овал, окрашенный в различные оттенки синего, который усеян пятнами неправильной формы, состоящими из оранжево-красных точек. Картинка напоминает топографическую карту какой-то планеты в псевдоцветах или же размножающуюся плесень под микроскопом.

– Что это?

– Вселенная. Точнее, реликтовое микроволновое фоновое излучение. Перед тобой изображение вселенной приблизительно через 380 000 лет после Большого взрыва. Сейчас ты смотришь на самую точную ее фотографию на данный момент. – Энтузиазм и восхищение учителя резко контрастируют со скромным монашеским одеянием.

– Ээ…

– Картинка создана на основе анализа данных, собранных космической обсерваторией «Планк» Европейского космического агентства. Посмотри сюда и сюда – видишь, что последовательность немного странная?…

Если не считать пятен оранжево-красной или синей плесени, я не вижу на картинке ничего особенного.

– Ты хочешь сказать, что… ээ… Будда не существует? – неуверенно спрашиваю я.

– Будда учит нас, что великий трихилиокосм состоит из миллиарда миров. – Учитель сурово смотрит на меня, словно заставляя взять свои слова назад. – Это изображение доказывает, что когда-то существовало несколько вселенных. После многолетних усилий человечество с помощью технологий наконец-то доказало истинность буддизма.

Я должен был это предвидеть. Настоятель ничем не отличается от создателей финансовых пирамид из Чжунгуаньцуня: все, даже не имеющее никакого отношения к предмету разговора, кажется им мощным доказательством их правоты. Я пытаюсь представить себе, как эту картинку интерпретировал бы христианин.

– Амитабха. – Я складываю ладони вместе, чтобы продемонстрировать свое благочестие.

– Но вот вопрос: почему Будда решил продемонстрировать истину всему человечеству именно сейчас? – Учитель говорит медленно, с нажимом. – Я долго обдумывал этот вопрос, но потом увидел твой план.

– «Буддаграм»?

Учитель Дэта кивает.

– Не могу сказать, что я одобряю твои методы. Но так как в конце концов ты пришел сюда, значит, мои догадки были верны.

По моей спине течет холодный пот – совсем как в ту ночь, которая была так давно, что кажется нереальной.

– Мир уже не находится в своем изначальном состоянии. Иными словами, его создатель, как его ни назови – Будда, Бог, божество, – изменил правила, по которым действует мир. Ты в самом деле веришь, что именно освящение позволило «Буддаграму» творить чудеса?

Я задерживаю дыхание.

– Предположим, что вселенная – это программа. Все, что мы можем наблюдать, – результат действий выполняемого кода. Но фоновое микроволновое излучение можно считать более ранней версией исходного кода. Мы можем задействовать этот код с помощью вычислений, а это означает, что мы также можем использовать алгоритмическую обработку для того, чтобы изменить версию запущенного в данный момент кода.

– Ты хочешь сказать, что все это сделал алгоритм господина Ваня?

– Я не смею делать поспешные выводы. Но если бы ты заставил меня гадать, то я бы предположил именно это.

– Учитель, в науке я не разбираюсь. Пожалуйста, не шути со мной.

– Амитабха. Я – буддист-техник. Я верю в слова Артура Кларка: «Любая достаточно продвинутая технология неотличима от буддийской магии».

Я знаю: что-то здесь не так, но не понимаю, как ему возразить.

– Но… но этот проект провалился. Посмотри, в каком жалком состоянии сейчас господин Вань. Я больше не хочу иметь с этим ничего общего.

– «Что не существует? То, что обладает формой. Татхагата станет виден, когда разум выйдет за границы формы».

– Учитель, пожалуйста, позволь мне покинуть храм и вернуться в мир. Я скучаю по жене.

Страх, у которого нет названия, вдруг накатывает на меня,

словно бездонная бездна, которая поднимается из экрана на стене и пытается проглотить меня.

Учитель Дэта вздыхает и сухо улыбается, словно он давно все это предвидел.

– Я надеялся, что ты станешь изучать учение буддизма вместе со мной и благодаря этому успокоишься и сможешь переждать катастрофу здесь. Но… но мы с тобой оба находимся в колесе сансары, поэтому как мы можем уйти от судьбы? Ладно. Возьми вот это на память о времени, которое мы провели вместе.

Он протягивает мне карту золотого цвета, на которой изображен Будда. На ее обратной стороне – телефонный номер службы поддержки, номер учетной записи VIP-персоны и проверочный код.

– Учитель, что это?

– Не потеряй карту! Ее стоимость – 8888 юаней. Если что-то случится, сможешь мне позвонить.

Учитель Дэта отворачивается и взмахивает рукой: картинка с плесенью на экране заменяется обычной телепрограммой. Убит какой-то американский специалист по квантовой физике. Очень странная история: стрелок утверждает, что это не убийство, а несчастный случай, так как он перепутал жертву с кем-то другим.

110

Прошло полгода. Я встретил Лао Су в «Гуаньцзи Чиба», популярном ресторане Чжунгуаньцуня, который специализируется на барбекю.

Лао Су почти не изменился. Он по-прежнему обожает жаренные на гриле бараньи почки. Как и многие жители северо-востока, после нескольких бутылок пива он уже лоснится от жира. Лицо Лао подергивается от переполняющих его эмоций, и он начинает говорить все, о чем думает.

– Чонбо, возвращайся ко мне. Я о тебе позабочусь, ты же знаешь.

Брызгая слюной, Лао Су оживленно рассказывает о своей жизни. Какое-то время он прятался у себя дома и отдыхал, но потом еще один звонок заставил его вернуться в мир интернет-технологий. На этот раз он не владелец маркетингового агентства, у которого нет будущего, а «ангел-инвестор». Благодаря своим обширным связям среди предпринимателей теперь он занимается тем, что тратит чужие деньги – и чем быстрее, тем лучше.

И ему кажется, что у меня есть потенциал.

– А как дела у господина Ваня? – спрашиваю я, чтобы переменить тему. Моя жена только узнала, что беременна, а работа, которой я сейчас занимаюсь, скучная, но стабильная – в отличие от проекта Лао Су.

– Я давно с ним не общался… – Лаос затягивается сигаретой, и его взгляд гаснет. – Фортуна так переменчива… Когда «Буддаграм» был в топе, целая тонна инвесторов мечтала вложить в него средства. Какие-то американцы даже хотели купить компанию целиком. Но в последний момент появился еще один американец: он заявил, что ключевой алгоритм Y украден у одного из его друзей, с которым он учился в аспирантуре. Этот американец подал в суд и отступать не собирался. Поэтому патентные права временно заморожены. Все инвесторы в страхе разбежались, и Лао Ваню пришлось продать все свое имущество… но этого оказалось недостаточно.

Я осушаю свой бокал.

– Ты ни в чем не виноват, – говорит Лао Су. – Честное слово, если бы тебе не пришла в голову эта идея, Лао Вань наверняка прогорел бы еще раньше.

– Но без «Буддаграма» американцы, возможно, и не узнали бы об украденном алгоритме.

– Я уже во всем разобрался. Если бы этого не произошло, тогда случилось бы что-нибудь другое. Это и есть судьба. Позднее я узнал, что аспиранта, которого обокрал Y, застрелили в Америке, так что рассмотрение дела о патенте приостановлено.

Лао Су продолжает что-то бубнить, но время останавливается. Мой взгляд проникает сквозь щелочку между его пальцами, которые держат сигарету. Крики посетителей ресторана и сигаретный дым отступают на задний план. Мне в голову приходит мысль – настолько важная, что до сих пор мне удавалось о ней забыть.

Я думал, что все закончилось, однако все только начинается.

Попрощавшись с Лао Су, я возвращаюсь домой, приступаю к поискам и переворачиваю все вверх дном. Моя жена – уже с выступающим животом – осведомляется, не перебрал ли я.

– Ты случайно не видела золотую карту с изображением Будды? – спрашиваю я. – Там еще номер телефона на обороте.

Жена смотрит на меня с жалостью, словно на брошенного сибирского хаски – представителя породы, которая славится своей тупостью и необучаемостью. Затем она отворачивается и продолжает заниматься йогой для беременных.

В конце концов я нахожу карту – она спрятана в журнале мод, который лежит в ванной. Я раскрываю его на странице, на которой изображена обнаженная, намазанная вазелином

старлетка, лежащая среди груды электроники. На каждом экране на картинке отображается часть ее блестящего тела.

Я набираю телефонный номер, ввожу номер учетной записи и код доступа. Мне отвечает знакомый и слегка усталый голос.

– Учитель Дэта, это я, Ченьу!

– Кто?

– Ченьу! В миру – Чжоу Чонбо! Учитель, помнишь, как ты ударил меня по плечам три раза и сказал, чтобы я пришел к тебе в десять ноль одну? Ты еще хотел показать мне картинку с изображением космических микроволн?

– Ээ… в твоем изложении это звучит очень странно. Да, я тебя помню. Как дела?

– Учитель, ты был прав! Проблема действительно в алгоритме! – Я набираю в легкие побольше воздуха и быстро рассказываю ему всю историю, а также излагаю мою догадку: кто-то прилагает огромные усилия, чтобы не допустить распространения алгоритма – и ради этого готов даже убивать.

Мой телефон долго молчит, а затем я слышу долгий вздох.

– Ты все равно не понял. Ты в игры играешь?

– Раньше играл – давным-давно. Ты про игровые автоматы, мобильные или про приставки?

– Не важно. Если твой персонаж нападает на босса, игровые алгоритмы обычно вызывают на его защиту все доступные силы, так?

– Учитель, ты про компьютерных персонажей?

– Верно.

– Но я ничего не делал! Я просто предложил идиотский план маркетинговой кампании!

– Ты не понимаешь. – Голос в трубке мрачно гудит, словно учитель Дэта готов потерять терпение. – Ты – не игрок, который атакует босса, а просто один из компьютерных персонажей.

– Минуточку! Ты хочешь сказать… – Внезапно мои мысли перемешиваются, становятся вязкими, словно густая рисовая каша.

– Я знаю, что с этим сложно смириться, но это правда. Какой-то человек, а может, и группа, поставил под угрозу всю программу – стабильность нашей вселенной. И поэтому система, следуя заранее прописанным инструкциям, призвала компьютерных персонажей и приказала им ликвидировать опасность и сохранить стабильность вселенной.

– Но я же все делал сам! Я просто хотел зарабатывать на жизнь. Я думал, что я ему помогаю.

– Все компьютерные персонажи так думают.

– Так что мне делать? Лао Су зовет меня к себе. Как мне

узнать, что это… Учитель, ты меня слышишь?

Из наушника доносятся странные звуки, словно о микрофон трутся тысяча лапок насекомых.

– Когда ты сбит с толку… (шипение)… учитель поможет… Когда ты достиг просвещения… (шипение)… помоги себе сам. Для этого нужно просто… (шипение)… вот и все… Извините, у вас недостаточно средств. Пожалуйста, пополните баланс и позвоните снова. Извините…

– Твою мать! – яростно кричу я и завершаю звонок.

– Ты обалдел? Чего орешь? Если я испугаюсь и у меня случится выкидыш, это ты будешь во всем виноват! – летит из спальни голос жены.

За три секунды я привожу свои мысли в порядок и решаю рассказать жене все. Разумеется, в свой рассказ я включаю только то, что она может понять.

– Скажи Лао Су, что твоя жена планирует улучшить карму ребенку и не хочет, чтобы ты шел по его стопам и занимался аморальными делами.

Я уже собираюсь заспорить с ней, как вдруг телефон снова звонит. Лао Су.

– Ну, что ты решил? Квантовая лаборатория Научно-технического университета Китая делает огромные успехи! Их машина сейчас занимается NP-полными задачами. Ты понимаешь, что будет, если они докажут, что P = NP?

Я смотрю на жену. Она прижимает ребро ладони к горлу и делает режущее движение, а затем вываливает язык.

– Алло? Ты там? Ты понимаешь, что это означает?…

Я обрываю связь, но в моих ушах все еще звучит голос Лао Су.

В каждой программе есть ошибки. Я уверен, что в нашей вселенной одна из них – возможно, самая критическая – это моя жена.

111

Я до сих пор помню день, когда родился Лайлай. У него была розовая кожа, и от него пахло молоком. Он – самый красивый младенец из тех, которых я когда-либо видел.

Моя жена, все еще не восстановившаяся после родов, попросила меня придумать для него хорошее имя. Я согласился, но подумал: имя не играет никакой роли.

Я – не герой, а просто персонаж, которым управляет компьютер. Если честно, то я никогда не считал, что в чем-то виноват. Я не пошел работать к Лао Су, не выдвинул какую-то

безумную идею, из-за которой весь проект накрылся, не помешал этому дурацкому компьютеру доказать, что P = NP, я даже не знаю, что это за херня вообще.

Если мир рушится именно по этой причине, тогда я могу сказать только одно: значит, сам Программист некомпетентен. Зачем жалеть такой дурацкий мир?

Но я держу на руках своего сына, и в моей ладони его крошечный кулачок, и мне хочется, чтобы прямо сейчас время остановилось навсегда.

Я сожалею обо всем, что я сделал, – или, возможно, обо всем, что не сделал.

В эти последние минуты перед моими глазами встает картина из прошлого: надземный переход и тот человек в армейской шинели.

Он смотрит на меня и на мою жену и, словно заевший автоответчик, говорит:

– Метеорный поток Квадрантиды прилетает четвертого января. Не пропустите…

Никто не пропустит эту грандиозную церемонию, посвященную концу всего.

Я играю с сыном, пытаюсь рассмешить его или вызвать какую-нибудь эмоцию. Внезапно в его глазах возникает какое-то отражение – отражение, быстро увеличивающееся в размерах.

Это свет, который вспыхивает у меня за спиной.

История болезней будущего

Меня зовут Стэнли. Я из вашего будущего.

Давайте начнем с того, что вам уже известно, и, плывя по течению времени, изучим болезни – как физические, так и психические, – которые преследовали человечество в будущем, вплоть до конца времен.

* * *

Синдром айпэда

Все началось с iPad 3 и его «сетчаточного дисплея»: его технология субпиксельного рендеринга позволила создавать разрешение на 300 и более пикселей на дюйм выше, чем у обычного шрифта. С этого момента электронные книги наконец-то могли соперничать с бумажными по качеству изображения. Журналисты назвали это очередной революцией Гутенберга и предсказали смерть традиционной индустрии книгопечатания. Человечество стояло на пороге новой эры чтения.

Как обычно, журналисты оказались слепыми, словно нетопыри, висящие в темной пещере.

Компания «Apple» первой стала продвигать революционные реформы в сфере образования. Она выдала каждому ребенку по айпэду и потратила огромные средства на создание электронных учебников, которые насыщены мультимедийными возможностями и интегрированы с соцсетями. Дети, особенно те, кто жил в Восточной Азии, попрощались с тяжелыми учебниками. Их спины стали прямее, их мышцы плеч и шеи расслабились; деформация хрусталиков в их глазах замедлилась благодаря более широкому углу обзора и четким и детализированным изображениям, а также датчикам света, которые автоматически настраивали яркость экрана.

Будущее казалось светлым – до тех пор пока родители не начали раздавать волшебные планшеты совсем маленьким детям.

Самому юному пользователю айпэда было четыре месяца и тринадцать дней. Модель прямого взаимодействия позволяла даже младенцам управлять сенсорным экраном и полностью погрузиться в увлекательные приключения. Клипы, в которых малыши с чистым, нескрываемым наслаждением играют с айпэдами, набирали миллионы просмотров и лайков в YouTube. Восхищенные зрители не вполне осознавали, какая опасность скрыта за этими радостными сценами.

Первый случай был зарегистрирован в Южной Корее. Шестилетнему Пак Сунхвану поставили диагноз «аутизм», хотя фМРТ и ПЭТ не показали отклонений в строении нервной системы. В число симптомов входили уплощенный аффект, задержка речевого развития и отсутствие мышечной координации. Он не реагировал на эмоциональное состояние своих родителей так, как это свойственно детям его возраста, и не проявлял никакого интереса к окружающему миру. Более того, его внимание привлекал только айпэд. При этом ребенок лишь многократно открывал и закрывал приложения, но не мог ни

заходить на сайты, ни играть, ни пользоваться другими возможностями устройства.

Его мир, казалось, состоял только из вибраций, возникавших в результате скольжения пальцев по экрану.

Один проницательный детский психолог понаблюдал за Паком и сравнил его состояние с симптомами других, похожих на него пациентов, после чего заявил о том, что обнаружил новое заболевание – «синдром айпэда». Эта история получила мощный резонанс во всем мире, и вскоре подобный диагноз был поставлен десяткам тысяч людей.

Ученые сошлись на том, что это особый тип расстройства восприятия, которое возникало, когда младенцы попадали в мощный поток визуальных и тактильных сигналов айпэда еще до того, как их нейро-сенсорные связи полностью развились. Бесцельные движения рук приводили к избытку визуальной и тактильной информации, которую нужно было адекватно усвоить и соотнести с остальным телом, чтобы сформировать прочный фундамент для самовосприятия. Именно этого ключевого этапа не хватало в развитии детей с «синдромом айпэда».

Обычный мир казался им тусклым, размытым, с низким разрешением; он не реагировал на движения пальца и был совершенно лишен чудес. Раннее и длительное воздействие айпэдов на детей привело к тому, что их вестибулярный аппарат разработал особый фильтр сигналов, который позволял только мощным сигналам айпэда проникать в кору и стимулировать нейроны. Другие источники сигналов, напротив, были просто заблокированы.

Родители детей с «синдромом айпэда» подали коллективный иск, требуя уплатить им десятки миллиардов компенсации, поскольку компания «Apple» не снабдила свои товары крупными метками, предупреждавшими о серьезных побочных эффектах. Дело медленно двигалось по судебным инстанциям, и в конце концов стороны пришли к соглашению. Компания «Apple» выплатила истцам компенсацию, размер которой не разглашался, а также согласилась вложить значительные средства в исследование данного синдрома и методов реабилитации больных.

Пока дети росли, они – с помощью терапии – обрели свой, уникальный способ существования. Айпэды стали продолжением их тел. С помощью планшетов они разговаривали, выражали свои чувства и обменивались мыслями. Они передавали друг другу сведения не только с помощью текста и голосовых сообщений, но также посредством вибраций, словно акулы в морской глубине или черви под землей: они прижимали пальцы или ладони к

айпэдам друг друга, испытывая ощущения, недоступные для непосвященных.

Они были инопланетянами, скрытыми среди людей, и если не считать минимальных контактов, необходимых для выживания, общаться с «обычными» они отказывались.

Люди с «синдромом айпэда» формировали структуры, похожие на семьи. Следуя правилам и ритуалам, известным только им, они находили друг друга, спаривались, рожали детей. Какие-то журналисты предложили им огромные деньги за право сделать фильм об одной из таких семей, а получив отказ, они попытались снимать ее тайком. И какой результат? Эти журналисты исчезли.

Не бойтесь, это еще не самое страшное.

С вероятностью 12,5 % потомки этих людей тоже унаследуют нездоровую любовь к айпэдам.

* * *

Эстетика болезненности

По мере того как меняющиеся стандарты красоты постепенно расфокусировали взгляд гетеросексуальных мужчин, изобретательность пластических хирургов, работавших в середине двадцать первого века, достигла своего максимума. Но одна лишь модификация внешних параметров уже не могла удовлетворить вкусы населения. В моду вошел новый – а точнее, очень древний – эстетический тренд, наделавший много шума.

Этот тренд можно проследить до эпохи Троецарствия и династии Цзинь (220–420 г. н. э.). Хэ Янь, создатель школы даосизма «Сюаньсюэ», вывел формулу средства под названием «Порошок пяти минералов», взяв за основу лекарство от тифа, созданное Чжан Чжунцзином, знаменитым врачом династии Восточная Хань. Порошок пяти минералов представлял собой смесь сталактита, серы, кварца, плавикового шпата и красной известковой глины.

Сам Хэ Янь говорил об этом средстве так: «Оно не только исцеляет от болезней, но также раскрывает и оживляет разум». Благодаря своим психотропным свойствам порошок вошел в моду среди ученых и чиновников. Обычно человек, проглотивший его, становился беспокойным, разгоряченным, и ему приходилось долго разгуливать в свободной одежде, чтобы охладиться, пока его разум странствует по иным мирам. Пристрастившиеся к порошку становились раздражительными, вспыльчивыми и часто впадали в транс – как тот человек, который бегал за надоедливой мухой с обнаженным мечом.

Мода на порошок пяти минералов сохранялась в Китае почти шестьсот лет, до начала эпохи Тан. Употребление «безумного порошка» стало признаком высокого социального статуса, так же как позднее – марихуана и ЛСД.

Похожие процессы происходили и в Европе. Чтобы соответствовать нездоровым стандартам красоты, средневековые аристократы заражали себя туберкулезом или даже принимали мышьяк, чтобы их кожа обрела уникальную, светящуюся белизну. Возвеличивание симптомов болезни определенно не было ограничено какой-то одной страной или временным периодом.

А теперь на помощь людям пришла технология.

Вещества, уплотняющие связки, временно ограничивали подвижность суставов; если добавить к этому инъекции незначительных доз тетродотоксина в лицевые мышцы, то в результате получалась симуляция застывших поз и выражений лица, которые соответствовали классическим стандартам

красоты, распространенным в Восточной Азии. В токийском квартале Роппонги можно было часто встретить медленно ковыляющих по улицам высоких белых женщин с волосами, выкрашенными в абсолютно черный цвет. Эти женщины постоянно улыбались, плотно сжав губы. Они, помощницы руководителей международных корпораций, периодически проходили косметические процедуры, вызывающие частичный паралич мышц лица и сковывающие походку, чтобы удовлетворять требованиям «культурной интеграции», нездоровым модным веяниям элитных кругов, а также желаниям их японских боссов-фетишистов.

Кроме того, появились еще и «мигуны»: это название связано с нервным тиком, который заставлял людей внезапно моргать при сокращении мышц orbicularisoculi и levatorpalpebraesuperioris. Люди, страдавшие от социальных фобий, имплантировали себе под глаза компьютерные чипы, которые управляли движениями мышц, стимулируя нервы. Мигуны создали сложные системы «чтение – расшифровка – обратная связь», которые позволяли им обходиться без устной речи и мимики. На собраниях мигунов можно было увидеть молчаливых, бесстрастных людей, которые, словно маяки, общались друг с другом, с высокой скоростью передавая сообщения азбукой Морзе. Более того, некоторые из них умели вести два разговора одновременно, мигая каждым глазом по отдельности.

Эстетика всегда была неотделима от политики. На фоне раздробленного мультиполярного мира человечество не могло договориться о том, что именно означает слово «красота». И в ходе этой борьбы за толкование терминов где-то на периферии возникла ниша, где процветали те, кто имитировал болезни.

На параде в Сайгоне в честь столетней годовщины окончания войны во Вьетнаме на площади Хо Ши Мина собралась «Фаланга Агента Орандж». Она устроила посвященное болезням шоу, которое привлекло к себе внимание прессы всего мира.

Во время войны во Вьетнаме американцы, стремясь уничтожить убежища вьетконговцев, распылили с низко летящих самолетов над десятью процентами лесов, рек и полей южного Вьетнама семьдесят шесть миллионов литров содержащего диоксин дефолианта. «Агент орандж», названный так в честь бочек с оранжевыми полосами, в которых перевозили ядовитую смесь, состоял из крайне токсичных 2,4-дихлорфеноксиуксусной и 2,4,5-трихлорофеноксиуксусной кислот и был очень стабильным в химическом отношении. Период его полураспада составлял более девяти лет, а из человеческого организма «агент орандж» полностью выводился только через четырнадцать с

лишним лет. Кроме того, эти вещества могли циркулировать внутри пищевой цепи, не разлагаясь.

Демонстранты, из которых состояла эта «фаланга», прибыли из самых разных стран и были прекрасно подготовлены. Впереди двигалась группа, которая на первый взгляд состояла из искалеченных детей. Некоторые свернулись в электрических инвалидных колясках и беспомощно раскачивали гибкими, похожими на резиновые конечностями. У части из них конечностей вообще не было; у других глазницы были затянуты гладкой кожей, у третьих головы раздулись и покрылись выростами, напоминавшими желудочки сердца. У кого-то ноги срослись вместе и напоминали хвост русалки.

На самом деле это были не люди, а генетически модифицированные животные, обтянутые синтетической человеческой кожей. Из динамиков на их телах неслись политические лозунги, записанные зловещими голосами.

Затем по площади прошел «гнойный отряд»: лимфома Ходжкина, хлоракне, алые воины, которые выглядели так, словно с них содрали кожу. Когда демонстранты двигались, саркомы и вздутия на их телах дрожали; из прорвавшихся фурункулов текли жидкости разных цветов, рисуя на земле символы мира. Эти люди обнимались, целовали друг друга, плевали в камеры, лили на них свои выделения и что-то невнятно кричали. Даже невозможно представить себе, сколько времени и ресурсов они потратили на подготовку к этому шоу.

За ними следовали «ползуны»; они должны были маршировать очень медленно, потому что они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой. Большинство из них действительно были инвалидами, но они усилили свои увечья с помощью подсоединенных к телам протезов с огромными висячими лоскутами искусственной кожи или же увеличив угол, под которым были вывернуты их конечности. Они напоминали ползучих, червеобразных тварей из фильмов «ужастиков», и чем больше они обнажали свои тела, тем больше привлекали внимание камер.

Кульминацией парада стало воссоздание празднования, устроенного в честь победы над Японией – с той разницей, что оно происходило не на Таймсскверс, а на площади Хо Ши Мина, и целовались не моряк с медсестрой, а ребенок-калека и пациент, покрытый опухолями. Щелкали вспышки фотоаппаратов, спутники транслировали сцену в прямом эфире, и миллиарды людей увидели смачный поцелуй «агента оранж».

Кто скажет, что он не прекрасен?

* * *

Управляемое расщепление личности

Изменили бы вы свою личность, будь у вас такая возможность?

Не путайте это с банальными фразами типа «помоги себе сам» или «куриный бульон для души». Нет, я говорю об изменении личности в буквальном смысле слова.

Юнг – ученик, взбунтовавшийся против своего учителя Фрейда, однажды заметил: «Я просто верю в то, что часть человеческой личности или души не подчиняется законам пространства и времени». Это высказывание считают попыткой объяснить его концепцию архетипов, но на самом деле Юнг произнес эти слова после того, как познакомился с идеями «Книги перемен», которую перевел немецкий синолог Ричард Вильгельм.

Вместе Вильгельм и Юнг опубликовали «Тайну золотого цветка: китайскую книгу жизни», которую называли практическим руководством по использованию древней философии даосизма для интеграции личности. В дальнейшем оказалось, что эта книга с невероятной точностью предсказала усиливающееся разрушение традиционного образа жизни.

Социологи говорят о «ролевой установке» как о соревновательной стратегии, которую люди разработали в ходе эволюции, подразумевая под этим термином набор ролей и поведения, который связан с социальным статусом человека, адаптацию социальных взаимодействий в особых условиях среды. И все-таки «ролевая установка» подразумевает контролированную смену ролей, поскольку она ограничена фрейдистской концепцией эго и не влияет на подсознательную идентификацию.

Технология ускорила эволюцию.

Многие из первых интернет-пользователей, вероятно, страдали от мягкой формы диссоциативного расстройства личности, и это позволяло им легко переключаться между личностями, открывая разные «окна». Одна секунда и нажатие клавиш AltTab – и трудолюбивая женщина, строящая карьеру, превращалась в мечтающую о сексе кокетку. По мере того как время, проведенное в сети, фрагментировалось, а его количество увеличивалось, человек создавал великое множество дополнительных личностей, не занимаясь ими в нужной мере. Эти личности, словно фрагменты оперативной системы, накапливались в подсознании, где незаметно разрушали фундамент психики, а время от времени вырывались наружу – и результатом этого становились жуткие новости о серийных

убийствах, совершенных душевнобольными.

В начале двадцать второго века интерфейс «мозгкомпьютер» стал коммерчески успешным продуктом. Разработчики создали большое количество приложений для связи мозга с сетью, которые позволяли пользователям сознательно управлять передачей данных. По мере развития параллельного программирования появилась оперативная система под названием «Скользящие окна», которая давала пользователям возможность быстро и легко переключаться между когнитивными процессами.

Как и следовало ожидать, террористическая организация ШАДЖИ с Дальнего Востока выпустила вирус-троян под названием «Разбиватель окон», предназначенный именно для атаки на «Скользящие окна». Вредоносная программа распространялась по социальным сетям и встраивалась в самое ядро «Скользящих окон», после чего выводила из строя механизм переключения между процессами.

Когда зараженная компьютерным вирусом женщина пыталась флиртовать со своим любовником, включалась личность, отвечающая за ее отношения с начальством; когда она получала выговор от босса, активировалась личность, которая гладит питомца; а когда щенок подходил к женщине, чтобы поиграть, она задыхалась от сексуального влечения.

Более трех миллиардов людей на планете оказались заражены расстройством множественных переключающихся личностей (РМПЛ), величайшей чумой эпохи киберпанка.

Чтобы остановить распространение вредоносной программы, социальные сети были разделены на несколько карантинных зон. Затем в сети началась адаптированная к условиям двадцать второго века охота на ведьм: ИИ – офицеры сети, замаскированные под разные программы, – общались с пользователями в соцсетях, чтобы выяснить, заражен ли тот или иной пользователь трояном. Получив положительный ответ, они отключали пользователя от сети и отправляли на реабилитацию. Пациенты, которые получили курс лечения, проходили тест на способность управлять несколькими личностями: от его результата зависело, разрешат ли им вернуться в дивный новый цифровой мир.

Буквально в одночасье оценочная стоимость индустрии, производящей устройства типа «мозгкомпьютер», упала до двадцатилетнего минимума.

Удивительно, но от этой бури в сети материковый Китай почти не пострадал. На карте, отображавшей распространение вредоносной программы, Китай оставался единственным пятном

«здорового» зеленого цвета, и этот факт привлек к себе внимание всего мира. После тщательного анализа эксперты пришли к выводу, что эпидемия обошла Китай стороной по трем причинам: во-первых, из-за строгого регулирования работы китайской интернет-индустрии; во-вторых, благодаря Великому китайскому файерволу; и, в-третьих, благодаря удивительной особенности, которую обнаружили в ходе детального сравнения данных фМРТ и электрокохлеографии китайцев и контрольной группы. Данное исследование показало, что подсознание пользователей-китайцев уже фрагментировано на основном уровне и может плавно переключаться с одной личности на другую. Что более важно, каждая из этих фрагментарных личностей была абсолютно и искренне убеждена в том, что именно она является настоящей.

Это открытие потрясло весь мир. Люди вытаскивали на свет забытый, запылившийся томик Вильгельма и старались найти вдохновение в его словах. Они открыли тайну управления сознанием, скрытую на таинственном Востоке, и надеялись спасти мир, находящийся на грани катастрофы, объединив древнее знание с новейшими техниками нейролингвистического программирования.

В моду вошли учения нескольких школ восточной мистической философии – в том числе техники традиционного тантрического буддизма, связанные с привязкой личностей благодаря интеграции мудры и позы; созданные на основе «Книги перемен» методы использования военных программ для стимуляции коры головного мозга и встраивания в нее нейронных последовательностей инь-ян, и так далее, и тому подобное. Но самой влиятельной философской школой, несомненно, стала армия китайских чиновников в отставке, которые отправились за рубеж открывать «Институты Лаоцзы».

Систематизированная программа занятий в этих институтах помогала пострадавшим от РМПЛ обрести Дао с помощью медитации в стиле дзен-буддизма и понять природу жизни, чтобы вселенная духа пришла к гармоничному, инь-ян-сбалансированному состоянию первоначального Невинного Младенца.

Я не стану сообщать вам о результатах, к которым привели эти усилия: как сказал бы Лаоцзы, путь познанный не является истинным.

Скажу лишь, что китайский народ – впервые с тринадцатого века, когда Марко Поло сочинил «Книгу чудес света», – сумел снова экспортировать свои чудесные ценности.

* * *

Элегии по близнецам

Все началось с того, что в Амазонии ученые нашли новый вид деревьев, который получил название Duoliquotica. Местные легенды гласили, что это растение создано из крови и сущности древнего бога, который являлся людям в облике человека с одной головой на двух телах. Это нашло свое отражение в биологии растения: оно было двудомным. Женские и мужские растения росли бок о бок и по мере взросления сплетались друг с другом. После оплодотворения в верхней части растений завязывались большие плоды, похожие на увеличенную голову, сидящую на двух стройных телах.

Ученые извлекли из этого растения ранее неизвестное вещество, обладающее таинственными свойствами, и тоже назвали его «дуоликвотика». Беременная Юлия Кристева, которая случайно подверглась воздействию этого вещества в ходе исследования, родила двух близнецов: так начался проект, целью которого стала разгадка этой тайны. В ходе дальнейших экспериментов родились еще двадцать три пары близнецов. Ученые назвали их «Дуо 24», хотя пресса предпочитала название, более подходящее для скверных «ужастиков», – «Две дюжины Бога близнецов».

Первая пара близнецов, Адам и Ева, прославилась еще до того, как научилась разговаривать. Младенцы плакали и смеялись абсолютно синхронно, и как бы далеко они ни находились друг от друга, выражения их лиц повторяли друг друга с разницей всего в 0,3 секунды. Когда словарный запас близнецов стал расти, их странный талант превратился в невыносимое сюрреалистическое шоу.

Они всегда говорили одновременно, начиная и останавливаясь в один и тот же момент. Поначалу наблюдатель мог решить, что близнецы просто излагают свои собственные мысли, но анализ их разговоров показал, что это крайне эффективный диалог. В нем не было задержек, вызванных необходимостью понять друг друга; два предложения, которые накладывались одно на другое, были заявлением и ответом на него.

Более того, электроэнцефалограммы показали, что близнецы способны понимать друг друга без слов, а их одновременные диалоги – не более чем фокус, чтобы поразить окружающих.

Ученые пришли в восторг, обнаружив первый в истории достоверный пример телепатии. Вскоре удалось найти и других близнецов, которые проявляли различную степень

экстрасенсорной связи. К всеобщему удивлению, эта связь, похоже, не зависела от обмена какими-либо сигналами, доступными для обнаружения – электромагнитными волнами, биохимическими сигналами, вибрациями… даже когда один из двух близнецов находился в полной изоляции, он все равно мог улавливать эмоции и мысли другого.

Все указывало на то, что тут не обошлось без силы древнего бога. Она напоминала квантовую запутанность: не важно, на каком расстоянии находились частицы, но как только одна из них меняла свое состояние, другая изменялась таким же образом.

В то время человечество еще не осознало, что данный феномен является неотъемлемым качеством природы. Поэтому, когда первая волна шумихи схлынула, исследовательский проект, не принесший реальных результатов, был засекречен. Все подопытные были завербованы в армию, чтобы служить устройствами дальней связи, более чувствительными и защищенными, чем любое шифровальное оборудование.

С помощью близнецов американские военные собрали огромное количество разведданных – в России, на Ближнем Востоке, в Восточной Азии, в Европейском Союзе. Сначала они открывали себе самые важные двери с помощью взяток, а затем использовали близнецов, чтобы передавать информацию, не опасаясь обнаружения. Этот метод прекрасно работал – до тех пор пока неожиданный роман не выдал все их планы.

Девятая пара близнецов, Дэвид и Питер, влюбились в одну и ту же японку – точнее, это Питер, благодаря своему дистанционному «переплетению» с Дэвидом, влюбился в Минако Ноду, офицера Сил самообороны. К сожалению, наслаждаться этой любовью Питер мог лишь «из третьих рук» – с помощью своего брата. Питер несколько раз просил Дэвида поменяться с ним местами, но Дэвид отказывался. Тогда Питер, распаленный ревностью, отомстил так, как это мог бы сделать только один из «Дуо 24».

Питер начал передавать Дэвиду параноидальные мысли – постоянно, днем и ночью, даже во сне. Дэвид оказался не в состоянии защититься от этого потока мыслей и погрузился в бредовое состояние. Тогда Питер приказал Дэвиду убить свою любовницу, сдаться властям и сообщить о том, что он – агент американской разведки.

Придя в себя, Дэвид покончил с собой. В тот момент, когда он испустил дух, Питер, который находился в трех тысячах километров от него, улыбаясь, упал замертво со скамейки в осенние листья. Он словно ожидал, что его постигнет такая судьба.

Эта трагедия потрясла оставшихся членов «Дуо 24». Всю свою жизнь они были зеркалами души для своих близнецов, но никогда не сталкивались с тем фактом, что каждый из них – отдельная личность со своими желаниями и страхами, со своей смертью. Некоторые, отчаявшись, решили, что их дар – это проклятие богов, генетический дефект. Близнецы были трагическими марионетками, чьи жизни слились в одну. Эти люди не могли разорвать невидимые связи судьбы, они были обречены на то, чтобы в любую минуту умереть, последовав за своим братом или сестрой.

Пять пар близнецов решили покончить с собой. Их тела уложили в двойные гробы и опустили в глубокие зацементированные могилы.

Остальным близнецам военные предложили подвергнуться глубокой заморозке и ждать далекого будущего, когда человечество найдет средство для борьбы с их проклятием.

Шесть пар решили жить дальше и поддерживать друг друга; еще шесть пар решили отправиться в криогенную камеру и довериться будущему; оставшиеся шесть пар оказались втянутыми в конфликт: один из пары хотел заморозить себя, чтобы избавиться от неизвестности, а другой не собирался отказываться от жизни, которая у них уже есть. Но если только один близнец будет заморожен, то он, или она, скорее всего, умрет во сне, когда скончается второй.

В конце концов близнецы в этих парах договорились, что будут меняться местами каждые десять лет. Погружаясь в криогенный сон, они вверяли свою жизнь своим братьям и сестрам, надеясь, что с ними будут обращаться милосердно. Все было так, как сказано в Евангелии от Иоанна: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга».

* * *

Новая луна

Ученые утверждают, что 4,4 миллиарда лет назад в Землю врезался объект размером с Марс и что образовавшиеся фрагменты объединились, превратившись в Луну. Шестьдесят пять миллионов лет назад с Землей столкнулся большой астероид, и это стало причиной вымирания динозавров. Двенадцать тысяч девятьсот лет назад фрагменты разваливающейся на части кометы упали на обледеневшую тундру Северной Америки, что привело к гибели мамонтов, а также к крушению древней цивилизации Кловис. Затем наступил ледниковый период, который держался тысячу лет.

По мнению археологов, древние майя предсказали, что конец света наступит в 2012 году и что его причиной станет Планета X, легендарная Нибиру (что на шумерском означает «паром»), которая пересекает орбиту Земли каждые 3630, летя по длинной эллиптической орбите вокруг Солнца. Ее мощная сила тяготения приведет к сдвигу тектонических плит, смещению магнитных полюсов Земли, землетрясениям и цунами, к изменениям климата и извержениям вулканов. Благодаря ей человечество переместится, словно на пароме, в новую эру.

Маленький Принц Астрологии из Гонконга утверждает своим сладким голосом, что период ретроградной Венеры закончился. Ключевой момент, который следовало запомнить, заключался в том, что период ретроградной Венеры закончился навсегда. Это давало вам шанс поразмыслить над отношениями, которые уже утратили смысл, и разорвать их, а не поддерживать просто по привычке.

Конечно, в 2012 году новая эра в истории человечества еще не началась – по крайней мере, не в моем временном потоке. Нет, поворотный момент настал в двадцать третьем веке: большой (размером с Шанхай) астероид под названием «Странник», проделав долгий путь по просторам космоса, оказался в плену гравитационного колодца системы Земля-Луна и в конце концов стабилизировался в одной из точек Лагранжа. С тех пор у Земли появился второй спутник, который назвали «Новая Луна».

Люди – вид, склонный романтизировать все подряд, – начали обдумывать произошедшие с ними изменения – как только привыкли к новому расписанию приливов и отливов и к новым небесным телам. В результате гормонального дисбаланса, вызванного Новой Луной, десятки тысяч эмбрионов прекратили развиваться: этот феномен получил название «жуткие побочные эффекты Новой Луны». На эволюцию человечества начала

действовать невидимая сила.

В те ночи, когда Новая Луна была полной, у некоторых людей стали возникать странные аллергические реакции. На их коже появлялись странные узоры, их мышцы сокращались, зрачки расширялись, а их мысли путались. Эти люди становились крайне агрессивными, срывали с себя одежду и бегали на четвереньках, словно возвращаясь к первобытному поклонению тотемным животным. Изучение этих людей показало, что в их Y-хромосомах сохранились рудименты, оставшиеся от предыдущих стадий эволюции человека. Ученые проанализировали карты ДНК населения Земли по этим признакам и добавили засекреченный маркер в файлы людей, обладавших подобными генами.

Из-за антидискриминационных законов имена этих людей остались засекреченными; однако их обязали принимать лекарство, подавляющее подобное поведение, а также носить особые контактные линзы, которые нейтрализовали воздействие Новой Луны. Городская молодежь решила, что это новый тренд, и в те дни, когда Новая Луна была полной, зажигала на вечеринках «трансформациях», очень похожих на массовые оргии, участники которых превращались в животных с помощью наркотиков и техники.

Циклы развития сельскохозяйственных растений и скота тоже изменились, и астрономам пришлось упорно трудиться, изобретая новые месяцы, термины и календари. Они стали такими сложными, что в них было невозможно разобраться или вывести их из простых астрономических наблюдений; вместо этого фермеры и сельскохозяйственные машины были вынуждены полагаться на официальные сводки новостей.

Поистине шокирующий новый феномен проявился у тех, кого зачали во время полнолуния Новой Луны, – новолунцев.

Ученые не могли понять, как именно свет Новой Луны повлиял на оплодотворение яйцеклеток и на деление зигот. Исследователи проанализировали ее световой спектр, силу притяжения, магнитное поле и все остальные потенциальные факторы, но никаких убедительных объяснений не дали. Ученые знали только одно: из этих эмбрионов появляется новая популяция, совершенно не похожая на все остальные. Напуганное человечество решило, что нормальные эмбрионы, развитие которых остановилось под влиянием Новой Луны, стали жертвами конкуренции с новой расой.

И все-таки более 97,52 % родителей новолунцев решили донашивать их до срока, вне зависимости от того, превратятся ли они в ангелов или в демонов.

Внешне новолунцы не слишком отличались от обычных

людей, если не считать того, что из-за изменившегося рефракционного индекса эпидермиса их кожа приобрела блеск, характерный для пластика или тонких мембран. Однако их метаболизм замедлился в три-пять раз по сравнению с нормой, и это означало, что новолунцы обладают невероятно большой продолжительностью жизни. Большинство из них страдало от слабых форм депрессии, и многие родители тревожились, что их дети-новолунцы покончат с собой. Но после долгих наблюдений и анализа люди поняли, что признаки, похожие на симптомы депрессии, на самом деле являются эффектами ментального барьера, который позволяет новолунцам отфильтровывать избыточную информацию, поступающую из окружающего мира, а также уменьшать когнитивную нагрузку и стресс. Новолунцам нужно было сфокусировать свое внимание на гораздо более важной проблеме – проблеме, для решения которой потребуются усилия тысяч поколений.

Проблема заключалась в следующем: Новая Луна, которую они считали богом-творцом, неизбежно придет в негодность. Когда стабильность гравитационной системы нарушится, Новая Луна покинет точку Лагранжа и под действием силы тяготения упадет на Землю, где медленно и поэтично уничтожит все живое.

Новолунцы хотели спасти Новую Луну.

* * *

Неотения

В начале двадцать первого века людей с неотенией считали психически больными, а специалисты называли ее «синдромом Питера Пэна». Хотя этим людям было по тридцать-сорок с лишним лет, они отказывались взрослеть и вместо этого разговаривали и вели себя так, словно жили в волшебной Нетландии. Реальность пугала их, они избегали конкуренции, забывали о своем долге и ответственности, постоянно меняли партнеров, чтобы не строить долгосрочные отношения, а некоторые даже искали утешения в иллюзорных радостях, которые даруют наркотики и алкоголь.

Люди с неотенией связывали все эти симптомы с влиянием излишне опекающих родителей, и часть из них даже ненавидела родителей за то, что те избаловали их в детстве.

Как и наше постоянное стремление к красоте и вечной молодости, этот феномен был лишь крошечной ступенькой на пути к следующему этапу.

В середине двадцать второго века распространилось расстройство развития, при котором замедлялся рост: «биологические часы» пациентов, казалось, шли значительно медленнее обычного, и вторичные половые признаки у таких людей развивались только после тридцати лет. Ученые объясняли это так: поскольку с помощью различных технических средств человеческую жизнь теперь можно было продлить до 150 лет и больше, неудивительно, что юность теперь тоже длится дольше. Многочисленные книги и мультимедийные произведения прославляли долгую молодость, и пациенты с этим нарушением развития стали ориентирами будущей эволюции человечества. Многие социологи и антропологи объясняли, почему этот синдром способен изменить культуру и параметры «нормы» и почему «нормальные» люди из прошлого проиграли бы в борьбе за существование, столкнувшись с «новыми» людьми.

Но эти ученые видели лишь часть проблемы.

По сравнению с животными люди остаются в ювенильной стадии развития значительно дольше. Эта стадия у лемуров, макак-резус, горилл и людей длится 2,5 года, 7,5, 10 и 20 лет соответственно. Половое созревание у людей наступает на 5 лет позже, чем у шимпанзе, и тоже одновременно со сменой зубов. Зачем нам такое непропорционально длинное детство?

Еще в середине двадцатого века ученые обнаружили черты сходства между человеческими детьми и молодыми шимпанзе – маленькие челюсти, плоские лица, редкие волосы на теле. У

людей и шимпанзе 99,4 % общих генов, но почти 40 % из этих генов, экспрессия которых изменялась со временем, у людей активировалась значительно позднее, чем у шимпанзе, и особенно это было характерно для генов, которые отвечали за развитие серого вещества мозга.

Большинство специалистов по развитию детей рассказывали родителям, что мозг, находящийся в процессе созревания, пока синапсы еще не сформировались окончательно, особенно восприимчив к новой информации и обладает огромным потенциалом к ее усвоению.

Homo sapiens, со своей долгой ювенильной стадией, обогнал остальных приматов и вышел на первое место. Мы сохраняем ювенильные черты – такие как отсутствие волос на теле, непропорционально большая голова, а также характерные для детей когнитивные характеристики, – такие как любознательность и желание учиться. У некоторых людей даже есть мутация, которая позволяет им в течение всей жизни синтезировать лактозу, необходимую для переваривания молока, – способность, которая обычно утрачивается, как только детей отлучают от груди. Более того, обратную ситуацию называют «непереносимость лактозы», словно это болезнь.

Неотения критически важна для нашего вида. Неужели начался ее второй этап?

Научный мир желал воспользоваться возможностью продвинуть вперед эволюцию людей, но перед ним встала юридическая проблема. Пациенты с этим нарушением развития с точки зрения закона были совершеннолетними, но их физиология и психология оставались детскими. Начались бурные споры о том, способны ли эти пациенты сами участвовать в экспериментах в качестве подопытных или для этого необходимо согласие их опекунов. Пока данный вопрос медленно решали суды разных инстанций, толпы пользователей в сети раскрывали личную информацию о родственниках этих пациентов и критиковали их, презрительно называя «эгоистичными обезьянами». Люди утверждали, что те, кто ради собственной безопасности забывает о значительно более важной цели – прогрессе человечества, – не имеют права называться «разумными». В ходе истории подобные аргументы, разумеется, поднимались не раз, словно волны в реке времени.

В конце концов логика одержала победу над эмоциями. Государства взяли на себя роль опекунов этих пациентов. Подписав соглашения об экспериментах над своими подопечными, они застраховали их на крупные суммы и в качестве компенсации сделали их родственников получателями

страховых премий. После этого все заткнулись, и можно было наконец приступить к экспериментам.

Ученые, словно улучшенная версия терапевтов из «Заводного апельсина», тыкали, кололи и стимулировали пациентов разными другими способами. Они обрушивали на них потоки информации, мечтали поскорее познакомить своих подопытных со всем массивом знаний, со всей историей человечества, пока не закончился длинный, но все равно такой быстротечный период их «пластичности». Ученые надеялись стимулировать создание более комплексных синаптических связей в мозгу, эволюция которого остановилась много веков назад, и тем самым раздвинуть границы знаний и найти решение многих сложных проблем. Подсознательно эти исследователи считали себя богами и надеялись на шестой день создать новую расу людей.

Однако в итоге у них получились психи, имбецилы, депрессивные типы, эротоманы и «овощи».

Высокомерные исследователи даже не знали, где ошиблись. Они не понимали тайны генетических «переключателей»; ведь эту ловушку установили не они.

Когда-то люди приручили волков и превратили их в собак. Они пытались размножать тех из них, кто сохранил «детские» признаки – висячие уши, короткие морды, большие глаза, игривость и желание угождать людям, – и устраняли тех, кто обладал кровожадностью и яростью взрослых волков. Люди делали это не для того, чтобы превратить волков в Canissapiens; нет, они просто хотели изменить волков в соответствии со своими эстетическими представлениями.

Это недоразумение произошло из-за не очень явной – хотя и довольно мерзкой – любви к милоте.

* * *

Зависимость от ритуалов

Вы долго идете к газетному киоску и покупаете журнал; вы кладете его в сумку и после долгого пути, включающего в себя поездки на разных видах транспорта, прибываете в укромное место; вы включаете свет, оранжевый или белый, и разрываете не поддающуюся биологическому разложению пластиковую обертку; вы наливаете себе чаю или открываете банку с диетической газировкой; вы поглаживаете рельефный рисунок на обложке и, сознательно или случайным образом, раскрываете журнал на одной из страниц.

Вы читаете. Закончив чтение, вы чувствуете, что вас переполняют мысли – или усталость. Вы советуете или не советуете другим прочитать это произведение.

Вы завершили один из нескольких миллионов незначительных ритуалов, которыми наполнена ваша жизнь, от колыбели до могилы.

Люди – животные, которые подчиняются ритуалам. Ритуалы существовали в древнем прошлом и сохранились в настоящем. Ритуалы, каменеющие в нашем сознании, объединяют представителей разных групп и культур, гонят прочь страх смерти, придают смысл нашему существованию. Самые могущественные представители каждого народа с помощью ритуалов собирали толпы, приобретали богатства, формировали партии и фракции, укрепляли свою власть. Ритуалы снабжают людей бесконечным количеством ярлыков: они говорят людям, где их место, однако для личности у них метки нет.

В мое время технологии позволили ритуалу стать неотъемлемой частью повседневной жизни. Он встроен в вас, он становится частью вашего генетического наследия, которое вы передаете своим детям и внукам, он размножается, мутирует и становится более жизнеспособным, чем его хозяин.

Может, так же дела обстоят и в ваше время?

Вы не можете контролировать импульс, который заставляет вас обновить страницу. Информационный взрыв создает тревожность, но может заполнить вашу опустевшую душу. Вы двигаете мышкой, открываете свой профиль в соцсети, просматриваете комментарии, ретвитите и делаете перепосты, закрываете страницу – а через пятнадцать секунд повторяете весь этот процесс заново. Вы просто не можете остановиться.

Вы больше не можете разговаривать с людьми. Воздух перестал быть средой для передачи голоса. Вы и ваши друзья садитесь в круг, ваши взгляды приклеены к мобильным

устройствам в ваших руках, словно вы поклоняетесь талисману какого-то древнего бога. Ваши мысли текут по пальцам в виртуальные платформы. Вы спорите, смеетесь, флиртуете, шутите, но реальный мир вокруг вас – это безмолвная пустыня.

Вы во власти искусственных сред. Ритуалы сопровождают вас повсюду. Они больше не связаны только с жертвоприношениями, проповедями, мессами, концертами и спортивными матчами, которые происходят на центральной сцене, где правит классическое единство времени, места и действия. Сам ритуал изменяется, превращается в распределенное «облачное» вычисление; он равномерно заполняет все уголки вашей повседневной жизни. Датчики знают все; они регулируют температуру, влажность, потоки воздуха и освещение; они изменяют ваш пульс, гормональный баланс, уровень сексуального возбуждения и ваши эмоции. Искусственный интеллект – бог: вы думаете, что он заботится о вашем благополучии и дает вам новые возможности, но на самом деле вы стали яйцом в инкубаторе, марионеткой, к которой прикреплены ниточки. Каждую секунду, каждую минуту и каждый день вы – жертва, без которой этот бесконечный грандиозный ритуал невозможен.

Этот ритуал – вы.

Радикальные мыслители постоянно думают о том, как уйти от всего этого. Ритуал набирает силу в результате многократных повторений, а не благодаря своему смыслу. День за днем повторяющиеся позы и движения постепенно просачиваются в глубины сознания, раз за разом, словно головка жесткого диска, прослеживают очертания идеи, – до тех пор пока она не становится неотличимой от свободной воли. Это похоже на тот научно-фантастический фильм начала двадцать первого века. Романтическая любовь наряду с патриотизмом – самый верный клиент ритуала.

Радикалы пытаются подражать луддитам: они уничтожают машины, взламывают компьютеры, пробуждают сознание людей, призывают всех отказаться от технологий и вернуться к природе, где каждый может отточить свой характер на точильном камне суровых условий. Они надеются вернуть примитивную, чистую простоту. Пресса довольно безжалостно указывает на то, что их проповеди описывают ритуалы, которые отлично подошли бы японским дзен-буддистам седьмого века.

Сделать можно только одно – ничего не делать.

Словно марионетки, у которых обрезали веревочки, радикалы падают в спальнях, в метро, аэропортах, на площадях, в офисах, на пляжах, у конвейеров, в кафетериях, на улицах, в туалетах… они ничего не делают, ничего не говорят, только тихо и

неподвижно лежат, ожидая, когда их тела умрут, когда их жизнь завершится. Они используют пустоту в войне против смысла, свободу воли – для уничтожения свободы, утрату личности – для создания личности.

Датчики регистрируют угасание их основных физиологических показателей, и искусственные интеллекты активируют роботов-помощников, чтобы те доставили тела в медицинские учреждения по транспортной сети. Словно челноки, плывущие по реке из нормальных людей, тела попадают в чистые белые комнаты терапии; там к ним подсоединяют системы жизнеобеспечения и кабели. Там радикалы оказываются перед дилеммой: из пустоты поднимается новый парадокс. С помощью своих тел они завершат первый в человеческой истории случай массового самоубийства, совершенного в виде имитации естественной смерти.

Они завершили один из величайших ритуалов.

* * *

Хаотическое ощущение времени

Время – это иллюзия, придуманная людьми: так в 1915 году сказал один ученый-еврей из Европы. С тех пор время – гладкая и неизменная стальная пластина – расплавилось, словно мягкие часы, которые повисают на ветвях деревьев, повинуясь кисти Дали.

Ученые пытались управлять временем с помощью множества разных средств: скорости, тяготения, энтропии, квантового перепутывания… но в конце концов им пришлось признать свое поражение. Человечество делало все, чтобы победить этот бесформенный и бесцветный, но вездесущий призрак. Он уже есть, когда появляется жизнь, но ни один великий мудрец не смог разгадать его тайны, даже стоя на пороге смерти. Время – стрела, в которой заключены все страхи цивилизации: у нее только одно направление, и если ее выпустили, то она уже не останавливается и не поворачивает обратно, а летит вперед, до самой тепловой смерти Вселенной.

Поскольку изменить мир было невозможно, оставалось только одно: изменить самого себя.

Тогда исследователи сосредоточили свое внимание на том, как ощущает время мозг человека. Каждый день фрагменты памяти выплывали на поверхность нейро-химических сетей в миллиардах голов: разве этот феномен – не один из видов путешествий во времени? Эксперименты показали, что стимуляция разных участков гиппокампа вызывала у подопытных ощущение дежавю; их жизнь в настоящем начинала казаться им воспоминаниями о детстве. Стимуляция мозга, словно чудесный редактор, резала их жизнь на фрагменты, а затем складывала их в новом порядке, создавая иллюзию путешествия во времени.

Когда люди разгадали эту тайну, время превратилось в пластилин в руке фокусника, который способен растянуть его и придать ему любую форму. Удивительный парадокс: ускорение активности головного мозга замедляло ход внешнего времени, и наоборот. Это была теория относительности, примененная в мире сознания. Те, кто действительно овладел этим искусством, могли даже вставить в мозг подопытного замкнутую петлю, чтобы жизнь бедняги превращалась в настоящий «День сурка»: один и тот же день повторялся снова и снова, хотя и оставался иллюзией, созданной путем манипулирования памятью.

Именно этой возможностью решили воспользоваться создатели компании «Хроносенс лимитед». В зависимости от потребностей отдельного клиента они предлагали разные уровни

ощущения времени – и брали целое состояние за свои услуги. Гонорар, разумеется, рассчитывался в точном соответствии с ходом времени в физическом мире.

В странах Восточной Азии студенты, существовавшие в бесконечном цикле из контрольных и экзаменов, хотели извлечь максимум из небольшого количества имевшегося у них свободного времени. В ночь перед важным экзаменом они – с помощью «Хроносенс» – могли не спать всю ночь и усвоить объем знаний целого семестра и стать экспертами по сдаче экзаменов, словно съев хлеб памяти из «Дораэмона». Использование данного метода с вероятностью 0,5 процента приводило к инсульту, поэтому студенты стали активно покупать лекарства, которые помогали нейтрализовать данный эффект.

С другой стороны, любители психотропных веществ мечтали получить прямо противоположный эффект – а именно максимально замедлить и даже остановить время. Они хотели сделать так, чтобы вызванная наркотиками эйфория постепенно усиливалась, словно взрыв, замороженный в леднике, чтобы каждый расцветающий фейерверк стал похож на неподвижную гору. Они сидели в темноте, ожидая погружения в химический экстаз, – до тех пор пока грибовидное облако не поглощало последние следы их сознания, оставляя тело в режиме ожидания. Для них время переставало существовать и единственной реальностью была галлюцинация.

Пожилые люди были самыми придирчивыми клиентами «Хроносенс», но при этом с расходами они не считались. Найдя самые радостные дни своей жизни, они объединяли их в ролик «лучших моментов», который прокручивали снова и снова за то время, которое у них еще оставалось. Для них это был лучший способ выжать максимум из своих последних дней и умереть с улыбкой на лице.

И, как всегда, злодеи сумели воспользоваться плодами человеческой изобретательности.

Авторитарные режимы быстро поняли, каким огромным потенциалом обладает новая технология. Используя ее особую версию, они поработили свои народы и сумели выжать двенадцать часов физического и умственного труда из каждой установленной по закону восьмичасовой смены. Пока обычные люди балансировали на грани истощения и гибели, ВВП продолжал расти. Чтобы немного нейтрализовать опасное давление чрезмерного труда, правительства стали открывать курорты специально для рабочих: там их закрученное в тугую пружину чувство времени меняли с помощью технических средств и приводили в относительно нормальное состояние.

Люди, от которых скрыли правду, работали все упорнее, чтобы заслужить право на отпуск – отпуск, в ходе которого они восстанавливали украденное у них время.

Их дети, с другой стороны, похоже, рождались уже с искаженным ощущением времени. Когда они вступили в ряды трудоспособного населения, их внутренний хронометр сбился еще больше, и ситуация начала выходить из-под контроля. Следующее поколение научилось забывать: под действием инстинктов организм стремился снять избыточную нагрузку с мозга. Периодически – точное время у разных людей отличалось – память таких людей сбрасывалась, и они просыпались, словно новорожденные, не обладающие никакими воспоминаниями. Когда люди с переформатированными мозгами стали подражать друг другу, это новое «дикое состояние» начало распространяться, словно чума. Насилие и похоть пробивали все барьеры, установленные цивилизацией и технологиями.

Дикие люди вышли на улицы и уничтожили машины и государственные институты, которые пытались изменить их примитивную природу.

Они воистину подчинили себе время. Они больше не нуждались во времени.

* * *

Эпилог: глоссолалия

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Или, как сказал бы структурный лингвист: язык создал мысль; мысль поняла и трансформировала мир; таким образом, язык был основной силой, меняющей мир, он был богом.

А где бог, там и дьявол, точно так же, как свет невозможно отделить от тьмы.

Именно язык, а не инструменты, отделил людей от человекообразных обезьян. Мост между знаком и означаемым объединил мир субъективный с миром физическим. Смысл был широким потоком, словно воды Ганга. Люди извлекали капли чувственного опыта, сохраняли их, классифицировали, обобщали и очищали их до тех пор, пока граница между личностью и объективной реальностью не оказалась четко определена. Затем они научились обмениваться мыслями между индивидами, чтобы сообщать о намерениях, и так началось формирование общества: разделение труда, работа, семья, власть, государство, война – все было построено именно на этом фундаменте. Язык стал мерой понимания, и каждый спор основывался на нашей общей лингвистической системе.

Трещины и пропасти оставались в тех местах, которые было невозможно определить словами.

Религия, музыка, живопись, любовь, боль, радость, одиночество… эти слова – словно верхушка айсберга – скрывают неизмеримые, огромные, сложные чувства. С древних времен и до сегодняшнего дня они сопровождали «культурные гены» человечества и, словно осадочные породы в геологии, складывались и наползали друг на друга, проникали друг в друга, сливались и эволюционировали.

Обсуждая эти темы, вы не знаете, о чем именно вы говорите.

Каждое общество желает распространить эффективный набор лингвистических правил, чтобы очистить мысли народных масс. От эдикта Цинь Шихуана, который повелевал всему Китаю писать одним и тем же образом, до новояза «1984»; одни слова исчезали, другие появлялись. Простолюдинам запрещали использовать выражения, предназначенные для аристократов, – так появился сленг, для которого требовался богатый запас омонимов, каламбуров, метонимов и рифм – это был настоящий праздник для языка и голосовых связок.

В определенную эпоху даже веселье было идеологическим инструментом для поддержания дисциплины, и пользоваться им помогали технологии.

Правительство установило брандмауэры в речевой центр мозга каждого новорожденного, и таким образом впервые в истории создало систему наблюдения за языком, работающую в режиме реального времени. Если какой-то человек собирался сказать то, на что реагировали постоянно обновлявшиеся фильтры в его брандмауэре, брандмауэр лишал человека способности говорить и наказывал его, создавая болевые ощущения соответствующего уровня. С другой стороны, за слова, которые нравились правителям, брандмауэр награждал человека удовольствием, похожим на эффект от действия наркотиков.

Дивный новый мир наград и наказаний.

Эта система работала так хорошо, что люди по своей инициативе изобрели способ интегрировать фильтры в свои гены, чтобы их можно было передать детям, чтобы они еще более гармонично слились с брандмауэрами. В итоге даже малейший намек на нежелательную мысль устранялся, не успев укорениться, и вероятность наказания уменьшалась до минимума. Этот механизм постепенно стал частью подсознания, встроился в ту часть коры, которую мы унаследовали от наших предков – амфибий, рыб и рептилий, он слился с самой примитивной частью языка.

Затем все резко изменилось.

Люди так и не поняли, что произошло, – даже в том временном периоде, откуда я родом. По одной теории, человечество действительно создано какой-то более разумной расой, которая имплантировала в человеческий мозг тщательно сконструированную систему языка. Эта система эволюционировала одновременно с развитием цивилизации, но, когда иноземный захватчик угрожал уничтожить ее фундаментальные принципы, она возвращалась к заводским настройкам, и все приходило в исходное состояние.

Можете представить себе мир, в котором нет языка? Все рухнуло.

Проблема заключалась не в том, что говорить было невозможно; скорее человечество утратило сам инструмент, необходимый для познания мира и самого себя. Вселенная вернулась в состояние первобытного хаоса.

Я – продукт второй системы. Очень небольшая группа людей обнаружила в себе ее симптомы – возможно, в ваше время ее назвали бы «божественным вдохновением».

Уже не я говорил слова, а слова говорили мной.

Казалось, божественный разум утратил терпение, наблюдая за глупыми людьми. Избранные, которые принесли с собой совершенно новую лингвистическую логику, должны были

направлять дикарей, чтобы те могли заново понять мир и восстановить цивилизацию. Новый мир действительно выглядел более мирным, более образованным, просвещенным и более усовершенствованным. Ученые изобрели машины времени и открыли теорию временных потоков. Они отправили посланников в параллельные вселенные и в другие временные потоки, чтобы распространять знания, которые помогут обитателям других миров избежать ошибок. Судьба многих из этих посланников оказалась незавидной.

Вот почему я, Стэнли, прибыл из будущего, чтобы говорить с вами. По причинам, которые я не могу раскрыть, мое пребывание здесь скоро закончится. Я покину ваше время, чтобы переместиться в другой незнакомый мир.

В вашей вселенной число девять является особенным, оно символизирует неизменность, возрождение и превосходство. Я надеюсь, что девять глав моей проповеди сопроводят заблудшие души этого мира до двери у конца времен – чтобы они могли возрождаться вечно.

Эссе

Краткое введение в китайскую научную фантастику и фандом [40] [41]
Регина Канъю-Ван

До недавних пор китайская научная фантастика оставалась для остального мира загадкой. В 2015 году Лю Цысинь (刘慈欣) стал первым писателем из Азии, получившим награду «Хьюго»; этой награды он удостоился за роман «Проблема трех тел» (《三体》). А в августе 2016 года Хао Цзинфан (郝景芳) стала второй, получив награду за свою новеллу «Складывающийся Пекин» (《北京折叠》). Оба произведения перевел Кен Лю, американский писатель и тоже лауреат «Хьюго». Теперь, когда выходит все больше китайских научно-фантастических произведений в переводах на английский и другие языки, настал идеальный момент для того, чтобы поговорить об истории китайской НФ.

Данное эссе в основном фокусируется на научной фантастике, однако было бы полезно сказать пару слов о фэнтези. В Китае граница между научной фантастикой или «кэхуань» (科幻) и фэнтези или «цихуань» (奇幻) является довольно четкой. Однако в связи с нашей исторической традицией мифов и историй о кунфу определить китайское фэнтези как жанр довольно сложно. Непросто отличить цихуань (奇幻: фэнтези) от «сюаньхуань» (玄幻: этот термин в основном относится к сетевой литературе с китайскими элементами сверхъестественного) и «мохуань» (魔幻: в основном относится к художественной литературе с элементами западной магии). Но, строго говоря, из современной китайской литературы в стиле фэнтези исключаются такие темы, как ограбление могил (盗墓, «даому»: истории, в которых группы охотников за сокровищами проникают в древние гробницы, где встречают призраков и разнообразных злых существ), путешествие во времени (穿越, «чуаньюэ»: истории, в которых современный человек отправляется в прошлое, в эпоху древних династий по неизвестной (и не имеющей значения) причине, и оказывается втянутым в дворцовые интриги или участвует в сюжете, похожем на сюжет мыльных опер); и поиски бессмертия даосов (修真, «сючжэнь»: истории, в которых главный герой преодолевает трудности, чтобы обрести бессмертие по методу даосов). Перечисленные выше темы составляют основу отдельных популярных жанров литературы.

В современном Китае есть журналы, посвященные фэнтези, и группы фанатов этого жанра, однако по сравнению с научной фантастикой китайское фэнтези сейчас находится не в лучшей

форме. Правда, в последнее время начали выходить телесериалы и кинофильмы, созданные на основе ранних успешных произведений. Например, в 2016 году вышел телесериал «Новоленд: замок в небе» (2016), основанный на фэнтези-вселенной «Новоленд», которая должна стать китайской «Dungeons & Dragons». В работе над этой вселенной принимали участие многие фанаты и писатели. Кроме того, у нас есть «Ледяная фантазия» (2016), телесериал по роману-бестселлеру «Город грез» Го Цзинмина, знаменитого китайского писателя, создающего произведения в жанре «янгэдалт». Однако в данном эссе я буду говорить только о научной фантастике материкового Китая.

Китайская НФ доисторического и раннеисторического периода

В китайских легендах и мифах, как и фольклоре других народов, в изобилии представлены элементы фэнтези. Однако первый текст в жанре научной фантастики относится к периоду 450–375 гг. до н. э. В «Ле-цзы» (《列子》), одном из классических текстов даосизма, в главе «Вопросы Тана» (《汤问》), есть рассказ «Яньши» (《偃师》). Яньши, опытный механик, создает хрупкую машину, похожую на человека, которая умеет двигаться, петь и танцевать. Он показывает ее царю, чтобы доказать свое мастерство. Манекен столь хрупкий и выглядит так убедительно, что царь подозревает Яньши в обмане: он думает, что это не машина, а живой человек. В конце концов Яньши приходится сломать свою машину и показать, что она сделана из дерева и кожи. Манекен Яньши можно считать прототипом робота.

Научная фантастика в том виде, в каком мы ее знаем, впервые появилась в Китае в позднюю эпоху династии Цин. Китайские интеллектуалы, такие как Лу Синь (鲁迅) и Лян Цичао (梁启超), подчеркивали важную роль научной фантастики; они считали ее инструментом, который поможет стране достигнуть благосостояния. В 1900 году был опубликован первый перевод на китайский язык иностранного научно-фантастического произведения: этим произведением стал роман «Вокруг света за восемьдесят дней» французского писателя Жюля Верна. Перевод издания («The Tour of the World in Eighty Days», затем под названием «Around the World in Eighty Days» Geo M Towle and N d'Anvers; Sampson Low, Marston & Co, London, 1873) с английского языка выполнили Чень Шоупэн (陈寿彭) и Сюэ Шаохуэй (薛绍徽). Лу Синь, возможно, самый известный современный китайский литератор, тоже перевел на китайский несколько научно-фантастических романов, таких как «От Земли до Луны» и «Путешествие к центру Земли» Верна. В Китае эти романы вышли в 1903 и в 1906 гг. соответственно. Поскольку французского Лу Синь не знал, источником для него служил перевод романов на японский, выполненный Иноуэ Цутому. Первый известный нам китайский научно-фантастический роман – это «Колония на Луне» (《月球殖民地》), написанный Хуанцзяном Дяосоу (荒江钓叟, псевдоним неизвестного автора, который означает «Старый рыбак на пустынном берегу реки»). Роман публиковался по частям в журнале «Иллюстрированная литература» (《绣像小说》) в 1904–1905 гг.

Долгое время в Китае считалось, что литература должна способствовать развитию общества. В начале XX века научная фантастика должна была сообщать читателям о достижениях науки и рассказывать им о западной демократии. Большинство западных научно-фантастических произведений, переведенных на китайский, были адаптированы, чтобы лучше соответствовать этой роли. Например, исходный текст Жюля Верна «От Земли до Луны» состоит из 28 глав, а в переводе Лу Синя их 14; в оригинале «Путешествия к центру Земли» 45 глав, но Лу Синь оставил от них всего 12. По иронии судьбы, сокращению в основном подверглись описания техники – чтобы сделать текст менее затянутым и, следовательно, более интересным для читателей.

В конце эпохи династии Цин (1833–1911) и в эпоху Республики (1911–1949) в стране шли войны и царила политическая нестабильность. В 1932 году вышел роман «Записки о кошачьем городе» (《猫城记》) Лао Шэ (老舍) – возможно, самое известное в мире китайское научно-фантастическое произведение, написанное до основания КНР. Главный герой романа летит на Марс, но сразу после прибытия его летательный аппарат разбивается. Главный герой, единственный выживший, попадает в город инопланетян с кошачьими головами. Иронически описывая общество инопланетян, Лао Шэ критикует современное ему общество.

В 1949 году была основана Китайская Народная Республика, а в 1950-х началась первая волна новой китайской научной фантастики. Роман «Полет во сне по Солнечной системе» (1950) (《梦游太阳系》) Чжана Рэна (张然) считается первым произведением с элементами НФ, опубликованным в КНР. В нем описан сон главного героя, в котором тот летит на Луну, Солнце, Марс и Уран, и по стилю произведение больше похоже на научную сказку, чем на «твердую» НФ. Популярными писателями того периода были Чжэн Вэньгуан (郑文光) и Тун Энчжэн (童恩正). Произведение «С Земли на Марс» (《从地球到火星》, 1954) Чжэна Вэньгуана считается первым научно-фантастическим рассказом, опубликованным в КНР. В этом рассказе три китайских подростка угоняют космический корабль и летят на Марс в поисках приключений. Многие писатели-фантасты того периода находились под сильным влиянием советской фантастики. В 1957–1962 гг. было выпущено полное собрание сочинений Жюля Верна, потому что его высоко ценили в Советском Союзе. Кроме того, выходили переводы советских писателей – таких как Александр Беляев. Большинство научно-фантастических произведений того периода можно отнести к детской и научно-

популярной литературе; это были оптимистичные книги, затрагивавшие узкий спектр проблем.

Затем началась культурная революция, и литературе, не говоря уже о научной фантастике, места не осталось. Все, что было хотя бы немного связано с «западным капитализмом», считалось вредным. Многие авторы были вынуждены прекратить занятия литературой. В конце 1970-х, когда прошли реформы и началась политика открытости, наступил золотой век китайской НФ. Было создано большое количество произведений, появились группы любителей фантастики и журналы, специализирующиеся на НФ. В этот период одним из самых известных писателей был Е Юнле (叶永烈). Его книга «Маленький всезнайка путешествует по миру будущего» (《小灵通漫游未来》, 1978) разошлась тиражом более 1,5 миллиона экземпляров, и еще столько же было продано экземпляров комикса по ее мотивам. Чжэн Вэньгуан и Тун Энчжэн снова начали писать НФ. Произведение Чжэна «Полет к созвездию Стрельца» (《飞向人马座》, 1979) стало важной вехой в истории китайской НФ. Оно повествует о трех подростках, которые много лет скитаются за пределами Солнечной системы, пытаясь вернуться на Землю. А самое знаменитое произведение Туна, «Луч смерти на коралловом острове» (《珊瑚岛上的死光》, 1978), – это история о том, как ученые сражаются против злых корпораций, чтобы спасти человечество. В 1980 году по «Лучу смерти» был снят первый в Китае научно-фантастический фильм с тем же названием.

В 1983 году кампании против «осквернения духа» снова стерли НФ с карты. С 1979 года шли споры о том, должна ли научная фантастика быть художественной литературой или научно-популярной. Псевдонаука повела наступление против фантастики. В 1983 году Дэн Сяопин, который в то время был верховным руководителем, высказался против капитализма и эксплуатации в литературе. Научная фантастика считалась «оскверняющей дух», поскольку содержала элементы капитализма и коммерциализма. Произведения, в которых говорилось не только о науке, считались вредными в политическом отношении. Никто не смел писать и публиковать НФ в тот период, и только в конце 80-х – начале 90-х китайская НФ оправилась от этого удара.

Журналы

Китайские журналы несколько отличаются от американских: в Китае издателю журнала необходимо получить у государства особый номер – «CN», в чем-то соответствующий номеру ISBN.

В конце 1970-х – начале 1980-х в Китае появилось много журналов, посвященных НФ. В 1979 году в провинции Сычуань начал выходить «Научный и литературный журнал» (《科学文艺》). В течение следующих трех лет появились журналы «Век науки» (《科学时代》), «Серия переводов научной литературы» (《科学文艺译丛》), «Океан НФ» (《科幻海洋》), «Древо мудрости» (《智慧树》) и «Мир НФ – Избранные произведения НФ» (《科幻世界-科学幻想作品选刊》). Однако все они, за исключением «Научного и литературного журнала», закрылись во время кампаний против осквернения духа, а тираж последнего, еще в 1980 году составлявший около 200 000 экземпляров, после этих кампаний уменьшился до 700 экземпляров. После 1984 года Ян Сяо (杨潇), редактор «Научного и литературного журнала», была избрана его президентом. Вместе со своей командой она предприняла огромные усилия для спасения китайской НФ. В 1991 году журнал получил новое название – «Мир научной фантастики» (《科幻世界》), и в тот же год в Чэнду журнал провел ежегодную конференцию, посвященную мировой НФ. Можно считать, что в 1991 году начался новый расцвет китайской НФ. В 1999 году на всекитайских вступительных экзаменах была предложена тема для сочинения: «Что, если память можно было бы трансплантировать?», повторявшая название статьи, которая была опубликована в «Мире научной фантастики» в том же году. Это отчасти подняло продажи журнала: в 2000 году его тираж составил 361 000 экземпляров.

В конце XX века в провинции Шаньси появился еще один важный журнал, посвященный китайской НФ. «Король научной фантастики» (《科幻大王》) начал выходить в 1994 году, а в 2011-м сменил название на «Новая научная фантастика» (《新科幻》). Его максимальный тираж в 2008 году составлял около 12 000 экземпляров. К сожалению, в 2012 году журнал «Новая научная фантастика» закрылся в связи с низким уровнем продаж. «Куб научной фантастики» (《科幻 Cube》) – самый молодой из существующих в данный момент китайских журналов, посвященных НФ. Его первые три номера вышли в 2016 году, и тираж каждого из них составил около 50 000 экземпляров. За этот период появлялись и исчезали другие журналы, в том числе «Мировая научная фантастика» (《世界科幻博览》) и «Научно-

фантастический рассказ» (《科幻-文学秀》). Другие издания, такие как «Мэня» (《萌芽》), «Вэньи фэн шан» (《文艺风赏》) и «Чао хаокань» (《超好看》), публикуют как научную фантастику, так и произведения в других жанрах.

Рождение китайского фандома

Первая группа китайских поклонников НФ появилась в Шанхае в 1980 году. Филип Смит из Питтсбургского университета посетил Шанхайский университет иностранных языков (SISU) и прочел там курс лекций, посвященный научно-фантастической литературе. У Динбо, ученый, который работал в SISU в то время, считает основанный там клуб НФ первой китайской группой любителей научной фантастики. В 1981 году ассоциации изучения научной фантастики были созданы в нескольких городах – таких как Шанхай, Гуандун, Хэйлунцзян, Харбин, Ляонин и Чэнду, – но затем их смела волна кампаний против осквернения духа. Только в 1988 году в Ассоциации писателей Сычуаня, которую возглавлял Тун Энчжэн, был создан Комитет научно-фантастической литературы. Его целью стало объединение писателей-фантастов Сычуаня и возрождение НФ в Китае.

В 1990 году Яо Хайцзюнь (姚海军) с помощью своего фэнзина «Туманность» основал Китайскую ассоциацию читателей научной фантастики.

В 90-х годах по всему Китаю появились региональные группы фанатов и университетские клубы. Журнал «Мир научной фантастики» основал свой фанклуб.

В 1998 году в Китае появились первые сетевые группы любителей НФ. Основаны Сетевая ассоциация китайской научной фантастики (中华网上科幻协会) и Литературная группа «Фэйтэн» (飞腾科幻创作小组). Последняя, после своего расширения, была переименована в «НФ-Корпус Фэйтэн» (飞腾科幻军团). Другими важными группами фанатов были «НФ-Утопия» (科幻桃花源), «Река невозврата» (大江东去科幻社区) и «Космическая психбольница» (太空疯人院). К сожалению, все они уже не существуют. Некоторые из их участников продолжили обсуждение в группе «Мир научной фантастики» (никак не связанной с одноименным журналом) на сайте douban.com (социальная сеть, популярная у тех, кто увлекается каким-либо хобби).

Многие китайские писатели-фантасты активно участвовали в работе этих групп.

Фэнзины

Первым китайским фэнзином стала «Туманность» (《星云》), которую с 1989 по 2007 год редактировал Яо Хайцзюнь. За эти годы вышло 40 номеров журнала. Когда Яо Хайцзюнь начал выпускать свой фэнзин, он работал на деревообрабатывающем заводе в Хэйлунцзяне, а теперь он – главный редактор журнала «Мир научной фантастики». «Туманность» сыграла важную роль в развитии современного китайского фандома и даже в истории китайской научной фантастики в целом. Она стала мостом между редакторами, писателями, исследователями и читателями. Максимальный тираж этого фэнзина превышал 1200 экземпляров.

Другими известными фэнзинами 1990-х были «Галактика» (《银河》), которую редактировал Фань Линь (范霖) в Чжэнчжоу, «По лестнице в небо» (《上天梯》), который выпускал Сюй Цзюлун (徐久隆) в Чэнду, «Планета № 10» (《第十号行星》) и «TNT», которые выпускал Ван Лунань (王鲁南) в Шаньдуне, и «Ветер вселенной» (《宇宙风》), который выпускали Цзэн Дэцян и Чжоу Юкунь (曾德强、周宇坤). Некоторые авторы рассылали свои фэнзины подписчикам по всей стране. Однако большинство таких самодельных журналов просуществовало не более года-двух из-за нехватки денег и времени у их авторов.

Региональные группы любителей НФ также выпускали свои фэнзины. Их главными представителями были «Кубический световой год» (《立方光年》) в Пекине и «Сверхновая» (《超新星》) в Тяньцзине. «Кубический световой год» поддержали многие писатели-фантасты, и это издание отличалось очень высоким качеством. Однако оба журнала выходили совсем недолго, поскольку редакторам и авторам было сложно заниматься этими проектами на добровольной основе.

Университетские клубы любителей научной фантастики тоже публикуют свои фэнзины, однако эти издания тоже существуют недолго. Исключением из правила является журнал «Критическая точка» (《临界点》), который выпускает Ассоциация научной фантастики Сычуаньского университета. В 2013 году он отметил свое 20-летие.

С началом эпохи интернета появились многочисленные сетевые журналы. Сетевая ассоциация китайской научной фантастики в 1998–1999 гг. публиковала «Небо и огонь» (《苍穹火焰》) (всего 7 выпусков), а «Река невозврата» – «Острые обзоры» (《边缘》) в 2005–2006 гг. (всего 4 выпуска). С 2009 по 2013 год вышло 32 номера «Новых миров фэнтези и научной фантастики» (《新幻界》), и это может показаться чудом, ведь все номера

очень высокого качества и их можно было скачать бесплатно. Его издатели даже опубликовали два бумажных сборника. Некоторые произведения, опубликованные в «Новых мирах фэнтези и научной фантастики», переведены на английский – например, «Невидимые планеты» (《看不见的星球》, 2010) Хао Цзинфан.

К числу сетевых журналов, которые выходят в настоящее время, относятся также «Новая китайская научная фантастика» (《中国新科幻》) и «Сборник научной фантастики» (《科幻文汇》). Надеюсь, что они будут жить долго и процветать.

Премии и крупные события

«Галактика» (银河奖) – главная премия китайской научной фантастики, а в течение длительного времени она была еще и единственной. Премия «Галактика» была учреждена журналами «Мир научной фантастики» (бывший «Научный и литературный журнал») и «Древом мудрости» (《智慧树》). После того как журнал «Древо мудрости» прекратил свое существование, «Мир научной фантастики» остался единственным организатором премии. Эту премию получают только те произведения, которые опубликованы в «Мире научной фантастики», и победителей определяют читатели журнала в ходе голосования. Однако в 2016 году первым исключением из правил стал рассказ «Балин» Чэнь Цюфаня, который вышел в «Народной литературе» (《人民文学》).

Таким образом, появилась необходимость в премии, которую могло бы получить любое произведение, опубликованное на китайском языке. И ею стала «Синъюнь» или китайская «Небьюла» (全球华语科幻星云奖), созданная в 2010 году Всемирной ассоциацией китайской научной фантастики. Все члены ассоциации могут номинировать своих кандидатов и голосовать за них; в голосовании также участвует и общественность. Победителя из пяти авторов или произведений, которые вошли в шорт-лист, выбирает жюри.

С этими двумя премиями связаны крупные ежегодные мероприятия и праздники для фанатов, похожие на западные «коны». Особого регламента у них нет, но обычно после вручения премии организаторы устраивают барбекю для участников и гостей. Кроме того, каждый год после вручения премий «Галактика» журнал «Мир научной фантастики» проводит семинар по писательскому мастерству, а мероприятия Всемирной ассоциации китайской научной фантастики уже стали напоминать международные конвенты. На церемонию вручения премий «Китайская туманность» в 2016 году были приглашены Кэт Рэмбо, президент Американской ассоциации писателей-фантастов, Тайо Фудзи, президент Японского клуба писателей-фантастов, и Кристал Хафф, сопредседатель «Worldcon 75».

В последние годы китайская научная фантастика процветает, и благодаря этому появляются новые премии. Например, в 2015 году Фонд развития НФ и фэнтези учредил премию «The Morning Star & Jinkang», в 2015 году группа хардкорных фанатов учредила премию «Координаты», а в 2012 году группа фанатов из Сычуаньского университета создала «Конкурс профсоюза писателей», который в 2016-м та же группа переименовала в

премию «Мастера будущего». Учредители этой премии открыли собственную компанию, чтобы создать онлайн-центр и офлайновое пространство для фанатов научной фантастики.

За всю историю китайской научной фантастики в Китае прошло три международных конвента: ежегодная конференция «World SF» 1991 года, Пекинская международная конференция о научной фантастике 1997 года и «International SF & F Convention» 2007 года. В 1989 году Ян Сяо, в то время – президент «Мира научной фантастики», – посетила ежегодную конференцию «World SF» в Сан-Марино и добилась того, чтобы право провести очередное мероприятие досталось китайскому городу Чэнду, несмотря на то что она плохо говорила по-английски и впервые участвовала в международной конференции. Яо и ее команда столкнулись с различными препятствиями как за рубежом, так и на родине, но приложили все усилия, чтобы их преодолеть. Правительство поддержало их планы, и конференция прошла с большим успехом.

В 1997 году журнал «Мир научной фантастики» при поддержке Китайской ассоциации наук и технологий организовал Пекинскую международную конференцию о научной фантастике. Она сыграла важную роль в продвижении научной фантастики в Китае. В частности, после конференции продажи «Мира научной фантастики» взлетели до небес.

Мероприятие «International SF & F Convention» 2007 года было организовано в Чэнду с целью продвижения научной фантастики. Оно прошло незадолго до начала «Nippon 2007». В том году писатели из Америки и Европы посетили Китай, прежде чем отправиться в Японию на «Worldcon».

Современный китайский НФ-фандом

Существует теория, согласно которой чтение китайской фантастики можно сравнить с поездкой на автобусе. В детстве фанаты «садятся в автобус» – начинают читать китайскую фантастику, а когда взрослеют, то перестают ее читать – «выходят из автобуса». Действительно, большинство читателей «Мира научной фантастике» – это школьники средних и старших классов, а также студенты. Взрослые фанаты читают больше зарубежную фантастику, либо на английском, либо в переводе на китайский.

Активные фанаты НФ существуют, но, несмотря на это, регулярных национальных «конов» так и не появилось. Университетские клубы любителей фантастики расцветают и приходят в упадок, региональные группы фанатов появляются и исчезают. Китайский фандом довольно размыт, и в Китае сложно найти группу фанатов с долгой историей.

Однако такие группы есть, и две из них существуют по сей день.

Первая – «SF Apple Core». В 2009 году клубы четырех университетов Шанхая решили совместно организовать крупное мероприятие. В ходе подготовки Шанхайского фестиваля научной фантастики и фэнтези (SSFFF) была создана группа «Apple Core» – ассоциация четырех университетских клубов любителей фантастики. Первый SSFFF прошел в 2009 году, а с 2011 года и по сей день он проводится ежегодно. Его мероприятия проходят в университетах, и их организаторами и участниками в основном являются студенты. В выходные одного из месяцев, обычно в мае, проводятся дискуссии, семинары, лекции и ролевые игры живого действия (LARP). На каждом таком мероприятии собирается от 30 до 200 участников.

Группа «Apple Core» стала чем-то большим, чем просто ассоциация университетских клубов. С октября 2013-го «Apple Core» ежемесячно устраивает мероприятия, рассчитанные на фанатов-студентов. Обычно на подобных мероприятиях проводятся показы фильмов, лекции и семинары, которые завершаются ужином. Темы варьируются от фантастики до фэнтези, от искусства до астрономии. Например, за показом фильма «Помутнение» может последовать лекция о Филипе Дике; семинар о депрессии и аутизме, посещение выставки современного искусства «Хеман Чон: Если, И или Но» и мастер-класс по созданию аксессуаров в стиле «стимпанк». В среднем на дневные мероприятия приходят от 30 до 120 человек, и от 5 до 20

из них остаются ужинать.

В ноябре 2014 года был организован книжный клуб «Apple Core». Первая организованная им дискуссия была посвящена книге Айзека Азимова «Конец вечности»; в декабре 2015-го обсуждали роман «Аннигиляция» Джеффа Вандермеера, а в сентябре 2015 года была организована особая дискуссия, посвященная номинантам на премию «Китайская «Небьюлу», и в частности книге Чи Хуэя «Искусственный человек 2075: реструктуризация сознания» (《伪人2075：意识重组》, 2014). Цель данного книжного клуба – постепенно увеличивать число читателей.

В 2015 году «Apple Core» организовала первый пробный семинар для начинающих писателей, а с 2016 года он уже проводится на постоянной основе. На этих семинарах, которые проходят раз в месяц, небольшие группы писателей встречаются, чтобы обсудить свои произведения.

Среди групп любителей НФ в восточном Китае «Apple Core» лидирует не только по количеству участников, но и, возможно, по числу международных контактов. В 2016 году она получила премию «Китайская туманность» в категории «Лучший фандом».

Другая организация – это Всемирная ассоциация китайской научной фантастики (WCSFA), наша самая крупная группа фанатов. Она была основана в 2010 году в Чэнду и зарегистрирована в Гонконге. «Apple Core» больше зависит от деятельности фанатов и служит региональным центром фанатской деятельности в Шанхае, в то время как WCSFA – это официальная организация, которая играет роль национального фанатского центра в Китае.

Всемирная ассоциация китайской научной фантастики объединяет около 300 человек, и большинство из них – профессионалы: писатели, переводчики, редакторы, ученые и т. д. Начиная с 2010 года WCSFA ежегодно организует вручение премий «Китайская «Небьюла». Оргкомитет упорно работает над тем, чтобы год за годом пестовать китайскую фантастику, чтобы она продолжала улучшаться. Вручение премий уже состоялось в Чэнду, Тайюане и Пекине, а в будущем пройдет и в других городах.

Следует также отметить, что в 2014 году Китай впервые подал заявку на проведение «Worldcon». Хотя мы проиграли Канзас-сити, это было хорошее начало, и на следующих «Worldcon», вероятно, появятся большие группы представителей Китая.

Современная китайская НФ в литературе и научном сообществе

Лю Цысинь (刘慈欣) – самый известный китайский писатель-фантаст. Его воображение позволяет ему создавать целые вселенные; его «Задача трех тел» (《三体》三部曲) пользуется невероятной популярностью, и вскоре по ней должны снять цикл из шести фильмов. Английский перевод первой книги трилогии вышел в ноябре 2014 года (это был первый современный китайский научно-фантастический роман, переведенный на английский) и получил премию «Хьюго». Следующие две книги были опубликованы на английском в 2015-м и в 2016 году соответственно.

Ван Цзинькан (王晋康) – еще один «тяжеловес» китайской фантастики; в 2014 году исполнилось 20 лет с тех пор, как он начал писать в этом жанре. В его произведениях сильно влияние реализма, и акцент в них обычно сделан на биологии. К числу наиболее характерных для него работ относятся рассказ «Регрессия Адама» (《亚当回归》, 1993) и роман «Песня жизни» (《生命之歌》, 1998).

Хань Сун (韩松) работает в агентстве новостей «Синьхуа» и, по его словам, в новостных заметках, которые он пишет днем, научной фантастики больше, чем в художественных произведениях, которые он сочиняет по ночам. На него сильно повлиял Кафка; сюрреалистичные сюжеты и уникальный стиль его произведений привлекают к нему особое внимание. В число наиболее характерных его работ входят рассказ «Надгробие вселенной» (《宇宙墓碑》, 1991) и роман «Красный океан» (《红色海洋》, 2004).

Хэ Си (何夕) хорошо раскрывает эмоции и чувства персонажей, заставляя читателя сопереживать им. Его самый известный рассказ «Печальный» (《伤心者》, 2003) – о математике, разработавшем теорию, опередившую свое время, и о матери, которая всегда верит в своего сына. В 2015 году Хэ Си опубликовал свой первый роман «Роковой год» (《天年》).

Можно сказать, что эти авторы составляют «большую четверку» современной китайской фантастики.

Следует упомянуть и более молодых писателей. К ним можно отнести Чэнь Цюфаня (陈楸帆), ведущего мастера научно-фантастического реализма, Фэй Дао (飞氘), чьи навыки и концепции характерны для мастеров «серьезной» литературы, Баошу (宝树), который умеет придумать увлекательный сюжет и

делает в своих произведениях акцент на философии, Чжан Рэна (张冉), которому в творчестве очень помогает опыт работы журналистом, Цзян Бо (江波), искусно создающего большие сцены, и Э Цюэ (阿缺), мастера по части интересных историй. Все они относятся к самому образованному слою населения Китая.

В Китае есть и знаменитые писательницы: Чжао Хайхун (赵海虹), Лин Чень (凌晨), Чи Хуэй (迟卉), Ся Цзя (夏笳), Хао Цзинфан (郝景芳), Чень Си (陈茜) и Тан Фэй (糖匪). У каждой из них – уникальная точка зрения на жанр. В историях Чжао Хайхун акцент сделан на эмоциях и романтической атмосфере; Лин Чень удаются элементы «твердой» НФ; Чи Хуэй пишет очень много, и поэтому ее стиль невозможно загнать в какие-то рамки; Ся Цзя отлично создает фантастические сцены и атмосферу мира грез, а недавно сосредоточила свое внимание на картинах близкого будущего в Китае; Хао Цзинфан считает свои произведения «внежанровыми», поскольку ее заботит судьба реальных людей, несмотря на то что ее произведения разворачиваются в вымышленных мирах; истории Чень Си написаны простым языком, но они – хардкорная НФ; а стиль Тан Фэй обладает характеристиками «новой волны», и она сама называет его «нетипичной НФ». Наиболее известной среди них, скорее всего, является Ся Цзя, поскольку она получила «Хьюго». Большой популярностью пользуется и Хао Цзинфан.

Что касается научного сообщества, то в Пекинском педагогическом университете есть группа ученых под руководством профессора У Яня (吴岩), которая занимается исследованием китайской научной фантастики. В этом университете уже несколько лет идет обучение по программе подготовки магистров с акцентом на изучение фантастики, а в сентябре 2015 года на обучение по этой специальности был принят первый аспирант. До появления докторантуры по данной специальности молодые исследователи и писатели, такие как Ся Цзя и Фэй Дао, обычно объединяли свой интерес к НФ с работой в области сравнительного литературоведения. Многих из них объединяет увлечение китайской НФ эпохи поздней Цин, а другим больше нравится современная китайская НФ. И это очень увлекательно – следить за тем, как исследователи изучают работы своих друзей и современников.

Китайские научно-фантастические фильмы

Интеллектуальная собственность, связанная с научной фантастикой, сейчас пользуется огромным спросом в Китае. Лю Цысинь продал права на съемки фильма по «Задаче трех тел» задолго до волны популярности, и это будет один из первых крупных проектов, созданных на основе китайских научно-фантастических произведений. Фильм еще не вышел, но его адаптация в виде мюзикла уже встретила теплый прием в Шанхае и Пекине. Совсем недавно, в августе 2016 года, была вручена первая награда «Синъюнь» в категории «Глобальные китайские научно-фантастические фильмы», которую также создала WCSFA. Премия за лучший фильм досталась картине «CJ 7» (《长江七号》, 2008), которую снял Стивен Чоу; Лу Чуань был признан лучшим режиссером за свой фильм «Хроники призрачного племени» (《九层妖塔》, 2015).

В данный момент идет работа над десятками проектов, и мы с уверенностью можем сказать, что в ближайшие годы появятся новые китайские научно-фантастические фильмы.

Заключение

Китайская НФ привлекает к себе все больше внимания на международной арене. В 2015 году журнал «Clarkesworld», обладатель премии «Хьюго», начал совместный проект по переводу китайской НФ вместе с «Storycom», китайской компанией, цель которой – превращать научно-фантастические произведения в фильмы, комиксы и игры. С тех пор «Clarkesworld» каждый месяц публикует по одному переведенному китайскому рассказу.

Ежемесячно проходит «SF Comet», конкурс научно-фантастических рассказов, которым руководит Ли Чжаосинь, знаток НФ и опытный критик. В ходе этого конкурса китайские и зарубежные авторы пишут рассказы на заданную тему в течение ограниченного времени. Эти рассказы затем публикуются как на китайском, так и на английском языке. И китайские, и зарубежные фанаты НФ могут голосовать за понравившиеся им произведения, авторство которых не указывается. В данный момент проведение конкурса приостановлено, но мы надеемся, что он скоро возобновится.

Первая антология современных китайских научно-фантастических рассказов, «Invisible Planets», которую перевел и отредактировал Кен Лю, опубликована в ноябре 2016 года.

Найти переводы китайской НФ становится все легче. Почитайте их, они вас не разочаруют!

* * *

Примечание автора: Я особо благодарю Чжан Фэна, Цзян Цяня, Чжао Жуханя, Чжен Юня, Ся Цзя и Дун Женвея за их работы, посвященные китайской научной фантастике.

Новый континент для китайских ученых: исследование китайской научной фантастики
Минвэй Сун

Семь лет назад я приехал в Шанхай на конференцию – крупное мероприятие, посвященное современной китайской литературе, которое организовали Гарвард и Фуданьский университет (один из лучших университетов Китая). В работе конференции участвовали лучшие прозаики, поэты и литературные критики. В числе почетных гостей был будущий нобелевский лауреат Мо Янь, десятки его коллег, главные редакторы крупных литературных журналов, знаменитые профессора, а также молодые, но уже популярные авторы. До этой конференции о китайской научной фантастике почти никто не слышал. Конференция завершалась дискуссией за круглым столом, в ходе которой два писателя-фантаста, Хань Сун и Фэй Дао, получили десять минут для того, чтобы поговорить о своем жанре. Как я узнал позднее, Хань Сун, крупная фигура «новой волны» китайской НФ, и Фэй Дао, многообещающий молодой автор, потратили огромное количество времени, готовясь к этому короткому выступлению. Я помню, что за мной сидели Юй Хуа и Су Тун, два гиганта литературы. Они негромко переговаривались, но внезапно умолкли и стали внимательно слушать фантастов-докладчиков. Хань Сун говорил о том, какие удивительные изменения произошли в жанре НФ за последние десять лет, а Фэй Дао провел связь между артистическими устремлениями современных авторов и их мыслями о проблемах общества с идеями Лу Синя, отца-основателя современной китайской литературы, который в начале двадцатого века тоже выступал за развитие «научной фантастики» («кэсюэсяошо»). Я видел, что все собравшиеся с огромным интересом слушали Хань Суна и Фэй Дао.

Именно в этот момент все изменилось.

13 июля 2010 года, 15:30.

Двумя днями ранее я познакомился с Хань Суном и Фэй Дао. Мы мило побеседовали. До того как встретиться с ними, я прочел все их опубликованные произведения, которые смог достать. Три года назад мой друг Янь Фэн (профессор Фуданьского университета) прислал мне рукопись под названием «Саньти» (которая позднее превратилась в английском переводе в «Задачу

трех тел»). Он настоятельно мне ее рекомендовал, но в то время я был занят другими делами и поэтому даже не дочитал до конца вторую главу (главы были в том же порядке, в котором они появились в переводе Кена Лю). Только в 2008 году я наконец снова взялся за эту книгу, и она меня потрясла. Вскоре я уже был без ума от новой волны китайской научной фантастики: Лю Цысиня, Хань Суна, Ван Цзинкана, Хэ Си, Ла Ла, Чжао Хайхун, Чэнь Цюфаня, Ся Цзя, Фэй Дао, Хао Цзинфан, Чи Хуэй и т. д. Я прочел все их произведения, которые смог найти, и посоветовал организаторам конференции в Шанхае пригласить на нее Лю Цысиня. Лю Цысинь не смог приехать в связи с загруженностью, но Хань Сун и Фэй Дао не подвели: их скромное, но мощное выступление стало САМОЙ горячей темой всей конференции. Когда Хань Сун и Фэй Дао закончили свой доклад, мне показалось, что я прозрел: в истории китайской научной фантастики уже наступил золотой век – 1999–2010. К сожалению, об этом знали фанаты НФ, но не литературоведы.

В ходе своего выступления Фэй Дао сравнил эту новую волну китайской фантастики с армией, сидящей в засаде. Она могла бы погибнуть, и никто бы этого не заметил. Действительно, если бы никто из литературного истеблишмента не потрудился добыть экземпляр «Задачи трех тел», если бы никому не хватило терпения разобраться в хитросплетениях фантасмагорического сюжета Хань Суна о невидимой реальности Китая, то новая волна китайской НФ, возможно, развлекала бы только самих писателей-фантастов и их фанатов. Но в июле 2010 года благодаря Хань Суну и Фэй Дао эта одинокая, скрытая в засаде армия оказалась в центре внимания литературной элиты.

Сразу после круглого стола Теодор Хутерс – профессор UCLA, к которому я испытываю огромное уважение, – стал строить планы по выпуску антологии, чтобы познакомить публику с новыми китайскими фантастами. Он поручил мне редактировать особый сдвоенный выпуск литературного журнала «Renditions», который представил всему миру самых известных китайских писателей. Мне понадобилось два года, а также поддержка десятков писателей и переводчиков, чтобы закончить эту работу. В 2012 году этот номер журнала увидел свет, и приблизительно в то же время на сцену вышел Кен Лю, самый увлеченный переводчик китайской научной фантастики. Другие издания, такие как «Pathlight», тоже сделали особые выпуски, в которых были представлены переводы китайской НФ. В других странах, таких как Италия и Япония, китайская научная фантастика обрела новую жизнь в переводах.

Когда в 2014 году вышел перевод Кена Лю «Задачи трех тел»

и когда в 2015-м он получил премию «Хьюго», новая волна китайской фантастики произвела сенсацию во всем мире. То, что произошло потом, большинство читателей, вероятно, уже знает: роман хвалили Обама и Марк Цукерберг, а его продолжение «Вечная жизнь смерти» попало в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

* * *

Ученые обычно немного отстают от трендов, но на этот раз игнорировать невероятную популярность китайской научной фантастики было невозможно. Всего за три или четыре года китайская фантастика стала одной из самых благодатных тем для исследователей, которые занимаются Китаем. Такие крупные учебные заведения, как MLA, AAS, ACLA, ACCL и т. д., организуют дискуссии, круглые столы и семинары, посвященные китайской научной фантастике. Меня как американского ученого китайского происхождения, который одним из первых обратил внимание на новые тенденции в этом жанре, часто просили написать что-нибудь для научных журналов и сборников в США и Китае (а также во Франции и Германии), редактировать особые выпуски и даже организовывать конференции и семинары. Эту кампанию я веду не один: у меня есть такие братья по оружию, как Хуа Ли, написавший несколько статей о современной НФ, и Натаниэль Айзексон, который недавно опубликовал книгу «Небесная империя: появление китайской научной фантастики» – первую монографию, полностью посвященную ранней китайской НФ. И, что более важно, целое поколение молодых ученых всерьез восприняло эту тему, более систематично приступило к ее исследованию и представило все более интересные аргументы. Это казалось почти чудом: у нас на глазах появился целый новый континент для научных изысканий.

Но я должен подчеркнуть, что у этой темы есть своя история. Интерес к ней в последнее время усилился, однако у нее есть свое наследие, которое служит фундаментом для современных исследований, точно так же как и у новой волны НФ были предшественники – по крайней мере, в течение коротких периодов расцвета, которые имели место в первом десятилетии XX века, затем в 50-х – 60-х годах в виде детской литературы в Китае, в 70-х – 80-х – на Тайване, а затем крупное возрождение НФ на материке в начале эпохи реформ. Однако история китайской научной фантастики никогда не была непрерывной: в ней много пробелов и разрывов, связанных с политикой или

сменой культурных парадигм. Каждому новому поколению авторов приходилось заново устанавливать парадигму. Лишь в немногих случаях у них был доступ к произведениям предшественников, и они редко испытывали очевидное, значительное влияние с их стороны.

Но для литературоведов задача состоит не просто в том, чтобы выяснить, как предыдущие поколения повлияли на последующие, и не в том, чтобы создать историю литературы, которая кажется понятной и последовательной. Литературоведы больше акцентируют внимание на текстах и контексте. Я должен отдать дань уважения трем ученым, которые внесли значительный вклад в исследование жанра еще до того, как началось его недавнее возрождение. В начале 1980-х немецкий синолог Рудольф Вагнер опубликовал большую статью под названием «Литература лоббистов: археология и современная функция научной фантастики в Китае». Речь в ней в основном идет о научной фантастике, опубликованной в начале эпохи реформ. Вагнер называет ее литературой лоббистов, но не клеит на нее ярлык пропаганды, а тонко и сочувственно анализирует глубокий смысл жанра в поворотный момент истории Китая. Его статья соединяет ориентированную на будущее НФ с историей и проблемами, которые существуют в настоящем.

В конце 1980-х У Динбо и Патрик Мерфи опубликовали первую переведенную антологию китайской научной фантастики 80-х под названием «Научная фантастика из Китая» («NewYork: Praeger», 1989). У написал предисловие, которое может служить кратким курсом истории китайской научной фантастики. В нем У представил большинство самых важных авторов и поборников жанра с начала XX века до начала 1980-х. В своей статье он уделил больше внимания расцвету и упадку китайской НФ в начале эпохи реформ, однако в то время предисловие У было самым полным обсуждением жанра на английском языке.

В 1997 году вышла создающая новую парадигму книга Дэвида Дер-вэй Вана «Fin-de-siecle Splendor: Repressed Modernities of Late Qing Fiction, 1848–1911» («Stanford», 1997). Одна из ее глав «Неясные горизонты: научная фантазия» является основополагающим исследованием научной фантастики эпохи поздней Цин – литературы, которую впервые стал продвигать Лян Цичао и которая позднее процветала почти в течение десяти лет (1902–1911). Подход Вана заключается в том, чтобы объединить анализ текста с историей культуры, а также рассмотреть образный и эпистемологический уровни нарратива. Работа Вана сильно повлияла на тех, кто занимался исследованиями НФ эпохи поздней Цин. Не будет преувеличением заявить, что после

выхода книги Вана снова возник интерес к литературе эпохи поздней Цин, и в том числе к научной фантастике.

В Китае исследователем-первопроходцем темы китайской научной фантастики, несомненно, является У Янь. Он почти в одиночку занимался данным жанром еще до того, как им заинтересовались другие ученые. Кроме ряда научных статей, в 2011 году У опубликовал монографию под названием «Заметки об изучении научной фантастики». В отличие от Рудольфа Вагнера, У Динбо и Дэвида Дер-вэй Вана, У Янь исследует творчество современных китайских писателей-фантастов. Он сравнивает их с западными авторами и анализирует их с помощью ряда теорий (в том числе теории киборга, феминизма и глобализации). В современном Китае У Янь – единственный специалист, который может руководить аспирантами, которые хотят заниматься НФ, и, несомненно, лидер сообщества исследователей китайской фантастики.

К тому времени когда китайская научная фантастика начала обретать признание во всем мире, У Янь уже отредактировал и выпустил особый номер «Исследований научной фантастики» – сборник из десяти научных статей, освещающих всю историю жанра в Китае, от научной фантазии эпохи Цин до «Записок о кошачьем городе» Лао Шэ, от 1980-х до недавнего расцвета жанра после 2000 года. В создание этого спецвыпуска внесли свой вклад Лю Цысинь и Хань Сун. Выход этого сборника является ключевой вехой в развитии данной темы.

Мои собственные исследования китайской научной фантастики ограничены современными произведениями, особенно теми из них, которые относятся к «новой волне» – этот термин я позаимствовал из истории британской НФ, чтобы обозначить новое течение в жанре, для которого характерен как интерес к проблемам общества, так и новизна художественных приемов. Да, я знаю, что это спорное определение. Я опубликовал четыре статьи на английском (две из них переведены на французский и немецкий), а также большое число статей и эссе на китайском. В одной из них – статье под названием «Представление невидимого: поэтика и политика современной китайской научной фантастики» – я утверждаю, что течение под названием «новая волна» в научной фантастике материкового Китая выросло из политической культуры, появившейся после 1989 года, и что оно не только возродило жанр, но изменило свои собственные традиции, благодаря которым на протяжении почти всего двадцатого века доминировали идеи о политической утопии и оптимизм, связанный с развитием технологий. Современная научная фантастика вдыхает новую жизнь в жанр, объединяя и

заново изобретая самые разные элементы культуры и политические взгляды – от космооперы до киберпанка, от утопии до постгуманизма, от карикатурных картин возвышения Китая до деконструкции мифа о развитии страны. Китайская научная фантастика удивительным образом вошла в эпоху своего «золотого века» и при этом одновременно создала «новую волну», подрывающую основы жанра. Новая волна обладает темной, бунтарской стороной, она обращается либо к «невидимым» измерениям реальности, либо к невозможности представить определенную «реальность», которую задает дискурс реализма. В своей наиболее радикальной форме новая волна китайской НФ процветает благодаря духу авангардизма, который поощряет нестандартные способы восприятия реальности и бросает вызов традиционным представлениям о прогрессе, развитии, экономическом чуде, народе и человечестве.

Следует также упомянуть о том, что большой вклад в жанр НФ внесли не только авторы из материкового Китая, но также писатели Тайваня и Гонконга, особенно те, кто пишет экспериментальную прозу, – такие как Ло Ичин, Дун Кайчун и Нг Кимчеу, которые пользуются элементами научной фантастики, чтобы выйти на более высокий уровень литературного эксперимента с помощью мотивов гетеротопии, постгуманизма и метафор, связанных с идентичностью. Возможно, китайская научная фантастика станет новой золотой жилой, которую нужно найти, разработать и сообщить о ней всему миру.

* * *

Редактируя спецвыпуски журналов и организуя конференции, я познакомился с несколькими учеными, которые занимаются интересными темами. Например, Адриан Тьере пишет о версии космополитизма в работах Лю Цысиня; Кара Хили изучает выход за рамки жанра и транснационализм в научной фантастике; Хуа Ли изучает различные темы политики, экологии и метафор в китайской НФ; Цзян Цзин изучает научную фантастику династии Цин как источник современной китайской литературы и социалистическую научную фантастику 1950-х – 1980-х; Натаниэль Айзексон после публикации книги о НФ поздней династии Цин исследует вариации НФ в других жанрах литературы в эпоху Республики и первых лет существования КНР. Лично я готовлюсь написать о гетеротопии в различных видах научной фантастики у тайваньских и гонконгских авторов. Такие ученые, как Ли Гуаньи, Рэн Донмэй, Лян Цинсань и Чжан Фэн

(Саньфэн), обнаружили очень важные материалы, которые позволят еще тщательнее исследовать данный жанр. Надеюсь, что скоро исследователям станут доступны более подробные библиографии и сборники материалов.

Поле исследований увеличивается, и новый континент полон чудес. Я твердо верю, что китайская научная фантастика станет, или уже стала, самой быстро развивающейся подобластью современной китайской литературы. Она меняет всю картину. Она заставляет нас заново взглянуть на современную китайскую литературу, а также на ее потенциал к развитию.

Научная фантастика: это больше не стыдно
Фэй Дао

Несколько лет назад я пришел послушать одного артхаусного режиссера, которым я восхищался. Он был убежденным сторонником реализма, и маленькие китайские города, на которые в его фильмах обрушились цунами или вал модернизации, всегда напоминали мне мой родной город.

В ходе своего выступления он заявил, что современное китайское общество безумно увлечено настоящим и не обладает четкой картиной прошлого или будущего. Он сказал, что в следующем фильме он хотел бы вернуться в прошлое, чтобы заново изучить и оценить историю Китая. Поэтому, когда он стал отвечать на вопросы из зала, я спросил его, собирается ли он рано или поздно снять фильм о будущем – или, иными словами, научно-фантастический фильм.

Присутствующие разразились хохотом.

Здесь, на выступлении культурного, умудренного опытом человека, слова «научная фантастика» большинству слушателей показались неуместными, абсурдными. Слушатели были шокированы моим вопросом – точно так же, как люди, которые пришли в оперу, были бы потрясены, если бы кто-то спросил, не собирается ли Паваротти заняться битбоксом.

Если честно, то мне было ужасно стыдно. Никто не хочет быть человеком, который задает странные вопросы и ставит всех в неловкое положение. Среди 1,4 миллиарда жителей Китая число любителей научной фантастики ничтожно мало. Для большинства китайцев при слове «фантастика» в сознании всплывает образ неуклюжего подростка в чудовищной одежде и с нелепой прической, который увлечен аниме и романами «уся». О фантастике, как и всех остальных подростковых увлечениях, взрослый человек должен забыть. Научная фантастика не является ни практичной, ни полезной, и она никак не связана с реальной жизнью. В сознании большинства людей она не более реальна, чем далекие страны, про которые они не помнят ничего, даже названия столиц. Более того, когда слово «фантастика» всплывало в разговоре, лица людей перекашивались от удивления, после чего меня спрашивали: «Вы про "Гарри Поттера"? Это же фантастика, да?»

В любом случае, тогда я был моложе, и жизненный опыт еще

не лишил меня храбрости. Поэтому когда я приехал на международную конференцию, где обсуждали Важные и Интеллектуальные Темы, во мне вдруг возникло мощное, необъяснимое желание снова упомянуть про фантастику. Воспользовавшись перерывом, я подошел к знаменитому немецкому синологу и спросил, читал ли он китайскую НФ.

Этот пожилой и уважаемый ученый когда-то заявил, что после основания Китайской Народной Республики китайские писатели не создали ни одного произведения, которое остальной мир счел бы великим. Я с ним не согласился.

В то время Мо Янь еще не получил Нобелевскую премию, но я думал даже не о нем. Тогда только что вышел роман «Темный лес» – вторая книга Лю Цысиня из серии «Трех тел», и китайский фандом гудел от возбуждения. Я был уверен, что, по крайней мере, в мире научной фантастики современный китайский автор действительно смог написать то, что можно сравнить с великой западной классикой.

Но знаменитый синолог вежливо прервал мои рассуждения:

– Я даже немецкую фантастику не читаю!

На это я ничего не мог ответить. Черт побери, китайскую фантастику мало читают даже сами китайцы.

Я не был каким-то безумным фанатом, который считает свой любимый жанр лучшим. Я не думал, что все, кто не ценит фантастику, – лицемеры. Более того, мне даже не нравилось спорить с людьми. Мои вопросы были чем-то вроде перформанса: желая обрести безопасность или душевное спокойствие, люди окружают себя ментальным брандмауэром, чтобы фильтровать потоки информации, которые обрушивает на нас жизнь. «Фантастика» – одно из ключевых слов, которыми брандмауэры большинства людей помечают ненужную информацию, а я просто хотел пробить этот брандмауэр, чтобы люди заново оценили фантастику, вместо того чтобы автоматически ее игнорировать. Вероятно, многие решат, что я действовал глупо и бессмысленно, но, по крайней мере, мои вопросы никому не причинили вреда.

Здесь я должен объяснить тем, кто читает меня на Западе, что в течение долгого времени научная фантастика в Китае была похожа на радиацию: большинство людей ее не замечали. Студент, изучающий литературу, не нашел бы практически никакой информации о научной фантастике в учебниках или академических трудах, посвященных истории китайской литературы. (Да, в истории западной литературы можно иногда встретить такие имена, как Маргарет Этвуд, Курт Воннегут и Томас Пинчон, но в тексте будет особо указано, что эти писатели использовали приемы научной фантастики только в качестве

«литературного эксперимента», словно упомянуть «жанрового» писателя в благородном фолианте, посвященном истории литературы, – значит совершить ужасное преступление.)

На «серьезных» научных конференциях, где царила изысканная, высокоинтеллектуальная, приводящая в трепет атмосфера, было почти невозможно встретить писателя-фантаста или ученого, занимающегося научной фантастикой. СМИ редко освещали фантастику. Если в какой-то газете или журнале вдруг появлялась заметка на двести слов о НФ или если популярный журнал, основанный знаменитым автором «янгэдалта», публиковал рассказ писателя-фантаста, фанаты ликовали и стремились побыстрее сообщить новость друг другу. Даже издатель романа Дорис Лессинг «Мара и Дэнн: приключение» и писатель, которого попросили написать предисловие, не упоминали об очевидной принадлежности книги к жанру фантастики, чтобы не повредить продажам.

Столкнувшись с такой апатией и неосведомленностью общества, китайские фанаты НФ сплотились вокруг «Мира научной фантастики» – журнала, ориентированного на них. С помощью университетских клубов и интернет-форумов фанаты искали друг друга и объединялись, образуя особую субкультуру. Спрятанные в своем убежище, защищенные благодаря своей изоляции, они развлекали сами себя и жалели тех, кто не понимает их, тех, кого не приводит в восхищение вид звездного неба.

Однажды в беседе со знаменитыми западными писателями и учеными, которые никогда не слышали о китайской фантастике, я употребил метафору «спрятанная армия». Любители фантастики, забытые всеми на культурном пространстве, молча ждут на какой-то пустоши. Возможно, когда-нибудь у них появится возможность, и тогда они начнут действовать и изменят весь мир. Но может случиться и так, что подобная возможность им не представится и они уйдут в небытие. Будущие исследователи найдут останки их таинственных, недоделанных боевых машин, но те, кто создавал это оружие и учился им пользоваться, будут забыты навсегда.

Однако вскоре вышел третий том трилогии Лю Цысиня, «Вечная жизнь Смерти». На литературной сцене Китая произошли неожиданные изменения. Если раньше фантастика была скрыта от всех, то теперь изоляция послужила плотиной, которая накапливала потенциал для релиза-«бомбы». Молодые китайские фанаты фантастики, повзрослев, сохранили свою любовь к этому жанру и, словно верные фанаты на концерте, размахивали светящимися палочками в знак поддержки любимого искусства.

Когда наступила ночь, тысячи крошечных огоньков заплясали с новой силой и страстью, и тысячи одиноких голосов слились в мощное, ритмичное скандирование. И наконец Лю Цысинь, звезда шоу, вышел на сцену, чтобы исполнить свой шедевр, и крещендо безумных воплей приветствовало его так, что задрожали даже звезды в небе.

Общество в целом было заинтриговано. Литературные критики, чьи чувства притупились от клишированных образов городской жизни и проблем среднего класса, которыми наполнена «художественная литература», с удивлением обнаружили написанные на китайском языке произведения – грандиозные, эпические полотна, посвященные космосу и воображаемому будущему. Словно из ниоткуда появилось свежее литературное пространство, новая земля, которая ждала, когда ее вспашут ученые и критики.

Внезапно литературная теория снова стала модной темой, а число диссертаций и статей, посвященных фантастике, увеличилось в несколько раз. Солидные ученые читали лекции о «смысле фантастики», и даже художники-авангардисты с энтузиазмом приглашали фантастов посотрудничать, изучить революционные идеи, которые стали возможны благодаря науке и бесконечному потенциалу человечества. Агенты и продюсеры, которые постоянно разыскивают ценные объекты интеллектуальной собственности, брали писателей-фантастов за пуговицу и спрашивали: «Нет ли у вас произведений, которые годятся для экранизации?»

Всего за несколько лет фантасты превратились из невидимых и всеми забытых книжных червей в суперзвезд, пользующихся огромным спросом. Они сняли свои простые клетчатые рубашки и облачились в элегантные костюмы – нет, серьезно, кое-кого из них можно увидеть на страницах журналов мод. Всех писателей-фантастов стали считать ходячими источниками гениальных идей.

Символы и мемы НФ также заняли свое место в общественном сознании. Руководители интернет-порталов интерпретировали «темный лес» серии «Трех тел» как метафору ожесточенной конкуренции в их сфере, а один представитель правительства использовал «темный лес», описывая худший вариант развития событий на Корейском полуострове. Никогда еще фантастика не влияла на такое количество людей в Китае. Вице-президент Китая подтвердил, что фантастика – это «позитивная сила» для развития страны, и даже сам назвал себя фанатом этого жанра. Все сходятся на том, что китайская фантастика впервые оказалась в атмосфере такого

благоприятствования и поддержки.

И все же обычная мода быстро проходит, и невозможно предсказать, сумеет ли скрытая армия, вышедшая из засады, превратиться в реальную силу и поддержать интерес общества к фантастике. Читатели, которые ждут новой «Задачи трех тел», или даже «Задачи четырех тел» и «Задачи пяти тел», несомненно, будут разочарованы. Никто не может (и не должен) копировать Лю Цысиня. Хотя Большой Лю и не опубликовал ни одного романа после выхода «Вечной жизни Смерти», он остается непревзойденным (полагают, что за год его книги приносят больше дохода, чем все остальные научно-фантастические произведения, вместе взятые). Теперь, когда китайские авторы два года подряд сумели привезти домой «ракеты» премии «Хьюго», что еще они могут сделать, чтобы и дальше привлекать к себе внимание публики? Если фантастические фильмы, которые сейчас находятся в производстве, не станут коммерчески успешными – не забывайте, китайская публика очень разборчива и воспитана на многомиллионных голливудских блокбастерах, – то как долго финансисты будут проявлять интерес к НФ?

Полагаю, что ответы на многие из этих вопросов скоро станут известны. Моих знакомых писателей-фантастов они в основном не тревожат, потому что у них есть основная работа – инженер, репортер, преподаватель в университете, ученый, судья и так далее. Даже если последняя волна энтузиазма схлынет и фантастика снова исчезнет из поля зрения большинства людей – тут на ум приходит малыш Плутон, о котором до 1930 года никто не знал и который на несколько десятилетий привлек к себе всеобщее внимание, после чего ученые безжалостно исключили его из списка планет, – писатели-фантасты просто пожмут плечами и отправятся на свою замаскированную базу, подальше от лучей ненадежной славы, и продолжат давать волю своей фантазии.

Лично я рад, что стал свидетелем этой волны и такого великого множества удивительных событий. Давайте я еще немного расскажу вам про режиссера, о котором упоминал в самом начале. Когда он произнес свою речь, я спросил его, почему в китайских фильмах редко показывается будущее. Он заученно ответил, что «в изучении истории и настоящего уже заключено ожидание будущего». В тот момент он, скорее всего, не поверил бы, что через несколько лет снимет фильм про 2025 год. Когда фильм вышел на экраны, пресса хвалила режиссера за то, что он «открыл новый путь для выражения реализма с помощью экспериментальных приемов научной фантастики». Тогда я понял, что моя давняя мечта сбылась: теперь, когда я говорю с

людьми о фантастике, никому из нас не стыдно.

Информация об авторских правах и сведения о публикациях

Художественные произведения:

«Спокойной ночи, меланхолия» (《晚安，忧郁》), автор – Ся Цзя (夏笳), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Мир научной фантастики» (《科幻世界》), июнь 2015 г.; первая публикация на английском: «Clarkesworld», март 2017 г. Английский текст © 2017 Ся Цзя и Кен Лю.

«Снегопад в Цзинь-яне» (《晋阳三尺雪》), автор – Чжан Рэн (张冉), перевод Кармен Илин Янь и Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Мир научной фантастики» (《科幻世界》), январь 2014 г.; первая публикация на английском: «Clarkesworld», июнь 2016 г. Английский текст © 2016 Чжан Рэн, Кармен Илин Янь и Кен Лю.

«Сломанные звезды» (《碎星星》), автор – Тан Фэй (糖匪), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Вэньи фэн шан» (《文艺风赏》), сентябрь 2016 г.; первая публикация на английском: журнал «SQMag», январь 2016 г. Английский текст © 2016 Тан Фэй и Кен Лю.

«Подводные лодки» (《潜艇》), автор – Хан Сон (韩松), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Южный народный еженедельный журнал» (《南方人物周刊》), ноябрь 2017 г.; первая публикация на английском – в этом сборнике. Английский текст © 2017 Хан Сон и Кен Лю.

«Сэлинджер и корейцы» (《塞林格与朝鲜人》), автор – Хан Сон (韩松), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском и английском: 《故事新编》/ «Tales of Our Time», 2016. Английский текст © 2016 The Solomon R. Guggenheim Foundation, NewYork.

«Манящее небо» (《倒悬的天空》), автор – Чен Цзинбо (程婧波), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Мир научной фантастики» (《科幻世界》), декабрь 2004 г.; первая публикация на английском – в этом сборнике © 2017 Чен Цзинбо и Кен Лю.

«Что пройдет, то будет мило», автор – Баошу (宝树), перевод на английский Кена Лю. На китайском языке не издавалось; первая публикация на английском: «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», март-апрель 2015 г. Английский текст © 2015 Баошу и Кен Лю.

«Новогодний поезд» (《过年回家》), автор – Хао Цзинфан (郝景芳), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «ELLE China», январь 2017 г.; первая публикация на английском – в этом сборнике. Английский текст © 2017 Хао Цзинфан и Кен Лю.

«Робот, который любил рассказывать небылицы» (《爱吹牛的机器人》), автор – Фэй Дао (飞氘), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Вэньи фэн шан» (《文艺风赏》), ноябрь 2014 г.; первая публикация на английском: журнал «Clarkesworld», апрель 2017 г. Английский текст © 2017 Фэй Дао и Кен Лю.

«Лунный свет» (《月夜》), автор – Лю Цысинь (刘慈欣), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Жизнь» (《生活》), февраль 2009 г.; первая публикация на английском – в этом сборнике. Английский текст © 2017 Лю Цысинь и Кен Лю.

«Ресторан на краю вселенной: каша «лаба» (《宇宙尽头的餐馆腊八粥》), автор – Анна У (吴霜), перевод на английский Кармен Илин Янь и Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Цзуйсяошо» (《最小说》), май 2014 г.; первая публикация на английском: «Galaxy's Edge», май 2015 г. Английский текст © 2015 Анна У, Кармен Илин Янь и Кен Лю.

«Игры Первого императора» (《秦始皇的假期》), автор – Ма Боюн (马伯庸), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Play» (《家用电脑与游戏》), июнь 2010 г.; первая публикация на английском – в этом сборнике. Английский текст © 2017 Ма Боюн и Кен Лю.

«Отражение» (《倒影》), автор – Гу Ши (顾适), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Чао хаокань» (《超好看》), июль 2013 г.; первая публикация на английском – в этом сборнике. Английский текст © 2017 Гу Ши и Кен Лю.

«Мозговой ящик» (《脑匣》), автор – Регина Канью-Ван (王侃瑜), перевод на английский Кена Лю. Публикаций на китайском нет; первая публикация на английском – в этом сборнике. Английский текст © 2017 Регина Канью-Ван и Кен Лю.

«Свет, сходящий с небес» (《开光》), автор – Чэнь Цюфань (陈楸帆), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Офлайн-хакер» (《离线黑客》), январь 2015 г.; первая публикация на английском: журнал «Clarkesworld», март 2015 г. Английский текст © 2015 Чэнь Цюфань и Кен Лю.

«История болезней будущего» (《未来病史》), автор – Чэнь Цюфань (陈楸帆), перевод на английский Кена Лю. Первая публикация на китайском: «Вэньи фэн шан» (《文艺风赏》),

апрель-декабрь 2012 г.; первая публикация на английском: журнал «Pathlight», № 2 2016 г. Английский текст © 2016 Чэнь Цюфань и Кен Лю.

Эссе:

«Краткое введение в китайскую научную фантастику и фандом», автор – Регина Канъю-Ван, впервые опубликовано в «Mithila Review». Английский текст © 2016 Регина Канъю-Ван.

«Новый континент для китайских ученых: исследование китайской научной фантастики», автор Минвэй Сун. Ранее не публиковалось. Английский текст © 2017 Минвэй Сун.

«Научная фантастика: это больше не стыдно» (《科幻：一种被治愈的尴尬症》), автор – Фэй Дао (飞氘), перевод на английский Кена Лю. На китайском не публиковалось, первая публикация на английском – в этом сборнике. Английский текст © 2017 Фэй Дао и Кен Лю.

notes

Примечания

1

© Перевод Михаила Головкина.

2

© Перевод Михаила Головкина.

3

Писатель-фантаст Лю Цысинь однажды создал программу-поэта и отправил мешок с его работами издателю. Редактор ответил ему: «Вы написали слишком много. Я не могу все это прочитать».

Levesque, Hector J. «On our best behaviour». Artificial Intelligence 212 (2014): 27–35.

5

Пример взят из статьи Marcus, Gary. «Why Can’t My Computer Understand Me?» The New Yorker, August 14, 2013 (доступно по адресу http://www.newyorker.com/tech/elements/why-cant-my-computer-understand-me)

6

См. Levesque, H. J.; Davis, E.; and Morgenstern, L. 2012. The Winograd Schema Challenge. In Proceedings of KR2012. Levesque, H. J. 2011. The Winograd Schema Challenge. In Logical Formalizations of Commonsense Reasoning, 2011 AAAI Spring Symposium, TR SS-11-06.

7

Пример взят из книги Терри Винограда «Understanding Natural Language» (1972).

8

© Перевод Ольги Глушковой.

© Перевод Михаила Головкина.

10

© Перевод Михаила Головкина.

11

© Перевод Михаила Головкина.

12

© Перевод Михаила Головкина.

13

Баошен – здесь «драгоценные воспоминания». *Прим. переводчика.*

14

Хэйцзы – зд. «бородавка». *Прим. переводчика.*

15

В нашем временном потоке Цзинь Юн, Гу Лун, Лян Юшен – известные мастера, пишущие в жанре «уся», и большинство их лучших произведений было написано до 1980 года. Хуан И стал известен позже, в 1990-х.

16

Шутка, понятная фанатам китайской фантастики. В нашем временном потоке Яо – выпускающий редактор «Мира научной фантастики», самого крупного (по тиражу) журнала о научной фантастике в Китае и во всем мире. Баошу, автор этого произведения, начал свою карьеру литератора с написания фанфика по вселенной «Задачи трех тел» Лю Цысиня.

17

В нашем временном потоке «команды пропагандистов, распространяющих «учение Мао Цзэдуна», – уникальная особенность эпохи культурной революции. Это были группы обычных рабочих, которых отправляли в университеты и школы, чтобы они взяли на себя управление и положили конец кровавым столкновениям между группировками хунвэйбинов. Именно эти команды, в общем, стабилизировали хаос, созданный на первых этапах культурной революции.

18

© Перевод Михаила Головкина.

© Перевод Михаила Головкина.

20

Ш. Бодлер, «Альбатрос», пер. П. Якубовича.

Поэт, вот образ твой! Ты так же без усилья
Летаешь в облаках, средь молний и громов…

21

© Перевод Михаила Головкина.

22

Перевод Кармен Илин Ян и Кена Лю. Цзинь-ян (晋阳) – древний город, который находился на территории современной провинции Шаньси (Китай). Сюжет этой истории разворачивается в X веке н. э., в конце периода Пяти династий и Десяти царств, когда страна, которую мы называем «Китай», была разделена на большое число независимых государств. Цзинь-ян был столицей государства, которое называло себя «Хань» или «Великая Хань», хотя сегодня мы знаем его под названием «Северная Хань». (Северную Хань не следует путать с первой династией Хань, которая пала во II веке, а также с этнической группой хань. Правители Северной Хань были этническими турками-шато, но носили ту же фамилию «Лю», что и императоры династии Хань. Правители часто заявляли о своем родстве с предыдущей династией и брали себе ее фамилию, чтобы добавить себе легитимности.) В 979 г. н. э. Чжао Куанъи, император Сун, победил Северную Хань и после долгой осады захватил Цзинь-ян. Затем Чжао разрушил Цзинь-ян, чтобы предотвратить мятежи. В настоящее время рядом с развалинами Цзинь-яна находится город Тайюань. Эта история начинается в 979 г. н. э., когда Цзинь-ян осадила армия Сун…

23

Императорская академия (教坊) – государственная школа, в которой учились музыканты, танцоры и другие исполнители, чтобы затем выступать при дворе.

24

Соответствует началу июля по григорианскому календарю.

25

Шестой год Гуанъюн соответствует 979 г. н. э. Лю Цзиюань (молодой император в Цзинь-яне) правил Северной Хань с 968 г. н. э., но изначально не выбрал имя для новой эпохи.

26

Би Шэн – китайский печатник XI века, который изобрел первый в мире наборный шрифт, сделанный из обожженной глины.

27

Алхимия в Китае была связана с исследованием минералов и металлов, а ее основной целью было достижение бессмертия. В этих трех упомянутых текстах речь в той или иной степени идет об алхимии, даосизме и легендарных мудрецах, которые достигли бессмертия и просветления.

28

«Ху» (胡) – древний китайский термин, которым в ту эпоху обозначались все этнические группы, кроме ханьцев, – в основном народы Центральной Азии.

29

Чуаньюэ – невероятно популярный жанр литературы, похожий на путешествия во времени, но со своими чертами. Обычно главный герой произведения «чуаньюэ» живет в современную эпоху и отправляется в историческое прошлое (или альтернативную версию исторического прошлого). При этом он часто, но не всегда воплощается в теле человека из той эпохи. Знания и особенности воспитания отличают главного героя от остальных и позволяют ему нарушить статус-кво.

30

Шестнадцать префектур, которые включают в себя окрестности Пекина и земли вдоль Великой стены, в течение нескольких столетий находились под контролем Хань или одних из более китаизированных племен «ху», прежде чем в 938 г. н. э. их захватила Ляо. Эта стратегически и символически важная территория долгие годы оставалась камнем преткновения между Ляо и Сун.

31

Хуан Чао (835–884 г. н. э.) возглавил крестьянское восстание против династии Тан, захватил и разграбил ее столицу Чанъань, после чего объявил себя императором Ци. В конце концов он потерпел поражение и был убит своими бывшими подчиненными (в число которых входил и Шан Рэн), которые перешли на сторону Тан, однако это десятилетнее восстание в значительной степени ослабило династию Тан, которая уже находилась в упадке.

32

«Цзы чжи тун цзянь» («Помогающее в управлении всепронизывающее зерцало» – летопись, составленная из более древних источников Сыма Цянем, историком империи Сун. Она в хронологическом порядке описывала историю Китая с 403 г. до н. э. до 959 г. н. э. – года, предшествовавшего основанию династии Сун. Ее продолжение в стиле оригинала написал Ли Тао, историк поздней династии Сун, и оно освещало период с 960 по 1127 г. н. э.

33

© Перевод Михаила Головкина.

34

Перевод Кармен Илин Ян и Кена Лю.

35

© Перевод Михаила Головкина.

© Перевод Михаила Головкина.

© Перевод Михаила Головкина.

© Перевод Михаила Головкина.

39

Коан, о котором идет речь в стихотворении, приписывается Чжаочжоу Цуншэню, которого считают величайшим чань-буддистским наставником эпохи Тан. В коане монах неоднократно спрашивает о причине визита наставника в монастырь, и Чжаочжоу каждый раз отвечает: «Кипарис во дворе». Благодарю Анатолия Белиловского за перевод стихотворения, который использован здесь.

40

Текст изначально написан на английском.

© Перевод Михаила Головкина.